

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

***Вызовы прогресса для
экономически развитых стран***

***Advanced Economies:
Challenges of Progress***

ТОМ 18 • НОМЕР 2 • 2025

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 18 • NUMBER 2 • 2025

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.31249/kgf/2025.02.00

Контурь глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала — предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Володин А.Г., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Ефременко Д.В., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Икбал Б.А., Университет Южной Африки, Претория, ЮАР, Турецкий центр азиатско-тихоокеанских исследований, Анкара, Турция
Калотай К., Институт мировой экономики Венгерской академии наук, Будапешт, Венгрия
Канаев Е.А., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Конюхова (Умнова) И.А., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Кривопалов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Берлинский Свободный университет, Берлин, Германия
Лившин А.Я., МГУ, Москва, РФ
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Миграция А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентерберри, Великобритания
Сибал К., Университет им. Дж. Неру, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гётеборгский университет, Гётеборг, Швеция
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ

Учредители: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, РФ

Сайт: <http://www.ogt-journal.com>
© ИНИОН РАН, 2025

Периодичность: 6 раз в год
Издается с 2016 г.

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.00

Содержание

Особенности современного экономического развития

- ХЕЙФЕЦ Б.А., ЧЕРНОВА В.Ю.** Протекционистский вектор промышленной политики в условиях меняющегося миропорядка 6–23
- УДОВЕНКО И.П.** Социально-экономические детерминанты промышленной автоматизации 24–43
- ИЗОТОВ Ю.Г.** Управление системой денежного обращения как услуга, оказываемая эмитентом 44–61

Цифровые трансформации

- ВОЛКОВ А.М.** Особенности цифровизации в Северной Европе: сравнительный анализ стран региона 62–77
- УМАРОВ О.М.** Контуры цифровых трансформаций в Южной Корее, Японии и Китае: вызовы, возможности и риски 78–94
- ФЕДОРОВСКИЙ А.Н.** Эволюция стратегии цифровизации в Республике Корея 95–111

В национальном разрезе

- ШАШКОВ А.Ю., ВЕСЕЛИТСКАЯ Н.Н., КАРТАШОВА Л.В.** Административные механизмы имплементации технологического прогнозирования в государственную технологическую политику: опыт Республики Корея 112–128

США: новые реалии

- ЛАПИНА Н.Ю.** Вашингтон – Париж: дуэт или дуэль? 129–146
- АВДЕЕВ Б.А.** Выход США из ЮНЕСКО при первой администрации Д. Трампа: многоуровневый анализ 147–167

Актуальные вопросы безопасности

- ТРЕБУХ А.Д.** Политика США в области информационной безопасности в Латинской Америке в контексте американо-китайского соперничества 168–187

Социальные трансформации

- СТРЕЛЕЦ И.С., МУХОРТОВ Д.С., ЛЕПИЛИНА А.С., ПАРЕНКОВ А.В.** Самореализация *vs* семья: дилемма поколения Z в контексте демографической политики (на примере российского студенчества) 188–205

Вокруг книг

- АЛФЕРОВА Е.В., СКУРКО Е.В.** Национальное законодательство в сфере врачебной ответственности (опыт Австралии, Китая, Японии, Южной Кореи и Сингапура) 206–221

DOI: 10.31249/kgf/2025.02.00

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Dmitry V. Efremenko, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Badar A. Iqbal, University of South Africa, Pretoria, South Africa; Turkish Center for Asia Pacific Studies, Ankara, Turkey
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Kalman Kalotay, Institute of World Economics, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary
Evgeny A. Kanaev, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Alexander M. Libman, The Free University of Berlin, Berlin, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina A. Umnova-Konyukhova, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Founders: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation
 Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Web-site: <http://www.ogt-journal.com>
Frequency: 6 per year

Circulation: 1000 copies
 Published since 2016

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.00

Contents

Specifics of Modern Economic Development

KHEYFETS B.A., CHERNOVA V.YU. Protectionist Trends
in Industrial Policy amid a Changing Global Order 6–23

UDOVENKO I.P. Socio-Economic Determinants of Industrial Automation 24–43

IZOTOV YU.G. Management of the Money Circulation System
as a Service Provided by the Issuer 44–61

Digital Transformations

VOLKOV A.M. Digitalization Trends in Northern Europe:
A Comparative Analysis of Regional Countries 62–77

UMAROV O.M. Outlines of Digital Transformations in South Korea,
Japan, and China: Challenges, Opportunities, and Risks 78–94

FEDOROVSKIY A.N. The Evolution of Digitalization Strategy
in the Republic of Korea 95–111

National Peculiarities

SHASHKOV A.YU., VESELITSKAYA N.N., KARTASHOVA L.V.
Administrative Mechanisms for Integrating Technology Foresight
into National Technology Policy: The Case of the Republic of Korea 112–128

USA: New Realities

LAPINA N.YU. Washington-Paris: Duo or Duel? 129–146

AVDEEV B.A. The U.S. Withdrawal from UNESCO
Under the First Trump Administration: Multilevel Analysis 147–167

Current Security Issues

TREBUKH A.D. U.S. Cybersecurity Policy in Latin America
amid Sino–American Rivalry 168–187

Social Transformations

STRELETS I.E., MUKHORTOV D.S., LEPILINA A.S., PARENKOV A.V.
Self-realization vs. Family: The Generation Z Dilemma in the Context
of Demographic Policy (The Case of Russian Students) 188–205

Spotlight on New Academic Arrivals

KICHA M.V. ALFEROVA E.V., SKURKO E.V. National Legislation
on Medical Liability: The Experience of Australia, China, Japan,
South Korea and Singapore 206–221

Особенности современного экономического развития

УДК 339.54.012.435:339.984
DOI: 10.31249/kgt/2025.02.01

Протекционистский вектор промышленной политики в условиях меняющегося миропорядка

Борис Аронович ХЕЙФЕЦ

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра
постсоветских исследований
Институт экономики РАН
Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, Российская Федерация, 117997
E-mail: bah412@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-6009-434X

Вероника Юрьевна ЧЕРНОВА

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра
постсоветских исследований
Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, Российская Федерация, 117997
E-mail: veronika_urievna@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5951-9091

ЦИТИРОВАНИЕ: Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. Протекционистский вектор
промышленной политики в условиях меняющегося миропорядка // Контуры
глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 2.
С. 6–23.
DOI: 10.31249/kgt/2025.02.01

Статья поступила в редакцию 15.04.2025.
Исправленный текст представлен 26.05.2025.

АННОТАЦИЯ. *Исследуется новый глобальный тренд экономического развития – курс на самодостаточную промышленную политику. Выявлены причины и особенности перехода к самодостаточной промышленной политике в условиях геополитической фрагментации мировой экономики и усиления конкуренции между крупными экономическими странами за глобальное технологическое лидерство. К такому курсу страны вынуждает рост*

неопределенности и непредсказуемости современного экономического развития, неприемлемый для долгосрочных инвестиций. Показано, что протекционистская политика и санкции оказали серьезное влияние на мировую торговлю, став драйвером переориентации торговых потоков глобальных экономических лидеров – США и Китая. Однако такая ситуация еще больше обострится в связи с эскалацией торговых войн, начатой с резкого повышения импортных тари-

фов США для более 180 стран в апреле 2025 г., вызвавшей жесткий ответ Китая. Это может вызвать разрушение сложившихся цепочек стоимости и глобальную рецессию мировой экономики, которая значительно увеличит издержки самодостаточной промышленной политики из-за роста производственных затрат, распыления и неэффективного использования финансовых и материальных ресурсов, ускорения инфляции, снижения технологического уровня производства и качества выпускаемых товаров. Сделан вывод о том, что тренд на национальную автономию и самодостаточную промышленную политику в условиях меняющегося миропорядка может оказаться сверхсложной задачей не только для главных игроков, но и для многих других участников глобальной экономики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: геополитическая фрагментация, национальная автономия, промышленная политика, «экономика Родины», «производственная экономика», технологический суверенитет, торговая война, протекционизм.

В последнее время радикальные перемены в мире развиваются столь стремительно, что можно говорить о разрушении прежней глобальной системы мировой экономики, разделении ее на противоборствующие блоки стран (геополитической фрагментации), усилении национального протекционизма и тренда к самодостаточному развитию.

Причем истоки происходящих изменений зародились в недрах самой глобальной системы. Либерализация рынков, расширение многосторонней кооперации, усложнение цепочек

поставок настолько сблизили национальные экономики, привели к такой их взаимозависимости, что преимущества глобализации стали подрываться в ходе возникающих конфликтов [Смординская, Катюков, 2024]. В результате офшоринга (*offshoring*), когда развитые страны переводили свои производственные мощности в развивающиеся страны с относительно дешевой рабочей силой, во многих западных странах развивался процесс деиндустриализации, в то время как догоняющие экономики (особенно Китай) в ходе глобализации совершили промышленный и экспортный рывок. Это способствовало сокращению разрыва между развитыми и развивающимися экономиками по многим экономическим показателям. Так, в 1970-е годы разрыв в ВВП на душу населения между развитыми и развивающимися экономиками превышал 8 раз, а в 2023 г. он снизился до 2 раз¹.

Особенно ярко политические и экономические трения между странами стали проявляться во время и после пандемии, когда сбои и нарушения в цепочках поставок стали вызывать волну экономических шоков и распространяться мгновенно на многие страны.

Немалую роль в торможении глобализации сыграла политика США и ряда западных стран, когда безудержная санкционная политика и торговые войны, которые привели к усилению фрагментации мировой экономики на принципах френдшоринга (*friendshoring*) [Banaszyk, 2023], стремлению стран к самодостаточному развитию, национальному протекционизму [Helleiner, 2020] и национальной безопасности [Mariotti, 2024].

Ярким проявлением такого тренда стало возникновение ряда концепций

1 GDP per capita (current US\$) // World Bank. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD> (дата обращения: 22.05.2025).

и теоретических обоснований происходящих изменений в современной промышленной политике.

Целью данной статьи является анализ современных подходов к экономическому протекционизму и самодостаточности в условиях кардинальных потрясений мировой экономики, а также анализ экономических выгод и рисков стратегии национальной автономии.

Теоретические аспекты концепций экономического протекционизма

Понятие *экономика Родины* появилось в докладе журнала *The Economist*, где впервые очерчены контуры новой концепции протекционизма в качестве альтернативы открытой экономике и в ответ на произошедшие изменения мирового экономического порядка. К таким событиям авторы доклада относят нарушения и разрывы глобальных цепочек поставок во время пандемии, геополитическую напряженность, энергетический кризис и искусственный интеллект².

Приход к власти в США Д. Трампа ознаменовался появлением концепции *производственной экономики*, которая в общих чертах была изложена 20 января 2025 г. в президентском меморандуме «Политика торговли «Америка прежде всего». В меморандуме содержался план по проведению трансформационных изменений, необходимых для обращения вспять экономического спада страны³. Согласно этому плану целью *производственной экономики* является практическое выполнение главного

нарратива Д. Трампа «Сделать Америку снова великой». Для этого США должны иметь экономику, ориентированную на материальное производство с высокой заработной платой. Повышение заработной платы даст прежде всего увеличение числа рабочих мест в обрабатывающей промышленности и доли обрабатывающей промышленности в ВВП, что поможет создать новые рабочие места и в других секторах экономики. А это обеспечит рост среднестатистических доходов американских домохозяйств. То есть речь идет о фактической реиндустриализации американской экономики и изменении ее положения в международном разделении труда. В 2024 г. на США приходилось около 16% мирового промышленного производства, тогда как на Китай – более 31%, а американская промышленность давала 19,1% ВВП против 40,1% у Китая. При этом восстановление глобального превосходства американской промышленности рассматривается как центральная задача для стратегии «Сделать Америку снова великой».

К важнейшим преимуществам *производственной экономики*, как считает Д. Трамп, относится то, что она станет «живительной средой» для так необходимого инновационного развития США. В частности, в президентском меморандуме отмечается, что в период с 2003 по 2017 г. расходы на исследования и разработки (R&D) в Китае американскими транснациональными корпорациями увеличивались в среднем на 13,6% в год, в то время как инвестиции в R&D американскими транснациональными корпорациями в США росли всего на 5% в год. Переформати-

2 Homeland Economics. Special Reports // *The Economist*. – 2023. – October 7. – URL: <https://www.economist.com/special-report/2023-10-07> (дата обращения: 22.02.2025).

3 The President's 2025 Trade Policy Agenda // USTR. – 2025. – February. – P. 1–3. – URL: <https://ustr.gov/sites/default/files/files/reports/2025/2025%20Trade%20Policy%20Agenda%20WTO%20at%2030%20and%202024%20Annual%20Report%2002282-025%20--%20FINAL.pdf> (дата обращения: 22.03.2025).

рование торговой политики должно изменить эту ситуацию, обратить вспять такую тревожную тенденцию и способствовать технологическому доминированию США. Поэтому *производственная экономика* станет, по мнению американских властей, ключевым компонентом национальной безопасности, так как будет способствовать развитию ключевых отраслей оборонной промышленности.

Самодостаточная промышленная политика

Усиление национального протекционизма нашло отражение прежде всего в промышленной политике, под которой понимается любое целенаправленное вмешательство государства, направленное на развитие или поддержку конкретных отечественных отраслей, сфер экономической деятельности или отдельных компаний для достижения национальных экономических или неэкономических целей [The Return..., 2024]. Промышленная политика направлена на трансформацию структуры экономической деятельности в пользу развития таких отраслей, как сталелитейная промышленность, автомобилестроение, судостроение, авиастроение и ряд других на основе стимулирования инноваций, повышения производительности и ускорения экономического роста [Juhász, Lane, Rodrik, 2023].

Возобновление интереса к промышленной политике обусловлено поиском эффективных инструментов и стратегий для устранения последствий вялого роста после финансового кризиса, пандемии COVID-19 и связанных с ней перебоев в поставках [Bown, 2022]

в сочетании с усилением геополитической напряженности и ростом числа конфликтов, в том числе из-за территорий, ресурсов и лидерства в новых технологиях⁴.

Современная промышленная политика, в отличие от прежней промышленной политики, включает меры с новым набором целей и задач. В связи с этим ее часто называют *новой промышленной политикой*. Однако такое определение плохо отражает суть происходящих изменений, оно использовалось и в другие периоды экономического развития отдельных стран, когда происходили важные изменения в приоритетах промышленной политики [Hufbauer, Jung, 2021; Howard, Saggi, 2006; Shih, 2023]. Поэтому в статье предлагается конкретное определение, обозначающее одну из определяющих ее характеристик, – *самодостаточная промышленная политика* (СПП).

Приоритетами СПП стали не экономическая эффективность и повышение конкурентоспособности, а политические и геополитические приоритеты, связанные с обеспечением национальной безопасности [Сморodinская, Капуков, 2024].

Второй отличительной чертой СПП является усиленная государственная поддержка тех отраслей и секторов экономики, которые являются стратегически важными для обеспечения национальной безопасности.

Как определение стратегически важных отраслей, так и угрозы национальной безопасности могут пониматься правительствами разных стран по-разному. Так, в США сформировались два конкурирующих подхода: националистический и сетевой. Оба подхода при-

4 Shekhar A., Presbitero A., Ruta M. Geoeconomic Fragmentation: The Economic Risks from a Fractured World Economy // CEPR Press. – 2023. – URL: https://cepr.org/system/files/publication-files/190366-geoeconomic_fragmentation_the_economic_risks_from_a_fractured_world_economy.pdf (дата обращения: 22.02.2025).

знают риск чрезмерной зависимости от иностранных поставщиков. Но сетевой подход рассматривает импорт из стран-партнеров США и их союзников как источник устойчивости экономики, а не как угрозу национальной безопасности. В этой связи импорт стратегически важных металлов из Великобритании, Австралии и Канады рассматривается как не угрожающий национальной безопасности. Напротив, националистический подход рассматривает в качестве единственного надежного источника поставок только внутреннее производство⁵.

Разработка стратегии национальной безопасности на основе выделения стратегически важных отраслей требует анализа цепочек поставок критически важных продуктов и возможностей собственного производства всех компонентов этих продуктов⁶. Чем длиннее список критически важных товаров, тем сложнее разработка стратегии национальной безопасности.

СПП в технологической сфере иногда называется «**новым технационализмом**», который напрямую связывает технологические возможности с национальной безопасностью страны и геополитикой и включает в себя правовые и нормативные ограничения или санкции против отдельных иностранных инвесторов или иностранных компаний [Luo, 2022].

Традиционный технационализм был сосредоточен на инновациях и внедрении передовых технологий и рассматривал приток прямых иностранных инвестиций в технологии как ключевой

драйвер роста, устойчивости и процветания [Evenett, 2019].

Новый технационализм глубоко переплетен с геополитикой и провоцирует рост волатильности, неопределенности, сложности и неоднозначности (*volatility, uncertainty, complexity, ambiguity* – VUCA)⁷ [Buckley, 2020]. Его критики убеждены, что он представляет гораздо большую опасность, чем традиционные формы промышленной политики в технологической сфере, в частности тем, что не признает технологическую взаимосвязанность стран, взаимодополняемость ресурсов, открытые инновации и кооперацию как игру с положительной суммой [Reinert, 2025].

Существенную роль в укреплении технологического суверенитета играют государственные субсидии для инвесторов – как национальных, так и иностранных. СПП Д. Трампа для достижения этих целей перенесла центр тяжести на заградительные импортные тарифы, которые должны защищать национальное производство.

Мировая практика свидетельствует об усилении государственного вмешательства в экономическую деятельность (рисунок 1). Общее количество новых мер государственного регулирования в промышленной политике возросло с 2020 г. как в странах с развитой экономикой, так и в развивающихся странах. В 2023 г. было реализовано 685 таких мер, из которых 77% (533 меры) были искажающими торговлю. При этом на долю развитых стран пришлось 70,9% мер, искажающих торговлю, на долю развивающихся – 29,1%.

5 Hillman J.E. Trump's National Security Tariffs // Council on Foreign Relations. – 2025. – February 12. – URL: <https://www.cfr.org/article/trumps-national-security-tariffs> (дата обращения: 20.02.2025).

6 Hillman J.E. Chips, Steel, and Lawnmowers: What Trade Is Strategic? // Council on Foreign Relations. – 2025. – February 26. – URL: <https://www.cfr.org/article/chips-steel-and-lawnmowers-what-trade-strategic> (дата обращения: 20.02.2025).

7 Акроним VUCA появился в конце 1980-х годов в Военном колледже армии США и использовался для описания непредсказуемой и сложной обстановки в мире. В настоящее время широко используются в различных отраслях, прежде всего в бизнесе и менеджменте, для описания турбулентных условий современного мира.

Рисунок 1. Динамика заявленных мер государственного вмешательства в промышленную политику, ед. в год

Figure 1. Dynamics of declared measures of state intervention in industrial policy, units per year

Источник: составлено авторами на основе данных *Granular Evidence on Trade and Industrial Policy Changes Worldwide. New policies per year* // Global Trade Alert. – URL: <https://globaltradealert.org> (дата обращения: 27.02.2025).

Среди стран, которые наиболее часто прибегают к вмешательствам государства в экономическую деятельность, выделяются Китай и США, а также Евросоюз (ЕС), на которые приходится 47,7% всех мер [The Return..., 2024] (рисунок 2).

Переход к новой промышленной политике проявляется в изменении мотивов государственного вмешательства. Так, преобладающим заявленным мотивом принятия мер новой промышленной политики, по данным *Global Trade Alert*, по итогам

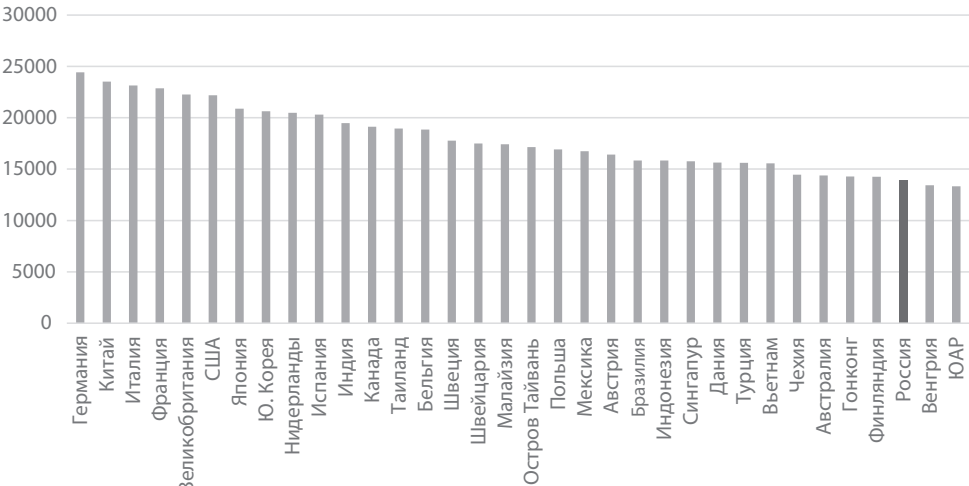

Рисунок 2. Применение мер торговой и промышленной политики в странах мира на конец февраля 2025 г.

Figure 2. Application of trade and industrial policy measures in countries of the world at the end of February 2025

Источник: составлено на основе данных *Granular Evidence on Trade and Industrial Policy Changes Worldwide. New policies per year* // Global Trade Alert. – URL: <https://globaltradealert.org> (дата обращения: 27.02.2025).

2023 г. было достижение стратегической конкурентоспособности (35% от суммарного числа заявленных мер), меры, направленные на смягчение последствий изменения климата (30%) и повышение устойчивости цепочек поставок (24%). Национальная безопасность (7%) и геополитические факторы (4%) не являлись приоритетными. По данным на конец февраля 2025 г., заметно сократился мотив смягчения последствий изменения климата (с 30 до 24%) и выросла роль геополитических факторов (до 10%), а также появились меры, направленные на создание и сохранение рабочих мест (10%) и повышение устойчивости национальной экономики (8%).

Еще одной особенностью СПП является ее направленность на передовые технологии, продукцию двойного назначения, а также компоненты, применяемые в их производстве, такие как критически важные минералы.

Наиболее часто используемым инструментом СПП являются субсидии отечественным производителям. По оценке *The Economist*, в I квартале 2023 г. развитые страны выделили своим компаниям на 40% больше субсидий, чем в годы до пандемии⁸.

В развитых странах вторым и третьим по частоте использования инструментом являются меры стимулирования экспорта и требования по локализации производства и/или госзакупок, в то время как развивающиеся страны чаще прибегают к импортным барьерам [The Return..., 2024].

Наиболее часто требования локализации применяют США и Индия, меры стимулирования экспорта – Канада,

Германия, Япония и Южная Корея, меры ограничения экспорта – Китай, Индия, Россия, импортные барьеры – развивающиеся страны.

Мировой опыт перехода к протекционистской промышленной политике

В настоящее время крупные экономики мира, включая США, Китай, Европейский союз, Индию и некоторые другие страны, применяют меры для защиты национальной безопасности и своих экономических преимуществ.

В США курс на СПП и технологическую самодостаточность продиктован геополитическим противостоянием с Китаем и возросшей зависимостью от китайского импорта до опасных для экономики США масштабов [Reynolds, 2024]. Кроме того, Китай, используя государственные субсидии для снижения издержек производства, обеспечивает таким образом преимущество китайским компаниям по сравнению с конкурентами и вытесняет их с мировых рынков [Bacchus, Lester, Zhu, 2018].

Государственная промышленная политика в США активизировалась во время пандемии COVID-19 для наращивания собственного производства медицинских товаров и некоторых видов продукции первой необходимости в условиях сбоя в цепочках поставок. Тогда, например, компании *Kodak* для производства ингредиентов лекарственных препаратов был выделен кредит в размере 765 млн долл.⁹

Масштабные меры экономического стимулирования производства в США

⁸ Homeland Economics. Special Reports // The Economist. – 2023. – October 7. – URL: <https://www.economist.com/special-report/2023-10-07> (дата обращения: 22.02.2025).

⁹ Hufbauer G., Jung E. Industrial Policy makes a Comeback // Peterson Institute for International Economics. – 2020. – August 16. – URL: <https://www.piie.com/commentary/op-eds/2020/industrial-policy-makes-comeback> (дата обращения: 22.01.2025).

были предприняты в 2021–2024 гг. для строительства заводов по производству электромобилей, зеленых технологий, полупроводников. При этом субсидии предоставляются как американским, так и иностранным фирмам. Например, в 2024 г. были выделены субсидии тайваньской *TSMC* в размере 6,6 млрд долл. на строительство трех новых фабрик в Аризоне и 6,4 млрд долл. южнокорейской *Samsung* на строительство заводов в Техасе. Однако в марте 2025 г. Д. Трамп резко раскритиковал Закон о чипах и науке (*CHIPS Act*), предположив, что новых тарифов будет достаточно, чтобы убедить зарубежные компании строить заводы в США¹⁰.

По данным *Global Trade Alert*, на 3 февраля 2025 г. администрацией Д. Трампа заявлено 37 мер в области торговли, инвестиций и промышленной политики, направленных на оказание давления на иностранные правительства с целью изменения их политики или торговой практики. Наибольшее число мер заявлено в отношении Великобритании и Аргентины (по 5 мер), Канады, Мексики, ЕС (по 4 меры). В отношении Бразилии, Австралии, Южной Кореи и Японии введено по 3 ограничительные меры, в отношении Китая и России – по 2. Основным инструментом влияния, используемым администрацией США, являются меры ограничения импорта: импортные тарифы и квоты.

О введении ответных мер в отношении США на начало марта 2025 г. заявлено Канадой (22 меры), Южной Кореей (7) и Китаем (9), которые включают широкий набор мер, в том числе ограничения на доступ к госзакупкам (Канада),

запреты экспорта и импорта (КНР), меры, регулирующие прямые иностранные инвестиции (ПИИ) (КНР), импортные тарифы (Канада, КНР)¹¹.

Проводимая США тарифная политика крайне нестабильна и непредсказуема. Так, 4 марта 2025 г. вступили в силу пошлины в размере 25% на импорт канадских и мексиканских товаров, с 10 до 20% были подняты тарифы на продукцию из Китая. Но уже на следующий день Д. Трамп подписал указ о приостановке действия тарифов на все товары из Мексики и Канады, на которые распространяется действие соглашения о свободной торговле *USMCA*: в частности, по просьбе таких крупных компаний, как *General Motors*, *Ford* и *Stellantis*, на месяц приостановлено введение пошлин в отношении автомобилей, ввозимых в страну в рамках соглашения о свободной торговле между тремя североамериканскими государствами.

Такая неопределенность и непредсказуемость в импортных тарифах, как отмечает лауреат Нобелевской премии по экономике (2008 г.) П. Кругман, крайне опасна для промышленной политики, так как частые их изменения сделают нерентабельными многие вложения, ориентированные на прежние правила. Кроме того, увеличение тарифов неоднозначно скажется на отдельных регионах США, которые сильно различаются по структуре своей экономики¹².

Тем не менее такая политика стала одним из факторов, способствующих решорингу (*reshoring*) – возвращению производственных мощностей (ПМ) из-за рубежа в национальные юрисдикции. Ключевыми причинами принятия

10 Shepardson D. Trump wants to kill \$ 52.7 billion semiconductor chips subsidy law // Reuters. – 2025. – March 5. – URL: <https://www.reuters.com/technology/trump-wants-kill-527-billion-semiconductor-chips-subsidy-law-2025-03-05/> (дата обращения: 18.01.2025).

11 Global Trade Alert. – URL: <https://globaltradealert.org> (дата обращения: 27.02.2025).

12 Bown Ch. Paul Krugman talks trade, industrial policy, and Trump // Trade Talks. – 2025. – March 16. – URL: <https://tradetalkspodcast.com/wp-content/uploads/2025/03/Episode-206-Transcript-Complete.pdf> (дата обращения: 25.03.2025).

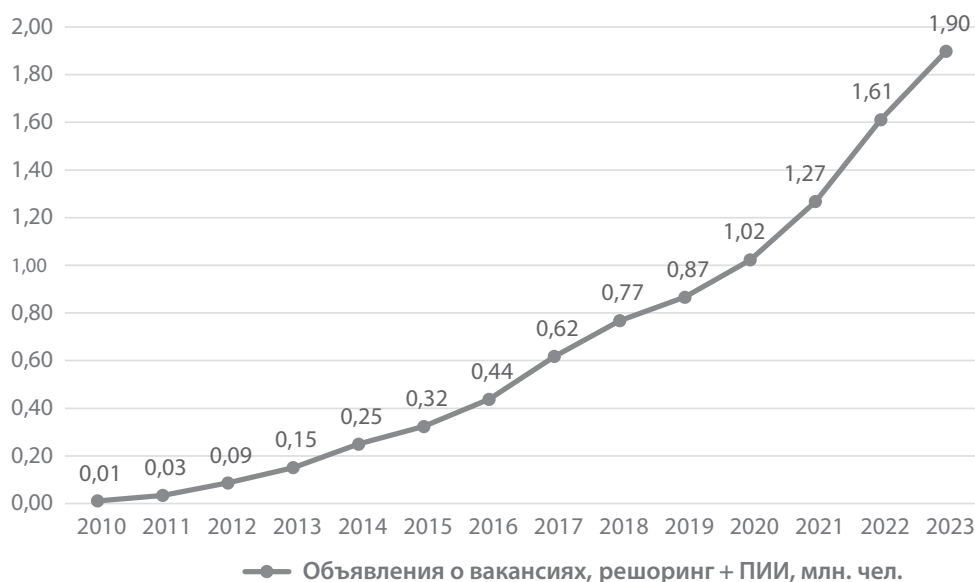

Рисунок 3. Объявления о новых вакансиях в отраслях обрабатывающей промышленности США

Figure 3. Job postings in the US manufacturing industry

Источник: Reshoring Initiative 2023 Annual Report // Reshoring Initiative. – 2023. – URL: https://reshorennow.org/content/pdf/Reshoring_Initiative_2023_Annual_Report.pdf (дата обращения: 20.02.2025).

решения в пользу решоринга в последние годы стали стоимость и надежность логистики, что вызвало необходимость переноса производства ближе к конечному потребителю, доступ к критически важным ресурсам и стратегическим активам, наличие производственной инфраструктуры, доступ к местным ноу-хау и интеллектуальной собственности и др. [Understanding..., 2025].

По данным *Reshoring Initiative*¹³, на конец 2023 г. в США возвращено около 2 млн. рабочих мест (рисунок 3), что составляет 40% от потерянных ранее в результате офшоринга.

Повышение импортных тарифов становится и стимулом увеличения прямых иностранных инвестиций.

Так, тайваньская *TSMC* объявила, что увеличит запланированные инвестиции в США за 2020–2030 гг. с 60 до 165 млрд долл. Компания построит еще три завода по производству микросхем, два упаковочных предприятия и центр исследований и разработок, так как возможная 100%-я пошлина на микросхемы с острова Тайвань поднимет импортную стоимость передовых полупроводников *TSMC* выше себестоимости их производства на заводе в Аризоне. *Siemens* планирует построить два завода в Калифорнии и Техасе стоимостью 285 млн долл. Японская пивоваренная компания *Asahi* заявила, что увеличит производство на своем заводе в Висконсине. Планируют уве-

¹³ Reshoring Initiative 2023 Annual Report // Reshoring Initiative. – 2023. – URL: https://reshorennow.org/content/pdf/Reshoring_Initiative_2023_Annual_Report.pdf (дата обращения: 20.02.2025).

личить производство в США *Honda*, *Mercedes-Benz*¹⁴. Южнокорейский автопроизводитель *Hyundai* собирается к 2028 г. инвестировать 21 млрд долл. в свой бизнес в США и создать 14 тыс. рабочих мест.

В целом наблюдается увеличение притока прямых иностранных инвестиций в новые проекты в США. В 2023 г. ежегодный приток таких ПИИ достиг рекордных 289 млрд долл. по сравнению с 257 млрд долл. в 2019 г. – это был шестой по величине показатель по ПИИ за последнее десятилетие¹⁵.

В этом плане современная СПП отличается от жесткой «политики опоры на собственные силы», которая в силу ряда объективных и субъективных причин проводилась в период индустриализации в СССР в 1930-е годы, индустриализации стран народной демократии и стран Латинской Америки в 1950–1960-е годы, а также от экономической политики подсанкционного Ирана в 1979–2006 гг. Не говоря уже о политике КНДР, основанной на государственной идеологии «чучхе», ставящей задачу независимости во внешней политике и самодостаточного экономического развития.

В то же время у политики решоринга помимо увеличения себестоимости продукции возникает немало других проблем, связанных, прежде всего, с недостатком в США квалифицированных кадров. Так, знаменитая *Apple*, намеревавшаяся построить три своих новых завода в США, обнаружила отсутствие необходимого количества инженеров и квалифицированных рабочих. В связи с этим *Apple* собирается

перенести производство своих смартфонов на новые заводы в Индию¹⁶.

Современная промышленная политика Китая выстраивается с учетом задач геополитического противостояния с США. Идеи такой политики были заложены еще в принятой в 2015 г. программе «Сделано в Китае – 2025», которая была нацелена на развитие отраслей, позволяющих сократить или отказаться вообще от импорта многих товаров, обеспечить их отечественное производство, прежде всего в сфере высоких технологий, усилить конкурентоспособность страны в мировой торговле.

Однако в условиях замедления мировой экономики был обозначен решительный поворот Китая к усилению экономической независимости и самодостаточности национальной экономики. Это нашло отражение в стратегии двойной циркуляции и XIV Пятилетнем плане экономического развития (2021–2025 гг.), где была поставлена задача сделать Китай мировым технологическим лидером, ускоренно развивать новые источники роста экономики, такие как информационные технологии следующего поколения, искусственный интеллект, биотехнологии, новую энергетику, новые материалы, высокотехнологичное оборудование и зеленую промышленность, а также наращивать усилия по достижению большего суверенитета в науке и технологиях [Li, Branstetter, 2024].

Курс на новую промышленную политику и разворот по усилению экономической самодостаточности ЕС также связан с возрастанием геополитического противостояния с США.

14 Will Trump's tariffs turbocharge foreign investment in America? // The Economist. – 2025. – March 17. – URL: <https://www.economist.com/business/2025/03/17/will-trumps-tariffs-turbocharge-foreign-investment-in-america> (дата обращения: 20.03.2025).

15 Foreign Direct Investment in the United States, Preliminary 3rd Quarter 2024 // Global Business Alliance. – 2024. – December 18. – URL: <https://globalbusiness.org/wp-content/uploads/2024/12/3rd-Q-2024-FDIUS.pdf> (дата обращения: 20.03.2025).

16 Gurman M. Apple iPhone Price Hikes Are Now Looking Possible in the US // Bloomberg. – 2025. – April 6. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/newsletters/2025-04-06/will-apple-raise-iphone-prices-in-the-us-after-trump-tariffs-iphone-17-details> (дата обращения: 07.04.2025).

тических рисков, особенно после начала российско-украинского конфликта в 2022 г., вепонизацией торговли и сокращением критической зависимости стран – членов ЕС от поставок из Китая. Европейские страны расширили инвестиции в программу энергетической безопасности, а приоритетными секторами признали зеленые, цифровые и биотехнологии, что отражено в Стратегии экономической безопасности ЕС (2023 г.)¹⁷.

Риски и выгоды протекционистской промышленной политики

Хотя в большинстве исследований приводятся эмпирические доказательства возникновения издержек протекционистской политики и указывается на риски замедления национальных экономик, торможения мировой торговли и мирового ВВП, есть некоторое количество публикаций с примерами успешной промышленной политики. В результате реализации проекта «Сделано в Китае – 2025» страна заняла монопольное положение во многих отраслях [Li, Branstetter, 2024]. Благодаря государственным субсидиям, налоговым мерам по поддержке высокотехнологичных отраслей промышленности и другим мерам стимулирования производства, китайские производители смогли вытеснить своих конкурентов со многих мировых рынков¹⁸.

Агрессивная протекционистская политика, используемая для защиты

отечественных отраслей промышленности и создания рабочих мест, стимулирует ответную реакцию партнеров, способствуя росту производственных затрат, распылению и неэффективному распределению финансовых и материальных ресурсов. Связанный с протекционизмом курс на внутреннее производство в русле концепции *экономика Родины* может вести к росту внутренних цен, снижению технологического уровня и качества товаров, росту производственных издержек.

Повышение тарифов увеличивает расходы на импорт и в конечном счете влияет на цены потребительских товаров и услуг. Высокие цены на импортные товары могут сделать повседневные товары более дорогими для потребителей, что вызывает рост инфляции¹⁹.

В частности, Китай, Мексика и Канада являются крупными поставщиками в США продовольственных товаров. Канада стала первым по величине поставщиком сельскохозяйственной продукции в США, а Мексика – третьим. По некоторым оценкам, тарифы на товары из Канады, Китая и Мексики могут принести не более 100 млрд долл. в год, или около 2% от общей суммы налогов, в то время как значительные расходы понесут американские потребители и предприятия за счет роста внутренних цен²⁰.

Учитывая тесные торговые связи между тремя странами, многие продукты, производимые в США, включают комплектующие и материалы,

17 Joint communication to the European Parliament, the European Council and the Council on «European Economic Security Strategy» // EUR-Lex. – 2023. – June 20. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52023JC0020> (дата обращения: 21.01.2025).

18 Homeland Economics. Special Reports // The Economist. – 2023. – October 7. – URL: <https://www.economist.com/special-report/2023-10-07> (дата обращения: 22.02.2025).

19 McClanahan A., Sandberg E. What Will Cost the Most Under Trump's Tariffs? // USnews. – 2025. – January 7. – URL: <https://money.usnews.com/money/personal-finance/spending/articles/what-will-cost-the-most-under-trumps-tariffs> (дата обращения: 22.02.2025).

20 Trump's new tariffs are his most extreme ever // The Economist. – 2025. – March 3. – URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2025/03/03/trumps-new-tariffs-are-his-most-extreme-ever> (дата обращения: 20.03.2025).

импортируемые либо из Канады, либо из Мексики. Например, около 16% всех автозапчастей, используемых сборочными заводами США, поступают из Мексики, а около трети алюминия поступает из Канады, где более низкие затраты на энергию²¹.

Зависимость США от импортной стали намного ниже. Американские сталелитейные заводы обеспечивают около $\frac{3}{4}$ внутренней потребности в этом металле. Тем не менее многие отрасли, включая аэрокосмическую, автомобильную, строительную и энергетическую, зависят от импорта определенных типов стальной продукции, таких как стальные трубы, которые могут выдерживать экстремальные температуры и давление. США импортируют около 40% стальных труб и других прокатных материалов из стали.

По прогнозам, введение 25%-х тарифов на импорт стали повысит цены на сталь для американских производителей на 15–20%, что в краткосрочном периоде неизбежно увеличит затраты на производство автомобилей, и, вероятно, снизит конкурентоспособность американских автомобилей на американском и мировом рынках²².

В ответ на протекционистские меры США в отношении китайской продукции Китай ввел экспортный контроль на поставки галлия и германия. 98% мирового производства галлия, ключевого ингредиента в передовых военных технологиях, приходится на Китай.

Ответные пошлины Канады, Мексики и ЕС во время первого срока президентства Д. Трампа были направлены на американские товары, включая бургон, джинсы *Levi's* и мотоциклы *Harley*

Davidson, а также свинину, сыр и моторные лодки.

В ожидании ужесточения торговой политики технологические компании США *Microsoft*, *Dell* и *HP* увеличили импорт электронных компонентов. Рост запасов требует наличия складов и замораживает денежные средства, что негативно сказывается на операционной деятельности компаний. Ряд компаний, в том числе *Stanley Black & Decker* (производитель инструментов и бытовой техники) и *Walmart* (крупнейшая оптово-розничная сеть), объявили о возможном повышении цен, что в условиях охлаждения рынка труда, высоких процентных ставок и высоком уровне задолженности по кредитным картам ударит по американским потребителям.

Кульминацией тарифной войны Д. Трампа стало масштабное введение в апреле 2025 г. базовых и индивидуальных тарифов в отношении более 180 стран и продуктов (стали, алюминия, автомобилей и автомобильных компонентов и т.п.). Наибольшие таможенные барьеры были установлены для Китая (34%, которые вместе с объявленными ранее 20% увеличили торговый барьер для него до 54%), Вьетнама (46%), Индонезии (32%), Пакистана (29%), Индии (26%), Республики Корея (25%), Японии (24%), стран ЕС (20%).

Ответные меры еще больше усилили хаос в международной торговле и напряженность в политических отношениях между странами. Сразу же после объявления большой тарифной войны США заявили о введении 34%-х пошлин Китаю на импортируемые американские товары в дополнение к существующим тарифам. За этим

21 O'Neil S.K., Huesa J. What Trump's Aluminum and Steel Tariffs Will Mean, in Six Charts // Council on Foreign Relations. – 2025. – February 14. – URL: <https://www.cfr.org/article/what-trumps-aluminum-and-steel-tariffs-will-mean-six-charts> (дата обращения: 22.01.2025).

22 Mulholland R., Williams M. 2024, Trump's Tariffs Would Raise Prices, Harm U.S. Workers, and Make It Harder to Solve Global Problems // American Progress. – 2024. – December 18. – URL: <https://www.americanprogress.org/article/trumps-tariffs-would-raise-prices-harm-u-s-workers-and-make-it-harder-to-solve-global-problems/> (дата обращения: 22.01.2025).

последовала серия последовательных угроз повышения взаимных импортных тарифов до запретительного уровня, а затем и уступок в виде временного отказа от импортных пошлин на электронную продукцию, критически важную для США. При этом Китай пока не использует свое мощное валютно-финансовое оружие, например девальвацию юаня или продажу американских облигаций.

Свои контрмеры готовят Евросоюз и некоторые страны. Почти 50 государств рассчитывают на снижение американских пошлин в результате взаимных переговоров, так как понимают, что современная экономическая политика США строится на первоначальном провокационном заявлении сильной переговорной позиции, которая впоследствии может корректироваться в результате компромиссных уступок.

Учитывая всё это, преждевременно делать даже кратковременные прогнозы последствий тарифной войны США и ее влияния на экономическую и промышленную политику отдельных государств мира. Пока доминируют пессимистические и алармистские экспертные оценки, вплоть до начала третьей глобальной рецессии и резкого замедления мировой торговли²³. Всё больше прогнозов и о перерастании торговых войн в валютно-финансовые. Соответственно, невеселые выводы напрашиваются для промышленной и инвестиционной политики многих стран, которая требует понимания долгосрочных трендов развития.

Однако несомненно, что происходящие геополитические и экономические изменения, во-первых, приведут к усилению протекционистских тенденций в промышленной поли-

тике, которая будет обеспечивать национальную самодостаточность и безопасность развития. Это будет способствовать развитию импортозамещающих производств, что отразится на экономической эффективности и технологическом уровне национальных экономик, особенно менее развитых государств, сильно зависящих от экспорта.

Во-вторых, будут формироваться параллельные техноэкономические блоки, когда усилятся фрагментация торговли и дублирование производственных цепочек. При этом острая борьба может развернуться между США и Китаем, занимающими лидирующее положение в мировой экономике и торговле (таблица 1).

Именно на эти государства в 2023 г. приходилось почти 43% глобального ВВП, 23,9% импорта и 22,8% экспорта и всех товаров в мировой торговле. При этом Китай значительно укрепил свои позиции в этом геоэкономическом противостоянии за последние четверть века.

В-третьих, в наибольшей степени тарифные войны ударят по высокотехнологичным секторам, стимулируя гонку за технологический суверенитет. США стремятся вернуть критические производства (например, полупроводников) домой, а Китай ускоренно инвестирует в замещение импортных технологий и развитие внутреннего спроса, чтобы снизить уязвимость своей промышленности. При наиболее негативном развитии событий США и Китай рискуют столкнуться с замедлением роста, стагнацией и потерей позиций на мировых рынках.

В-четвертых, важнейшим трендом промышленной политики в условиях торговых войн и усиления геополити-

23 Jeyaretnam M. How Trump's Tariffs Could Lead to a Global Recession // Time. – 2025. – April 9. – URL: <https://time.com/7275987/trump-tariffs-global-economy-recession-trade-war-asia-world-impacts/> (дата обращения: 10.04.2025).

Таблица 1. Некоторые экономические показатели участия в мировой торговле США и Китая, %**Table 1.** Some economic indicators of participation in world trade of the USA and China, %

	США		Китай	
	2000	2023	2000	2023
Доля в мировом ВВП	30,3	26,1	3,6	16,8
Соотношение внешней торговли товарами и ВВП	19,9	18,7	39,2	33,4
Соотношение импорта товаров и услуг и ВВП	14,4	13,9	18,5	17,6
Доля в мировом импорте товаров	18,9	13,2	3,8	10,7
Доля в мировом экспорте товаров	12,1	8,5	3,3	14,3

Источник: базы данных Всемирного банка, *Trade Map*.

ческой напряженности в мире станет увеличение оборонных расходов и развитие оборонной промышленности, что замедлит прогрессивные структурные преобразования в целом.

Выводы

Ярким выражением в возрастании влияния политических факторов на экономическую политику, в которой резко усилились приоритеты к достижению национальной безопасности и самодостаточному развитию, стала СПП.

Переход к СПП характеризуется изменением мотивов государственного вмешательства в направлении развития собственного производства и повышения устойчивости национальной экономики с возрастающей ролью геополитических факторов.

Еще одной особенностью СПП является ее направленность на передовые технологии и продукцию двойного назначения, а также компоненты, используемые в их производстве, что обусловлено нарастанием борьбы между крупными экономическими игроками за глобальное технологическое лидерство.

Экономическая политика США при втором президентстве Д. Трампа характеризуется особенно жесткой та-

моженно-тарифной политикой, которая основывается на убеждении о том, что реиндустриализация, рост внутреннего производства и балансировка торговых отношений требуют высоких тарифов и количественных квот на импорт для защиты американских отраслей от иностранной конкуренции, прежде всего со стороны Китая. Особую тревогу вызывают риски возможной глобальной экономической рецессии, которая затронет экономику многих государств, существенного спада международной торговли и ПИИ, перестройки сложившихся цепочек добавленной стоимости и переформатирования всей системы глобального управления. Всё это потребует кардинальных изменений в промышленной политике большинства стран мира.

Такие изменения вызовут увеличение производственных затрат, распыление и неэффективное распределение финансовых и материальных ресурсов, инфляцию, снижение технологического уровня и качества товаров. Подобная ситуация не может продолжаться бесконечно долго, как и отрицание объективной необходимости взаимовыгодного международного экономического и технологического сотрудничества. Мировое сообщество, приспособляясь к новой реальности, неизбежно

будет стремиться к поиску новых эффективных форматов сотрудничества, что потребует переоценки протекционистских подходов к промышленной политике в направлении ее большей открытости на национальном, региональном и глобальном уровнях.

Список литературы

Сморodinская Н.В., Катукoв Д.Д. Курс на технологический суверенитет: новый глобальный тренд и российская специфика // Балтийский регион. – 2024. – Т. 16, № 3. – С. 108–135. – DOI:10.5922/2079-8555-2024-3-6.

Bacchus J., Lester S., Zhu H. Disciplining China's Trade Practices at the WTO // Policy Analysis. – 2018. – N 856. – URL: <https://www.cato.org/policy-analysis/disciplining-chinas-trade-practices-wto-how-wto-complaints-can-help-make-china-more-don-t-always-believe-the-hype> (дата обращения: 22.02.2025).

Banaszyk P. Reshoring and Friendshoring as Factors in Changing the Geography of International Supply Chains // Engineering Management in Production and Services. – 2023. – Vol. 15, N 4. – P. 25–33. – DOI: 10.2478/emj-2023-0026.

Bown C.P. How COVID-19 medical supply shortages led to extraordinary trade and industrial policy // Asian Economic Policy Review. – 2022. – Vol. 17, N 1. – P. 114–135. – DOI: 10.1111/aep.12359.

Buckley P.J. The theory and empirics of the structural reshaping of globalization // Journal of International Business Studies. – 2020. – Vol. 51, N 9. – P. 1580–1592. – DOI: 10.1057/s41267-020-00355-5.

Evenett S. J. Protectionism, state discrimination, and international business since the onset of the global financial crisis // Journal of International Business Policy. – 2019. – Vol. 2, N 1. – P. 9–36. – DOI: 10.1057/s42214-019-00021-0.

Helleiner E. The Diversity of Economic Nationalism // New Political Economy. –

2020. – Vol. 6, N 2. – P. 229–238. – DOI: 10.1080/13563467.2020.1841137.

Howard P., Saggi K. Is There a Case for Industrial Policy? A Critical Survey // The World Bank Research Observer. – 2006. – Vol. 21, N 2. – P. 267–297. – DOI: 10.1093/wbro/lkl001.

Hufbauer G.C., Jung E. Scoring 50 years of US industrial policy, 1970–2020 // Peterson Institute for International Economics. – 2021. – Briefing 21-5. – URL: <https://www.piie.com/publications/piie-briefings/2021/scoring-50-years-us-industrial-policy-1970-2020> (дата обращения: 22.02.2025).

Juhász R., Lane N., Rodrik D. The New Economics of Industrial Policy // NBER Working Paper. – 2023. – N 31538. – URL: <http://www.nber.org/papers/w31538> (дата обращения: 22.02.2025).

Li G., Branstetter L.G. Does “Made in China 2025” work for China? Evidence from Chinese listed firms // Research Policy. – 2024. – Vol. 53, N 6. – Article 105009. – DOI: 10.1016/j.respol.2024.105009.

Luo Y. Illusions of techno-nationalism // Journal of International Business Studies. – 2022. – Vol. 53, N 3. – P. 550–567. – DOI: 10.1057/s41267-021-00468-5.

Mariotti S. “Win-lose” globalization and the weaponization of economic policies by nation-states // Critical Perspectives on International Business. – 2024. – Vol. 19, N 1. – DOI: 10.1108/cpoib-09-2023-0089.

Reinert K.A. Subsidy wars and modern industrial policy // Columbia FDI Perspectives. – 2025. – N 402. – URL: <https://ccsi.columbia.edu/sites/ccsi.columbia.edu/files/content/docs/fdi%20perspectives/No%20402%20-%20Reinert%20-%20FINAL%20rev.pdf> (дата обращения: 22.02.2025).

Reynolds E.B. U.S. industrial transformation and the “how” of 21st century industrial strategy // Journal of Industry, Competition and Trade. – 2024. – Vol. 24, N 8. – DOI: 10.1007/s10842-024-00420-x.

Shih W. The New Era of Industrial Policy Is Here. Are you prepared? // Harvard

Business Review. – 2023. – September-October. – URL: <https://hbr.org/archive-toc/BR2305> (дата обращения: 22.02.2025).

The Return of Industrial Policy in Data / Evenett S., Jakubik A., Martín F., Ruta M. // IMF Working Papers. – 2024. – N 24/1. – DOI: 10.5089/9798400260964.001.

Understanding the manufacturing reshoring decision-making content through the lens of the Eclectic Paradigm: a systematic literature review / Li H., Hilletoft P., Eriksson D., Tate W. // European Business Review. – 2025. – Vol. 37, N 1. – P. 16–48. – DOI: 10.1108/EBR-10-2023-0300.

Specifics of Modern Economic Development

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.01

Protectionist Trends in Industrial Policy amid a Changing Global Order

Boris A. KHEYFETS

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Center for Post-Soviet Studies
Institute of Economics, Russian Academy of Sciences
Nakhimovskiy Avenue, 32, Moscow, Russian Federation, 117997
E-mail: bah412@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-6009-434X

Veronika Yu. CHERNOVA

Dr. Sc. (Econ.), Leading Researcher, Center for Post-Soviet Studies
Institute of Economics, Russian Academy of Sciences
Nakhimovskiy Avenue, 32, Moscow, Russian Federation, 117997
E-mail: veronika_urievna@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5951-9091

CITATION: Kheyfets B.A., Chernova V.Yu. (2025). Protectionist Trends in Industrial Policy amid a Changing Global Order. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 2, pp. 6–23 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.01

Received: 15.04.2025.

Revised: 26.05.2025.

ABSTRACT. *The new global trend of economic development – self-sufficiency and national autarky – is examined. The reasons and features of the transition to a self-sufficient industrial policy are identified in the context of the geopolitical fragmentation of the global economy and intensifying competition among major*

economies for technological leadership. Growing uncertainty and unpredictability in modern economic development, which are unacceptable for long-term investments, also drive this strategy. It is shown that protectionist policies and sanctions have had a serious impact on world trade, becoming a driver of the reorientation of

trade flows between global economic leaders – the United States and China. However, this situation is likely to worsen due to the escalation of trade wars, which began with a sharp increase in US import tariffs on goods from more than 180 countries in April 2025 and provoked a strong response from China. This may lead to the breakdown of existing value chains and a global recession, significantly increasing the traditional costs of a self-sufficient industrial policy due to rising of production costs, dispersion and inefficient distribution of financial and material resources, accelerating of inflation, and a decline in the technological level and quality of goods. It is concluded that the trend toward national autonomy and self-sufficient industrial policy in the context of a changing world order may prove to be an extremely difficult task not only for the main players, but also for many other participants in the global economy.

KEYWORDS: geopolitical fragmentation, national autonomy, industrial policy, “homeland economics”, “Production-Based Economy”, technological sovereignty, trade war, protectionism.

References

- Bacchus J., Lester S., Zhu H. (2018). Disciplining China's Trade Practices at the WTO. *Policy Analysis*. No. 856. Available at: <https://www.cato.org/policy-analysis/disciplining-chinas-trade-practices-wto-how-wto-complaints-can-help-make-china-more-don-t-always-believe-the-hype>, accessed 22.02.2025.
- Banaszyk P. (2023). Reshoring and Friendshoring as Factors in Changing the Geography of International Supply Chains. *Engineering Management in Production and Services*. Vol. 15, no. 4, pp. 25–33. DOI: 10.2478/emj-2023-0026.
- Bown C.P. (2022). How COVID-19 medical supply shortages led to extraordinary trade and industrial policy. *Asian Economic Policy Review*. Vol. 17, no. 1, pp. 114–135. DOI: 10.1111/aepr.12359.
- Buckley P.J. (2020). The theory and empirics of the structural reshaping of globalization. *Journal of International Business Studies*. Vol. 51, no. 9, pp. 1580–1592. DOI: 10.1057/s41267-020-00355-5.
- Evenett S. J. (2019). Protectionism, state discrimination, and international business since the onset of the global financial crisis. *Journal of International Business Policy*. Vol. 2, no. 1, pp. 9–36. DOI: 10.1057/s42214-019-00021-0.
- Helleiner E. (2020). The Diversity of Economic Nationalism. *New Political Economy*. Vol. 6, no. 2, pp. 229–238. DOI: 10.1080/13563467.2020.1841137.
- Howard P., Saggi K. (2006). Is There a Case for Industrial Policy? A Critical Survey. *The World Bank Research Observer*. Vol. 21, no. 2, pp. 267–297. DOI: 10.1093/wbro/lkl001.
- Hufbauer G.C., Jung E. (2021). Scoring 50 years of US industrial policy, 1970–2020. *Peterson Institute for International Economics*. Briefing 21-5. Available at: <https://www.piie.com/publications/piie-briefings/2021/scoring-50-years-us-industrial-policy-1970-2020>, accessed 22.02.2025.
- Juhász R., Lane N., Rodrik D. (2023). The New Economics of Industrial Policy. *NBER Working Paper*. No. 31538. Available at: <http://www.nber.org/papers/w31538>, accessed 22.02.2025.
- Li G., Branstetter L.G. (2024). Does “Made in China 2025” work for China? Evidence from Chinese listed firms. *Research Policy*. Vol. 53, no. 6, article 105009. DOI: 10.1016/j.re-spol.2024.105009.
- Luo Y. (2022). Illusions of technonationalism. *Journal of International Business Studies*. Vol. 53, no. 3, pp. 550–567. DOI: 10.1057/s41267-021-00468-5.
- Mariotti S. (2024). “Win-lose” globalization and the weaponization of economic policies by nation-states. *Critical Perspectives*.

tives on International Business. Vol. 19, no. 1. DOI: 10.1108/cpoib-09-2023-0089.

Reinert K.A. (2025). Subsidy wars and modern industrial policy // *Columbia FDI Perspectives*. No. 402. Available at: <https://ccsi.columbia.edu/sites/ccsi.columbia.edu/files/content/docs/fdi%20perspectives/No%20402%20-%20Reinert%20-%20FINAL%20rev.pdf>, accessed 22.02.2025.

Reynolds E.B. (2024). U.S. industrial transformation and the “how” of 21st century industrial strategy. *Journal of Industry, Competition and Trade*. Vol. 24, no. 8. DOI: 10.1007/s10842-024-00420-x.

Shih W. (2023). The New Era of Industrial Policy Is Here. Are you prepared? *Harvard Business Review*. September-October. Available at: <https://hbr.org/archive-toc/BR2305>, accessed 22.02.2025.

Smorodinskaya N.V., Katukov D.D. (2024). Course towards technological sovereignty: a new global trend and Russian specifics. *Baltic Region*. Vol. 16, no. 3, pp. 108–135. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-3-6.

The Return... (2024). Evenett S., Jakubik A., Martín F., Ruta M. The Return of Industrial Policy in Data. *IMF Working Papers*. No. 24/1. DOI: 10.5089/9798400260964.001.

Understanding... (2025). Li H., Hilletofth P., Eriksson D., Tate W. Understanding the manufacturing reshoring decision-making content through the lens of the Eclectic Paradigm: a systematic literature review. *European Business Review*. Vol. 37, no. 1, pp. 16–48. DOI: 10.1108/EBR-10-2023-0300.

УДК 330.3:316.42

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.02

Социально-экономические детерминанты промышленной автоматизации

Илья Петрович УДОВЕНКО

кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник

Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования

«Академия труда и социальных отношений»

ул. Лобачевского, д. 90, г. Москва, Российская Федерация, 119454

E-mail: UdovenkoIP@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7477-2562

ЦИТИРОВАНИЕ: Удовенко И.П. Социально-экономические детерминанты промышленной автоматизации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 2. С. 24–43.
DOI: 10.31249/kgt/2025.02.02

Статья поступила в редакцию 25.03.2025.

Исправленный текст представлен 23.06.2025.

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется взаимосвязь социально-экономического развития и нового витка промышленной автоматизации на примере Японии, Республики Корея, Китая, Соединённых Штатов, Германии и Индии. Проводится корреляционный анализ темпов промышленной роботизации и динамики изменения возрастного состава населения, безработицы и добавленной стоимости в промышленности, инвестиций в исследования и разработки, на основе которого выявляются фоновые и ведущие социально-экономические детерминанты производственной автоматизации. Автор приходит к выводу, что динамика демографических процессов оказывает на современном этапе фоновое влияние на темпы промышленной автоматизации. Возможность формирования человеческого капита-

ла в промышленно развитых странах с естественным приростом населения становится ориентиром для инвестиций в исследования и разработки. Однако изменения возрастной структуры населения демонстрируют слабую и умеренную корреляционную связь с темпами установок промышленных роботов. Оживление промышленной автоматизации во втором десятилетии XXI в. в странах, находящихся на разных стадиях демографического перехода, свидетельствует о ведущей роли других факторов. К ним можно отнести возможность повышения добавленной стоимости в промышленности и наличие рабочей силы на рынке труда в целом, которые определяют эффективность инвестиций в установку промышленных роботов. На основе данного вывода делается прогноз о появлении институционального

фактора, повышение значимости которого будет приводить к снижению темпов инвестиций в автоматизацию промышленности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *промышленная автоматизация, демографические изменения, факторы производства, безработица, занятость, добавленная стоимость, инвестиции в исследования и разработки, алгоритмическая занятость, роботизация, коботы.*

Введение

Автоматизация является ключевым процессом в промышленности на протяжении уже нескольких столетий. Однако система социально-экономических связей современного этапа промышленной автоматизации, начавшегося в середине второго десятилетия XXI в., остается своего рода лакуной. Исследователи только предпринимают попытки выработки согласованного подхода, объясняющего закономерности таких связей.

Так, например, А. Акимов пришел к выводу, что внедрение трудосберегающих технологий, включая робототехнику и искусственный интеллект, позволит снять ограничение для экономического роста, связанное со старением населения в развитых странах и в Восточной Азии [Акимов, 2016]. А. Абельянски и К. Претнер разработали модель, согласно которой страны, сталкивающиеся со старением населения, имеют более сильный стимул к инвестициям в трудосберегающие технологии [Abeliansky, Prettnner, 2017].

Другие исследователи в большей степени концентрируются не на изменениях структуры народонаселения, а на факторах занятости и инвестиций в исследования и разработки. М. Глотов и И. Данилин в качестве таких связей отмечают возможность снижения занятости и доходов низко- и среднеквали-

фицированных кадров при внедрении передовых технологий промышленной автоматизации в совокупности с ростом прямых иностранных инвестиций в более «дешевых» странах [Данилин, Глотов, 2017]. При этом Н. Цветкова полагает, что при высокоавтоматизированном производстве дешевизна рабочей силы мало влияет на уровень издержек, поэтому прогнозы о повсеместном распространении автоматизации не оправданы [Цветкова, 2017].

Незначительность вклада отрасли производства робототехники в мировой валовой продукт становится основой для подхода, который отрицает сколь-либо значимое влияние современного углубления промышленной автоматизации на социально-экономическое развитие. По мнению В. Варнавского, робототехника по степени воздействия на воспроизводственные процессы и социум вообще не имеет потенциала стать драйвером мировой экономики [Варнавский, 2025].

Рассматривая данный дискурс, можно сделать заключение о непродуктивности выработки однофакторного подхода. В свою очередь, многофакторный подход предполагает, что автоматизация активизирует не только замещение, но и восстановление труда, динамика которых зависит и от тенденций преобразования демографической структуры, и от характера распределения доходов в экономике по всей производственной цепочке создания стоимости.

С одной стороны, труд замещается вследствие автоматизации операций человека, а с другой – восстанавливается из-за появления новых рабочих мест, связанных с обеспечением сбыта возрастающего выпуска продукции и поддержкой новых технологических процессов [Holger, Hoda, 2023]. При этом усиливающиеся ограничения для воспроизводства рабочей

силы становятся предпосылкой роста инвестиций в исследования и разработки, важную роль при этом играют институциональные факторы, оказывающие влияние на характер распределения в экономике [Acemoglu, 2025].

Макро- и микроуровень
промышленной роботизации

В последние десятилетия на фоне общего увеличения мировой рабочей силы отмечается тенденция роста как парка промышленных роботов, так

и занятости людей в промышленности (таблица 1). Корреляционный анализ данных с 1994 по 2023 г. свидетельствует о наличии сильной связи между этими показателями даже с учетом того, что в число занятых в промышленности входят работники предприятий, не охваченных современной автоматизацией (рисунок 1). Коэффициент корреляции показателей «работники промышленности» и «промышленные роботы» составляет 0,86, а по показателям «рабочая сила» и «промышленные роботы» – 0,85.

Таблица 1. Динамика занятости в промышленности и парка промышленных роботов
Table 1. Dynamics of industrial employment and industrial robot stock

Год	Рабочая сила, млн чел.	Работники промышленности, млн чел.	Промышленные роботы, тыс. шт.	Темпы роста, % к предыдущему году		
				рабочая сила	работники пром-ти	пром. роботы
1994	2 445	519,1	550			
1995	2 490	527,4	605	2	2	10
1996	2 535	538,8	639,25	2	2	6
1997	2 585	548,9	673,5	2	2	5
1998	2 636	553,4	707,75	2	1	5
1999	2 691	558,9	742	2	1	5
2000	2 741	565,0	750	2	1	1
2001	2 779	572,2	760	1	1	1
2002	2 817	572,9	770	1	0	1
2003	2 858	582,7	800	1	2	4
2004	2 901	600,5	886	2	3	11
2005	2 944	622,0	923	1	4	4
2006	2 989	646,0	951	2	4	3
2007	3 035	673,0	999	2	4	5
2008	3 074	684,2	1029	1	2	3
2009	3 111	691,1	1035	1	1	1
2010	3 144	708,8	1059	1	3	2
2011	3 180	727,8	1153	1	3	9
2012	3 216	749,1	1235	1	3	7
2013	3 250	756,2	1332	1	1	8

Продолжение таблицы 1

2014	3 284	765,7	1472	1	1	11
2015	3 323	770,2	1632	1	1	11
2016	3 360	780,4	1838	1	1	13
2017	3 394	792,0	2125	1	1	16
2018	3 429	804,8	2441	1	2	15
2019	3 465	814,2	2737	1	1	12
2020	3 435	802,5	3027	-1	-1	11
2021	3 511	831,4	3479	2	4	15
2022	3 564	848,9	3904	2	2	12
2023	3 642	871,1	4282	2	3	10
Итого с 1994 по 2023 г.				49,0	67,8	678,5

Источник: рассчитано и составлено автором на основе базы данных Международной организации труда (<https://ilostat.ilo.org/data/>) и Всемирного банка (<https://data.worldbank.org>), отчетов Международной федерации робототехники (<https://ifr.org/worldrobotics/>), Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) (https://unctad.org/system/files/official-document/tldr2017ch3_en.pdf) и университета Порту (https://paginas.fe.up.pt/~aml/maic_files/introd.pdf).

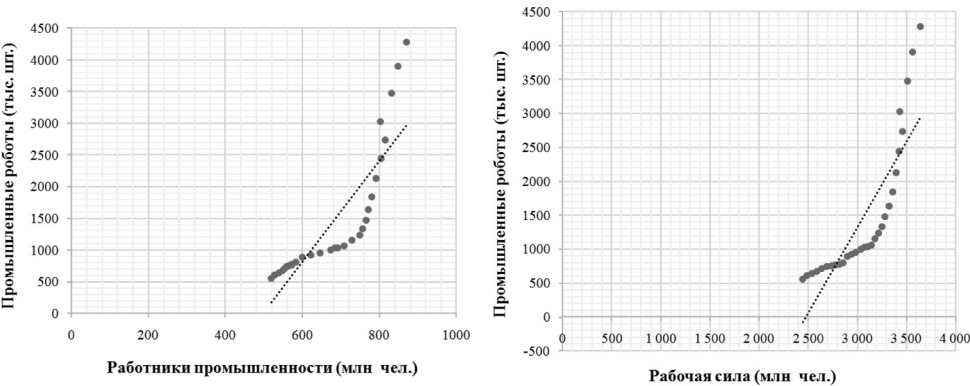

Рисунок 1. Регрессионные прямые для зависимости роста мирового парка промышленных роботов от численности мировой рабочей силы и работников промышленности за 1994–2023 гг.

Figure 1. Regression lines for the dependence of the growth of the world industrial robot stock on the number of world labor force and industrial workers for 1994–2023

Источник: составлено автором на основе расчета данных, приведенных в таблице 2.

Характеристикой общемировой динамики индустриального сектора выступает прирост около 1% занятости людей в промышленности на 10% парка промышленных роботов. При этом темпы роста занятости в промышлен-

ности превысили темпы роста мировой рабочей силы на 18,9%. Таким образом, можно сделать вывод, что автоматизация точно не выступала в рассматриваемый период антагонистом занятости в индустриальном секторе.

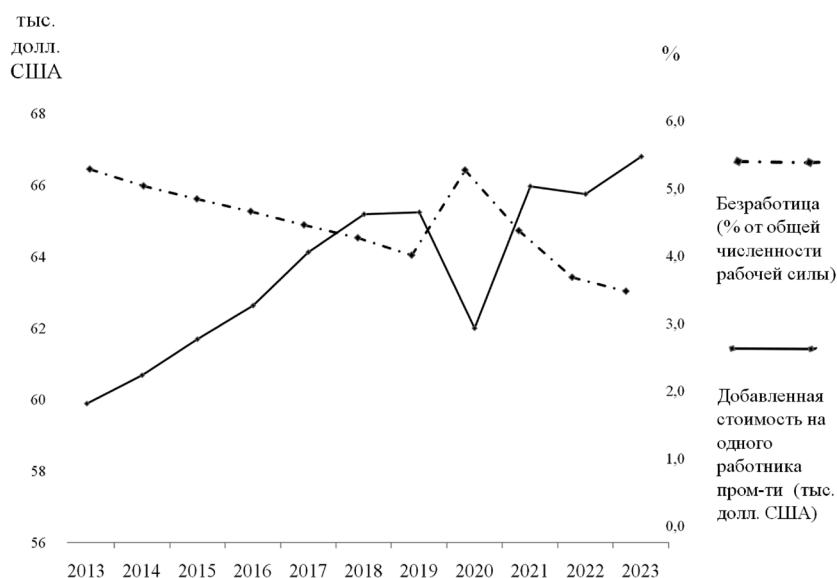

Рисунок 2. Среднее значение безработицы и добавленной стоимости на одного работника в промышленности в Японии, Республике Корея, Китае, Соединённых Штатах, Германии и Индии с 2013 по 2023 г.

Figure 2. Average unemployment and value added per worker in manufacturing in Japan, the Republic of Korea, China, the United States, Germany and India from 2013 to 2023

Источник: составлено автором на основе расчета данных, приведенных в таблице 2.

Началу современного этапа углубления промышленной автоматизации сопутствовал кардинальный сдвиг в структуре мирового населения. Устойчивый ежегодный рост парка промышленных роботов более 10% начался с 2014 г. При этом когорта детей, родившихся в 2015–2016 гг., стала самой многочисленной в демографической пирамиде мирового народонаселения¹. С началом данной трансформации доминирующими тенденциями в сфере труда стран, активно реализующих стратегии автоматизации, являются снижение безработицы и рост добавленной стоимости в промышленности.

Развернуть эти тенденции не удалось пандемии *COVID-19* (рисунок 2).

Стимулом использования промышленных роботов нового поколения при этом выступает снижение издержек, чего в условиях ускоряющегося технологического развития крайне сложно достичь, а также усиливающиеся ограничения для применения ручного труда.

Данный стимул автоматизации затрагивает практически все отрасли индустриального производства. В металлургии только роботы могут обнаруживать дефекты в трубопрокате длиной в десятки и сотни метров.

¹ См. демографическую пирамиду народонаселения мира. Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. – URL: <https://population.un.org/wpp/graphs?loc=900&type=Demographic%20Profiles&category=Population%20Pyramids&year=2025> (дата обращения: 24.03.2025).

А в полупроводниковом производстве выбраковка передовых микрочипов становится недоступной даже для вооруженного микроскопом глаза человека. Однако именно эти технологические изменения приводят к росту выпуска высокотехнологичной продукции с высокой добавленной стоимостью и снижению безработицы в странах, вовлеченных в этот процесс.

Сильная связь безработицы и добавленной стоимости в промышленности при углублении автоматизации проявляется в том, что даже незначительное колебание одного показателя сразу отражается на другом. Подобную сопряженность можно объяснить появлением цифровых платформ. Системы управления промышленными автоматами затем получили применение в управлении людьми при так называемой платформенной, или алгоритмической, занятости, ставшей уже типичной в сфере логистики и торговли многих стран мира. Совместное применение таких платформ позволяет добиться как снижения остатков нереализованной продукции, так и повышения числа привлекаемых для этого работников без гарантий занятости.

Ответ на вопрос, каким же образом появление «безлюдных фабрик» приводит к восстановлению занятости не только на рынке труда в целом, но и в секторе производства, заключается в изменениях, произошедших на микроуровне экономик стран, вовлеченных в гонку промышленной автоматизации нового поколения.

Выход промышленных роботов за пределы «традиционных» для них отраслей и производств выступил важнейшим фактором диверсификации сектора промышленности. При этом контур данного расширения стал охватывать не только крупные, но и средние и малые предприятия, находящиеся теперь в сегменте, появление которого

сопровождало и предыдущие индустриальные трансформации, а именно кустарное производство. Кадровую основу этого сегмента сегодня составляют уже не только выходцы из аграрного сектора, но и бывшие работники техногигантов.

Первым условием, поддерживающим малые предприятия, использующие роботов, выступает наличие постоянного спроса на небольшие экспериментальные партии технологичной продукции, которые генерируют несколько сотен технополисов и индустриальных парков. Их основная часть функционирует сегодня на материковой части Китая и на острове Тайвань, а также в Республике Корея, Индии и во Вьетнаме. Эти индустриальные парки и технополисы стали ядром современного технологического уклада. По прогнозам, данным 10 лет назад, 400 городов, на территории которых располагаются такие зоны, уже сейчас должны генерировать больше половины высокотехнологичной продукции в мире [Dobbs, Manyika, Woetzel, 2015]. В целом эти прогнозы можно считать свершившимся фактом.

Вторым условием для расцвета роботизированного кустарничества являлось удешевление стоимости владения роботами, которое происходило на протяжении последнего десятилетия. Если в 2014 г. средняя стоимость промышленного робота составляла более 30 тыс. долл., то в 2024 г. – уже около 15 тыс. долл. Это удешевление касается как покупки и аренды новых роботов, так и возможности использовать для мелкосерийного производства роботов, уже бывших в употреблении на крупных предприятиях [Korus, 2017].

И третьим условием, содействующим расширению прослойки работников роботизированных кустарных производств, стал массовый выпуск коллаборативных промышленных роботов – коботов. Если в 2017 г. коботы

составляли менее 3% общего числа выпущенных промышленных роботов, то в 2023 г. их доля составляла почти 12%². Коботы – как правило, компактные устройства, которые благодаря прогрессу в области мехатроники могут работать в режиме ручного управления, усиливающим и оптимизирующем трудовые операции человека. Такая адаптивность позволяет малым и средним предприятиям добиваться повышения производительности, не жертвуя гибкостью при работе с минимальными партиями продукции.

Страновые различия социально-экономической детерминации промышленной автоматизации

Новое поколение робототехники появилось в Японии, Германии и Соединённых Штатах. На современном этапе лидером по проникновению автоматизации (соотношению роботов и работников промышленности) является Республика Корея, наибольшее количество промышленных роботов установлено в Китае, а самым быстрорастущим их рынком становится Индия. Рассматривая социально-экономические показатели данных стран, можно подтвердить предположение о непродуктивности построения однофакторной модели их связи с промышленной автоматизацией (таблица 2).

Так, Германия, Соединённые Штаты и Республика Корея продемонстрировали примерно одинаковый среднегодовой темп установки промышленных роботов с 2014 по 2023 г. – около 5,3%, при этом доля населения старше 65 лет за этот период в Германии увеличилась на 1,5%, в Соединённых Штатах – на 2,9%, а в Республике Корея – на 5%.

2 Рассчитано автором по данным Международной федерации робототехники.

Таблица 2. Сравнение Японии, Республики Корея, Китая, Индии, Германии и США по промышленной автоматизации в отношении других социально-экономических показателей
Table 2. Comparison of Japan, the Republic of Korea, China, India, Germany and the United States in industrial automation against other socio-economic indicators

Год	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Прирост/убыль за период, %	Среднегодовой темп, %
Япония													
Установки пром. роботов, тыс. шт.	25	29	35	39	46	55	50	39	46	50	46		
Темп установок пром. роботов, % к прошлому году		16,0	20,7	11,4	17,9	19,6	-9,1	-22,0	17,9	8,7	-8,0		7,3
Доля населения 20–64 лет, %	56,8	56,1	55,5	55,0	54,7	54,4	54,3	54,2	54,1	54,2	54,2	-1,9	
Динамика доли населения 20–64 лет, % к прошлому году		-1,3	-1,0	-0,9	-0,6	-0,4	-0,2	-0,2	-0,1	0,1	0,1		-0,5

Продолжение таблицы 2

	25,4	26,2	26,9	27,5	28,0	28,3	28,6	28,9	29,2	29,4	29,6	3,4
Доля населения старше 65 лет, %												
Динамика доли населения старше 65 лет, % к прошлому году		3,1	2,7	2,2	1,8	1,1	1,1	1,0	1,0	0,7	0,7	1,5
Добавленная стоимость на одного работника пром., тыс. долл. США *	75,7	77,2	79,5	80,3	82,7	84,2	82,6	80,1	86,2	85,7	85,93	13
Динамика добавленной стоимости на одного работника промышленности, % к прошлому году		1,94	3,00	0,94	3,09	1,77	-1,94	-2,94	7,62	-0,58	2,55	1,31
Безработица, % от общей численности рабочей силы	4,0	3,6	3,4	3,1	2,8	2,5	2,4	2,8	2,8	2,6	2,6	-1,44
Динамика доли безработных, % к прошлому году		-111,1	-5,7	-7,5	-9,9	-12,6	-4,7	19,5	0,7	-8,1	0,0	-3,94
Расходы на исследования и разработку, доля в ВВП, %	3,3	3,4	3,2	3,1	3,2	3,2	3,2	3,3	3,3	3,7	3,7	8,4
Темп расходов на исследования и разработку, % к прошлому году		2,7	-3,8	-4,1	1,9	1,7	0,0	1,6	0,8	10,7	0,0	1,2
Республика Корея												
Установки пром. роботов, тыс. шт.	21	25	38	41	40	38	33	31	31	32	31	
Темп установок пром. роботов, % к прошлому году		19,0	52,0	7,9	-2,4	-5,0	-13,2	-6,1	0,0	3,2	-3,1	5,2
Доля населения 20–64 лет, %	66,4	66,7	67,0	67,2	67,3	67,3	67,3	67,2	66,9	66,6	66,2	-0,5
Динамика доли населения 20–64 лет, % к прошлому году		0,4	0,4	0,3	0,2	0,0	0,0	-0,2	-0,3	-0,5	-0,6	-0,03
Доля населения старше 65 лет, %	12,1	12,5	13,0	13,4	13,9	14,5	15,1	15,8	16,7	17,5	18,3	5,8
Динамика доли населения старше 65 лет, % к прошлому году		3,3	4,0	3,1	3,7	4,3	4,1	4,6	5,7	4,8	4,6	4,2
Добавленная стоимость на одного работника пром., тыс. долл. США	75,4	75,1	74,3	76,5	78,6	80,1	81,8	81,6	85,2	84,2	85,6	13
Динамика добавленной стоимости на одного работника промышленности, % к прошлому году		-0,5	-1,1	3,1	2,7	1,9	2,0	-0,2	4,42	-1,1	1,6	1,29

Продолжение таблицы 2

Безработица, % от общей численности рабочей силы	2,7	3,1	3,5	3,7	3,7	3,8	3,7	3,9	3,6	2,9	2,7	-0,07
Динамика доли безработных, % к прошлому году		12,2	15,1	2,9	0,1	4,7	-2,04	4,9	-7,4	-21,5	-6,4	0,26
Расходы на исследования и разработку, доля в ВВП, %	4,0	4,1	4,0	4,0	4,3	4,5	4,6	4,8	4,9	5,2	5,2	28,0
Темп расходов на исследования и разработку, % к прошлому году		3,2	-2,4	0,2	7,7	5,2	2,5	3,6	2,8	5,5	0,4	2,9
Китай												
Установки пром. роботов, тыс. шт.	37	57	69	97	156	155	145	176	275	290	276	
Темп установок пром. роботов, % к прошлому году		54,1	21,1	40,6	60,8	-0,6	-6,5	21,4	56,3	5,5	-4,8	24,8
Доля населения 20–64 лет, %	66,0	65,8	65,6	65,3	64,9	64,5	64,1	63,8	63,6	63,5	63,4	-2,5
Динамика доли населения 20–64 лет, % к прошлому году		-0,2	-0,3	-0,5	-0,6	-0,7	-0,6	-0,5	-0,3	-0,3	-0,2	-0,4
Доля населения старше 65 лет, %	9,4	9,7	10,1	10,5	11,0	11,5	12,1	12,6	13,2	13,8	14,3	4,6
Динамика доли населения старше 65 лет, % к прошлому году		3,7	4,1	4,0	4,8	4,5	5,2	4,1	4,8	4,5	3,6	4,3
Добавленная стоимость на одного работника пром., тыс. долл. США	17,8	19,2	20,7	21,7	22,7	23,7	24,7	25,3	26,5	27,7	28,6	61
Динамика добавленной стоимости на одного работника промышленности, % к прошлому году		7,7	8,0	4,7	4,7	4,5	3,9	2,6	5,0	4,5	3,2	4,89
Безработица, % от общей численности рабочей силы	4,6	4,63	4,65	4,56	4,47	4,31	4,56	5	4,55	4,98	4,67	0,07
Динамика доли безработных, % к прошлому году		0,7	0,4	-1,9	-2,0	-3,6	5,8	9,6	-9,0	9,5	-6,2	0,33

Продолжение таблицы 2

Индия																	
Расходы на исследования и разработку, доля в ВВП, %	2,0	2,0	2,1	2,1	2,1	2,1	2,1	2,1	2,1	2,1	2,1	2,2	2,4	2,4	2,5	2,6	26,1
Темп расходов на исследования и разработку, % к прошлому году		1,2	1,7	2,1	0,7	1,2	4,9	7,2	1,1	4,4	0,4						-0,3
Установки пром. роботов, тыс. шт.	1,9	2,1	2,0	2,6	3,4	4,8	4,3	3,2	5,1	5,3	8,5						
Темп установок пром. роботов, % к прошлому году		10,5	-4,8	30,0	30,8	41,2	-10,4	-25,6	59,4	3,9	60,4						19,5
Доля населения 20–64 лет, %	55,2	55,6	56,0	56,4	56,8	57,1	57,5	57,9	58,3	58,7	59,1					3,5	
Динамика доли населения 20–64 лет, % к прошлому году		0,8	0,7	0,7	0,7	0,7	0,6	0,7	0,8	0,7	0,6						0,7
Доля населения старше 65 лет, %	5,2	5,3	5,5	5,6	5,8	6,0	6,2	6,4	6,5	6,7	6,9					1,6	
Динамика доли населения старше 65 лет, % к прошлому году		2,3	3,8	1,8	3,6	3,4	3,3	3,2	1,6	3,1	3,0						2,9
Добавленная стоимость на одного работника пром., тыс. долл. США	4,4	4,6	5,0	5,2	5,4	5,6	5,4	5,8	6,0	5,5	6,0					36	
Динамика добавленной стоимости на одного работника промышленности, % к прошлому году		4,6	7,4	5,4	3,9	3,4	-3,5	7,4	3,5	-9,0	9,6						3,28
Безработица, % от общей численности рабочей силы	7,7	7,7	7,6	7,6	7,6	7,7	6,5	7,9	6,4	4,8	4,2					-3,54	
Динамика доли безработных, % к прошлому году		-0,5	-0,6	-0,4	0,2	0,4	-14,9	20,7	-18,8	-24,4	-13,5						-5,17
Расходы на исследования и разработку, доля в ВВП, %	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,6	0,8	0,7	0,6					-8,8	
Темп расходов на исследования и разработку, % к прошлому году		-0,7	-1,2	-3,4	-0,6	-0,9	-0,1	-2,0	23,8	-18,8	-1,5						-0,5

Продолжение таблицы 2

	Германия											
	18	20	20	20	20	21	27	22	22	26	25	28
Установки пром. роботов, тыс. шт.												
Темп установок пром. роботов, % к прошлому году		11,1	0,0	0,0	0,0	5,0	28,6	-18,5	0,0	18,2	-3,8	12,0
Доля населения 20–64 лет, %	60,9	60,9	60,7	60,5	60,2	60,1	59,9	59,7	59,7	59,4	59,1	58,7
Динамика доли населения 20–64 лет, % к прошлому году		-0,1	-0,3	-0,4	-0,3	-0,2	-0,3	-0,4	-0,4	-0,5	-0,6	-0,6
Доля населения старше 65 лет, %	20,8	21,0	21,1	21,1	21,3	21,4	21,6	21,8	21,8	22,1	22,5	22,8
Динамика доли населения старше 65 лет, % к прошлому году		0,9	0,5	0,0	0,9	0,5	0,9	0,9	0,9	1,4	1,8	1,3
Добавленная стоимость на одного работника пром., тыс. долл. США	76,2	77,8	78,7	81,2	83,2	83,5	82,0	78,3	81,1	79,2	80,1	5
Динамика добавленной стоимости на одного работника промышленности, % к прошлому году		2,1	1,1	3,3	2,4	0,3	-1,7	-4,6	3,6	-2,3	1,1	0,53
Безработица, % от общей численности рабочей силы	5,3	5,0	4,6	4,1	3,8	3,4	3,2	3,9	3,6	3,1	3,1	-2,25
Динамика доли безработных, % к прошлому году		-6,3	-7,4	-11,0	-7,9	-10,5	-6,5	22,7	-7,4	-13,2	-1,7	-4,92
Расходы на исследования и разработку, доля в ВВП, %	2,8	2,9	2,9	2,9	3,0	3,1	3,2	3,1	3,1	3,1	3,3	15,7
Темп расходов на исследования и разработку, % к прошлому году		1,5	1,9	0,2	3,6	2,1	1,9	-1,2	0,4	-0,4	6,4	1,6

Продолжение таблицы 2

	Соединённые Штаты												
	24	26	28	31	33	40	33	31	36	40	38		
Установки пром. роботов, тыс. шт.													
Темп установок пром. роботов, % к прошлому году		8,3	7,7	10,7	6,5	21,2	-17,5	-6,1	16,1	11,1	-5,0		5,3
Доля населения 20–64 лет, %	60,3	60,1	60,0	59,8	59,6	59,4	59,2	59,0	58,8	58,6	58,4	-1,8	
Динамика доли населения 20–64 лет, % к прошлому году		-0,2	-0,3	-0,3	-0,3	-0,3	-0,4	-0,3	-0,3	-0,4	-0,4		-0,3
Доля населения старше 65 лет, %	13,7	14,0	14,3	14,6	14,9	15,3	15,7	16,1	16,5	16,9	17,4	3,4	
Динамика доли населения старше 65 лет, % к прошлому году		2,2	2,1	2,1	2,1	2,7	2,6	2,5	2,5	2,4	3,0		2,4
Добавленная стоимость на одного работника пром., тыс. долл. США	109,8	110,2	111,9	110,9	112,1	114	114,9	100,9	110,8	112,2	114,5	4	
Динамика добавленной стоимости на одного работника промышленности, % к прошлому году		0,4	1,6	-0,9	1,1	1,7	0,8	-12,2	9,8	1,3	2		0,55
Безработица, % от общей численности рабочей силы	7,4	6,2	5,3	4,9	4,4	3,9	3,7	8,1	5,3	3,7	3,6	-3,74	
Динамика доли безработных, % к прошлому году		-16,4	-14,4	-7,8	-10,6	-10,5	-5,8	119,5	-33,6	-31,8	3,0		-0,83
Расходы на исследования и разработку, доля в ВВП, %	2,7	2,7	2,8	2,9	2,9	3,0	3,2	3,5	3,5	3,6	3,5	27,3	
Темп расходов на исследования и разработку, % к прошлому году		0,6	2,5	2,4	1,8	3,6	5,3	9,4	-0,3	4,1	-3,9		2,6

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Международной Федерации робототехники (<https://ifr.org/worldrobotics/>) по установкам промышленных роботов; данных Международной организации труда (<https://lostat.ilo.org/data/>) и Всемирного банка (<https://data.worldbank.org>) по добавленной стоимости и безработице, расходам на исследования и разработку; Департамента по экономическим и социальным вопросам отдела народонаселения ООН по доле населения 20–64 лет и старше 65 лет (<https://population.un.org/wpp/downloads?folder=Standard%20Projections&group=Most%20used>).

В то же время на фоне сокращения доли населения в возрасте 20–65 лет на 2,5% в Китае и повышения ее на 3,5% в Индии обе эти страны имеют высокие среднегодовые темпы установки промышленных роботов – 24,8 и 19,5% соответственно.

Корреляционный анализ темпов установок промышленных роботов с показателями динамики доли населения в возрасте 20–64 лет и старше 65 лет свидетельствует о слабой связи между ними в большинстве результатов (таблица 3, рисунок 3).

Таблица 3. Результаты корреляционного анализа динамики доли населения 20–64 лет и старше 65 лет за 2014–2023 гг. и темпа установок промышленных роботов

Table 3. Results of correlation analysis of the dynamics of the share of the population aged 20–64 and over 65 years for 2014–2023 and the rate of installation of industrial robots

Коэффициенты	Япония	Республика Корея	Китай	Индия	Германия	Соединённые Штаты
Корреляция «население 20–64 лет»	-0,5	0,5	0,07	-0,07	0,07	0,3
Корреляция «население старше 65 лет»	0,5	-0,3	-0,09	-0,4	-0,05	-0,3

Источник: составлено автором на основе расчета данных, приведенных в таблице 2.

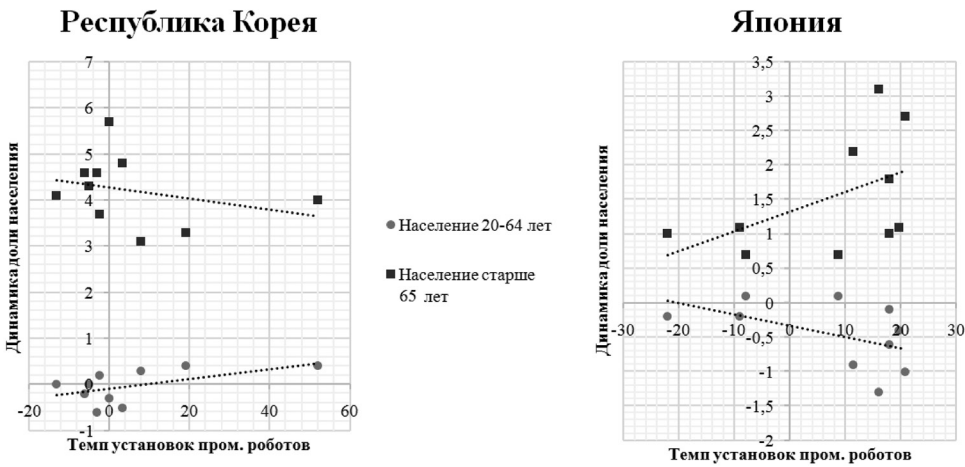

Рисунок 3. Регрессионные прямые для зависимости динамики доли населения 20–64 лет и старше 65 лет за 2014–2023 гг. от темпа установок промышленных роботов

Figure 3. Regression lines for the dependence of the dynamics of the share of the population aged 20–64 and over 65 years for 2014–2023 on the rate of installation of industrial robots

Источник: составлено автором на основе расчета данных, приведенных в таблице 2.

Умеренные и при этом почти зеркально отражаемые связи имеют Япония и Республика Корея. Анализируя результат Японии, можно было бы предположить, что старение населения оказывает прямое влияние на рост автоматизации именно в этой стране. На протяжении всего рассматриваемого периода в Японии отмечалась самая высокая доля населения старше 65 лет при самом высоком среднегодовом темпе установок промышленных роботов среди стран Глобального Севера – 7,3%.

Однако, учитывая ретроспективу социально-экономического развития Японии на рубеже первого и второго десятилетия XXI в., причинно-следственная связь между старением населения и автоматизацией в этой стране представляется более сложной. Так, на этапе, предшествующем новому витку углубления автоматизации, Японию опередила Республика Корея.

Для Республики Корея это опережение стало возможным вследствие достижения зрелости предыдущего индустриального уклада, продолжающегося среднегодового прироста рабочей силы в среднем на 0,79% в год и планомерно-го повышения расходов на исследования и разработки. В Японии в 2005 г., несмотря на ее самый обширный парк роботов в мире, отмечалось сокращение рабочей силы в среднем на 0,92% и сокращение расходов на внедрение инноваций в промышленности [Phang, 2005].

Но наращивание инвестиций в автоматизацию в Японии в начале XXI в. оказалось лишенным смысла не столько из-за начавшегося сокращения рабочей силы, сколько из-за возможности получения большей отдачи от таких инвестиций именно в Республике Корея, где уже к 2007 г. был достигнут сопоставимый с Японией уровень добавленной стоимости на одного работника в промышленности. В ситуации инве-

стиционного проигрыша в Японии количество выведенных из эксплуатации промышленных роботов начало превышать количество установленных, что стало беспрецедентным случаем сокращения парка промышленных роботов в мировой истории [Adachi, Kawaguchi, Saito, 2024]. При этом доказательством фонового, а не ведущего влияния демографических изменений на показатели автоматизации является возобновление роста парка промышленных роботов в Японии начиная с 2014 г.

Массированное же наращивание инвестиций в исследования, разработку и достижение их максимальных значений в Республике Корея сравнительно к другим странам (5,2% ВВП в год) теперь привело к существенным отличиям в результатах корреляционного анализа в этой стране. Обратной стороной статуса витрины нового поколения «умных фабрик» для Республики Корея стало проявление парадоксального зеркального эффекта – отрицательной связи между темпами установок промышленных роботов и динамикой добавленной стоимости в промышленности на фоне повышения безработицы в экономике в целом (таблица 4).

В последние 5 лет ускоренный рост автоматизации демонстрирует Китай. С 2014 по 2023 г. в этой стране среднегодовой темп установок промышленных роботов составил 24,8%, а доля занятых в промышленности повысилась на 2,2%. Исследуя предпосылки этого роста, можно выявить тот же стимул привлечения инвестиций в технологическое обновление промышленности, возросших за этот период с 2 до 2,5% ВВП в год. Переход к новым стандартам автоматизации на ряде крупных промышленных предприятий Китая привел к существенному повышению уровня добавленной стоимости на одного работника промышленности – с 19,0 тыс. долл. в 2014 г. до 27,2 тыс. долл.

Таблица 4. Результаты корреляционного анализа динамики добавленной стоимости на одного работника промышленности и безработицы за 2014–2023 гг. и темпа установок промышленных роботов

Table 4. Results of the correlation analysis of the dynamics of added value per worker in industry and unemployment for 2014–2023 and the rate of installation of industrial robots

Коэффициенты	Япония	Республика Корея	Китай	Индия	Германия	Соединённые Штаты
Корреляция «Добавленная стоимость»	0,7	-0,5	0,4	0,3	0,4	0,5
Корреляция «безработица»	-0,8	0,5	-0,3	-0,4	-0,1	-0,5

Источник: составлено автором на основе расчета данных, приведенных в таблице 2.

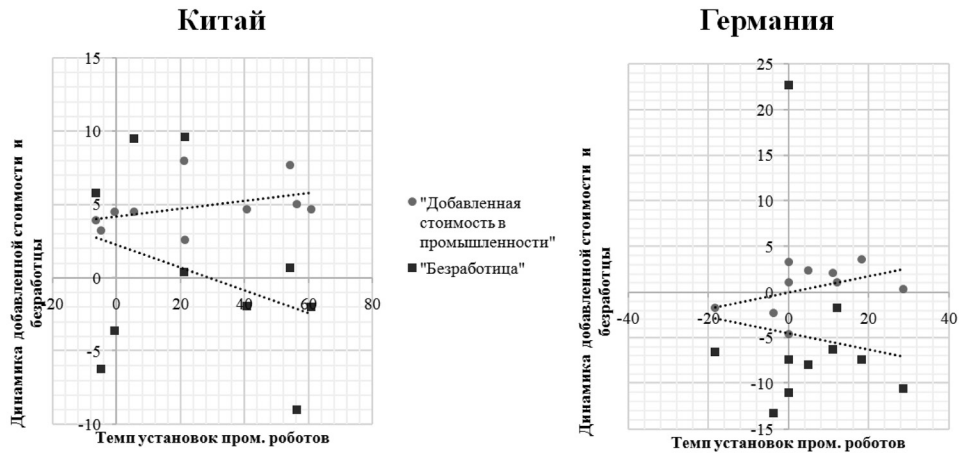

Рисунок 4. Регрессионные прямые для зависимости динамики добавленной стоимости на одного работника промышленности и безработицы в Китае и Германии за 2014–2023 гг. от темпа установок промышленных роботов

Figure 4. Regression lines for the dependence of the dynamics of added value per worker in industry and unemployment in China and Germany for 2014–2023 on the rate of installation of industrial robots

Источник: составлено автором на основе расчета данных, приведенных в таблице 2.

США в 2022 г. При этом эффективность инвестиций достигалась за счет большего масштаба рабочей силы, имевшей необходимый человеческий капитал и более низкую заработную плату по сравнению с Японией и Республикой Корея [Cheng, Jia, Li, 2019].

Данный масштаб, возможно, приводит к «размыванию» связей между динамикой добавленной стоимости и безработицы и темпами автоматизации в Китае, ставшем «мировой фабрикой» еще до начала фазы оживления и подъема производства про-

мышленных роботов нового поколения. Необходимо отметить, что В.Г. Варнаровский, сделавший вывод о незначительном влиянии развития робототехники на социально-экономические процессы, фокусировался на анализе преимущественно этой страны [Варнаровский, 2025]. Вместе с тем Китай изменил структуру своей промышленности именно благодаря целенаправленному развитию отрасли робототехники. С 2016 г. электротехническая и электронная промышленность в Китае заменила автомобильную промышленность в качестве основного заказчика промышленных роботов³. Это, в свою очередь, нашло отражение в резком росте показателя добавленной стоимости в промышленности.

Однако более значимая роль возможности самого повышения добавленной стоимости в промышленности, нежели создания стимулов для инвестиций в автоматизацию, отчетливо видна на примере Соединённых Штатов и Германии. Так, несмотря на то, что эти страны занимают лидирующие позиции в списке стран по расходам на инновационное развитие, добиться более высоких показателей добавленной стоимости на одного работника промышленности им пока не удалось. Для Соединённых Штатов этот показатель роста составил 4%, для Германии – 5%, в то время как Япония и Республика Корея достигли 13%, Индия – 36%, а Китай – 61%.

Анализируя причины отставания США в современной гонке промышленной автоматизации, можно прийти к выводу, что промышленный сектор этой страны мог бы использовать возможности возникших инноваций и необходимая рабочая сила для этого

имелась, однако стимулы к ее привлечению оказались недостаточно сильными. Эффект высокой базы – максимальной добавленной стоимости на одного работника в промышленности Соединённых Штатов – не позволил им достичь лидирующих позиций в промышленной автоматизации даже за счет масштабных инвестиций в исследования и разработки.

Сопоставление показателей социально-экономической динамики рассматриваемых стран свидетельствует о неизбежности перехода пальмы первенства промышленной автоматизации от Китая к Индии. Это должно произойти как в силу огромного потенциала роста добавленной стоимости на одного работника промышленности, составлявшей в 2023 г. в этой стране всего 6 тыс. долл. США, так и наиболее высокого коэффициента корреляции между темпами автоматизации и динамикой инвестиций в исследования и разработки (таблица 5, рисунок 5). Однако сроки этого перехода пока не очевидны и зависят от достижения институциональной зрелости новой горизонтально ориентированной модели организации труда, которая будет способна вовлечь в единые производственные цепочки не только крупные «умные фабрики», но и весь контур появившихся роботизированных малых и средних предприятий.

Появление такой модели должно обеспечивать как слаживание производственных процессов, так и выход работников из неформального сектора экономики, что, в свою очередь, будет выступать ключевым фактором извлечения преимуществ из становления нового промышленного уклада в Индии.

3 Международная федерация робототехники. – 2024. – 29 августа. – URL: https://ifr.org/downloads/press2018/DE-2024-AUG-29_IFR_Pressemeldung_China.pdf (дата обращения: 24.03.2025).

Таблица 5. Значения коэффициентов корреляции между темпами расходов на исследования и разработку за 2014–2023 гг. и темпами установок промышленных роботов

Table 5. Correlation coefficient values between the rates of R&D expenditures for 2014–2023 and the rates of industrial robot installations

	Япония	Республика Корея	Китай	Индия	Германия	Соединённые Штаты
Коэффициент корреляции	-0,1	-0,6	0,3	0,6	0,2	-0,2

Источник: составлено автором на основе расчета данных, приведенных в таблице 2.

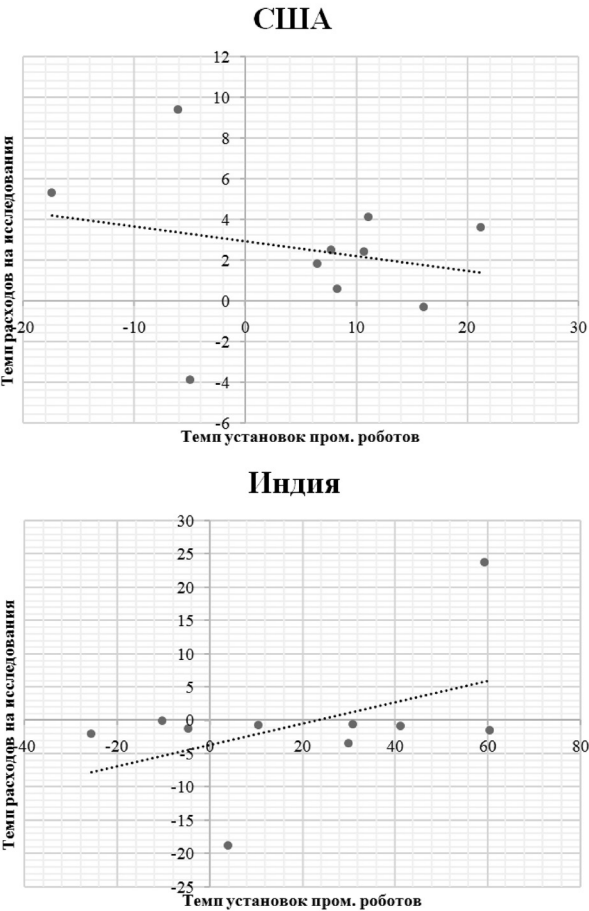

Рисунок 5. Регрессионные прямые для зависимости темпа расходов на исследования и разработку от темпа установок промышленных роботов в США и Индии за 2014–2023 гг.

Figure 5. Regression lines for the relationship between the rate of R&D spending and the rate of industrial robot installations in the US and India for 2014–2023

Источник: составлено автором на основе расчета данных, приведенных в таблице 2.

Таким образом, можно констатировать, что новый виток промышленной автоматизации уже прошел фазу оживления и находится в фазе подъема. На протяжении последнего десятилетия «умная» автоматизация, возникшая в нескольких отраслях промышленности, масштабируется на весь сектор индустриального производства.

Важнейшим стимулом в системе связей социально-экономической детерминации автоматизации в промышленности остается возможность повышения добавленной стоимости, а динамика демографической трансформации оказывает фоновое влияние на ее темпы. Появление сегмента малых и средних роботизированных производственных предприятий приводит к поддержанию занятости в промышленном секторе стран, планомерно реализующих стратегии развития автоматизации.

Прогнозируя ситуацию перехода в фазу снижения темпов промышленной автоматизации в логической рамке предыдущих индустриальных преобразований, можно предполагать, что этому будет способствовать возрастание роли институциональных факторов, которые приведут к повышению издержек на квалифицированный труд, – формализация регулирования трудовых отношений как на самих автоматизированных производствах, так и на платформах, обеспечивающих сбыт их продукции.

Сохранение ключевой роли труда человека, результаты которого остаются предметом распределения, обмена и потребления, должно обернуться не введением «налога на роботов» и безусловного базового дохода, а повышением доли труда в валовом продукте по всей цепочке создания добавленной стоимости, сглаживающим остроту глобальной тенденции старения мирового населения.

Список литературы

Акимов А.В. Демографический взрыв, старение населения и трудосберегающие технологии: взаимодействие в XXI веке // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2016. – Т. 60, № 5. – С. 50–60. – DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-5-50-60.

Варнавский В.Г. Мировые тренды в робототехнике. // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2025. – Т. 69, № 1. – С. 5–16. – DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-1-5-16.

Глотова М.П., Данилин И.В. Развитие передовых производственных технологий в КНР: задачи, результаты, вызовы (на примере робототехники) // *Проблемы Дальнего Востока*. – 2017. – № 4. – С. 41–51.

Цветкова Н.Н. Афро-азиатские страны: новые тенденции в глобализации и трудосберегающие технологии // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. – 2017. – № 6. – С. 88–104. – DOI: 10.7868/S0869190817060085.

Abeliansky A., Prettner K. Automation and Demographic Change // *SSRN Electronic Journal*. – 2017. – DOI: 10.2139/ssrn.2959977.

Acemoglu D. Institutions, Technology and Prosperity // *NBER Working Paper*. – 2025. – N w33442. – URL: <https://ssrn.com/abstract=5130534> (дата обращения: 23.06.2025).

Adachi D., Kawaguchi D., Saito Y. Robots and Employment: Evidence from Japan, 1978-2017 // *Journal of Labor Economics*. – 2024. – Vol. 42, N 2. – P. 591–634. – DOI: 10.1086/723205.

Cheng H., Jia R., Li D. The Rise of Robots in China // *Journal of Economic Perspectives*. – 2019. – Vol. 33, N 2. – P. 71–88. – DOI: 10.1257/jep.33.2.71.

Dobbs R., Manyika J., Woetzel J. No Ordinary Disruption: The Four Global Forces Breaking All the Trends. – New York : PublicAffairs, 2015. – 288 p.

Holger G., Hoda M. Robotization and employment dynamics in German manufacturing value chains // Structural Change and Economic Dynamics. – 2024. – Vol. 68, March. – P. 133–147. – DOI: 10.1016/j.strueco.2023.10.014.

Korus S. Industrial Robot Cost Decline // ARK-invest. – 2017. – URL: <https://www.ark-invest.com/articles/analyst-research/industrial-robot-costs> (дата обращения: 23.06.2025).

Phang H. Demographic dividend and labour force transformations in Asia. The case of the Republic of Korea. – United Nations Publication, 2005. – P. 119–139. – URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/unpd_egm_200508_09_phang.pdf (дата обращения: 23.06.2025).

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.02

Socio-Economic Determinants of Industrial Automation

Ilya P. UDOVENKO

PhD (Pedagogical Sciences), Leading Researcher

Educational Institution of the Trade Unions of Higher Education “Academy of Labour and Social Relations”

Lobachevsky Street, 90, Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: UdovenkoIP@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7477-2562

CITATION: Udovenko I.P. (2025). Socio-Economic Determinants of Industrial Automation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 2, pp. 24–43 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.02

Received: 25.03.2025.

Revised: 23.06.2025.

ABSTRACT. *The article examines the relationship between socio-economic development and a new wave of industrial automation using the examples of Japan, the Republic of Korea, China, the United States, Germany and India. A correlation analysis of industrial robotization rates and the dynamics of demographic change, unemployment, industrial value added, and investment in research and development is conducted, identifying the background and leading so-*

cio-economic determinants of industrial automation. The study concludes that demographic dynamics exert a background influence on the pace of industrial automation at the current stage. The potential for human capital formation in industrialized countries with natural population growth is becoming a benchmark for investment in research and development. However, changes in the age structure of the population show only a weak to moderate correlation with the pace of in-

dustrial robot installations. The revival of industrial automation in the second decade of the 21st century across countries at different stages of demographic transition highlights the leading role of other factors. These include the potential to increase industrial value added and the overall availability of labor, which determine the effectiveness of investments in industrial robotization. Based on this conclusion, a forecast is made regarding the emergence of an institutional factor, whose growing importance will likely slow the pace of investment in industrial automation.

KEYWORDS: industrial automation, demographic changes, factors of production, unemployment, employment, value added, investment in research and development, algorithmic employment, robotization, cobots.

Reference

- Abeliansky A., Prettnner K. (2017). Automation and Demographic Change. *SSRN Electronic Journal*. DOI: 10.2139/ssrn.2959977.
- Acemoglu D. (2025). Institutions, Technology and Prosperity. *NBER Working Paper*. No. w33442. Available at: <https://ssrn.com/abstract=5130534>, accessed 23.06.2025.
- Adachi D., Kawaguchi D., Saito Y. (2024). Robots and Employment: Evidence from Japan, 1978–2017. *Journal of Labor Economics*. Vol. 42, no. 2, pp. 591–634. DOI:10.1086/723205.
- Akimov A.V. (2016). Demographic explosion, population aging and labor-saving technologies: interaction in the 21st century. *World Economy and International Relations*. Vol. 60, no. 5, pp. 50–60 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-5-50-60.
- Cheng H., Jia R., Li D. (2019). The Rise of Robots in China. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 33, no. 2, pp. 71–88. DOI: 10.1257/jep.33.2.71.
- Dobbs R., Manyika J., Woetzel J. (2015). *No Ordinary Disruption: The Four Global Forces Breaking All the Trends*. New York: PublicAffairs, 288 pp.
- Glotova M.P., Danilin I.V. (2017). Development of advanced manufacturing technologies in China: tasks, results, challenges (using robotics as an example). *Problems of the Far East*. No. 4, pp. 41–51 (in Russian).
- Holger G., Hoda M. (2024). Robotization and employment dynamics in German manufacturing value chains. *Structural Change and Economic Dynamics*. Vol. 68, March, pp. 133–147. DOI: 10.1016/j.strueco.2023.10.014.
- Korus S. (2017). Industrial Robot Cost Decline. *ARK-invest*. Available at: <https://www.ark-invest.com/articles/analyst-research/industrial-robot-costs>, accessed 23.06.2025.
- Phang H. (2005). *Demographic dividend and labour force transformations in Asia. The case of the Republic of Korea*. United Nations Publication, pp. 119–139. Available at: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/unpd_egm_200508_09_phang.pdf, accessed 23.06.2025.
- Tsvetkova N.N. (2017). Afro-Asian countries: new trends in globalization and labor-saving technologies. *Oriens. Afro-Asian Societies: History and Modernity*. No. 6, pp. 88–104 (in Russian). DOI: 10.7868/S0869190817060085.
- Varnavskiy V.G. (2025). Global trends in robotics. *World Economy and International Relations*. Vol. 69, no. 1, pp. 5–16 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-1-5-16.

УДК 336.74
DOI: 10.31249/kgt/2025.02.03

Управление системой денежного обращения как услуга, оказываемая эмитентом

Юрий Германович ИЗОТОВ

аспирант

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Покровский бульвар, д. 11, г. Москва, Российская Федерация, 109028

E-mail: ygizotov@gmail.com

ORCID: 0009-0005-5592-1055

ЦИТИРОВАНИЕ: Изотов Ю.Г. Управление системой денежного обращения как услуга, оказываемая эмитентом // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 2. С. 44–61.
DOI: 10.31249/kgt/2025.02.03

Статья поступила в редакцию 09.11.2024.

Исправленный текст представлен 17.03.2025.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Исследование выполнено в рамках проекта «Рубрикатор правовых позиций органов конституционного судебного контроля» НИУ ВШЭ.

АННОТАЦИЯ. Исследование посвящено определению природы денег и денежных систем, а также проблем, связанных с правовым регулированием соответствующих отношений. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: 1) проанализировать существующие теории о деньгах и выявить их недостатки; 2) сформулировать и доказать новую концепцию денег как средства оказания их эмитентом услуги пользователям системы денежного обращения; 3) выявить проблемы правового регулирования отношений по использованию денег в России. Решению каждой задачи посвящена соответствующая часть исследования. Автор критикует основной тезис эволюционистов о том, что деньги – это товар и самостоя-

тельное экономическое благо. По его мнению, индивиды и юридические лица используют не их, а систему денежного обращения, и именно она обладает ценностью. Управление же этой системой является услугой, которую оказывает эмитент. Формулирование новой концепции позволило по-другому взглянуть и на правовое регулирование соответствующих общественных отношений. Были установлены сильный перекос в пользу Банка России и практически полная беззащитность пользователей рубля. Также было выявлено противоречие положений Конституции Российской Федерации, которые одновременно устанавливают свободу экономической деятельности и препятствуют ее реализации в случае нарушения Банком России своей обязанности по обеспе-

чению стабильности рубля, – запрет на использование иностранных валют и денежных суррогатов. Конфликт был разрешен в пользу свободы экономической деятельности. В исследовании предложены пути решения и других проблем правового регулирования, например абсолютного иммунитета служащих Банка России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: деньги, система денежного обращения, денежная система, Центральный банк, правовой статус Банка России, эмиссия, теории денег, природа денег.

Критика основных теорий денег

Денежные системы существуют с глубокой древности. Со временем они менялись, появлялись новые формы денег, менялись эмитенты и вырабатывались правила управления денежной массой. Но, несмотря на столь долгое их существование, неизменным остается вопрос: какова природа денег?

Многие исследователи пытались на него ответить, но до сих пор не было сформулировано универсальной теории, которая бы не только хорошо описывала различные аспекты денег, но и была применима для объяснения этого явления в целом.

В экономике, а вслед за ней и в юриспруденции сформировались три основные теории: эволюционная, долговая и государственная. Эволюционная теория на сегодняшний день является доминирующей, ее позиции часто приводятся в учебниках, и на ее основе обычно проводятся научные исследования, посвященные тем или иным аспектам денег. Две другие теории менее популярны. Долговая теория относительно молода, она была сформулирована Д. Гребером, хотя отдельные ее положения рассматривались и в более

ранних трудах. Государственная теория Г. Кнаппа была популярна на рубеже XIX и XX вв., но подверглась серьезной критике и была фактически отвергнута научным сообществом, однако она продолжает то и дело проявляться в трудах юристов, которые изучают феномен законного платежного средства.

Итак, вначале следует рассмотреть позиции эволюционной теории, а затем кратко описать долговую и государственную.

Главным утверждением эволюционной теории денег является то, что деньги – это товар. Помимо этого тезиса, следует обратить внимание на методологию исследований эволюционистов, особенно на исторический подход и логические методы, в частности попытку дать определение понятию «деньги».

Эволюционный подход берет свое начало в глубокой древности. Еще Аристотель в своей «Политике» озвучил мысль, что деньги возникли в результате обмена: один товар выделился на фоне других и стал играть роль универсального [Аристотель, 2016]. Значительно позже развил мысль Аристотеля Адам Смит. Шотландский экономист приводил пример с торговцем, которому нужна была соль, а имел он только скот. Скот нельзя было легко делить, поэтому возникли деньги как наиболее удобный делимый товар [Смит, 2018].

В трудах последующих эволюционистов история появления денег в результате обмена была дополнена изучением банкнот и безналичных денег. Если кратко, эволюционисты говорят, что изначально в качестве денег использовались товары: шкурки животных, раковины, скот, – затем человек отобрал драгоценные металлы, которые обменивал сначала на вес, потом появились монеты, затем возникли долговые расписки банков – банкноты, потом появились безналичные деньги

и криптовалюты [Арзуманова, 2014; Кучеров, 2020; Ротбарт, 2020].

На первый взгляд, исторический метод логичен и объясняет появление денег, а значит, полезен и для определения их природы. Однако это не так. Главным достоинством исторического метода как такового является наглядная демонстрация изменения сущности рассматриваемого явления. Он позволяет акцентировать внимание на революционных изменениях сущности явления и противопоставить новое предыдущему. Такое противопоставление позволяет выявить существенные и несущественные признаки явления. Существенные сохраняются при всех изменениях, несущественные – нет.

Применительно к эволюционной концепции, которая основывается на историческом методе, можно обнаружить странную метаморфозу: деньги, которые изначально считались товаром (вполне материальным), вдруг становятся долгом. И это превращение можно заметить при появлении всех новых форм денег. Например, банкноты изначально называли долгом банка по выдаче монеты, затем сами банкноты превратились в «товар», а их помещение в банк приводило к возникновению права требования, то есть уже безналичные деньги стали долгом. Криптовалюты отдельные эволюционисты также поспешили назвать долгом [Новосёлова, 2017]. Нетрудно заметить, что метаморфоза «товар – долг» не раскрывает существенных признаков явления, поскольку явление меняется на противоположное.

Другим следствием применения исторического подхода в трудах эволюционистов является то, что им так и не удалось сделать главное для любой теории – дать определение основному явлению. Вместо этого они предлагают выводить понятие денег из их функций [Егоров, Егорова, 2006].

Здесь стоит сразу заметить, что ни в каких других исследованиях авторы не пытаются вывести определение исследуемого явления через его функции. И это не удивительно, поскольку логика требует, чтобы определение давалось посредством указания на существенные признаки явления, а не на его функции [Кириллов, Старченко, 2016]. Данное требование следует из общепhilosophического понимания действительности: функции объекта зависят от его формы или структурных особенностей, но не способов использования. Например, определение яблока невозможно дать исходя из того, что это пища, поскольку помимо этого, яблоко можно использовать как объект инсталляции, модель для натюрморта, метательный снаряд, – всё ограничивается фантазией человека. Если исходить из функционального подхода, то дать определение объекту не получится.

Так почему же эволюционисты рассматривают определение денег исходя из их функций (средства обращения, меры стоимости, средства платежа, средства накопления и мировых денег)? Представляется, что выявить суть денег в отличие от многих других объектов не так просто. Главная ошибка эволюционистов кроется в том, что они изначально воспринимают деньги как товар. Но категория «товар» в их трудах часто необоснованно расширяется и включает чуть ли не все экономические блага, которые можно обменять [Менгер, 2005]. Такое расширение – прямое следствие неспособности описать сущность денег. Например, появление безналичных денег и криптовалют стало камнем преткновения – они не имеют материальной формы, как все остальные товары.

Не трудно заметить также, что подобный подход противоречит сам себе. Это противоречие заключается в том, что, расширяя категорию «товар», эво-

люционисты приравнивают различные экономические явления (вещи, права требования, ценные бумаги и др.), но в то же время они стараются подчеркнуть уникальность денег. Деньги являются уникальным явлением, но в то же время ими является всё, что выполняет их функции [Макконелл, Брю, Флинн, 2023].

Помимо косвенных возражений относительно верности тезиса «деньги – это товар», можно привести и более сложное рассуждение, суть которого сводится к отделению товаров, с одной стороны, и финансовых инструментов – с другой¹.

Вся экономика делится на два больших сектора – реальный и финансовый. Люди живут только благодаря тому, что потребляют; то, как они это делают, – вопрос экономики [Экономическая теория..., 2020]. Чтобы потребить, человек должен обладать чем-то, что позволяет удовлетворить его потребность, например, пищей и т.д. Но эти средства потребления сначала должны как-то появиться. Многие из них являются результатом действия сил природы, человек для их получения затрачивает лишь небольшую долю труда (воздух, вода, сельскохозяйственные продукты, дикие животные и т.п.). Другие требуют больших усилий и переработки. Помимо труда, человек использует также всевозможные орудия, которые повышают его производительность. Различные сочетания земли (ресурсов), труда и реального капитала дают разнообразие товаров – материальных предметов, используя которые, человек может удовлетворить различные потребности. Существуют также услуги, которые также отличаются материальными последствиями: массаж, стрижка и ремонт дома – наи-

более очевидные тому примеры. Все вместе они составляют реальный сектор экономики, то есть тот, в рамках которого производятся потребительские и производственные блага (поэтому он и «реальный»). Появление реальных благ (товаров и услуг) – это следствие комбинации сил природы, труда и применения капитального оборудования. Другими словами, реальный сектор экономики связан с преобразованием вещества из одной формы в другую – из непригодной в пригодную для потребления.

Однако финансовый сектор в этом плане отличается от реального. Он существует лишь для того, чтобы обеспечить обмен и распределение товаров и услуг. Другими словами, основой финансового сектора выступают отношения между людьми, а не материальные блага. Чтобы задачи финансового сектора были достигнуты, существуют специальные средства (инструменты), которые способствуют реализации соответствующих экономических отношений [Финансовые рынки..., 2020]. Например, облигации – это одна из форм долга, акции оформляют отношения внутри акционерных обществ. Но главным средством выступают деньги, поскольку именно их используют в большинстве случаев для обмена благ – как на существующие, так и на будущие.

Финансовые инструменты сильно отличаются от благ реального сектора. Во-первых, они появляются в результате эмиссии, а не производства. Во-вторых, они не обладают потребительской ценностью (они не состоят из вещества и не могут быть потреблены человеком). В-третьих, их ценность неразрывно связана с действиями эмитента.

Эмиссия – это исключительно правовой акт. Листки бумаги и штам-

1 Можно выделить и другие виды экономических благ, но для данного исследования это не требуется.

пованные куски металла становятся деньгами только тогда, когда будут перемещены из резервов в оборотные кассы расчетно-кассовых центров Банка России [Арзуманова, 2015]. Само это перемещение не меняет физических характеристик наличных денег, но порождает юридический факт, который и служит основанием возникновения денег как таковых. Выпуск ценных бумаг носит схожие черты.

Деньги, равно как и ценные бумаги, не обладают потребительской ценностью, как товары и услуги реального сектора экономики. Она возникает только тогда, когда веществу придана соответствующая форма, финансовые инструменты нематериальны, следовательно, не обладают вещественной формой и непотребляемы априори. На эту особенность денег обращают свое внимание в том числе представители эволюционного подхода [Финансовое право..., 2015]. Финансовые инструменты приносят пользу лишь в рамках общественных отношений, причем потребительской стоимостью обладают в этом случае либо обмениваемые товары, либо оказываемые услуги, а не инструменты сами по себе.

Еще одна особенность финансовых инструментов заключается в том, что даже после их первичного отчуждения эмитент продолжает оказывать значительное влияние на их ценность. Если в реальном секторе ценность товара формируется в результате его последующей переработки (другими словами, при переходе от одного продавца к другому), то при таком же переходе финансовых инструментов изменение ценности не наблюдается. В то же время эмитент («первый продавец») продолжает оказывать влияние на их ценность. Например, экономические затруднения компании непременно скажутся на стоимости ее акций и облигаций. Если центральный банк

не сможет обеспечить стабильность выпущенных им денег, то они обесценятся.

Отсюда можно сделать вывод, который позволит перейти ко второй части настоящего исследования, а именно о наличии прямой связи между владельцем денег и их эмитентом. Данная связь присуща только финансовым инструментам, ею не обладают товары и услуги.

Таким образом, с экономической точки зрения деньги нельзя рассматривать как товар (материальное благо, обладающее потребительной ценностью), они являются средством финансового сектора экономики (финансовым инструментом), что опровергает главный тезис эволюционистов. Деньги появились не в результате обмена, а для обмена.

Эволюционный подход, который сформировался в экономической науке, был заимствован исследователями-правоведами для определения денег уже как юридического явления. Но такое прямое заимствование привело к тем же проблемам: деньги стали сильно выделяться на фоне остальных «товаров». Это породило проблему безналичных денег и криптовалют. Первые пришлось назвать правами требования к банку [Брагинский, Витрянский, 2011], а о правовой природе вторых до сих пор ведутся споры.

В завершение обзора основных теорий денег следует кратко описать недостатки долговой теории Д. Гребера и государственной теории Г. Кнаппа.

Долговая теория предполагает, что деньги первоначально являлись долговыми расписками, которые в условиях неравнозначности обмена служили фиксаторами недополученной стоимости. Д. Гребер в своей книге «Долг: первые 5000 лет истории» приводит примеры с долговыми расписками времен Шумерского царства. Изначаль-

но, по мнению автора, долг возвращался кредитору, но впоследствии люди додумались его передавать другим лицам, для этого составлялись расписки [Гребер, 2015]. Другими словами, такие расписки сами стали использоваться для восполнения недостающей стоимости переданных товаров.

Несмотря на логичность этой концепции и ее подтверждение существованием банкнот, она всё же не лишена недостатков. Во-первых, выплата долга по таким распискам должна была производиться должником текущему кредитору (владельцу расписки), которого в большом городе нужно было еще найти. Учитывая неразвитость информационных технологий в Древнем мире, существование такой денежной системы было бы невозможным. Передача расписки, пусть и была возможна, но только ограниченное количество раз, отсюда их использование в качестве денег вызывает сомнения.

Во-вторых, такие расписки, по мнению Д. Гребера, появились из-за неравнозначности обмениваемых товаров. Но тогда возникает вопрос: как простая отсрочка способна эту равнозначность восстановить? Если обмену подлежали плуг и корова (стоимость 1,5/1), то недостающая половина коровы должна была стать долгом. Однако полкоровы – это весьма странное обозначение стоимости, если учитывать, что признаком денег является универсальность (полкоровы – это явно не универсальный товар или стоимость). Если признать, что расписки фиксировали долг в универсальном товаре, например зерне, то непонятно, почему в качестве денег использовались они, а не само это зерно? Если такие расписки на зерно

рассматривать как прообраз банкнот, то эту теорию нельзя применять ко всем формам денег.

Таким образом, долговая теория денег является фрагментарной и имеет в своем основании весьма сомнительные посылы, точнее, их неверную интерпретацию.

Государственная теория денег Г. Кнаппа была популярна в конце XIX – начале XX в. Ее суть состоит в том, что только государство создает деньги и устанавливает их платежную силу [Луни, 2004].

Государственная теория много критиковалась, здесь же стоит отметить, что Г. Кнапп смешал две разные категории: денег и законного платежного средства. Последнее – это правовой режим, который установлен в отношении уже существующих денег. Государство может обязать всех использовать определенные деньги в расчетах, но не может этим распоряжением создать спрос на них. В этом случае спрос на деньги следует основному рыночному закону: если деньги обесценены, то экономические агенты будут использовать не их, а бартер и зачеты. Лишь уплата налогов будет стимулировать спрос на такие деньги, но это лишь часть спроса, которую нельзя рассматривать как универсальное объяснение природы денег.

Государственная теория опровергается также существованием частных денежных систем, например криптовалютных. Факт названия криптовалют денежными суррогатами означает лишь установление соответствующего правового режима – запрета на их использование в расчетах, но никак не влияет на их существование².

2 Данный вывод подтверждается еще тем, что биткойны в России являются денежным суррогатом (их нельзя использовать для платежей), а в Сальвадоре признаны законным платежным средством наравне с долларом США (статья Закона Сальвадора от 8 июня 2021 г. № 57 «О Биткойне» // URL: <https://www.asamblea.gob.sv/leyes-y-decretos/decretos-por-anios/2021/0> (дата обращения: 07.09.2024)).

Таким образом, государственная теория денег Г. Кнаппа возникла из смешения таких явлений, как деньги и законное платежное средство. К сожалению, такое смешение до сих пор встречается в современной юридической литературе.

В итоге существующие теории денег (эволюционная, долговая и государственная) не могут объяснить полностью природы денег и связанных с ними явлений. Деньги не являются товаром, их нельзя рассматривать как часть реального сектора экономики, они финансовый инструмент.

Деньги как средство оказания их эмитентом услуги по управлению системой денежного обращения

Анализ основных теорий денег показал, что они основаны на неверном тезисе, который доказывается с нарушением правил научной аргументации. Вместо этого предлагается рассмотреть другую концепцию, которая, по нашему мнению, могла бы по-новому объяснить существующие закономерности, и при этом были бы соблюдены требования научного метода исследования.

Основные тезисы предлагаемой концепции звучат так:

1. Не деньги обладают ценностью, а система денежного обращения.
2. Система денежного обращения управляется эмитентом, и такое управление является услугой, которая оказывается им пользователям этой системы.
3. Деньги – это средство оказания такой услуги.

Нетрудно заметить, что предлагаемые тезисы выстроены в логическом порядке и для их подтверждения требуется сначала обосновать ценность не денег, а системы денежного обращения, а затем показать, что управление этой системой – это услуга, которая оказывается эмитентом пользователям.

Для начала следует определить, что является ценностью, другими словами, что обладает полезностью для экономических субъектов: деньги или система денежного обращения. В науке доминирует подход, утверждающий, что это деньги. Этот взгляд основан на уже опровергнутом тезисе, что последние являются товаром. Однако эволюционисты верно замечают, что внутренняя (потребительская) ценность у денег отсутствует. Они ценны лишь потому, что могут быть обменяны на другие товары. Так или иначе, все рассуждения неизбежно упираются в необходимость определить, что приносит пользу экономическим субъектам.

Граждане и юридические лица используют деньги для обмена товаров. Другие приписываемые деньгам функции (меры стоимости, средства платежа, средства накопления и мировых денег), по верному замечанию Людвиг фон Мизеса, являются лишь подфункциями главной – средства обмена [Mises, 2009]. Но если рассмотреть спрос на деньги как средство обмена, то можно заметить одну особенность. Индивиды прибегают к ним лишь тогда, когда уверены, что за полученные взамен товара деньги можно будет купить другие товары или услуги. Это важнейшее свойство – универсальность – относится не к конкретным деньгам, а к их совокупности.

Если бы деньги были товаром и могли бы удовлетворять потребности сами по себе, то спрос на них со стороны других людей не был бы необходимым условием их существования. Например, продукты питания, жилье, мебель и другие товары приносят пользу вне общественных отношений – для удовлетворения потребностей их посредством людям не нужно вступать в общественные отношения с другими людьми. В действительности же деньги не могут использоваться вне

общественных отношений. Их существование зависит от всеобщего согласия их применять в расчетах, причем такое согласие обусловлено стабильностью их обращения. Стабильность – свойство, которое невозможно отнести к конкретным монетам, банкнотам, безналичным или цифровым деньгам, – это свойство системы их обращения.

Поскольку универсальность и стабильность не могут быть отнесены к конкретным деньгам как таковым, а лишь к системе их обращения, значит, полезностью и, следовательно, ценностью для экономических субъектов обладают не деньги как таковые, а система их обращения.

Косвенными доказательствами выдвинутого тезиса можно считать следующие эмпирические наблюдения.

1. Индивидам и юридическим лицам неинтересны конкретные банкноты, монеты или записи на банковском счете – их интересует именно валюта в общем смысле, точнее, удобство ее использования и стабильность. Мало кто способен назвать номера банкнот в кошельке, зато сумму денег и валюту назовут многие.

2. Владельцы денег обращают внимание на поведение эмитента и макроэкономические события. Они пристально следят за действиями Центрального банка, например новостями об изменении ключевой ставки, изменении денежной массы в обороте, появлении новых форм денег (цифрового рубля). Также существенное влияние оказывают колебания курсов валют, введение административных ограничений и т. п.

3. Ценность валюты также зависит от инфраструктурных особенностей ее оборота. Например, наличие банкоматов, платежных терминалов, отделений банков, доступа к Интернету, возможности использовать деньги в международных контрактах существенно расширяют возможности денежной системы, а значит, и ее ценность.

Таким образом, теоретические рассуждения и эмпирические наблюдения показывают, что экономические субъекты на самом деле используют не деньги как таковые, а систему их обращения.

В заключение рассуждений относительно полезности системы денежного обращения следует отметить, что под ней понимается. Представляется, что она состоит из денег и инфраструктурных особенностей их обращения. Деньги – разумеется, основной элемент любой системы денежного обращения. Помимо них, следует выделить элемент, который позволяет ими распоряжаться, другими словами, то, что позволяет индивидам перемещать их между собой, – инфраструктуру обращения. Нагляднее всего можно показать существование этого элемента на криптовалютах (цифровых деньгах). Их оборот неразрывно связан с существованием вычислительного оборудования и компьютерных программ. Без них индивиды не смогли бы перевести цифровые деньги. Система обращения безналичных денег основывается на системе банковских счетов, а наличных – на монетах и банкнотах, точнее, их материальных характеристиках: весе, защищенности от подделок, удобном номинале и т. п. Нетрудно заметить, что системы денежного обращения связаны с формой денег. В совокупности эти системы образуют валюту, или систему денежного обращения определенной страны.

Как видно, система денежного обращения – это техническая система. Когда ее используют индивиды, а управляет ею эмитент, можно говорить о существовании социальной системы. Данную систему можно назвать *денежной системой*. Она состоит из системы денежного обращения, эмитента (кто ею управляет и эмитирует деньги) и пользователей (кто ее использует). Между эмитентом и пользователями скла-

дываются взаимодействия: первые – по обеспечению стабильности системы денежного обращения и ее защиты, вторые – по использованию ее для обмена товаров и услуг (расчеты).

Существует также платежная система, назначение которой – в облегчении использования системы денежного обращения в расчетах между пользователями. Посредники (банки, платежные агенты и т.п.) облегчают взаимодействия между пользователями. Эта система основывается на системе денежного обращения, но в нее не входит.

Теперь, когда доказан первый тезис о том, что индивиды на самом деле используют не деньги, а систему денежного обращения, следует перейти ко второму тезису: показать, что управление такой системой – это услуга эмитента.

Для начала следует посмотреть на услугу с экономических позиций, определить ее признаки, а затем наложить полученный трафарет на отношения между эмитентом и пользователями.

Индивиды могут удовлетворять свои потребности посредством использования определенных предметов (товаров) или же действий других индивидов (услуги). Из этого факта следует, что услуга, во-первых, является действием одного индивида (юридического лица), во-вторых, она нематериальна (не имеет формы вещи). Нематериальность услуги означает также, что ее нельзя накопить и обменять. Невозможность обмена и неотделимость пользы от действия влечет невозможность существования услуги вне связи между тем, кто ее оказывает, и тем, кто ее потребляет. Действия исполнителя услуги неизбежно влекут изменения в состоянии потребителя, например, стрижка волос избавляет потребителя от неудобств, вызванных длинными волосами, консультация помогает потребителю понять какой-то аспект его деятельности и т.п.

Таким образом, услуга – это отношение между ее исполнителем и потребителем (клиентом), в результате которого действия исполнителя всегда ведут к изменению состояния потребителя.

Определившись с сущностью услуги, следует рассмотреть связанные с ее оказанием вопросы, а именно предварительные условия оказания услуги, правила ее оказания, а также основание возникновения отношений по оказанию услуги.

Предварительные условия оказания услуги – это обстоятельства, которые формируют спрос на услугу. Со стороны потребителя услуги – это наличие определенной потребности, которая может быть удовлетворена только посредством услуги. В ранее рассмотренном примере с консалтинговыми услугами это потребность в знании или информации о чем-то. Со стороны исполнителя услуги это умение ее оказывать и стремление получить доход от ее оказания. Если потребность в определенных действиях и умение их осуществлять совпадают, то стороны заключают соглашение об оказании услуги.

Данное соглашение часто отражает не только желания сторон, но и порядок оказания услуги. Данный порядок (или алгоритм) основывается на объективных предпосылках: например, чтобы подстричь человека, нужно использовать специальные инструменты и придерживаться определенной техники стрижки. Фактически же эти подробности сторонами не оговариваются, но подразумеваются (например, потребитель считает, что «исполнителю виднее»).

Основанием возникновения услуги следует считать начало ее оказания. В данном случае мы говорим не о юридическом основании, а об экономическом (фактическом). В некоторых слу-

чаях момент начала не так очевиден, как в случае со стрижкой. Например, информационные услуги начинают оказываться, когда потребитель подключился к определенной информационной платформе или приобрел средство оказания услуги, например, сим-карту для оказания услуги связи или билет для оказания услуги по перевозке.

Таким образом, можно выделить четыре значимых момента для последующего анализа услуги по управлению системой денежного обращения:

1. Сущность услуги – это отношение между ее исполнителем и потребителем (клиентом), в результате которого действия исполнителя всегда ведут к изменению состояния потребителя.

2. Предварительные условия – наличие спроса и предложения.

3. Порядок оказания услуги.

4. Основание возникновения услуги.

Индивиды, юридические лица и публично-правовые образования заинтересованы в стабильности системы денежного обращения. Спрос на стабильность является прямым следствием удобства системы денежного обращения: обмен, измерение ценности, накопление и проведение международных сделок крайне затруднительны, если вообще возможны, когда стоимость денег меняется скачкообразно или созданы препятствия для их свободного обращения. Для пользователей неважна номинальная стоимость денег, им нужна их стабильность.

Обеспечение стабильности – задача не из легких, особенно если учесть, что экономика постоянно меняется, в ней случаются подъемы и спады, меняются торговый и платежный ба-

лансы. Всё это требует постоянного мониторинга экономических процессов и принятия мер по поддержанию стабильности денежного обращения. Что может побудить эмитента этим заниматься? Если мы говорим о частной системе денежного обращения, например криптовалютной, то это выгода. Оператор данной системы получает вознаграждение за проведение операций пользователей. Если речь идет о публичной системе, например рубле, то предложение услуги основывается на конституционной обязанности Банка России по обеспечению стабильности рубля. Он не рассчитывает на прибыль, но обязан оказывать эту услугу в силу требований Конституции Российской Федерации³.

Как было сказано выше, ценностью обладает система денежного обращения, а не деньги, поскольку пользователи используют именно ее. Существование же этой системы в отрыве от эмитента невозможно хотя бы потому, что некому было бы эмитировать деньги. Помимо этого, система денежного обращения постоянно нуждается в настройке: она должна реагировать на изменения в реальном секторе экономики. Чтобы она оставалась полезной пользователям, эмитент должен постоянно ею управлять. Таким образом, можно заметить связь между эмитентом и пользователями через систему денежного обращения. Если эмитент справляется со своей обязанностью, то пользователи могут нормально ее применять. Если нет, то нестабильность тут же отразится на их положении: накопления обесценятся (они не смогут нормально получать доходы и тратить их), ценники будут посто-

3 Схожее понимание обеспечения стабильности системы денежного обращения было закреплено в законодательстве США (Section 2A of Federal Reserve Act, 1913), Европейского союза (Article 2, 3 of Protocol on The Statute of The European System of Central Banks and of The European Central Bank, 29.07.1992), Китая (статья 3 Закона о Народном банке КНР от 18.03.1995), стран СНГ и других государств.

янно переписываться, а международная торговля значительно сократится. Как видно, действия эмитента непосредственно влияют на имущественное состояние пользователя, что соответствует определению услуги.

Порядок оказания услуги по управлению системой денежного обращения в теории прост, но в исполнении невероятно сложен. Управление системой денежного обращения сводится к эмиссии и изъятию денег из оборота таким образом, чтобы обеспечивалась ее стабильность. На практике же эта простая формула значительно усложняется прогнозированием макроэкономических факторов, получением статистики, политическим давлением, правильностью применения мер денежно-кредитной политики и реагированием на колебания иностранных валют⁴. При этом, несмотря на долгое существование систем денежного обращения, понимание о том, как ими управлять, стало формироваться лишь после Великой депрессии (1929–1933) – кризиса, который разрушил прежние представления об экономике.

Сегодня сформировалась система мер, которая помогают эффективно обеспечивать стабильность системы денежного обращения, они получили название мер денежно-кредитной политики. К ним относятся: определение нормы резервирования, операции на открытом рынке, установление ключевой ставки, валютные интервенции и некоторые другие. Их суть сводится к манипуляции возможностью коммерческих банков увеличивать предложение денег в обороте [Макконелл, Брю, Флинн, 2023].

Валютные интервенции имеют своей целью достижение нужного курса иностранной валюты путем ее покупки или продажи. Обычно они применяются для сглаживания скачков спроса и предложения на иностранную валюту, курс которой неразрывно связан с курсом национальной и влияет на стабильность последней [Международные валютно-кредитные отношения..., 2018].

Таким образом, порядок оказания услуги по управлению системой денежного обращения в общем виде представляет собой алгоритм действий, направленный на поддержание стабильности этой системы.

Последним элементом, который следует здесь рассмотреть, является основание возникновения услуги по управлению системой денежного обращения. Отдельного соглашения и непосредственного взаимодействия между представителями эмитента и пользователями нет, однако услуга эта носит характер присоединения, другими словами, связь между эмитентом и пользователем возникает лишь с момента принятия денег последним. Это суждение относительно просто доказать: если у индивида нет денег, то действия эмитента на него не оказывают никакого влияния (если не учитывать общее состояние экономики). Но если индивид принял деньги, то эмитент уже будет влиять на его имущественное состояние. Таким образом, услуга по управлению системой денежного обращения оказывается в период владения деньгами.

В итоге тезис о том, что управление системой денежного обращения – это

4 Стоит отметить, что в современной экономической литературе и практике центральных банков сформировался подход, направленный на установление и достижение приемлемого уровня инфляции (таргетирование инфляции). На первый взгляд, эта практика может показаться противоречащей достижению стабильности системы денежного обращения (стабильность как нулевая инфляция), однако представители этого подхода справедливо замечают, что минимальная контролируемая инфляция нужна, чтобы избежать спирали дефляции – явления, которое еще опаснее для стабильности, нежели инфляция. Таким образом, политику таргетирования инфляции можно назвать одним из способов надлежащего исполнения обязанности по обеспечению стабильности системы денежного обращения, а не ее нарушением.

услуга эмитента, которая оказывается им пользователям этой системы, нашел свое подтверждение.

Последняя ремарка, которую следует здесь сделать, касается места денег в предложенной концепции. Представляется, что они являются лишь средством оказания данной услуги. Это следует из того, что пользование системой денежного обращения возможно только через владение деньгами, а также из того, что эмитент управляет этой системой преимущественно через изменение количества денег в обороте.

Проблема правового регулирования услуги по управлению системой денежного обращения в России

Определение отношения между пользователем и эмитентом как услуги – новая концепция, которая, естественно, не нашла своего отражения в законодательстве. В российском праве доминирует подход эволюционистов. Однако расхождение между правом и экономикой не так критично, как может показаться на первый взгляд⁵.

Установление режима права собственности на наличные деньги и режима права требования на безналичные вполне отвечает интересам владельцев денег, но только в ситуациях, когда их права нарушаются другим субъектом частного права. Однако защиты от пагубных действий эмитента российским законодательством не предусмотрено, поскольку законодатель вообще не считает, что между пользователем и эмитентом есть отношение. Пользователи системы денежного обращения не обладают средствами за-

щиты от ненадлежащего исполнения Банком России обязанности по обеспечению стабильности этой системы.

Несмотря на отсутствие прямых способов защиты, российское законодательство предоставляет пользователям косвенные способы защиты, среди которых можно назвать самозащиту и методы опосредованного волеизъявления граждан.

Самозащита может проявляться в трех формах: абсолютного отказа от использования рубля, относительного отказа и перехода на иностранную валюту и денежные суррогаты.

Абсолютный отказ – это отказ от денег вообще. Он свойственен натуральным хозяйственным системам. Это наименее действенный способ защиты, поскольку современная экономика не может функционировать без денег, а натуральное хозяйство сохранилось лишь в изолированных сообществах.

Относительный отказ – это применение системы зачетов и бартера как альтернативы системе денежного обращения. Зачеты и бартер более эффективны по сравнению с натуральной системой хозяйствования и в некоторых случаях предпочтительнее денег (клиринг на рынке ценных бумаг, расчеты с поставщиками в строительной отрасли и т.п.). При нестабильности систем денежного обращения популярность бартера и зачетов возрастает (например, в 1920-е в Германии и 1990-е в России).

Если абсолютный и относительный отказ от денег является законным, то переход на иностранную валюту и денежные суррогаты, на первый взгляд, запрещен. Запрет напрямую следует из положения части 1 ст. 75 Конституции Российской Федерации

5 Стоит сказать, что по смыслу содержание конституционной обязанности Банка России по обеспечению устойчивости рубля совпадает с выявленной в ходе экономического анализа его обязанностью как эмитента по обеспечению стабильности управляемой им системы денежного обращения.

и отдельных положений федеральных законов: ст. 27 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»⁶, п. 1 ст. 140 Гражданского кодекса Российской Федерации и ч. 1 ст. 9 ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»⁷. Однако, как представляется, данный запрет распространяется только на ситуации, когда Банк России надлежаще исполняет свою конституционную обязанность по обеспечению стабильности рубля. В случае нарушения данной обязанности возникает конфликт между названными нормами и положением ч. 1 ст. 8 Конституции Российской Федерации, которое устанавливает свободу экономической деятельности. Последняя невозможна без стабильной системы денежного обращения. Если Банк России нарушает свою обязанность, следовательно, он создает препятствия для реализации данной свободы. Причем эти препятствия нельзя трактовать как ограничения прав и свобод, порядок применения которых предусмотрен ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. Таким образом, в случае нарушения Банком России обязанности по обеспечению стабильности рубля возникает конфликт положений Конституции Российской Федерации. Конституция Российской Федерации содержит правило, в соответствии с которым положения Главы 1 обладают приоритетом над другими (ч. 2 ст. 16 Конституции Российской Федерации). Поскольку положение ч. 1 ст. 8 относится к основам конституционного строя, то оно обла-

дает приоритетом над положением ч. 1 ст. 75. В итоге в случае нарушения Банком России своей обязанности по обеспечению стабильности рубля граждане и юридические лица вправе применять иностранную валюту и денежные суррогаты в расчетах⁸.

Самозащита – не единственный способ защиты прав пользователей системой денежного обращения. Они также могут опосредованно влиять на действия Банка России через другие высшие государственные органы. Данная связь складывается из двух конституционных правоотношений: правоотношения по выборам депутатов Государственной Думы Российской Федерации и Президента Российской Федерации. Они, в свою очередь, обладают полномочиями по назначению и отстранению Председателя и членов Совета директоров Банка России⁹. Однако на практике применение данного способа защиты чрезвычайно затруднительно, а процедуры назначения и отрешения от должности в высшей степени подвержены политической конъюнктуре.

Помимо чисто юридических проблем, следует обратить внимание и на фактические обстоятельства, которые препятствуют защите пользователями своих прав. К ним можно отнести невозможность компенсации убытков и обеспечение независимости служащих Банка России.

Невозможность компенсации убытков связана с тем, что последние возмещаются в рублях. Другими словами,

6 Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ. – 2002. – № 28. – Ст. 2790 (с изм. и доп.).

7 Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4859 (с изм. и доп.).

8 Следует отметить, что подобное толкование конституционных норм вряд ли найдет свое место на практике, поскольку суды и другие правоприменительные органы склонны формально толковать нормы законов. Тем не менее с теоретической точки зрения этот вопрос следовало рассмотреть.

9 Статьи 14 и 15 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)».

компенсация в связи с обесценением рубля должна выплачиваться самим этим обесцененным рублем. Множество исков привело бы к необходимости дополнительной эмиссии, что только усугубило бы ситуацию. Ухудшение ситуации последовало бы и в случае выплаты компенсации в других валютах или драгоценных металлах: Банк России был бы вынужден их закупать, что еще сильнее понизило бы курс рубля.

Проблема обеспечения независимости служащих Банка России родственна проблеме обеспечения независимости судей, адвокатов и избираемых должностных лиц. Ее суть состоит в определении баланса между самостоятельностью и пресечением злоупотреблений. В случае с судьями, адвокатами и депутатами законодатель решил усложнить порядок их привлечения к ответственности, но в случае со служащими Банка России он поступил своеобразно: исключил их публичную ответственность вообще. Данный иммунитет установлен посредством исключения из перечня должностных лиц в Уголовном кодексе Российской Федерации и Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации служащих Банка России, которые под другие перечисленные категории не попадают¹⁰. Представляется, что достичь баланса между независимостью Банка России и его ответственностью можно посредством замены абсолютного иммунитета его руководства и служащих относительным – усложненной процедурой привлечения к уголовной и административной ответственности. Чтобы возбудить соответствующее дело, следует получить согласие Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Выбор данного органа

связан с тем, что он не принимает участия в назначении и освобождении от должности руководства и служащих Банка России, а значит, менее подвержен политическим мотивам.

Таким образом, главной проблемой правового регулирования отношений между пользователями системы денежного обращения и эмитента в России является перекос в пользу Банка России и, как следствие, практически полная беззащитность пользователей. Представляется, что для устранения данного перекоса следует как минимум отменить абсолютный иммунитет служащих Банка России, заменив его усложненным порядком привлечения к публичной ответственности (относительным иммунитетом). В перспективе следует прямо установить в Конституции Российской Федерации, что отношения между пользователями и эмитентом – это услуга по управлению системой денежного обращения, а также закрепить право пользователей на использование иностранных валют и денежных суррогатов в случае ненадлежащего исполнения Банком России своей обязанности.

Заключение

Несмотря на достаточно длительный интерес к исследованию природы денег и систем их обращения, эта тема продолжает оставаться актуальной и востребованной в современном мире. Появление новых форм денег лишь усиливает спрос на качественное научное объяснение их природы. К сожалению, за столь долгий период изучения в науке сформировалась лишь одна парадигма, основные положения которой были сформулированы еще Аристоте-

10 Гришанов С. Об «уголовной безответственности» руководителей ЦБ // Адвокатская газета. – 2018. – 14 мая. – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/ob-ugolovnoy-bezotvetstvennosti-rukovoditeley-tsb/?ysclid=m03m7sjszv979870204> (дата обращения: 01.09.2024).

лем и развиты Адамом Смитом. Эволюционная теория, хоть и остается пока доминирующей, но обладает недостатками, которые, так или иначе, приведут к смене научной парадигмы. Вместо нее читателю было предложено другое объяснение природы денег и систем их обращения, которое, по нашему мнению, более соответствует действительности, нежели позиции, изложенные в других концепциях.

Среди выводов предложенной теории следующие:

1. Ценностью обладает система денежного обращения, а не деньги.
2. Эмитент оказывает пользователям системы денежного обращения услугу по ее управлению.
3. Деньги являются средством оказания данной услуги, а не самостоятельной ценностью или товаром.

На основе сформулированных позиций, а главное, установления наличия отношения между эмитентом и пользователями системы денежного обращения удалось дать юридическую оценку существующему законодательству Российской Федерации на предмет его соответствия экономической действительности.

Несмотря на закрепление в Конституции Российской Федерации обязанности Банка России обеспечивать стабильность рубля (что, в принципе, соответствует предложенной в данном исследовании концепции), были выявлены факт перекоса регулирования в пользу Центрального банка Российской Федерации и отсутствия надлежащих и эффективных гарантий прав пользователей системы денежного обращения. В частности, последние могут защищать свое право на стабильную систему денежного обращения лишь посредством самозащиты и воздействия на избираемых ими депутатов Государственной Думы Российской Федерации и Президента Российской Федерации.

Было выявлено также противоречие норм Конституции Российской Федерации, которыми, с одной стороны, провозглашается свобода экономической деятельности, а с другой – защищаются препятствия к ее реализации в случае нарушения Банком России своей обязанности по обеспечению стабильности рубля. Противоречие было разрешено в пользу свободы экономической деятельности. Хотя на практике применение данной теоретической конструкции будет затруднено – не только по политическим причинам, но и вследствие сложности формального определения нарушения Банком России своей обязанности.

Также было предложено отменить абсолютный иммунитет служащих Банка России и заменить его относительным – усложненной процедурой привлечения к ответственности.

Список литературы

Арзуманова Л.Л. Денежное обращение и история его развития (финансово-правовой аспект) : монография / под ред. Е.Ю. Грачёвой. – Москва : Проспект, 2014. – 264 с.

Арзуманова Л.Л. Система права денежного обращения как подотрасль финансового права Российской Федерации : монография / отв. ред. Е.Ю. Грачёва. – Москва : Проспект, 2015. – 127 с.

Аристотель. Политика : пер. с древнегреч. – Москва : РИПОЛ классик, 2016. – 384 с.

Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга пятая : в 2 т. Т. 2. Договоры о банковском вкладе, банковском счете, банковские расчеты. Конкурс, договоры об играх и пари. 2-е изд., стереотип. – Москва : Статут, 2011. – 623 с.

Гребер Д. Долг: первые 5000 лет истории. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2015. – 528 с.

Егоров Д.Г., Егорова А.В. К вопросу об определении понятия «деньги» // Финансы и кредит. – 2006. – № 5. – С. 14–16.

Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика : учебник для бакалавров / под общ. ред. В.И. Кириллова : 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2016. – 240 с.

Кучеров И.И. Законные платежные средства: теоретико-правовое исследование : монография. – Москва : Проспект, 2020. – 392 с.

Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. 2-е изд., испр. – Москва : Статут, 2004. – 350 с.

Макконелл К.Р., Брю С.Л., Флинн Ш.М. Экономикс: принципы, проблемы и политика : учебник. 21-е изд. : пер. с англ. – Москва : ИНФРА-М, 2023. – 1152 с.

Международные валютно-кредитные отношения : учебник / Н.Н. Мокеева [и др.]; под общ. ред. Н.Н. Мокеевой. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 360 с.

Менгер К. Избранные работы : пер. с нем. – Москва : Территория будущего, 2005. – 496 с.

Новосёлова Л.А. О правовой природе биткойна // Хозяйство и право. – 2017. – № 9. – С. 3–16.

Ротбарт М. Государство, деньги и центральный банк : пер. с англ. и фр. – 2-е изд. – Москва; Челябинск : Социум, 2020. – 207 с.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов : пер. с англ. П. Ключкина. – Москва : Эксмо, 2018. – 1056 с.

Финансовое право: учебник для бакалавров / отв. ред. Е.Ю. Грачёва. – Москва : Проспект, 2015. – 648 с.

Финансовые рынки и институты : учебник и практикум для вузов / под общ. ред. Н.Б. Болдыревой, Г.В. Черновой. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2020. – 403 с.

Экономическая теория : учебник для вузов / под общ. ред. В.Ф. Максимова. 2-е изд. перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2020. – 592 с.

Mises L. The Theory of Money and Credit : Transl. from German. – Auburn, Alabama : Ludwig von Mises Institute, 2009. – 493 P.

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.03

Management of the Money Circulation System as a Service Provided by the Issuer

Yuri G. IZOTOV

Postgraduate Student

National Research University Higher School of Economics

Pokrovsky Boulevard, 11, Moscow, Russian Federation, 109028

E-mail: ygizotov@gmail.com

ORCID: 0009-0005-5592-1055

CITATION: Izotov Yu.G. (2025). Management of the Money Circulation System as a Service Provided by the Issuer. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 2, pp. 44–61 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.03

Received: 09.11.2024.

Revised: 17.03.2025.

ACKNOWLEDGEMENT. The study was carried out within the framework of the project “Category of legal positions of constitutional judicial review bodies” of the National Research University Higher School of Economics.

ABSTRACT. *The study addresses the nature of money and monetary systems, as well as problems related to the legal regulation of the corresponding relations. To achieve this goal, the following tasks were set: to analyze existing theories of money and identify their shortcomings; to formulate and substantiate a new concept of money as a means of providing a service by its issuer to users of the monetary circulation system; and to identify problems in the legal regulation of monetary use in Russia. Each of these issues is addressed in a separate section of the study. The author criticizes the main thesis of evolutionist theory, which holds that money is a commodity and an independent economic good. In his view, individuals and legal entities do not directly use money itself, but rather the monetary circulation system, which constitutes the actual object of value. The management of this system is presented as a service provided by the issuer. This new*

conceptualization offers a different perspective on the legal regulation of the relevant social relations. The study finds a strong bias in favor of the Bank of Russia and an almost complete lack of protection for ruble users. It also reveals a contradiction within the Constitution of the Russian Federation, which simultaneously guarantees freedom of economic activity while restricting its implementation if the Bank of Russia fails to fulfill its obligation to maintain the stability of the ruble – due to the prohibition on the use of foreign currencies and monetary surrogates. The conflict was resolved in favor of economic freedom. The study proposes solutions to other regulatory issues, such as the absolute immunity of employees of the Bank of Russia.

KEYWORDS: money, monetary circulation system, monetary system, central bank, legal status of the Bank of Russia, emission, theories of money, nature of money.

References

- Aristotle. (2016). *Politics*. Moscow: RIPOI classic, 384 pp. (transl. into Russian).
- Arzumanova L.L. (2014). *Money Circulation and the History of Its Development (Financial and Legal Aspect)*. Gracheva E.Yu. (ed.). Moscow: Prospect, 264 pp. (in Russian).
- Arzumanova L.L. (2015). *The System of Money Circulation Law as a Sub-sector of Financial Law of the Russian Federation*. Gracheva E.Yu. (ed.). Moscow: Prospect, 127 pp. (in Russian).
- Braginsky M.I., Vitryansky V.V. (2011). *Contract Law. Book Five: in 2 Volumes. Vol. 2. Agreements on Bank Deposit, Bank Account, Bank Settlements. Competition, Agreements on Games and Bets*. Moscow: Statut, 623 pp. (in Russian).
- Ekonomicheskaya teoriya... (2020). Maksimova V.F. (ed.). *Economic Theory: A Textbook for Universities*. Moscow: Yurayt, 592 pp. (in Russian).
- Finansovoye pravo... (2015). Gracheva E.Yu. (ed.). *Financial Law: A Textbook for Bachelors*. Moscow: Prospect, 648 pp. (in Russian).
- Finansovyye rynki... (2020). Boldyreva N.B., Chernova G.V. (eds.). *Financial Markets and Institutions: A Textbook and Workshop for Universities*. Moscow: Yurait, 403 pp. (in Russian).
- Greber D. (2015). *Debt: The First 5000 Years of History*. Moscow: Ad Marginem Press, 528 pp. (in Russian).
- Egorov D.G., Egorova A.V. (2006). On the issue of defining the concept of “money”. *Finance and Credit*. No. 5, pp. 14–16 (in Russian).
- Kirillov V.I., Starchenko A.A. (2016). *Logic: a Textbook for Bachelors*. Moscow: Prospect, 240 pp. (in Russian).
- Kucherov I.I. (2020). *Legal Tender: A Theoretical and Legal Study*. Moscow: Prospect, 392 pp. (in Russian).
- Lunts L.A. (2004). *Money and Monetary Obligations in Civil Law*. Moscow: Statut, 350 pp. (in Russian).
- McConnell K.R., Brew S.L., Flynn S.M. (2023). *Economics: Principles, Problems and Policy: A Textbook*. Moscow: INFRA-M, 1152 pp. (transl. into Russian).
- Menger C. (2005). *Selected Works*. Moscow: Territory of the Future, 496 pp. (transl. into Russian).
- Mezhdunarodniye... (2018). Mokeeva N.N. et al. *International Monetary and Credit Relations: A Textbook*. Yekaterinburg: Publishing house of the Ural. University, 360 pp. (in Russian).
- Mises L. (2009). *The Theory of Money and Credit*. Auburn, Alabama: Ludwig von Mises Institute, 493 pp.
- Novoselova L.A. (2017). On the legal nature of bitcoin. *Business and Law*. No. 9, pp. 3–16 (in Russian).
- Rothbart M. (2020). *State, Money, and Central Bank*. Moscow; Chelyabinsk: Socium, 207 pp. (transl. into Russian).
- Smith A. (2018). *Research on the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Moscow: Eksmo, 1056 pp. (transl. into Russian).

Цифровые трансформации

УДК 330.3:338.4(48)

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.04

Особенности цифровизации в Северной Европе: сравнительный анализ стран региона

Алексей Михайлович ВОЛКОВ

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра европейских исследований

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук
ул. Профсоюзная, д. 23, г. Москва, Российская Федерация, 117997

E-mail: volkov@imemo.ru

ORCID: 0000-0002-7632-8542

ЦИТИРОВАНИЕ: Волков А.М. Особенности цифровизации в Северной Европе: сравнительный анализ стран региона // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 2. С. 62–77.
DOI: 10.31249/kgt/2025.02.04

Статья поступила в редакцию 29.11.2024.

Исправленный текст представлен 07.02.2025.

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена изучению процесса цифровизации в странах Северной Европы: Швеции, Дании, Финляндии и Норвегии, – которые занимают ведущие места в этой сфере в Европе. Актуальность этой темы несомненна, поскольку цифровизация непрерывно продолжается и углубляется. Швеция – самая крупная страна региона, поэтому наибольшее внимание уделено именно ей, а остальные страны сравниваются с ней. Внимание автора сосредоточено на особенностях этого процесса в настоящее время – в 2020-х годах. В статье рассматриваются процессы, начавшиеся в этих странах в последнее пятилетие, они в значительной степени отличаются друг от друга и происходят в раз-*

ных областях. Цель работы – показать уровень цифровизации в северных странах. Задачи работы – продемонстрировать, какие меры проводятся в каждой конкретной стране за последние 5 лет. Цифровизацией называют внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни человечества: от повседневного быта до бизнеса, медицины и государственного управления. Рассматриваются формы и динамика цифровизации в северных странах. При этом основное внимание уделяется индексу DESI, который разрабатывался Европейской комиссией, оценивал страны с точки зрения цифровой компетенции, распространения широкополосных и мобильных сетей, использования цифровых услуг в бизнесе и обществе, а также

использования общедоступных цифровых услуг. В 2014–2022 гг. он подводил итоги по цифровому развитию стран ЕС в целом и по странам. С 2023 г. в соответствии с Программой политики цифровой экономики до 2030 г. он вошел в отчет о состоянии цифровой экономики. В этом отчете рассматривается прогресс ЕС в области цифровой трансформации по 4 ключевым направлениям: цифровой инфраструктуре, цифровым навыкам, цифровизации государственных услуг и цифровизации бизнеса. Рассматриваются также такие ключевые факторы и проблемы, как текущая геополитическая парадигма, сложный экономический контекст, влияние новых технологий, таких как генеративный искусственный интеллект, и их воздействие на конкурентоспособность. В соответствии с этими показателями в последние годы все страны Северной Европы находятся в пятерке лидеров. Во всех этих странах приняты различные стратегии развития цифровизации. Так, в Швеции наибольшее внимание уделяется обеспечению домашних хозяйств и фирм доступом к широкополосному Интернету, распространению цифровых технологий среди граждан, фирм и в правительстве, совершенствованию навыков в области цифровой трансформации, укреплению цифровой безопасности страны и т. д. Все северные страны продолжают сохранять ведущие позиции в процессе цифровизации в Европе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровизация, Финляндия, Швеция, Дания, Норвегия, цифровая стратегия, доступ к Интернету, образование.

Процесс цифровизации в странах Европы в последние годы приобретает всё большее значение. Особую роль он играет в странах Северной Европы, в которых проявился в намного большей степени на фоне других стран. Это хорошо иллюстрирует анализ цифровых показателей.

С 2014 г. начался анализ развития цифровых технологий. Рейтинг основывался на 36 показателях в трех основных секторах: частных компаниях, государственном секторе и личном потреблении.

Этот индекс *DESI*, который разрабатывался Европейской комиссией (Индекс цифровой экономики и общества – *The Digital Economy and Society Index*)¹, оценивал страны с точки зрения цифровой компетенции, распространения широкополосных и мобильных сетей, использования цифровых услуг в бизнесе и обществе, а также использования общедоступных цифровых услуг. В 2014–2022 гг. он подводил итоги по цифровому развитию стран ЕС и в целом в мире.

С 2023 г. в соответствии с Программой политики цифровой экономики до 2030 г. он вошел в отчет о состоянии цифровой экономики. В этом отчете рассматривается прогресс ЕС в области цифровой трансформации по 4 ключевым направлениям: цифровой инфраструктуре, цифровым навыкам, цифровизации государственных услуг и цифровизации бизнеса. В 2024 г. рассматриваются также такие ключевые факторы и проблемы, как текущая геополитическая парадигма, сложный экономический контекст, влияние таких новых технологий, как генеративный искусствен-

1 The Digital Economy and Society Index 2022 // The European Commission. – URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/desi> (дата обращения: 11.10.2024).

ный интеллект, и их воздействие на конкурентоспособность².

В соответствии с этими показателями в последние годы все страны Северной Европы находятся в пятерке лидеров.

В 2019, 2020 и 2022 гг. Финляндия возглавляла список стран ЕС по цифровой экономике по рейтингу *DESI*. В 2022 г. показатель Финляндии был 69,6 (максимальный балл составлял 100), за ней расположились Дания, Нидерланды и Швеция. Средний балл по ЕС был 52,3³.

Индекс *DESI* за 2022 г. показал, что Дания прочно закрепила за собой статус цифрового лидера в ЕС. Она занимала 1-е место по подключению к Сети: 95% домохозяйств были подключены к сетям очень высокой пропускной способности (*VHCN*), а 98% населенных пунктов – к 5G. Дания также лидирует в интеграции цифровых технологий: ее малые и средние предприятия превосходят средние показатели по ЕС в использовании таких передовых инструментов, как искусственный интеллект и облачные вычисления. По данным *DESI*, Дания занимала 5-е место в ЕС по цифровым навыкам, уделяя особое внимание обучению на протяжении всей жизни и профессиональному развитию, а по цифровым государственным услугам Дания занимает 8-е место⁴.

В 2022 г. Швеция занимала 4-е место среди 27 членов ЕС по индексу *DESI*⁵. По человеческому капиталу Швеция занимала 4-е место в ЕС, по использо-

ванию цифровой техники – 3-е место, по связи и цифровым государственным услугам – 9-е место.

Индекс, измеряющий уровень цифровизации в зоне ЕС/ЕЭЗ, показывает, что Норвегия также находится в лидирующей группе стран Европы. В 2018 г. она возглавила рейтинг, далее шли США, Финляндия, Нидерланды, Швеция, Дания. В 2020 г. Норвегия занимала 3-е место после Финляндии и Швеции, в последнем опросе 2022 г. – 5-е место.

Швеция

Уже в 1990-х годах Швеция стала одним из лидеров в области цифровизации. Доля добавленной стоимости товаров, производимых сектором информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в Швеции, – одна из самых высоких в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В 2017 г. она приняла Цифровую стратегию, которая содержит несколько направлений деятельности: цифровая грамотность, безопасность, инновации, лидерство и инфраструктура [OECD, 2018, р. 15]. Общая цель, прописанная в шведской цифровой стратегии, принятой в январе 2020 г., – достижение позиции мирового лидерства в использовании преимуществ цифровизации⁶.

Швеция выделяется своей поддержкой ИТ-инфраструктуры и подготовкой кадров, в частности программистов. В 2020 г. по соотношению числа программистов к общему количеству на-

2 Sweden in the Digital Economy and Society Index. Sharing Europe's digital future. – 2024. – URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/2024-state-digital-decade-package> (дата обращения: 11.10.2024).

3 Финляндия возглавила рейтинг цифровизации стран Евросоюза // ТАСС. – 2022. – 28 июля. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/15334987> (дата обращения: 11.10.2024).

4 Denmark – Digital Economy. – URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/denmark-digital-economy> (дата обращения: 11.10.2024).

5 The Digital Economy and Society Index 2022 // The European Commission. – P. 3. – URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/desi> (дата обращения: 11.10.2024).

6 Sweden digitalization strategy 2020. – URL: <https://digitaliseringsradet.se/om-webbplatsen/english/> (дата обращения: 10.11.2024).

селения Стокгольм занимал 2-е место в мире, уступая только Кремниевой долине. В Швеции также создана крупнейшая в мире открытая оптоволоконная сеть подключения к Интернету, которая носит название *Stokab* и находится в Стокгольме⁷.

В начале 2024 г. в Швеции было 10,44 млн пользователей Интернета (или 98,1% населения страны, составлявшего на тот период 10,64 млн чел.), 8,53 млн активных пользователей социальных сетей (*YouTube*), что соответствовало 80,1% совокупного населения, 14,59 млн мобильных подключений, 5,65 млн пользователей *Facebook*, 5,5 млн – *Instagram*, 3,57 млн – *TikTok* в возрасте 18 лет и старше, 4,8 млн – *Facebook Messenger*, 5,2 млн членов *LinkedIn*, 4,48 млн пользователей *Snapchat*, 2,6 млн – *Twitter*, 2,4 млн – *Pinterest* (причем 74,1% пользователей рекламных ресурсов *Pinterest* – женщины и лишь 20,4% – мужчины)⁸.

Шведское правительство поставило задачу по обеспечению 98% домашних хозяйств и фирм доступом к широкополосному Интернету со скоростью 1 Гб/с к 2025 г. Решение этой задачи требует, во-первых, усилить координацию между национальными, региональными и локальными стратегиями в этой сфере путем укрепления роли Форума широкополосной сети (*Broadband Forum*) и, во-вторых, расширить доступ к высокоскоростному широкополосному Интернету на малонаселенных территориях; для этого нужно сконцентрировать совместные усилия

шведской почты и телефонной связи (*PTS*), Форума и нового Совета по диджитализации.

Нужно также распространять цифровые технологии среди граждан, фирм и в правительстве, совершенствовать навыки в области цифровой трансформации (в частности, системы образования с использованием цифровых технологий в школе в качестве одного из инструментов обучения), осуществлять усиление институтов рынка труда и цифровой безопасности (в 2017 г. в Швеции была принята национальная стратегия кибербезопасности)⁹.

В 2023 г. правительство Швеции решило укрепить цифровую безопасность страны при помощи создания «киберкампуса» по обучению экспертов в области безопасности данных, который будет связующим звеном между вузами, ведомствами и частным бизнесом. Спецслужбы Швеции убеждены в том, что стране угрожают кибератаки и цифровой шпионаж со стороны России, Китая и Ирана, которые обладают квалифицированными компетенциями в этой области. На эти нужды бюджет выделяет в 2024 г. 25 млн крон, а в последующие – по 40 млн крон¹⁰.

Швеция обнародовала свою стратегию «Национальный подход к искусственному интеллекту» в мае 2018 г. Она не содержит конкретных политических заявлений, а выступает в качестве руководящего документа, к которому необходимо присоединиться.

7 Север Европы и Сингапур. Кто впереди планеты всей по внедрению ИТ в госсервисах // *JavaRush*. – 2020. – 28 мая. – URL: <https://javarush.com/groups/posts/2747-sever-evropih-i-singapur-kto-vpered-i-planetih-vsey-po-vnedreniju-it-v-gosservisakh> (дата обращения: 11.10.2024).

8 Digital 2024: Sweden DataReportal – Global Digital Insights // *DataReportal*. – 2024. – February 23. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-sweden> (дата обращения: 11.10.2024).

9 Соколовская А.В. Опыт цифровизации в Швеции: обзор ОЭСР // НИУ ВШЭ. – 2018. – 25 июля. – URL: <https://globalcentre.hse.ru/news/221888198.html> (дата обращения: 11.10.2024).

10 SVT: Швеция создаст центр цифровой безопасности для противостояния киберугрозам со стороны России, Китая и Ирана // *ИноТВ*. – 2023. – 7 сентября. – URL: <https://russian.rt.com/inotv/2023-09-07/SVT-SHveciya-sozdast-centr-cifrovoy> (дата обращения: 11.10.2024).

В нем изложены стратегические приоритеты искусственного интеллекта (ИИ), он служит ориентиром для всех правительственных решений, связанных с ИИ.

В этой стратегии отмечается, что Швеция должна подготовить квалифицированных специалистов по ИИ, расширять базовые и прикладные исследования в области искусственного интеллекта и разрабатывать правовые рамки для обеспечения разработки устойчивого ИИ (этические, безопасные, надежные и прозрачные).

С момента запуска стратегии правительство начало реализацию новых политических инициатив. Они включают в себя финансирование ИИ-тренингов для специалистов, ИИ-научного парка и ИИ-инновационных проектов через *Vinnova*. Перед оглашением стратегии *Vinnova* выпустила обзор возможностей и потенциала Швеции в области ИИ. Среди компаний, развивающих ИИ, – *Al Sweden*¹¹.

Согласно страновому отчету о Цифровом десятилетии Швеции 2024 г., в 2023 г. сети 5G в диапазоне 3,4–3,8 ГГц, необходимых для работы передовых приложений, были доступны 64,5% шведских домохозяйств, что было выше среднего показателя по ЕС (50,6%). В то же время Швеция, набравшая 77,9 балла, отстает от среднего показателя по ЕС (79,1 балла) в плане онлайн-доступа к медицинским электронным журналам; по прогнозам, этот разрыв будет увеличиваться [European Commission, 2024b].

Согласно Глобальному инновационному индексу в 2024 г. Швеция занимала 2-е место в списке самых инновационных стран¹². Некоторые из самых успешных цифровых стартапов происходят из Швеции, например *Similar Web*, *Klarna*, *Sportify* или *Skype*. Пример электрообильности также показывает передовую роль Скандинавии: Норвегия (81 на 1000 жителей), Исландия (36,8), Швеция (20,6), Германия (8,5) и Европа в среднем (6,1) в 2022 г.¹³

Государственная железнодорожная компания Швеции *SJ* признана транспортной компанией с самыми удобными цифровыми сервисами в Европе. Она возглавила рейтинг 47 транспортных фирм, который составила международная консалтинговая компания *BearingPoint*. *SJ* оказалась на первом месте благодаря дополнительным сервисам, помимо расписания онлайн и удобного мобильного приложения с возможностью покупки в нем билетов. *SJ* использует цифровые технологии не только для установления связи с потребителями, но и для внедрения беспилотного транспорта¹⁴.

В Швеции сложилась интересная ситуация с отказом от наличных в пользу цифровой экономики. Уже к 2018 г. менее 1% клиентов в шведских магазинах платили наличными, но операции с физическими деньгами занимали 15% времени сотрудников торговых точек, что тормозило внедрение новых цифровых сервисов. В 2019 г. была запущена электронная крона – цифровая версия традиционных государственных

11 Al Швеция соединяет точки, чтобы сделать страну конкурентоспособной // Tmarket. – 2023. – URL: <https://tmarket.ge/blog/ai-швеция-соединяет-точки-чтобы-сделать/> (дата обращения: 11.10.2024).

12 Глобальный инновационный индекс // WIPO. – 2024. – URL: <https://www.wipo.int/ru/web/global-innovation-index> (дата обращения: 11.10.2024).

13 Почему Швеция является локомотивом инноваций и пионером в области электронной мобильности // Безопасник. – 2022. – 24 июня. – URL: <https://bezopasnik.info/почему-швеция-является-локомотивом-и/> (дата обращения: 11.10.2024).

14 Шведская железнодорожная компания признана самой цифровой в Европе // Европульс. – 2019. – 30 января. – URL: <https://euro-pulse.ru/news/shvedskaya-zheleznodorozhnaya-kompaniya-priznana-samoy-tsifrovoy-v-evrope/> (дата обращения: 11.10.2024).

ных денег. Кредитки, дебетовые карты и местный сервис *Swish* обеспечивали еще в 2018 г. 95% всех платежей в стране. Кроме того, цифровые деньги не может украсть бандит с улицы. Если в 2008 г. было 210 ограблений банковских отделений, то в 2017 г. – всего 2. Официально в Швеции лишь 0,12% населения не имеет никаких электронных платежных средств, это преимущественно старики¹⁵.

Интернет-мошенничество и цифровая преступность в Швеции значительно возросли: в 2023 г. преступники заработали 1,2 млрд крон в результате мошенничества – в 2 раза больше по сравнению с 2021 г. Шведские власти оказали давление на банки, чтобы те ужесточили меры безопасности и усилили борьбу с технически подкованными преступниками. По словам старшего прокурора по экономическим преступлениям Даниэля Ларсона, с использованием сложной сети фиктивных компаний и фальсифицирования документов для доступа в шведскую систему социального обеспечения изощренные мошенники обратили Швецию в «долину киберпреступного предпринимательства»¹⁶.

Вместе с тем в Швеции наблюдают возврат к более традиционным способам обучения и отказ от гиперцифрового подхода. Многие учителя стали делать акцент на чтении печатных книг и письме от руки, напротив, реже использовать на уроках планшеты и уделять меньше внимания навыкам работы с клавиатурой у детей.

Изменение педагогических подходов – реакция на снижение базовых навыков у шведских детей. Исследование качества чтения и понимания текста (*PIRLS*), проводимое среди четвероклассников во всем мире, выявило, что в период с 2016 по 2021 г. уровень грамотности шведских детей упал (хотя по-прежнему оставался выше среднеевропейского) с 555 до 544 баллов, в то время как в Сингапуре он вырос на те же 11 баллов – с 576 до 587, а в Англии практически остался неизменным – упал с 559 до 558¹⁷. Разница, вроде бы, невелика, однако доля 10-летних шведских детей, испытывающих трудности, за этот период выросла с 12 до 19%, а уровень понимания прочитанного снизился с «высокого» до «среднего»¹⁸. Снижение частично объясняется проблемами, с которыми столкнулась система образования во время пандемии, и тем, что в школах стало больше детей иммигрантов, для которых шведский – неродной язык. Но еще одной причиной может быть слишком частое использование гаджетов на уроках.

Дело в том, что в Швеции в предыдущие годы уделяли много внимания раннему развитию цифровой грамотности детей. И в школах, и в детских садах учащимся приходилось взаимодействовать с цифровыми устройствами гораздо больше, чем с обычными книгами. Например, в детских садах детям раздавали планшеты. Теперь, судя по всему, начался обратный процесс. Так, планируется полностью прекратить «цифровое» обучение детей в возрасте до 6 лет.

15 Швеция опережает весь мир по темпам отказа от наличных в пользу цифровой экономики // Техкульт. – 2018. – 27 ноября. – URL: <https://www.techcult.ru/technology/6048-shveciya-operezhaet-ves-mir-po-tempam-otkaza-ot-nalichnyh> (дата обращения: 11.10.2024).

16 Как отказ от наличных денег сделал Швецию «Кремниевой долиной» киберпреступников // Рамблер/личные финансы. – 2024. – 21 июня. – URL: <https://finance.rambler.ru/money/52966657-kak-otkaz-ot-nalichnyh-deneg-sdelal-shvetsiyu-kremnievoy-dolinyo-kiberprestupnikov/> (дата обращения: 11.10.2024).

17 В шведских школах отказываются от «гиперцифрового подхода» и возвращаются к бумажным книгам // Хабр. – 2023. – 13 сентября. – URL: <https://habr.com/ru/news/760862/> (дата обращения: 11.10.2024).

18 Власти Швеции шокированы цифровым отупением детей и намерены вернуться к бумажным учебникам // Накануне.ру. – 2023. – 19 сентября. – URL: <https://www.nakanune.ru/news/2023/09/19/22737273/> (дата обращения: 11.10.2024).

Начало изменений связано с тем, что по результатам очередных парламентских выборов осенью 2022 г. министром образования стала Лотта Эдхольм – одна из критиков тотального внедрения технологий. Кроме того, в августе 2023 г. Каролинский институт – один из крупнейших и наиболее авторитетных медицинских университетов Европы – обнародовал заявление о том, что цифровые инструменты скорее ухудшают, чем улучшают образование. В этом заявлении отмечается, что «следует вернуться к получению знаний с помощью печатных учебников и опыта учителей, а не к получению знаний в основном из свободно доступных цифровых источников, которые не были проверены на точность»¹⁹.

Стратегия цифровизации в системе образования Швеции была отменена решением правительства страны от 20 ноября 2023 г. В пояснениях к этому решению было сказано: опыт показывает, что такие базовые навыки, как способность к общению, внимание и концентрация, способность читать, писать и считать, лучше всего приобретаются посредством аналоговой деятельности в аналоговой среде. В младшем возрасте основное внимание должно быть уделено книгам в печатном виде, цифровые инструменты обучения могут использоваться только в старшем возрасте и при условии, что это делается выборочно, на основе научной поддержки и подтвержденной педагогической ценности. По словам Лотты Эдхольм, «так мы обеспечиваем переход от времени перед

экраном к чтению»²⁰. Внесены также поправки к шведскому Закону об образовании о гарантии доступа учеников к традиционным бумажным учебникам, согласно которому учебники были и будут закуплены на сумму 685 млн крон в 2023 г. и по 500 млн крон в 2024 и 2025 гг.²¹

Согласно сообщению пресс-службы Министерства образования Швеции на официальном интернет-портале 12 ноября 2024 г., цифровые инструменты в школе не приводят автоматически к улучшению цифровых навыков. По данным международного исследования ICILS, в котором изучается цифровая компетентность учащихся 8-го класса, 4 из 10 студентов Швеции не достигают базового уровня цифровых компетенций. «Сегодня каждый четвертый школьник в Швеции не умеет правильно читать», – сообщила Лотта Эдхольм²².

Кстати, в противоположность Швеции в 2023 г. в Польше запустили программу по предоставлению финансируемого государством ноутбука каждому ученику, начиная с 4-го класса, чтобы сделать страну «технологически конкурентоспособной»²³.

Дания

Еще в 2001 г. Дания первой в мире ввела идею электронного правительства, а с 2011 г. действует единая стратегия цифрового развития страны. В 2016 г. правительство Дании приняло план цифровой стратегии, согласно

19 В Швеции сокращают цифровизацию детского образования // Skillbox Media. – 2023. – 18 сентября. – URL: <https://skillbox.ru/media/education/v-shvetsii-sokrashchayut-tsifrovizatsiyu-detskogo-obrazovaniya/> (дата обращения: 11.10.2024).

20 До властей Швеции уже дошло // ВКонтакте. – 2023. – 23 ноября. – URL: https://vk.com/wall-91280223_485786 (дата обращения: 11.10.2024).

21 В Швеции сокращают цифровизацию детского образования // Skillbox Media. – 2023. – 18 сентября. – URL: <https://skillbox.ru/media/education/v-shvetsii-sokrashchayut-tsifrovizatsiyu-detskogo-obrazovaniya/> (дата обращения: 11.10.2024).

22 В Швеции отметили отсутствие связи цифрового обучения с цифровыми навыками // Красная весна. – 2024. – 12 ноября. – URL: <https://rossaprimavera.ru/news/ca24cc64> (дата обращения: 13.11.2024).

23 В шведских школах отказываются от «гиперцифрового подхода» и возвращаются к бумажным книгам // Хабр. – 2023. – 13 сентября. – URL: <https://habr.com/ru/news/760862/> (дата обращения: 11.10.2024).

которому все граждане страны должны иметь возможность пользоваться общественными услугами онлайн, осуществляя обращение и коммуникацию посредством электронной почты, а не обычной [Strategy..., 2018].

Дания является признанным мировым лидером в области использования цифровых технологий в государственном секторе. Она традиционно занимает 1-е место в рейтинге ООН по вопросам электронного правительства – как в 2022 г. [United Nations..., 2022], так и в 2024 г.²⁴ Ранжирование данного рейтинга происходит на основании системного анализа трех компонентов с точки зрения качества и количества показателей электронных (цифровых) услуг (*e-Government Development Index*, *EGDI* и иных онлайн-сервисов), ИКТ-инфраструктуры и человеческого капитала [Холодная, 2019, с. 166].

Текущая шестая Совместная правительственная цифровая стратегия, рассчитанная на 2022–2025 гг., включает инициативы, которые позволят решить некоторые из самых серьезных проблем, с которыми сталкивается датское общество, включая нехватку рабочей силы, смягчение последствий изменения климата и цифровую интеграцию²⁵.

С 2010 г. действует единый государственный орган, ответственный за реализацию цифровой стратегии и наделенный необходимыми для этого полномочиями, – Датское агентство по цифровизации (*Digitaliseringsstyrelsen*), созданное путем слияния нескольких государственных органов, ранее вовле-

ченных в эту работу. К его компетенции отнесены как выработка общего видения, стратегии, дорожных карт ее реализации, так и ежедневная координация стратегических инициатив на всех уровнях государственного управления [Meuerhoff Nielsen, 2019].

В 2023 г. Дания объявила о своей Стратегии цифрового развития, которая служит всеобъемлющим национальным планом по ускорению цифровизации в различных секторах, повышению экономического роста, инноваций и конкурентоспособности. Стратегия, подкрепленная инвестициями в размере 138 млн долл. до 2027 г., фокусируется на таких ключевых областях, как укрепление кибер- и информационной безопасности, предоставление бесперебойных цифровых услуг для граждан и предприятий, стимулирование цифрового роста для малых и средних предприятий, содействие переходу экологичности с помощью цифровых решений и улучшение цифровых навыков среди населения²⁶.

Вместе с тем цифровизация государственного сектора оказалась проблемой для четверти граждан Дании, которые не чувствуют себя комфортно в вопросе использования технологий²⁷.

Основные показатели, характеризующие цифровизацию в Дании, таковы. В начале 2024 г. в Дании насчитывалось 5,84 млн пользователей Интернета (99% населения, составлявшего на тот период 5,93 млн человек), 4,72 млн пользователей социальных сетей (79,76% общей численности населения страны),

24 Финляндия, Эстония и Сингапур – лидеры рейтинга цифрового управления // Новости ООН. – 2024. – 17 сентября. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/09/1456341> (дата обращения: 11.10.2024).

25 The Joint Government Digital Strategy // Agency for Digital Government. – URL: <https://en.digst.dk/strategy/the-joint-government-digital-strategy/> (дата обращения: 11.10.2024).

26 Denmark – Digital Economy // International Trade Administration. – URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/denmark-digital-economy> (дата обращения: 11.10.2024).

27 Цифровизация государственного сектора оказалась проблемой для четверти граждан Дании // Скандинавский листок. – 2022. – 27 июля. – URL: <https://sclistok.com/tehnology/1874-tsifrovizatsiya-gosudarstvennogo-sektora-okazalas-problemoy-dlya-chetverti-grazhdan-danii> (дата обращения: 11.10.2024).

было активировано в общей сложности 9,03 млн подключений к сотовой мобильной связи (152,4% населения). В стране было 3,4 млн пользователей *Facebook*, 4,72 млн – *YouTube*, 2,5 млн – *Instagram*, 1,45 млн – *TikTok*, 2,95 млн – *Facebook Messenger*, 3,3 млн «подписчиков» *Linkedin*, 2,67 млн пользователей *Snapchat*, 1,06 млн – *Twitter*, 1,38 млн – рекламных ресурсов *Pinterest* (причем 75,3% пользователей рекламных ресурсов *Pinterest* были женщинами и лишь 20,2% – мужчинами). Анализ данных показывает, что 59,8 тыс. человек не пользовались Интернетом²⁸.

По мнению Центробанка Дании, одна из причин, по которой страны Северной Европы преуспели в финансовом отношении во время кризиса, вызванного пандемией коронавируса, заключается в относительно высоком уровне цифровизации. Отчет показывает, что в странах Северной Европы компаниям было проще перейти на удаленную работу и продолжать продавать товары и услуги в Интернете. Отчасти это произошло потому, что компании уже в значительной степени работали в Сети до этого, отчасти потому, что население активно пользовалось онлайн-сервисами и в целом имело более высокие навыки по обращению с интернет-услугами, чем во многих других странах²⁹.

Норвегия

С 1 января 2024 г. в Норвегии осуществляет деятельность Министерство цифровизации и государственного уп-

равления, которое отвечает прежде всего за государственные информационные технологии. В нем работают около 130 сотрудников, которые были переведены из Министерства местного самоуправления и регионального развития. Иными словами, норвежское правительство активизирует усилия по обмену общедоступными данными и доступу к высокоскоростной широкополосной связи. По мнению министра местного самоуправления Бьерна Арильда Грэма, оно поставило амбициозные цели в обеих областях³⁰.

В конце 2024 г. Норвегия запустила масштабную национальную стратегию цифровизации на 2024–2030 гг. Этот план был оглашен премьер-министром Й.Г. Стёре и министром цифровизации и государственного управления К.О. Тунг. Стратегия Норвегии, направленная на развитие цифровой инфраструктуры, кибербезопасности, искусственного интеллекта и инклюзивности, призвана повысить эффективность государственного сектора и стимулировать инновации в частном секторе [Norway Unveils..., 2024].

Норвегия добилась наибольших успехов в сфере публичных цифровых услуг. Это относится к показателям «пользователи электронного правительства» и «цифровые услуги для бизнеса». В то же время страна находится на уровне ниже среднего показателя по ЕС по индексу открытых данных. Норвегия относится к лучшим в мире странам по использованию общедоступных цифровых сервисов, однако их еще быстрее развивают ее северные соседи.

28 Digital 2024: Denmark DataReportal – Global Digital Insights // Datareportal. – 2024. – February 23. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-denmark> (дата обращения: 11.10.2024).

29 ЦБ Дании: цифровизация позволила странам Скандинавии справиться с пандемией // Regnum. – 2021. – 1 сентября. – URL: <https://finance.rambler.ru/business/47123718-tsb-danii-tsifrovizatsiya-pozvilila-stranam-skandinavii-spravitsya-s-pandemiei/> (дата обращения: 11.10.2024).

30 Норвегия – одна из ведущих стран Европы по цифровизации // Информационный портал Норвегии *Wataha*. – 2021. – 12 ноября. – URL: <https://wataha.no/ru/2021/11/12/Норвегия—одна-из-ведущих-европейских-стран-по-цифровизации/> (дата обращения: 11.10.2024).

Норвегия преуспевает в области цифровой грамотности и использования цифровых услуг в бизнесе и обществе. В подкатегории цифровых компетенций в стране высок процент людей с базовыми цифровыми компетенциями и с базовыми компетенциями в области программного обеспечения. Что касается подкатегории использования цифровых технологий в бизнесе и обществе, Норвегия показывает высокие результаты с точки зрения доли малых и средних предприятий, использующих базовые цифровые услуги. Это важные предпосылки для получения выгод от дальнейшей оцифровки.

Рейтинг Норвегии по развешиванию мобильной и широкополосной связи значительно выше среднего показателя по ЕС, но с 2020 г. он немного снизился. Дело в том, что Европейская комиссия внесла ряд изменений в показатели индекса *DESI*, поэтому данные между 2020 и 2021 гг. не совсем сопоставимы. До этого Норвегия была в лидерах в этой категории наряду с Данией. В настоящее время развитие 5G в Норвегии идет быстро.

Основные показатели, характеризующие цифровизацию в Норвегии, таковы. В начале 2024 г. в Норвегии насчитывалось 5,44 млн пользователей Интернета (99% населения, составлявшего на тот период 5,49 млн человек), 4,49 млн пользователей социальных сетей (81,7% общей численности населения страны), было активировано в общей сложности 6,06 млн подключений к сотовой мобильной связи (110,2% от общей численности населения).

В стране было 3,15 млн пользователей *Facebook*, 4,49 млн – *YouTube*, 2,6 млн – *Instagram*, 1,8 млн – *TikTok*, 2,85 млн – *Facebook Messenger*, 2,6 млн подписчиков *Linkedin*, 3,49 млн пользователей *Snapchat*, 1,89 млн – *Twitter*, 1,12 млн – рекламных ресурсов *Pinterest* (причем 73% пользователей рекламных ресурсов *Pinterest* были женщины и лишь 20,3% – мужчины)³¹.

Норвегия стала первой в мире страной, осуществившей переход на цифровое радиовещание. В начале 2017 г. Норвегия полностью отказалась от FM-формата. Эта реформа была спорной, поскольку две трети населения были против такого решения властей³².

В 2018 г. Норвегия стала развивать центры обработки данных (ЦОД – специальных объектов для хранения и обработки информационных данных) с целью повысить привлекательность своей страны для представителей отрасли. С 2019 г. власти инвестировали в новые ЦОД 255 млн евро, а также отменили налоги на имущество на производственное оборудование и установку и стимулировали создание оптоволоконных каналов связи³³. К 2021 г. в Норвегии, Дании и Швеции уже были построены более 200 таких центров³⁴.

В Норвегии усиливается процесс внедрения цифровых валют центральных банков (*CBDC*). Она была одной из первых стран, начавших работу над *CBDC* еще в 2016 г. В последние годы некоторые норвежские банки полностью отказались от вариантов оплаты наличными. В конце 2022 г. Норвегия стала частью проекта *Icebreaker*, со-

31 Digital 2024: Norway – DataReportal – Global Digital Insights // DataReportal. – 2024. – February 23. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-norway> (дата обращения: 11.10.2024).

32 Удинцев Н. Что такое цифровое радио // Афиша Daily. – 2017. – 22 декабря. – URL: <https://daily.afisha.ru/culture/7745-zachem-norvegiya-izbavilas-ot-fm-radio-i-chto-budet-vmesto-nego/> (дата обращения: 11.10.2024).

33 Агапов В. Новая нефть: Норвегия намерена стать «фантастической площадкой» для размещения дата-центров // Servernews. – 2021. – 16 августа. – URL: <https://servernews.ru/1046806> (дата обращения: 11.10.2024).

34 Норвегия выходит в лидеры по строительству экологических центров обработки данных // OSP. – 2021. – 13 июля. – URL: <https://www.osp.ru/news/2021/0713/13039758> (дата обращения: 11.10.2024).

вместного исследования центральных банков Норвегии, Израиля и Швеции о том, как можно использовать систему CBDC для трансграничных платежей³⁵.

Финляндия

В 2018 г. Министерство транспорта и коммуникаций Финляндии опубликовало свою стратегию цифровой трансформации, которая предусматривала дальнейшую разработку цифровой инфраструктуры страны до 2025 г.³⁶

Согласно отчету *Digibarometri* за 2023 г., совместно опубликованному Конфедерацией промышленности Финляндии (ЕК), Министерством транспорта и коммуникаций, *Business Finland* и *Sitra*, Финляндия заняла 1-е место в международном рейтинге цифровизации³⁷.

82% населения Финляндии обладают как минимум базисными цифровыми навыками, что является одним из лучших показателей в ЕС. Почти 85,6% малых и средних предприятий имеют как минимум базовый уровень цифровизации (что намного выше среднего показателя по ЕС, составляющего 57,7%), а 79,5% предприятий используют облачные технологии, искусственный интеллект или аналитику данных (по ЕС – 54,6%). Вместе с тем по развертыванию гигабитных сетей по всей территории Финляндии (77,7%) она всё еще отстает от среднего показателя по ЕС – 78,8%. Кроме

того, Финляндия до сих пор не зарегистрировала систему электронных удостоверений личности в соответствии с регламентом *eIDAS* [European Commission, 2024a].

Основные показатели, характеризующие цифровизацию в Финляндии, таковы. В начале 2024 г. в Финляндии насчитывалось 5,43 млн пользователей Интернета (97,8% населения, составлявшего на тот период 5,55 млн человек), 4,46 млн пользователей социальных сетей (82,2% населения), было активировано в общей сложности 9,21 млн подключений к сотовой мобильной связи (166% от общей численности населения страны). В стране было 2,3 млн пользователей *Facebook*, 4,46 млн – *YouTube*, 2,2 млн – *Instagram*, 1,64 млн – *iTok*, 1,45 млн – *Facebook Messenger*, 1,8 млн подписчиков *Linkedin*, 2,13 млн пользователей *Snapchat*, 1,96 млн – *Twitter*, 1,52 млн – рекламных ресурсов *Pinterest* (причем 73,9% пользователей рекламных ресурсов *Pinterest* были женщины и лишь 20,3% – мужчины)³⁸.

В начале сентября 2023 г. Финляндия первой в мире ввела цифровые паспорта для трансграничных поездок. Эта технология получила название *DTC-Digital Travel Credentials*. В рамках этого проекта пассажиры рейсов государственного авиаперевозчика *Finnair* могут использовать на паспортном контроле в аэропортах цифровую версию паспорта, хранящуюся на смартфоне. На то время услуга была доступна гражданам, вылетающим

35 Переход на безналичные деньги: норвежский проект цифровой валюты вызывает вопросы о конфиденциальности // Investinfo.pro. – 2023. – 21 января. – URL: <https://investinfo.pro/view?url=perehod-na-beznalichnye-denygi-norvegskiy-proekt-cifrovoy-valyuty-vyzivaet-voprosy-o-konfidentsialnosti&id=37624> (дата обращения: 11.10.2024).

36 Север Европы и Сингапур. Кто впереди планеты всей по внедрению ИТ в госсервисах? // JavaRush. – 2020. – 28 мая. – URL: <https://javarush.com/groups/posts/2747-sever-evropih-i-singapur-kto-vpered-i-planetih-vsey-po-vnedreniju-it-v-gosservisakh> (дата обращения: 11.10.2024).

37 Finland tops international digitalization rating in Digibarometri 2023 report // Helsinki Times. – 2023. – October 4. – URL: <https://www.helsinkitimes.fi/world-int/24264-finland-tops-international-digitalization-ranking-in-digibarometri-2023-report.html> (дата обращения: 11.10.2024).

38 Digital 2024: Finland – DataReportal – Global Digital Insights // Datareportal. – 2024. – February 23. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-finland> (дата обращения: 11.10.2024).

из Хельсинки в Манчестер, Лондон и Эдинбург. Проект *DTC* позволяет пассажирам рейсов *Finnair* проходить пограничный контроль быстрее и без очередей.

В соответствии со стандартами Международной организации гражданской авиации (*ICAO*) для использования системы *DTC* путешественникам необходимо загрузить мобильное приложение *FIN DTC Pilot*, зарегистрироваться в Главном полицейском управлении аэропорта Вантаа, предоставить Финской пограничной службе свежее паспортное фото и другую необходимую информацию за 36 часов до вылета. Затем в аэропорту терминал с технологией распознавания лиц проверит личность. Такой подход, по мнению властей, ускорит обработку документов в воздушных гаванях более чем на 30%. С другой стороны, у *DTC* есть и недостаток: необходимо обязательно иметь при себе устройство для хранения цифрового паспорта³⁹.

В интервью телекомпании *YLE* исполнительный директор компьютерной компании *Etlatiето* Петри Руовинен заявил, что «Финляндия не регрессирует по части цифровых технологий, однако в других странах развитие было более динамичным. Финляндия отстала в прямом и косвенном использовании цифровых услуг и технологий. Причина в том, что в Финляндии медленно меняются методы работы»⁴⁰.

Система государственного образования Финляндии получила мировую

известность благодаря своим хорошим результатам за последние десятилетия. До недавнего времени многие школы бесплатно выдавали ноутбуки всем ученикам начиная с 11 лет. Так, с 2018 г. в средних школах Рийхимяки перестали использовать большинство учебников. Но после того как педагоги и родители начали активно беспокоиться по поводу влияния экранов на детей, в этом финском городе решили вернуться к ручке и бумаге. Осенью 2024 г. этот процесс принял широкое распространение⁴¹.

Финляндия не стала первой страной, где решились на уход от цифровизации в школах. За год до этого так произошло в Швеции. В последние годы по всей Финляндии результаты обучения детей постепенно ухудшаются. Сами дети также признали, что не всегда удавалось сосредоточиться на школьных предметах, обучаясь в цифровом формате. Концентрация внимания улучшилась с тех пор, как им вернули учебники. Читать обычные книги оказалось быстрее и проще.

Финский клинический нейropsychолог Минна Мелтопуру настаивает, что общее время, проводимое перед экраном, следует сократить до минимума, так как излишнее использование цифровых технологий влечет физические и психические риски для подростков, начиная от проблем со зрением и кончая повышенной тревожностью. В настоящее время финские подростки в среднем проводят за экранами до шести часов в день⁴².

39 DTC (Digital Travel Credentials) Цифровые паспорта в Финляндии // Эллар. – 2023. – 8 сентября. – URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:DTC_\(Digital_Travel_Credentials\)_Цифровые_паспорта_в_Финляндии_\(дата_обращения:_11.10.2024\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:DTC_(Digital_Travel_Credentials)_Цифровые_паспорта_в_Финляндии_(дата_обращения:_11.10.2024)).

40 Лидером в сфере цифровых технологий признана Норвегия // Комсомольская правда. – 2018. – 8 июня. – URL: [https://www.kp.ru/daily/26839/3880129/\(дата_обращения:_11.10.2024\)](https://www.kp.ru/daily/26839/3880129/(дата_обращения:_11.10.2024)).

41 Финляндия пересматривает цифровизацию школьного образования // Skillbox Media. – 2024. – 17 сентября. – URL: [https://skillbox.ru/media/education/finlyandiya-peresmatrivaet-tsifrovizatsiyu-shkolnogo-obrazovaniya/\(дата_обращения:_11.10.2024\)](https://skillbox.ru/media/education/finlyandiya-peresmatrivaet-tsifrovizatsiyu-shkolnogo-obrazovaniya/(дата_обращения:_11.10.2024)).

42 Финляндия начала отменять цифровизацию в школах в пользу книг // РБК Life. – 2024. – 11 сентября. – URL: [https://www.rbc.ru/life/news/66e1836d9a7947009f940e7a_\(дата_обращения:_11.10.2024\)](https://www.rbc.ru/life/news/66e1836d9a7947009f940e7a_(дата_обращения:_11.10.2024)).

Современный этап развития цифровизации по существу не изменил положения стран Северной Европы в этой сфере. Все они продолжают развивать этот процесс как в общих, так и в собственных направлениях. В них приняты разные цифровые стратегии, которые отличаются друг от друга незначительно. Они направлены на то, чтобы страны были в числе мировых лидеров в использовании преимуществ цифровизации. В этих странах очень высокий уровень пользователей Интернета (98–99%), порядка 80% населения участвуют в социальных сетях *YouTUBE*, не менее половины – в большинстве других сетей. Швеция выделяется своей поддержкой ИТ-инфраструктуры и подготовкой кадров, в ней также создана крупнейшая в мире открытая оптоволоконная сеть подключения к Интернету. Дания является признанным мировым лидером в области использования цифровых технологий в государственном секторе и традиционно занимает 1-е место в рейтинге ООН по вопросам электронного правительства. Норвегия добилась наибольших успехов в сфере публичных цифровых услуг, а также преуспевает в области цифровой грамотности и использования цифровых услуг в бизнесе и обществе и развивает центры обработки данных. Финляндия первой в мире ввела цифровые паспорта для трансграничных поездок. Вместе с тем в Швеции, а годом позже в Финляндии озаботились чрезмерным уровнем цифрового обучения в школах. В статье, написанной в 2018 г. [Демидова, 2018, с. 198], высказывалось предположение, что скандинавские страны в предстоящий период рискуют утратить положение лидеров. Современное положение опровергает это предположение. Текущая ситуация в этом процессе позволяет говорить о том, что и в настоящем времени, и в

будущем Швеция, Дания, Финляндия и Норвегия сохраняют ведущее место среди стран Европы благодаря своим стратегиям цифрового развития.

Список литературы

Демидова Е.Е. Особенности цифровизации стран Скандинавского региона // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. – 2018. – № 4 (34). – С. 191–199.

Холодная Е.В. Цифровизация Дании: опыт лидера по реализации проекта «электронное правительство» // Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций : сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции, Саратов, 17–18 октября 2019 года / под ред. Н.Н. Ковалевой. – Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2019. – С. 165–167.

European Commission. Finland 2024 Digital Decade Country Report. – 2024a. – URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/factpages/finland-2024-digital-decade-country-report> (дата обращения: 10.11.2024).

European Commission. Sweden 2024 Digital Decade Country Report. – 2024b. – URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/factpages/sweden-2024-digital-decade-country-report> (дата обращения: 10.11.2024).

Meyerhoff Nielsen M. Governance lessons from Denmark's digital transformation // Proceedings of dg.o 2019: 20th Annual International Conference on Digital Government Research (dg.o 2019), June 18, 2019, Dubai, United Arab Emirates. – New York, NY : ACM, 2019. – 6 p. – DOI: 10.1145/3325112.3329881.

Norway Unveils Ambitious Digitalization Strategy to Become Worlds Leading Digital Nation by 2030 // Babl. – 2024. –

December 11. – URL: <https://babl.ai/norway-unveils-ambitious-digitalization-strategy-to-become-worlds-leading-digital-nation-by-2030/#:~:text=Norway%20has%20launched%20a%20sweeping,and%20Public%20Governance%20Karianne%20O>, дата обращения: 12.12.2024.

OECD Reviews of Digital Transformation: Going Digital in Sweden. – Paris : OECD Publishing, 2018. – 198 p. – DOI: 10.1787/9789264302259-en.

Strategy for Denmark's Digital Growth // Ministry of Industry, Business and Fi-

nancial Affairs. – 2018. – URL: <https://investindk.com/insights/the-danish-government-presents-digital-growth-strategy> (дата обращения: 10.11.2024).

United Nations E-Government Survey 2022: The Future of Digital Government. – New York : United Nations Department of Economic and Social Affairs, 2022. – 311 p. – URL: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2022-09/Web%20version%20E-Government%202022.pdf> (дата обращения: 10.11.2024).

Digital Transformations

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.04

Digitalization Trends in Northern Europe: A Comparative Analysis of Regional Countries

Aleksey M. VOLKOV

PhD (Econ.), Leading Researcher, Center for European Studies
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences
Profsoyuznaya Street, 23, Moscow, Russian Federation, 117997
E-mail: volkov@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-7632-8542

CITATION: Volkov A.M. (2025). Digitalization Trends in Northern Europe: A Comparative Analysis of Regional Countries. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 2, pp. 62–77 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.02.04

Received: 29.11.2024.

Revised: 07.02.2025.

ABSTRACT. *The article focuses on digitalization process in the Nordic countries – Sweden, Denmark, Finland and Norway which are among the European leaders in this field. The issue is of considerable topical interest, as digitalization continues to*

evolve and expand. Given that Sweden is the largest country in the region, primarily attention is devoted to it, while the other countries are analyzed in comparison. The study emphasizes the particular features of digitalization in the 2020s. It explores

developments in these countries over the past 5 years, which differ from one another and occur in various regions. The purpose of the article is to demonstrate the level of digitalization in the Nordic countries and to identify the measures implemented in each case. Digitalization is understood as the introduction of digital technologies into diverse spheres of human activity, ranging from everyday life to business, healthcare, and public administration. The author examines both the forms and dynamics of digitalization in the region. Particular attention is paid to the DESI index, developed by the European Commission, which assesses of digital competence, broadband and mobile networks, access to digital services in business and society, and the use of publicly available digital services. Between 2014 and 2022, the index provided a comprehensive overview of digital development in the EU countries as a whole and by individual country. Since 2023, under the Digital Economy Policy Program 2030, it has been incorporated into the State of the Digital Economy report. This report evaluates the EU in digital transformation across 4 key areas: digital infrastructure, digital skills, the digitalization of public services, and the digitalization of business. The 2024 report also considers critical factors and challenges such as the current geopolitical paradigm, the difficult economic context, and the impact of new technologies – including generative artificial intelligence – on competitiveness. According to these indicators, all Nordic countries have consistently ranked among the top five in recent years. Each country has adopted its own digitalization strategy. In Sweden, for instance, particular emphasis is placed on ensuring household and business access to broadband internet, promoting the adoption of digital technologies by citizens, firms, and government, strengthening digital skills, and enhancing national digital security. Overall, the Nordic countries maintain a leading position in the digitalization process in Europe.

KEY WORDS: digitalization, Finland, Sweden, Denmark, Norway, digital strategy, internet access, education.

References

Demidova E.E. (2018). Specialities of digitalisation of the countries of Scandinavian region. *The Problems of Work of a Scientist and Scientific Collectives*. No. 4 (34), pp. 191–199 (in Russian).

European Commission (2024a). *Finland 2024 Digital Decade Country Report* // European Commission. Available at: URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/factpages/finland-2024-digital-decade-country-report>, accessed 10.11.2024.

European Commission (2024b). *Sweden 2024 Digital Decade Country Report* // European Commission. Available at: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/factpages/sweden-2024-digital-decade-country-report>, accessed 10.11.2024.

Kholodnaya E.V. (2019). Digitalisation of Denmark: The experience of Leader in the Project of “E- government”. In: Kovalova N.N. (ed.). *The Problems and Challenges of the Digital Society: Trends of Development of Legal Regulation of Digital Transformations*. Collection of Scientific Works on Materials of I International Scientific-practical Conference, Saratov, 17–18 October 2019. Saratov: Saratov State Law Academy, p. 165–167 (in Russian).

Meyerhoff Nielsen M. (2019). Governance lessons from Denmark’s digital transformation. In: *Proceedings of dg.o 2019: 20th Annual International Conference on Digital Government Research (dg.o 2019)*, June 18, 2019, Dubai, United Arab Emirates. New York, NY: ACM, 6 pp. DOI: 10.1145/3325112.3329881.

Norway Unveils... (2024). Norway Unveils Ambitious Digitalization Strategy to Become World’s Leading Digital Nation by 2030. *Babl*. December 11. Available at: <https://babl.ai/norway-unveils-ambitious-digitalization-strat->

egy-to-become-worlds-leading-digital-nation-by-2030/#:~:text=Norway%20has%20launched%20a%20sweeping,-and%20Public%20Governance%20Karianne%20O, accessed 12.12.2024.

OECD (2018). *OECD Reviews of Digital Transformation: Going Digital in Sweden*. Paris: OECD Publishing, 198 pp. DOI: 10.1787/9789264302259-en.

Strategy... (2018). *Strategy for Denmark's Digital Growth*. Ministry of Industry, Business and Financial Affairs. Avail-

able at: <https://investindk.com/insights/the-danish-government-presents-digital-growth-strategy>, accessed 10.11.2024.

United Nations... (2022). *United Nations E-Government Survey 2022: The Future of Digital Government*. New York: United Nations Department of Economic and Social Affairs, 311 pp. Available at: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2022-09/Web%20version%20E-Government%202022.pdf>, accessed 10.11.2024.

УДК 338.2(1*KR:1*JP:1*CN)
DOI: 10.31249/kgt/2025.02.05

Контуры цифровых трансформаций в Южной Корее, Японии и Китае: ВЫЗОВЫ, ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Отабек Мухаммадалиевич УМАРОВ

соискатель факультета мировой экономики и мировой политики
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Большая Ордынка, д. 47/7, строение 1, г. Москва, Российская Федерация,
115184
E-mail: omuhammadaliyevich@mail.ru
ORCID: 0009-0008-3091-1872

ЦИТИРОВАНИЕ: Умаров О.М. Контуры цифровых трансформаций в Южной Корее, Японии и Китае: вызовы, возможности и риски // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 2. С. 78–94.
DOI: 10.31249/kgt/2025.02.05

Статья поступила в редакцию 07.11.2024.
Исправленный текст представлен 21.01.2025.

АННОТАЦИЯ. Процесс цифровизации государственного управления и цифровой экономики в развитых и развивающихся странах становится одним из ключевых факторов суверенности и стабильности государства, технологической и информационной основой эффективности внутренней и внешней политики, его национальной безопасности. В статье рассматриваются процессы цифровизации государственного управления, продвижение искусственного интеллекта (ИИ), больших данных (БД) и других инноваций в цифровой экономике на примере трех ведущих государств Восточной Азии: Республики Корея (РК), Японии и Китая (КНР). На основе выборочного анализа отдельных цифровых компонентов национальных цифровых моделей автор выявляет ключевые компоненты процессов цифровизации в данных страновых опциях

и анализирует их уровень и эффективность функционирования, а также специфические особенности и «узкие места», присущие каждой из моделей. Методологически большую часть цифровых проектов можно свести к понятию «государственные цифровые платформы» (ГЦП), критерии оценки которых связаны со снижением издержек госрегулирования, динамичным обновлением и анализом цифровых профилей и др. Проецируя общие и специализированные индексы на цифровые реалии указанных государств, в статье определяется «цифровое место» каждого из государств в тройке экономических лидеров Восточной Азии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровизация, Южная Корея, Япония, Китай, электронное правительство, искусственный интеллект, безопасность.

В последние годы наблюдается значительная динамика в развитии цифровизации и внедрении современных технологий всеми регионами планеты с целью оптимизации предоставления государственных услуг и повышения уровня гражданского участия. Ускоренная трансформация традиционных государственных сервисов в цифровые форматы, масштабная адаптация к удаленной трудовой деятельности, интеграция систем искусственного интеллекта в повседневные процессы, акцент на цифровых методах аутентификации личности и управлении данными, а также широкое использование аналитического инструментария и передовых технологий при разработке государственной политики являются ведущими глобальными тенденциями. Одновременно с этим цифровая трансформация государственного сектора способствовала значительным улучшениям в области инфраструктуры, включая расширение доступа к качественным услугам широкополосной связи и усиление мер по обеспечению кибербезопасности, что способствует созданию прочных основ для конкурентоспособности цифровой экономики.

Процесс цифровизации системы государственного управления и формирования цифровой экономики как в индустриально развитых, так и в развивающихся странах последовательно трансформируется в один из ключевых детерминантов поддержания государственного суверенитета и стабильности. Данный процесс закладывает технологические и информационные предпосылки для оптимизации как внутривластной, так и внешнеполитической деятельности государства, играя при этом стратегически важную роль в укреплении его национальной безопасности.

В рамках данного исследования проводится всесторонний анализ различных цифровых составляющих южнокорейского, японского и китайского подходов, включая такие элементы, как электронное правительство (ЭП), большие данные, искусственный интеллект и прочие ключевые индикаторы. Целью исследования является идентификация наиболее оптимальной цифровой системы среди трех рассматриваемых государств: Республики Корея, Китайской Народной Республики и Японии. С этой целью предполагается осуществить селективный анализ отдельных компонентов каждой из моделей с акцентом на выявление их преимуществ и перспективных направлений для последующего совершенствования.

В методологическом плане значительную долю современных цифровых инициатив (таких как электронное правительство, проекты по работе с большими данными и др.) можно отнести к категории государственных цифровых платформ (ГЦП). Российские эксперты определяют их как «систему формальных и неформальных правил и алгоритмов сетевого взаимодействия пользователей (потребителей), которая функционирует на базе открытых стандартов программно-аппаратного обеспечения». Функциональные критерии государственных цифровых платформ включают снижение затрат на государственное регулирование, постоянное обновление и анализ цифровых профилей граждан, а также создание комплексной системы для оценки общественного эффекта от использования таких платформ [Стырин, Дмитриева, Синятулина, 2019, с. 31–53].

В данном исследовании анализируются проекции обобщенных и специализированных индексов, включая *Global E-Government Development Index*

(EGDI)¹, а также другие аналогичные показатели, применимые к цифровой среде трех стран: Китайской Народной Республики, Республики Корея и Японии. Основной акцент сделан на сравнительном анализе уровня эффективности внедрения ГЦП в указанных государствах. Исследование направлено на определение «цифровой позиции» каждой страны в этой условной тройке. Дополнительно идентифицируются ключевые цифровые сектора, которые либо находятся на стадии недостаточного развития, либо полностью отсутствуют в цифровых стратегиях их конкурентов.

Центральной задачей исследования является проведение компаративного анализа для выявления специфических характеристик каждой из исследуемых моделей цифрового прогресса. Анализ основан на изучении научной литературы авторов из России [Андрянов, 2022, с. 766–776; Вишнякова, 2023, с. 146–152; Емельянова, 2020, с. 52–61; Соломатина, 2021, с. 296–307], Китая [Ма Хуайде, 2024, с. 6–22; Сунь Цзунчжэ, 2023], Южной Кореи [Ким Сон Ок, 2020] и Японии [Kawai, 2023; Nakamura, Suzuki, 2019, р. 145–167]. Особое внимание уделено рассмотрению ключевых элементов процесса цифровизации в каждом из вышеуказанных государств.

Южнокорейская модель

В настоящее время, исходя из оценок Организации экономического развития и сотрудничества (ОЭСР), других международных организаций, Южная Корея по степени, качеству и глубине цифровизации систем госу-

дарственного управления электронного правительства, внедрению искусственного интеллекта и цифровой экономики занимает мировые лидирующие позиции.

Быстрое технологическое развитие страны в 1990-е годы обуславливало повышенный спрос на развитие цифровых сервисов и ускоряло внедрение инновационных онлайн-услуг. Приоритетом начального периода была разработка платформ электронного правительства и правового оформления в 2001 г. в рамках специального закона об электронном правительстве. В 2013 г. в основном был завершен перевод госучреждений на цифровые технологии и началась реализация программы «умного правительства», координатором которой являлось Министерство внутренних дел и безопасности Республики Корея. Для этого была разработана специальная платформа *eGovFrame* с открытым кодом, что позволило существенно сократить время и бюджет на поддержку системы не только электронного правительства, но и других систем других госучреждений Южной Кореи, многих частных компаний, включая зарубежные [Швецов, Рысин, 2020, с. 74–75]. К 2024 г. около 90% населения уже использовали соответствующие веб-сайты (*Gov.kr* и др.)².

В 2013–2017 гг. были определены ключевые компоненты и инновационные направления, определявшие в целом картину корейской цифровизации: активное развитие мобильных технологий, сотовая связь 5G, Интернет вещей, технологии блокчейн, криптовалюты и национальные цифровые валюты, БД, 3D-печать, развитие ИИ и облачных ресурсов. Государственные ассигнова-

1 Индекс развития электронного правительства в странах мира, комплексный показатель ООН, учитывающий степень охвата и качество интернет-услуг, уровень развития ИКТ-инфраструктуры, человеческий капитал и др. (прим. авт.).

2 E-government in South Korea – statistics & facts // Statista. – 2024. – June 19. – URL: <https://www.statista.com/topics/8246/e-government-in-south-korea/#topicOverview> (дата обращения: 16.12.2024).

ния на развитие научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) в сферы цифровизации тогда составили 100 млрд долл., а общие расходы на НИОКР в Республике Корея в 2017 г. увеличились до 4,36% ВВП [Андрианов, 2021, с. 766–776].

Политико-государственным ресурсом постоянного усиления цифровизации была политическая преемственность в данной стратегии междуменяющимися президентами и правящими политическими партиями, независимо от их идеологических разногласий. Наблюдался консенсус по вопросу приоритетности цифровой трансформации и развития, сложившийся в течение 10 лет, включая созданную систему эффективной кооперации с мегакорпорациями, такими как *Samsung Electronics*, *SK Hynix*, *LG Electronics* и *Naver*, инвестирующими значительные средства в цифровые технологии³.

Несмотря на успехи цифровизации, до 2021 г. сформировался и ряд препятствий и проблем, которые полностью устранить тогда не удалось. Российские эксперты выделяют следующие: 1) отсутствие в 2017–2021 гг. стратегической ясности в отношении преимуществ цифровизации и стоимости ее внедрения; 2) низкая заинтересованность малого и среднего бизнеса, включая мощное давление чеболей⁴, уничтожавших и не допускавших конкурентов на рынки цифровых услуг; 3) отсутствие единых стандартов, критериев и индексов цифровизации и инноваций; 4) невысокий уровень кибербезопасности, особенно в контексте применения цифровых двой-

ников, обработки и защиты персональных данных, промышленной безопасности [Шпакова, Горюнова, 2021, с. 262–263].

По мере усложнения проекта цифрового правительства обнаружились уязвимые места, связанные со слабостью защиты платформ от кибератак. В ноябре 2023 г. в результате хакерских атак цифровые государственные услуги Южной Кореи были парализованы на 56 часов, что вызвало панику и колебания на биржевых рынках РК. В связи с этим был создан план реагирования на инциденты, предусматривавший создание многоканальной системы резервного копирования документооборота, перестройку защитных программ с использованием опыта Австралии, Новой Зеландии и Великобритании⁵.

Дискуссионным для корейских специалистов остается определение единого индекса цифрового правительства и в целом критериев и стандартов цифровизации общества и государства. С одной стороны, есть мнение, что объективно оценивать уровень цифровизации, процессов конвергенции и цифровых инноваций через различные индексы и стандарты практически невозможно, и Корея идет своим особенным путем, создавая свою уникальную модель, которую, несмотря на внешнюю схожесть с западными и отдельными азиатскими системами, другим участникам применять у себя не представляется возможным [Ким Сон Ок, 2020]. С другой стороны, отмечается, что различные индексы, оценки и критерии – закономерный этап, и цифровые технологии способствуют конвергенции

3 Information and Communication Technology. International Trade Administration, U. S. // Department of Commerce. – 2023. – May 12. – URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/south-korea-information-and-communication-technology> (дата обращения: 16.12.2024).

4 Чеболи – крупные южнокорейские финансово-промышленные корпорации, находящиеся в собственности одной семьи или клана (прим. авт.).

5 Cavanaugh L. South Koreans were told to 'simply wait' – a lesson in digital government incidence response // GovInsider. – 2024. – January 16. – URL: <https://govinsiderasia.com/intl-en/article/south-koreans-were-told-to-simply-wait-a-lesson-in-digital-government-incidence-response> (дата обращения: 16.12.2024).

между отраслями и индексами, а появление новых направлений и структурных изменений в существующих отраслях создает новые универсальные методы и критерии оценок для различных моделей, и корейская фактически, вобрав лучший мировой опыт, является на сегодняшний день универсальной для использования и копирования отставшими по данному компоненту государствами [Роль..., 2020].

Данная методология, видимо, легла в основу официального корейского курса по продвижению опыта электронного правительства в странах Глобального Юга. 29 мая 2024 г. в рамках казахстанского Астанинского хаба⁶ РК и ряд частных корейских корпораций профинансировали и запустили проект по цифровой трансформации госсектора для Грузии, Армении, Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, Бангладеш, Камбоджи, Филиппин, Лаоса и Монголии (12 государств). Корейские представители, ссылаясь на свое мировое лидерство в международных рейтингах по индексу цифрового правительства, представили корейский путь цифровой трансформации в качестве некоей универсальной модели для развивающихся стран⁷.

Другой приоритет связан с разработкой искусственного интеллекта. С 17 декабря 2019 г. действует Национальная стратегия искусственного интеллекта до 2030 г.⁸, где отмечены значение технологии ИИ для корейской индустрии,

включая 9 направлений в 3 областях: экосистемы ИИ, технологических инноваций и социальной ориентации [Цифровая экономика..., 2022, с. 35–48].

В первой половине 2020-х годов прошла масштабная диверсификация различных опций ИИ как в рамках государственного управления, так и на отраслевых экономических треках, включая промышленность, энергетику, транспортную инфраструктуру и пр. Реализация и внедрение ИИ происходят в рамках сложившейся системы частно-государственного партнерства. Крупные чеболи заинтересованы в инновационной модернизации за счет использования новых возможностей искусственного интеллекта. Показательным стал пример компании *Hyundai Motor* [Вишнякова, 2023, с. 148].

В настоящее время в Республике Корея в ИИ инвестировано около 3 млрд долл. В апреле 2024 г. президент Юн Сок Ёль заявил, что к 2027 г. его страна инвестирует еще 6,94 млрд долл. в ИИ в рамках усилий по сохранению лидирующих мировых позиций в области передовых полупроводниковых чипов⁹.

Японская модель цифровизации

Экономическая стагнация Японии, часто называемая в стране «потерянным тридцатилетием» в эпоху Хэйсэй¹⁰, по мнению японских ученых, частично стала следствием отставших инвестиций в цифровые технологии. В резуль-

6 Инновационный и технологический центр в Астане (Казахстан) // Astana Civil Service Hub. – URL: <https://www.astana-civilservicehub.org/ru/page/astana-civil-service-hub-held-a-session-within-the-world-government-summit> (дата обращения: 18.12.2024).

7 Проект по цифровой трансформации госсектора 12 стран стартовал в Казахстане // United Nations Development Programme. – 2024. – 30 мая. – URL: <https://www.undp.org/ru/kazakhstan/press-releases/proekt-po-cifrovoy-transformacii-gossektora-12-stran-startoval-v-kazakhstane> (дата обращения: 18.12.2024).

8 Национальная стратегия ИИ = 인공지능 국가전략. – Сеул. – 2019. – 51 с. – Кор. яз. – URL: <https://www.korea.kr/common/download.do?fileId=190114031&tblKey=GMN> (дата обращения: 19.12.2024).

9 Южная Корея инвестирует \$ 7 млрд в искусственный интеллект, чтобы сохранить преимущество на рынке полупроводников // Инк. – 2024. – 13 апреля. – URL: <https://incrusia.ru/news/yuzhnaya-koreya-investiruet-7-mlrd-v-iskusstvennyj-intellekt-chtoby-sohranit-preimushhestvo-na-rynke-poluprovodnikov/> (дата обращения: 19.12.2024).

10 Эпоха Хэйсэй – девиз правления японского императора Акихито с 1989 по 2019 г. (прим. авт.).

тате с конца 2010-х годов государственные службы всё больше внимания стали уделять цифровой трансформации, критически важному фактору, отсутствовавшему до этого времени в экономической траектории страны¹¹.

Концептуальным, стратегическим документом Японии в сфере цифровой трансформации госуправления стала программа «Общество 5.0», принятая в 2016 г., сформировавшая некую «дорожную карту» управляемого перехода общества и государства в цифровую экономику на основе частно-государственного партнерства. Японские ученые, обсуждая ее параметры, подчеркивали основную новацию – курс на объединение киберпространства и реального, физического (социального, политического, административного) пространства [Базовый..., 2021].

Развивая частно-государственную кооперацию, японские государственные ведомства активно привлекали инвестиции крупных японских корпораций, выступивших в роли подрядчиков процесса цифровизации. Так, компания «Мицубиси Электрик», создав платформу *e-F@ctory*, начала продвижение цифровых производств, используя технологию *Edge Computing* (периферийные вычисления), которая работает с данными, анализируя, отбирая и преобразовывая их в информацию, необходимую для принятия оптимальных управленческих решений [Литвинова, Кузнецов, Наумов, 2022, с. 77–81].

Российские специалисты, отмечая сильные и слабые стороны стратегии «Общество 5.0», подчеркивают активное использование искусственного интеллекта, облачных сервисов, больших данных и других цифровых инноваций, что позволяет японцам формировать

синергию/слияние физического и цифрового пространств. За счет цифровой оптимизации возможны решение проблемы нехватки продовольствия, потребления энергоресурсов, продвижение дистанционного медицинского обслуживания и снижение социальных издержек, связанных со старением населения и снижением рождаемости в Японии, а также ликвидация межрегиональных диспропорций с тем, чтобы все граждане имели одинаковый доступ к государственным услугам и сопоставимый уровень качества жизни [Емельянова, 2020, с. 52–61].

При этом следует отметить некоторую переоценку и абсолютизацию японцами, на наш взгляд, абсолютной и определяющей роли ИИ во всех сферах жизни общества и государства. Соглашаясь с тем, что на социальных треках искусственный интеллект, включая программы Интернета вещей и другие, может самостоятельно, без человека решать текущие задачи, отметим, что в то же время в области государственного управления, особенно в таких вопросах, как военнополитическая, экономическая и технологическая безопасность, контроль в принятии решений и корректировка управленческой логики должны оставаться полностью за человеком.

Создание электронного правительства также имело свои особенности. В 2018 г. правительство Японии приняло План внедрения цифрового правительства, который предполагал охват онлайн-услугами всех центральных и местных органов власти, включая частный сектор. С 2019 г. в условиях пандемии *COVID-19* был сделан акцент на сервисы здравоохранения, а в июне 2022 г. правительство одобрило новый документ – Приоритетную программу

11. Komatsu T. The Use of Digital Technology in Japan's Local Governments: Trends and Features // Georgetown Public Policy Review. – 2024. – March 14. – URL: <https://gppreview.com/2024/03/14/the-use-of-digital-technology-in-japans-local-governments-trends-and-features%E2%82%AC%80/> (дата обращения: 20.12.2024).

политики по реализации цифрового общества, в котором детализировались конкретные шаги по отдельным агентствам и основные направления работы электронного правительства: предоставление государственных услуг, ориентированных на граждан; модернизация цифровой инфраструктуры для инклюзивного роста; укрепление цифровой устойчивости. При этом иностранные аффилированные фирмы, технологии и привлеченные квалифицированные специалисты из США, Южной Кореи и других стран были ключевыми игроками в процессе реализации проекта цифрового правительства и его основных сервисов и платформ¹².

В 2022 г. многие сингапурские эксперты отмечали, что пандемия подчеркнула неравномерность развития технологий в Японии. Несмотря на то, что страна являлась одним из крупнейших в мире пользователем промышленных роботов и электронной промышленности, она по-прежнему отставала от других государств (США, Южной Кореи, Сингапура) в цифровизации бизнеса, сохраняя зависимость от устаревших ИТ-систем. Наблюдалось также отставание по технологиям внедрения безналичных платежей и электронной коммерции¹³.

Научный сотрудник Японского института международных отношений (JIIO) Дайсукэ Каваи, анализируя факторы, замедлявшие темпы цифровой трансформации в Японии, указывает на недостаточные инвестиции в информационно-коммуникационные тех-

нологии: в 2020-х годах 80% расходов на ИКТ направлялось на поддержание устаревших систем. В результате более 1,9 тыс. межправительственных коммуникаций по-прежнему использовали устройства хранения данных прошлого поколения, включая компакт-диски, мини-диски и даже дискеты. К тормозящим факторам ученый также относит сопротивление части общества (в основном старшее и среднее поколение) принятию быстрых и радикальных технологических решений, нехватку квалифицированных человеческих ресурсов, административную неэффективность, вызванную недостаточной координацией между разработчиками платформ и чиновниками госслужбы, ответственными за внедрение [Kawai, 2023].

Одним из вариантов сокращения разрывов и отставания стал проект 2019 г. цифрового правительства Японии «Мой номер», который фактически модернизировал систему социального обеспечения и налогового учета с использованием цифровых новаций, увеличил быстроту и качество обмена информацией между государственными учреждениями, повысив прозрачность и подотчетность государственного управления [Nakamura, Suzuki, 2019, p. 145–167].

Как показывают японские официальные отчеты и другие документы, проект «Мой номер» успешно вошел в систему цифровой трансформации госуправления, усилив модернизацию официальных структур и онлайн-услуг¹⁴. При этом говорить о радикальном сокращении отставания Японии

12 A Nation's Drive Towards a Data-first Digital Society Future // Japan External Trade Organization (JETRO). – 2022. – URL: <https://www.jetro.go.jp/en/invest/insights/japan-insight/nation-drive-datafirst-digital-society-future.html#:~:text=In%202018%2C%20the%20Government%20of,as%20in%20the%20private%20sector> (дата обращения: 19.12.2024).

13 Sodsriwiboon P., Khara P., Xu R. Japan's Digitalization Can Add Momentum for Economic Rebound // International Monetary Fund. – 2022. – June 1. – URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/05/31/CF-Japan-Digitalization-Can-Add-Momentum-for-Economic-Rebound#:~:text=Our%20study%20shows%20that%20scaling,could%20provide%20additional%20growth%20momentum> (дата обращения: 20.12.2024).

14 History of Digitalization in Japan // Ministry of Internal Affairs and Communications (Japan). – 2021. – URL: <https://www.soumu.go.jp/johotsusintokei/whitepaper/eng/WP2021/chapter-introduction.pdf> (дата обращения: 20.12.2024).

и выходе ее на ведущие мировые позиции в цифровых сервисах электронного правительства за счет данного проекта не приходилось.

В этом же русле была диверсификация, запущенная премьером Фумио Кисидой 1 июня 2022 г. на 8-м заседании Совета по цифровизации городского и сельского населения, инициатива «Цифровой город-сад», предполагающая удвоение цифровых инвестиций с общим бюджетом в 5,7 трлн иен (42 млрд долл.). При этом инициатива позиционировалась как этап «нового японского капитализма» и цифрового общества, в котором «...каждый сможет пользоваться преимуществами цифровизации»¹⁵.

Суть проекта заключалась в использовании цифровых инструментов для улучшения сельской жизни и оживления регионов на периферии экономики. Развитие сельских районов было проблемой со времен администрации премьер-министра Японии Синдзо Абэ (в 2006–2007 и 2012–2020), и «Цифровой город-сад» был в основном направлен на создание для сельских жителей таких же условий и возможностей, как и в городских районах, с помощью цифровых технологий¹⁶.

Китайский цифровой путь

Особенностью раннего этапа цифровизации в Китае было сочетание двух тенденций. С одной стороны, отставая от ведущих западных стран в разработке ключевых компонентов цифровизации (2018 г. Китай по уровню цифровизации занимал только

32-е место в мире) [Кузнецова, 2018], Китай не только активно использовал зарубежный опыт, но и разрабатывал свою концепцию ключевых цифровых проектов на основе успешно апробированных в США, странах ЕС, Южной Кореи и Японии цифровых форматов. Лидерами в этой области были крупные китайские технологические корпорации: *Tencent, Alibaba, Huawei, ZTE* и др.

С другой стороны, в 2016–2019 гг., в период президентства Д. Трампа в США, когда китайско-американские отношения резко обострились, выйдя на уровень известных торговых и технологических войн, Вашингтон начал проводить в отношении КНР стратегию сдерживания и отбрасывания ее на периферию технологического развития, включая процессы цифровизации в экономике и госуправлении [Лузянин, 2023, с. 5–13]. В ответ Китай стал активно разрабатывать собственные концепции цифрового суверенитета как инструмент укрепления национальной безопасности.

Китайская программа 2017 г. «О развитии искусственного интеллекта нового поколения» (新一代人工智能发展规划)¹⁷ была сфокусирована не только на развитии инноваций, но и на вопросах повышения технологической независимости в условиях геополитической конкуренции. При этом программа, предполагая вовлеченность китайских компаний в производственные западные, глобалистские цепочки и использование Китаем их достижений, содержала ряд цифровых новаций, не зависящих от западных платформ и стандартов. Особенно ярко эта кон-

15 Основная политика в отношении Национальной концепции цифрового города-сада = デジタル田園都市国家構想基本方針 // Cabinet Secretariat (Japan). – 2022. – 7 июня. – Япон. яз. – URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/digital_denetsu/pdf/20220607_honbun.pdf (дата обращения: 20.12.2024).

16 Национальная инициатива «Цифровой город-сад» = デジタル田園都市国家構想 // Digital Agency (Japan). – 2022. – Япон. яз. – URL: https://www.digital.go.jp/policies/digital_garden_city_nation (дата обращения: 20.12.2024).

17 Госсовет опубликовал «План развития искусственного интеллекта нового поколения» = 国务院印发《新一代人工智能发展规划》 // Госсовет КНР. – 2017. – 20 июля. – Кит. яз. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2017-07/20/content_5212064.htm (дата обращения: 21.01.2024).

курения проявлялась в сфере производства и цепочек поставок чипов и полупроводников и последующем обострении конкуренции с США, РК, Японией [Денисов, 2023, с. 9–25].

После того, как в 2019 г. американские власти ввели санкционные ограничения против компании *Huawei* и других ведущих китайских технологических корпораций, в КНР осознали, что данная чувствительная область должна иметь собственный, национальный алгоритм развития, собственную концепцию и независимые инструменты ее реализации. Проблема «параллельного» развития цифровой индустрии – сохранение кооперационных проектов с Западом и усиление своего цифрового суверенитета с постепенным вытеснением западных стандартов и программ из китайского цифрового пространства – стала основной для китайских разработчиков.

Усиливая свой цифровой суверенитет, Китай стал резко наращивать НИОКР в сфере цифровых и технологический инноваций. По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), в 2020 г. Китай подал 1,4 млн патентных заявок, что в 3 раза превышает показатели США за тот же период. По уровню цифровизации в 2022 г. экономика КНР вышла на 2-е место в мире, и, по прогнозам, к 2025 г. масштабы цифровой экономики Китая достигнут 32,67 трлн юаней (5,1 трлн долл.), а темп роста составит 11,3%. Об уровне цифровизации в Китае свидетельствует и тот факт, что в цифровом формате китайским гражданам услуги предоставляют сегодня 46 министерств и ведомств, а на национальном портале госуслуг в 2022 г. уже было зарегистрировано около 800 млн чел. [Мельникова, 2022].

В 2015–2017 гг. процесс создания электронного правительства в Китае носил «очаговый», децентрализован-

ный и неравномерный характер. Цифровизация местных (провинциальных) правительств в основном активно развивалась в крупных мегаполисах, приморских городах и центрах развитых технопарков, не охватывая сельскую местность. Допускались значительные вариации толкований стандартов и критериев проекта цифрового правительства, что вело к многообразию местных практик, а также к трудностям взаимодействия различных платформ [Кузнецова, 2018].

В настоящее время цифровое правительство находится в активной зоне строительства и охватывает все уровни государства: 22 провинции, 5 автономных округов, 3 города центрального подчинения (Пекин, Шанхай, Гуанчжоу), сеть уездных округов и поселков, а также различные бизнес-системы, финансовый сектор, транспорт, промышленность, торговлю, здравоохранение, образование и др. [Сунь Цзунчжэ, 2023].

Цифровое правительство определяет направление строительства «умных городов» и способствует их развитию, которые, в свою очередь, ускоряют трансформацию функций правительства. При этом китайские эксперты выделяют четыре основные проблемы, которые они называют «болевыми точками роста»: 1) децентрализация облачных ресурсов, создаваемых большими и малыми городами и поселками, приводит к неэффективному использованию цифровых данных, их нестыковке и возникающим несоответствиям; 2) неизученность проблемы спроса и предложения при обмене государственными данными и необходимость эффективного и рационального их использования (китайские эксперты считают, что эффективность цифровых платформ может быть увеличена на 27,5% [Сунь Цзунчжэ, 2023]); 3) недостаточная интеграция и дифференциация цифровых технологий в ко-

операции мелкого/среднего бизнеса и сервисов государственных услуг [Ма Хуайде, 2024, с. 6–22]; 4) острая нехватка талантливых специалистов, знакомых с государственным бизнесом и цифровыми технологиями при отсутствии у большей части чиновников всех уровней цифрового мышления и цифровых знаний [Сунь Цзунчжэ, 2023].

Другой проблемный блок связан с информационно-технологической безопасностью. В настоящее время в КНР запускаются обновленные программы генеративного искусственного интеллекта, представленных *ChatGPT*. За счет расширения возможностей данных технологий китайские программисты создают дополнительные защитные и контрольные программы и механизмы с учетом национальной безопасности страны, совершенствуя системы кибербезопасности и борьбу со злоупотреблением данными, хакерскими атаками, искусственными колебаниями на рынке труда и пр. [Сунь Цзунчжэ, 2023].

Китайское руководство, признавая сохраняющееся лидерство США в отдельных областях цифровой экономики, пытается найти собственный независимый сегмент, который можно было бы превратить в локомотив для дальнейшего разгона в целом китайской суверенной цифровизации. И таким локомотивом становятся большие данные, где, став мировым лидером, обогнав в этом компоненте США, Южную Корею и Японию, Пекин формирует основные запросы на внешних рынках и создает на своих внутренних рынках новую модель гармоничного распределения благ и обязанностей, развивая инновационную логику циф-

ровой трансформации [Сяо Цзинхуа, Се Кан, У Яо, 2020, с. 7–18].

В Китае впервые в мире для развития и организации технологий больших данных использованы государственные институты. 25 октября 2023 г. в г. Пекине открыто Государственное управление данных КНР. До этого была опубликована Белая книга о факторе данных (数据要素白皮书)¹⁸, ключевой тезис которой – обеспечение безопасности данных, которые становятся слишком ценным активом и нуждаются в надежной защите от внешних и внутренних угроз. Концептуальная часть политики суверенизации данных была подкреплена в 2023 г. соответствующими нормативными актами – законами о кибербезопасности, о безопасности данных, о защите персональной информации и др. [Денисов, 2023, с. 9–25].

Еще одним преимуществом Китая становится проект Цифровой Шёлковый путь (ЦШП), не имеющий аналогов в мире [Сюй Фэн, Го Чаосянь, 2023, с. 41–47], ключевые алгоритмы которого – развитие инноваций, цифровой экономики, искусственного интеллекта, нанотехнологий, продвижение и разработка квантовых компьютеров, строительство больших данных и облачных вычислений¹⁹.

Одной из особенностей начального этапа ЦШП был акцент на привлечение западных (США, ЕС) и азиатских (Япония, Южная Корея, Сингапур) партнеров к проекту с целью получения от них цифровых и технологических инноваций в обмен на китайские инвестиции в их инфраструктурные проекты и либерализацию торговли [Соломатина, 2021, с. 296–307]. К 2023 г. была постро-

18 Китайская академия информационных и коммуникационных технологий выпускает «Белую книгу по большим данным (2022 г.)» = 中国信通院发布《大数据白皮书（2022年）》 // Китайская академия наук. – 2023. – 18 января. – Кит. яз. – URL: https://ecas.cas.cn/xxkw/kbcd/201115_129579/ml/xxhjsjycss/202301/t20230118_4939600.html (дата обращения: 21.12.2024).

19 Си Цзиньпин. Цифровой Шёлковый путь 21-го века становится новой яркой точкой строительства «Одного пояса, одного пути» // China Foreign Language Mansion. – 2017. – 16 мая. – URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-05/16/content_40826412.htm (дата обращения: 25.12.2024).

ена наземная оптическая кабельная сеть (34 трансграничных международных кабеля с Россией, Монголией, АСЕАН, Центральной и Южной Азией). В рамках проекта «Мир» китайские корпорации построили межконтинентальный подводный кабель «Азия – Европа» (15 тыс. км) а также крупнейшую в мире сеть 5G гигабитной широкополосной связи (1,9 млн базовых станций 5G), охватывающих 3,3 млрд чел. [Сюй Фэн, Го Чаосянь, 2023, с. 41–47]. В условиях растущего сдерживания Западом китайской инициативы «Один пояс – один путь» Пекин в рамках ЦШП всё больше ориентируется на развивающиеся страны Глобального Юга²⁰, в котором Поднебесная традиционно имела и имеет сильное влияние.

Цифровые рейтинги

С 2001 г. уровень развития электронного правительства в 193 государствах – членах ООН отслеживается с помощью Индекса электронного правительства ООН (EGDI) [UN..., 2024],

который измеряет прогресс на национальном уровне. Данный показатель предназначен для оценки достижений в области цифрового управления в каждом государстве. EGDI представляет собой агрегированный индикатор, вычисляемый как средневзвешенная величина трех нормализованных индексов: Индекса телекоммуникационной инфраструктуры ((ТИ), базируется на данных Международного союза электросвязи (ITU)); Индекса человеческого капитала ((НСИ), формируется главным образом на основе информации, предоставленной ЮНЕСКО (Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры)); Индекса онлайн-услуг ((ОСИ), сформирован на основе данных, собранных в результате независимой онлайн-оценки Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, агрегированных из соответствующих субиндексов) (таблица 1).

Результаты исследования сведены в таблицу и представлены в виде на-

Таблица 1. Индексы и субиндексы компонентов EGDI
Table 1. EGDI component indices and subindices

Индекс	Индекс развития электронного правительства (IGDI)		
Компоненты	Индекс онлайн-услуг (OSI)	Индекс телекоммуникационной инфраструктуры (ТИ)	Индекс человеческого капитала (НСИ)
Субиндексы	институциональная структура – предоставление услуг – предоставление контента – технология – электронное участие (э-информирование, э-консультирование, э-принятие решений)	пользователи Интернета – абоненты мобильной сотовой связи – абоненты беспроводного широкополосного доступа – доступность широкополосного Интернета	уровень грамотности взрослого населения – валовой коэффициент охвата образования – ожидаемая продолжительность обучения – средняя продолжительность обучения – грамотность в области электронного правительства

Источник: [UN..., 2024, p. 4].

20 Чжэн Сюй. «Цифровой Шелковый путь»: новые возможности развития инноваций // Китай. – 2023. – 1 ноября. – URL: http://www.kitaichina.com/rzhengzhi/202311/t20231101_800347693.html (дата обращения: 25.12.2024); Лю Цянь. Цифровой Шелковый путь ускоряет мировую модернизацию = 刘倩. 数字丝绸之路加速世界现代化 // Один пояс, один путь = 一带一路. – 2023. – 30 ноября. – Кит. яз. – URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/0RRKAALU.html> (дата обращения: 26.12.2024).

Таблица 2. РК, Япония и Китай в рейтинге стран, лидирующих в развитии электронного правительства в Азии, 2024 г.

Table 2. Republic of Korea, Japan and China in the ranking of countries leading in e-government development in Asia, 2024

Страна	Рейтинг EGDl (мир)	OSI	HCI	TII	EGDI (2024)	EGDI (2022)
Сингапур	3	0,9831	0,9362	0,9881	0,9691	0,9133
Республика Корея	4	1,0000	0,9120	0,9917	0,9679	0,9529
Япония	13	0,9427	0,9117	0,9509	0,9351	0,9002
Китай	35	0,9258	0,7992	0,8995	0,8718	0,8119

Источник: [UN..., 2024, p. 111].

бора стандартизированных значений индекса по шкале от 0 до 1, где 1 соответствует наивысшему рейтингу предоставления онлайн-услуг, а 0 – самому низкому (таблица 2).

Если определить «цифровое место» каждого из государств в данной условной тройке стран по степени эффективности развития ГЦП, на 1-м месте стоит Южная Корея. При этом следует учитывать, что цифровизация населения в КНР (1,4 млрд чел.) по степени сложности и охвату отличается от аналогичных задач в Японии (124,3 млн чел.) и РК (51,7 млн чел.). Похожая асимметрия наблюдается и в плане территориального охвата: КНР – 9,6 млн кв. км, Япония – 378 тыс. кв. км, РК – 100 тыс. кв. км. И если суммировать все разнообразные данные и многочисленные индексы цифровизации, на наш взгляд, можно выстроить следующий «цифровой ряд» по степени цифровизации: РК – КНР – Япония.

Заключение

В зависимости от своих уникальных характеристик, включая инфраструктурные особенности, уровень технологического прогресса и другие экзогенные факторы, государства разрабатывают индивидуальные стратегии внедрения цифровых сервисов,

адаптированных под локальные условия и возможности. Южнокорейская модель, изначально формировавшаяся под влиянием западных (американских) платформ и стандартов, развивается в рамках национальных приоритетов, используя ресурсы и возможности корейской модели технологической модернизации, ресурсы крупных корпораций – чеболей, успешный опыт периода экономических реформ 1980-х – середины 1990-х годов и технологические инновации последнего десятилетия. Акцент в цифровизации делается на проектах электронного правительства, которые по всем мировым индексам и показателям считаются лучшими в мире.

Специфика японской цифровизации связана как с наличием огромных технологических, валютно-финансовых ресурсов и возможностей, созданных в годы японского «экономического чуда», так и с тормозящим влиянием процессов общей экономической стагнации 2000-х годов, с ориентацией на социально-общественные проекты «Мой номер», «Умный город – сад» и др.

В китайской модели усиливается тенденция централизации и государственного контроля ключевых цифровых проектов, обусловленная особенностями политико-государственного и экономического устройства. Китай

делает акцент на развитие и продвижение больших данных, ЦШП и других направлений в рамках жесткой институционализации и достижения цифрового суверенитета в условиях усиления геополитического и экономического соперничества с США.

Общим для всех трех государств, являющихся мировыми экономическими лидерами, остается проблема цифровой безопасности и нейтрализации вызовов и угроз, возникающих в ходе цифровой трансформации государственного управления, экономики и социальной сферы.

Список литературы

Андрианов В.Д. Республика Корея: от креативной к цифровой экономике // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 5. Ч. 1. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – С. 766–776.

Вишнякова В.В. Стратегия цифровой трансформации в промышленности Республики Корея (2019–2025 гг.) на примере «Хендэ Мотор» // Современные проблемы Корейского полуострова: 2023. – Москва : ИКСА РАН. – 2023. – С. 146–152. – DOI: 10.48647/ISSA.2023.74.22.025.

Денисов И.Е. Американское давление на китайский технологический сектор и возможности альянса *Chip 4* в сдерживании Китая // Российское китаеведение. – 2023. – № 4 (5). – С. 9–25. – DOI: 10.48647/ISSA.2024.59.72.001.

Емельянова О.Н. Факторы и перспективы перехода Японии к цифровому обществу. Анализ и прогноз // Журнал ИМЭМО РАН. – 2020. – № 4. – С. 52–61. – DOI: 10.20542/afij-2020-4-52-61.

Кузнецова В.В. Практика цифровой трансформации государственного управления в Китае // МГУ. – 2018. – 24 с. – URL: https://spa.msu.ru/wp-content/uploads/fgu_czifrovizacziya_pravit_kuzneczova.pdf (дата обращения: 20.12.2024).

Литвинова Л.В., Кузнецов М.А., Наумов Е.С. Цифровизация экономики в современной Японии // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2022. – Т. 4, № 4 (67). – С. 77–81. – DOI: 10/24412/2500-1000-2022-4-4-77-80.

Лузянин С.Г. Китай – США: модель 2023. «Управляемый конфликт» или глобальный раскол? // Азия и Африка сегодня. – 2023. – № 2. – С. 5–13. – DOI: 10.31857/S032150750024431-6.

Мельникова О.А. Опыт Китая в защите национального киберсуверенитета // Международная жизнь. – 2022. – 13 декабря. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/38218> (дата обращения: 25.12.2024).

Соломатина А.Р. Цифровой шёлковый путь как составляющая инициативы «Один пояс – Один путь» // Постсоветские исследования. – 2021. – Т. 4, № 4. – С. 296–307. – DOI: 10.24412/2618-7426-2021-4-296-307.

Стырин Е.М., Дмитриева Н.Е., Синятуллина Л.Х. Государственно-цифровые платформы: от концепта к реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2019. – № 4. – С. 31–53.

Цифровая экономика и искусственный интеллект в Республике Корея: практика политико-правового воздействия / В.И. Волощак [и др.]. // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2022. – Т. 24, № 4. – С. 35–48. – DOI: 10.24866/1813-3274/2022-4/35-48.

Швецов А.Н., Рысина В.Н. Цифровизация в России на фоне лучшего зарубежного опыта // ЭКО. – 2020. – № 2. – С. 60–80. – DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-2-60-80.

Шпакова А.А., Горюнова С.А. Стратегические программы по цифровизации экономики в Южной Корее // Ars

Administrandi (Искусство управления). – 2021. – Т. 13, № 2. – С. 260–284. – DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-260-284.

Kawai D. Overcoming Japan's Uphill Battle Toward Digital Transformation // The National Bureau of Asian Research. – 2023. – March 7. – URL: <https://www.nbr.org/publication/overcoming-japans-uphill-battle-toward-digital-transformation/> (дата обращения: 19.12.2024).

Nakamura A., Suzuki K. Japan's Attempts to Digitalise Government: An Introduction of "My Number" System in Reforming Public Management // Public Service Excellence in the 21st Century. – Singapore : Palgrave Macmillan, 2019. – P. 145–167. – DOI: 10.1007/978-981-13-3215-9_5.

UN E-Government Survey 2024. – New York: UNDESA, 2024. – 205p. – URL: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2024-09/%28Web%20version%29%20E-Government%20Survey%202024%201392024.pdf> (дата обращения: 26.12.2024).

Базовый план по науке, технологиям и инновациям. Решение Кабинета министров = 科学技術・イノベーション基本計画. 閣議決定 // Кабинет министров правительства Японии = 内閣. – 2021. – 26 марта. – 84 с. – Япон. яз. – URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/6honbun.pdf> (дата обращения: 20.12.2024).

Ким Сон Ок. Направление цифровой трансформации Кореи через индексы = 김성옥. 지수로 본 한국 디지털 전환의 방향 // Корейский институт исследований будущего = (사)국가미래연구원. – 2022. – 7 июня. – Кор. яз. – URL: https://www.ifs.or.kr/bbs/board.php?bo_table=News&wr_id=4289 (дата обращения: 17.12.2024).

Ма Хуайде. Путь построения цифрового правового правительства = 马怀德. 数字法治政府的建设路径 // Журнал Восточно-Китайского университета политических наук и права = 华东政法大学学报. – 2024. – № 3. – С. 6–22. – Кит. яз.

Роль и вклад ведущих компаний в региональную инновационную экосистему в переходную эпоху = 김승현 외, 전환시대 지역혁신생태계에서 선도기업의 역할과 기여 / Ким Сын Хён [и др.]. – Седжон : Институт научно-технической политики = 과학기술정책연구원 (STERI), 2020. – 458 с. – Кор. яз.

Сунь Цзунчжэ. Несколько мыслей о создании и развитии цифрового правительства страны в контексте Цифрового Китая = 孙宗哲. 数字中国背景下关于我国数字政府建设与发展的一点思考 // Китайская академия информации и коммуникаций = 中国信通院 (CAICT). – 2023. – 21 апреля. – Кит. яз. – URL: <https://www.secrss.com/articles/53972> (дата обращения: 25.12.2024).

Сюй Фэн, Го Чаосянь. Достижения и перспективы строительства Цифрового Шёлкового пути за последние десять лет = 徐枫, 郭朝先. 数字丝绸之路建设十年成就与未来展望 // Обзор развития Китая = 中国发展观察. – 2023. – № 21. – С. 41–47. – Кит. яз.

Сяо Цзинхуа, Се Кан, У Яо. Адаптивные инновации в продуктах, основанные на данных – инновационная логика цифровой экономики = 肖静华, 谢康, 吴瑶. 数据驱动的产品适应性创新 – 数字经济的创新逻辑 // Журнал Пекинского университета Цзяотун (издание по общественным наукам = 北京交通大学学报(社会科学版). – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 7–18. – Кит. яз.

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.05

Outlines of Digital Transformations in South Korea, Japan, and China: Challenges, Opportunities, and Risks

Otabek M. UMAROV

PhD Candidate of the Faculty of World Economics and World Politics
National Research University Higher School of Economics
Bolshaya Ordynka Street, 47/7, building 1, Moscow, Russian Federation, 115184
E-mail: omuhammadaliyevich@mail.ru
ORCID: 0009-0008-3091-1872

CITATION: Umarov O.M. (2025). Outlines of Digital Transformations in South Korea, Japan, and China: Challenges, Opportunities, and Risks. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 2, pp. 78–94 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2025.02.05

Received: 07.11.2024.

Revised: 21.01.2025.

ABSTRACT. *The digitalization of public administration and the digital economy in both developed and developing countries is becoming one of the key factors of state sovereignty and stability, providing the technological and informational foundation for the effectiveness of domestic and foreign policy, as well as national security. The article examines the processes of digitalizing of public administration and promoting of Artificial Intelligence, Big Data, and other innovations in the digital economy using the examples of three leading East Asian countries – South Korea, Japan, and China. Based on a selective analysis of individual digital components of national digital models, the author identifies the key elements of digitalization in these countries and analyzes their level and efficiency, along with the special features and “bottlenecks” characteristic of each model. Methodologically, most digital projects can be reduced to the concept of “state digital platforms” (SDPs), the evaluation criteria of which*

include reducing the costs of state regulation, dynamically updating and analyzing of digital profiles and related functions. By projecting general and specialized indices onto the digital realities of the aforementioned states, the article determines the “digital position” of each among the three economic leaders of East Asia.

KEYWORDS: *Digitalization, South Korea, Japan, China, e-government, Artificial Intelligence, security.*

References

Andrianov V.D. (2022). Republic of Korea: from creative to digital economy. In: *Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation*. Yearbook, vol. 5, part 1. Moscow: INION RAN, pp. 766–776 (in Russian).

Bazoviy... (2021). *Basic Plan for Science, Technology and Innovation*. Cabinet of Ministers of the Government of Japan,

March 26, 84 pp. (in Japanese). Available at: <https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeika-ku/6honbun.pdf>, accessed 20.12.2024.

Cifrovaya ... (2022). Digital Economy and Artificial Intelligence in the Republic of Korea: Practice of Political and Legal Impact. *Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law*. Vol. 24, no. 4, pp. 35–48 (in Russian). DOI: 10.24866/1813-3274/2022-4/35-48.

Denisov I.E. (2023). American pressure on the Chinese technology sector and the possibilities of the Chip 4 alliance in containing China. *Russian Sinology*. No. 4 (5), pp. 9–25 (in Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2024.59.72.001.

Kawai D. (2023). Overcoming Japan's Uphill Battle Toward Digital Transformation. *The National Bureau of Asian Research*, March 7. Available at: <https://www.nbr.org/publication/overcoming-japans-uphill-battle-toward-digital-transformation/>, accessed 19.12.2024.

Kim Seong-ok (2022). *The Direction of Digital Transformation in Korea as Seen Through Index*. National Future Research Institute, June 7 (in Korean). Available at: https://www.ifs.or.kr/bbs/board.php?bo_table=News&wr_id=4289, accessed 17.12.2024.

Kuznetsova V.V. (2018). *Practice of Digitalization of Public Administration in China*. Moscow State University, 24 pp. (in Russian). Available at: https://spa.msu.ru/wp-content/uploads/fgu_czifrovizacziya_pravit_kuzneczoa.pdf, accessed 20.12.2024.

Litvinova L.V., Kuznetsov M.A., Naumov E.S. (2022). Digitalization of the Economy in Modern Japan. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. Vol. 4, no. 4 (67), pp. 77–81 (in Russian). DOI: 10.24412/2500-1000-2022-4-4-77-80.

Luzyanin S.G. (2023). China – USA: Model 2023. “Managed Conflict” or Global Split? *Asia and Africa Today*. No. 2, pp. 5–13 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750024431-6.

Ma Huaide (2024). The Path to Building a Digital Rule of Law Government. *Journal of East China University of Political Science and Law*. No. 3, pp. 6–22 (in Chinese).

Melnikova O.A. (2022). China's experience in protecting national cyber sovereignty. *The International Affairs*. December 13 (in Russian). Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/38218>, accessed 25.12.2024.

Nakamura A., Suzuki K. (2019). Japan's Attempts to Digitalise Government: An Introduction of “My Number” System in Reforming Public Management. In: *Public Service Excellence in the 21st Century*. Singapore: Palgrave Macmillan, pp. 145–167. DOI: 10.1007/978-981-13-3215-9_5.

Rol'... (2020). *The Role and Contribution of Leading Innovation Actors in the Regional Innovation Ecosystem in the Era of Transition*. Sejong: Science and Technology Policy Institute (STEPI), 458 pp. (in Korean).

Shpakova A.A., Goryunova S.A. (2021). Strategic programs for digitalization of the economy of South Korea. *Ars Administrandi (The Art of Management)*. Vol. 13, no. 2, pp. 260–284 (in Russian). DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2-260-284.

Shvetsov A.N., Rysina V.N. (2020). “Digitalization” of Public Management in Russia Against the Background of Best International Practice. *ECO*. No. 2, pp. 60–80 (in Russian). DOI: 10.30680/EC00131-7652-2020-2-60-80.

Solomatina A.R. (2021). Digital Silk Road as a Component of the One Belt – One Road Initiative. *Post-Soviet Studies*. Vol. 4, no. 4, pp. 296–307 (in Russian). DOI: 10.24412/2618-7426-2021-4-296-307.

Styrin E.M., Dmitrieva N.E., Sinyatulina L.Kh. (2019). State-digital platforms: from concept to implementation. *Issues of State and Municipal Administration*. No. 4, pp. 31–53 (in Russian).

Sun Zongzhe (2023). *Some Thoughts on the Establishment and Development of My*

Country's Digital Government in the Context of Digital China. China Academy of Information and Communications Technology (CAICT). April 21 (in Chinese). Available at: <https://www.secrss.com/articles/53972>, accessed 25.12.2024.

UN... (2024). *UN E-Government Survey 2024*. New York: UN DESA, 205 pp. Available at: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2024-09/%28Web%20version%29%20E-Government%20Survey%202024%201392024.pdf>, accessed 26.12.2024.

Vishnyakova V.V. (2023). Strategy of digital transformation in the industry of the Republic of Korea (2019–2025) on the example of Hyundai Motor. *Modern Problems of the Korean*

Peninsula: 2023. Moscow: IKSA RAN, pp. 146–152 (in Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.74.22.025.

Xiao Jinghua, Xie Kang, Wu Yao (2020). Data-driven product adaptive innovation – the innovation logic of digital economy. *Journal of Beijing Jiaotong University (Social Sciences Edition)*. Vol. 19, no. 1, pp. 7–18 (in Chinese).

Xu Feng, Guo Chaoxian (2023). Achievements and future prospects of the Digital Silk Road construction over the past decade. *China Development Observer*. No. 21, pp. 41–47 (in Chinese).

Yemelyanova O.N. (2020). Factors and Prospects of Japan's Transition to a Digital Society. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. No. 4, pp. 52–61 (in Russian). DOI: 10.20542/afij-2020-4-52-61.

УДК 338.2(1*KR)

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.06

Эволюция стратегии цифровизации в Республике Корея

Александр Николаевич ФЕДОРОВСКИЙ

доктор экономических наук, главный научный сотрудник, руководитель группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона

Центра азиатско-тихоокеанских исследований

Национальный исследовательский институт мировой экономики

и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук

ул. Профсоюзная, д. 23, г. Москва, Российская Федерация, 117997

E-mail: a.fedorovsk@imemo.ru

ORCID: 0000-0002-3892-8432

ЦИТИРОВАНИЕ: Федоровский А.Н. Эволюция стратегии цифровизации в Республике Корея // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 2. С. 95–111.

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.06

Статья поступила в редакцию 26.02.2025.

Исправленный текст представлен 30.03.2025.

АННОТАЦИЯ. Проводимый в 2020-е годы в Республике Корея (РК) курс на цифровизацию экономики и общественной жизни отвечает общей стратегии опережающего инновационного развития, призванного сохранить поступательную динамику и обеспечить стабильное качество роста и высокие стандарты уровня жизни населения. При этом концепция цифровой трансформации страны реализуется достаточно последовательно. Смена правящей администрации допускает корректировку стратегии цифровизации, но не приводит к отказу от нее или кардинальному изменению содержания начатого процесса. Принципиальной особенностью долгосрочного плана действий стала увязка стратегической программы цифрового перехода с курсом на создание зеленой экономики. Серьезным лимитирующим фактором экономического развития Республики

Корея на долгосрочную перспективу становится хронический дефицит трудовых ресурсов, вызванный последствиями демографических проблем. Одним из решений означенной проблемы видится расширение применения роботов в промышленном производстве и сфере услуг. Потребность обеспечения конкурентных преимуществ побуждает придать дополнительный импульс разработкам квантового компьютера и искусственного интеллекта (ИИ). Ключевые проекты цифровизации включают в себя отрасли, непосредственно улучшающие качество жизни, прежде всего здравоохранение, образование, культуру, а также экологию и индустрию обеспечения комфортного проживания. Достижение поставленных задач подразумевает опережающее развитие информационных технологий (ИТ) на основе развития научного и промышленного потенциала.

Взаимодействие с иностранными производителями и потребителями высокотехнологичной продукции является важным аспектом стратегии южнокорейских разработчиков и производителей. В числе внешних партнеров заметную роль играют американские, европейские и японские корпорации. Вместе с тем приоритетное значение в последние годы отдается выходу на рынок КНР и кооперации с китайскими компаниями. Кроме того, растет внимание к взаимодействию с новыми партнерами, в том числе со странами АСЕАН, а также с Индией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Республика Корея, новый цифровой курс, Цифровая стратегия Кореи, информационные технологии, искусственный интеллект, Китай, США, АСЕАН, Индия, Вьетнам.

Введение

Эпидемия коронавирусной инфекции COVID-19 негативно отразилась на южнокорейской экономике, что нашло свое выражение в снижении в 2020 г. ВВП на 1%, росте безработицы, внешнеэкономических проблемах. В то же время, в отличие от ряда других пострадавших от пандемии государств, Республика Корея инициировала меры не только тактического характера, направленные на смягчение последствий экономического спада и связанных с этим социальных проблем, но и приняла решения долгосрочного характера. Действовать подобным образом администрацию президента Мун Чжэ Ина (2017–2022) побудила необходимость реагирования на проявление в последние годы ряда фундаментальных вызовов, требующих корректировки стратегии развития.

Прежде всего, РК столкнулась за последние более чем четверть века с не-

уклонным снижением темпов экономического прироста ВВП, превышавшим 6% в начале 1990-х годов и составлявшим 2–3% в последнее десятилетие. Обостряются демографические проблемы. Ситуацию усугубляет то обстоятельство, что одновременно увеличивается разница в доходах южнокорейцев, что отразилось на положении среднего класса, доля которого в населении страны сократилась с 65% в 1997 г. до 56% в 2013 г. Между тем происходила концентрация национального богатства в руках элиты: на долю 10% наиболее обеспеченной части населения в 2013 г. стало приходиться 45% всех получаемых доходов, что на 16 процентных пунктов больше, чем в 1990 г. Данные процессы отражали изменение структуры бизнеса в пользу крупных конгломератов (чеболей). Доля «большой четверки» (*Samsung, Hyundai Motor, LG и SK*) в ВВП составила в 2013 г. 60% против 40% в 2003 г. Во многом причины сложившегося положения оказались связаны с проблемой развития малого предпринимательства. Производительность труда такого рода бизнеса не превышала трети от показателей крупных компаний. Лишь 15% малых компаний вовлечены в устойчивые международные экономические связи, включая производственные цепочки [Ahn, 2016].

Меры социальной поддержки, направленные на изменение сложившегося тренда, оказались недостаточными, чтобы кардинально изменить ситуацию и устранить возникающий в связи с этим общественный конфликт. Южнокорейскому руководству приходится учитывать, что дифференциация доходов в решающей степени связана с разницей возможностей, заложенных в традиционных и инновационных отраслях.

В итоге совокупность экономических и социальных факторов предопределила намерение администрации Мун Чжэ Ина приступить к разработ-

ке и проведению стратегии развития, предполагающей за счет распространения инноваций кардинально повысить производственные возможности и эффективность подавляющего большинства отраслей и сферы услуг, при этом за счет применения природоохранных технологий оздоровить среду обитания, избавиться от депрессивных производств, обеспечить нужды оборонного комплекса и поддержать социальную стабильность.

Основные идеи инновационной модернизации южнокорейской экономики и социальной сферы начали прорабатываться в 2017–2019 гг., пандемия COVID-19 способствовала активизации этого процесса, нашедшего свое завершение в принятии в 2020 г. корейского Нового курса Национальной стратегии великой трансформации (КНК).

В ходе реализации КНК первостепенное внимание уделялось плану *Big-3*, подразумевающему приоритетный рост зеленого автомобилестроения, биотехнологии, а также Цифрового нового курса (технологии 5G, большие данные и искусственный интеллект). Выбранные отрасли призваны были обеспечить экономический рост на основе экологичных технологий, существенного повышения возможностей медицинской отрасли и фармакологии, широкого внедрения роботизации, цифровых автоматизированных решений на корпоративном и потребительском уровнях.

Выдвигая амбициозные цели, южнокорейское руководство исходило из наличия значительных возможностей развития инновационных отраслей. Расходы на науку составляют 5% ВВП (2022 г., 2-й показатель в мире после Израиля), страна входит в число лиде-

ров по производству полупроводников, использованию новейшего стандарта беспроводной системы связи 5G, а также производству соответствующего оборудования. Накоплен большой опыт координации экономической политики между государством и крупным бизнесом. РК смогла создать слой высококвалифицированных технологов и разработчиков. На 100 тыс. занятых в 2021 г. приходилось порядка 290 технических специалистов со степенью бакалавра, тогда как в Китае и США этот показатель составлял соответственно 144 и 118 чел. Цифровые технологии вошли в практику деятельности ряда отраслей [Moon, McFaul, 2024, p. 40]. Однако развитие отрасли ИИ в Южной Корее отличалось неравномерностью: наряду с продвижениями по ряду направлений сохранялось отставание от мировых лидеров. В связи с этим администрацией Мун Чжэ Ина были выделены значительные ресурсы на укрепление научной базы и отраслей, связанных с наращиванием потенциала ИИ.

Тем не менее пришедшей в 2022 г. к власти администрации Юн Сок Ёля пришлось вносить коррективы в стратегию цифровизации.

Курс на цифровизацию

Летом 2020 г. правящая в тот период южнокорейская администрация объявила своей долгосрочной экономической задачей необходимость реализации программы, рассчитанной на несколько десятилетий. Как подчеркивал в связи с этим Мун Чжэ Ин, заявленная стратегия «закладывает фундамент Кореи на следующие 100 лет»¹.

Тремя главными стратегическими целями программы КНК были заяв-

1 Korean New Deal. National Strategy for a Great Transformation // The Government of the Republic of Korea. Ministry of Economy and Finance. – 2020. – July. – Preface. URL: <https://policy.asiapacificenergy.org/sites/default/files/The%20Korean%20New%20Deal-%20National%20Strategy%20for%20a%20Great%20Transformation.pdf> (дата обращения: 20.04.2024).

лены 1) обеспечение высокотехнологичного развития при одновременной поддержке создания новых высокоэффективных рабочих мест; 2) достижение быстрого возвращения к «нормальному» экономическому росту, формирующему инфраструктурные возможности развития южнокорейской индустрии, сельского хозяйства и сферы услуг, в которых всё более будут доминировать черты цифровой и зеленой экономик; 3) формирование на основе создаваемых цифрового и зеленого потенциалов новых возможностей укрепления позиций Республики Корея в мировой экономике.

Авторы стратегии исходили из того, что ее практическое содержание определяет вектор развития экономики и социальной сферы минимум до 2050 г. В начальный пятилетний период принятую программу предполагалось реализовать в три этапа. Первый охватывал 2020 г., второй – 2021–2022 гг., третий – 2023–2025 гг.

Принципиальной особенностью предложенного долгосрочного плана стала увязка стратегической программы цифровизации с курсом на продолжение создания зеленой экономики («Зеленый новый курс»). Одной из центральных задач значилось внедрение «умных сетей», представляющих собой технологии контроля и управления распределения электроэнергии, позволяющие поставщикам и потребителям гибко регулировать этот процесс, оперативно внося в него необходимые коррективы. В рамках реализации этого проекта развернулась установка в 5 млн квартир и частных домов «умных» счетчиков нового поколения с соответствующим программным обеспечением². Другим перспективным направлением стало

формирование микросетей в регионах, в первую очередь на замкнутых островных территориях, с целью отслеживания производства, хранения и распределения электроэнергии, получаемой из возобновляемых источников. Своей целью южнокорейское правительство ставило доведение доли возобновляемой энергии в совокупном потреблении до 20% к 2030 г. и до 30–35% в 2040 г. В реализации этих планов важное место отводилось цифровизации технологических и контрольно-распределительных процессов.

Кроме того, приоритетами определялись интегрирующая роль в национальной экономике ИТ, обеспечивающих цифровизацию сферы образования и социальной сферы, а также содействие «бесконтактной» коммерции (электронной торговле, использованию удаленных рабочих инструментов). Инфраструктура цифрового перехода базировалась на соотношении систематизируемых данных, сети их передачи и ИИ. Принятый в 2021 г. план продвижения «ИИ – во все регионы для нашего народа» (*AI into All regions for Our People*) изначально нацеливал научные исследования и бизнес-проекты на возможность перехода от пилотных проектов «Кластеры ИИ» (*AI Cluster Village*) к доведению разработок до максимально возможного круга пользователей во всех частях страны [OECD, 2024a, p. 161].

Ключевые проекты цифрового перехода

Всего в рамках провозглашенной стратегии цифровизации в качестве приоритетных были выделены 10 проектов. При этом к числу драйверов процесса цифровизации, помимо круп-

2 Kim S.-Y., Thurbon E., Hao T., Mathews J. South Korea's Green New Deal Shows the World what a Smart Economic Recovery Looks Like // The Conversation. – 2020. – September 9. – URL: <https://theconversation.com/south-korea-green-new-deal-shows-the-world-what-a-smart-economic-recovery-looks-like-145032> (дата обращения: 17.06.2024).

нейших корпораций, относятся банковский и финансовый сектора, что оказывает заметно позитивное влияние на приобщение к цифровому переходу ведущих отраслей экономики, прежде всего промышленности, а также важнейших звеньев сферы услуг [Kim, Kim, Kuung, 2022, p. 558]. Растут наименование и объем услуг, предоставляемых действующими в стране интернет-банками, использующими преимущество низких затрат на банковские транзакции, доступность и быстроту обслуживания клиента. В 2022 г. кредитный портфель крупнейшего онлайн-банка *KakaoBank* составил 26 трлн вон, число пользователей составило более 19 млн чел. [Кукла, 2023, с. 13].

Примечательна иерархия целей цифровизации в практической интерпретации КНК. Здравоохранение рассматривается в Республике Корея в качестве отрасли, фундаментальная модернизация которой становится решающим фактором повышения продолжительности и качества человеческой жизни, обеспечения инновационного развития, гарантирующего создание рабочих мест для квалифицированного персонала, а также условие поддержания социальной стабильности. Инвестиции в отрасль в объеме 100 млрд вон к 2022 г. и еще 200 млрд³ к 2025 г. нацелены на создание 3 тыс. новых рабочих мест, при том что занятые на действующих медицинских объектах в результате реализации проекта получат повышение квалификации и более совершенные условия труда.

Предусматривалось открытие 12 специализированных клиник, каждая из которых нацелена на диагностику и ле-

чение наиболее сложных заболеваний (онкологии, диабета, болезней печени). При этом широкое применение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) потребовало модификации системы медицинского страхования⁴.

Существенному обновлению подверглась инфраструктура южнокорейского школьного образования. Помимо перевода систем отопления и освещения образовательных объектов (всего порядка 3 тыс.) на альтернативные источники энергии, кардинальные изменения происходят в техническом обеспечении учебного процесса. Данная программа финансировалась как из бюджетных средств, так и за счет государственно-частного партнерства. Так, в 2020–2022 гг. в сферу образования инвестировано 5,5 трлн вон (из которых 1,1 трлн – бюджетные), что привело к созданию дополнительно 42 тыс. рабочих мест⁵.

Следствием реализации проекта инновационного обновления инфраструктуры образовательной отрасли стало подключение свыше 300 тыс. школьных классов к системе *Wi-Fi*, замена 200 тыс. устаревших компьютеров современными моделями. В итоге расширяются возможности для проведения очно-дистанционного образования, сочетания общих занятий с индивидуальными, рассчитанными как на наиболее способных учащихся, так и на учеников, требующих учета их персональных, в том числе медицинских, особенностей.

Значительные инвестиции направляются в развитие инфраструктуры, обеспечивающей безопасность жизнедеятельности: транспортную систему,

3 Официальный валютный курс на 02.09.2024: 1338 южнокорейских вон за один доллар США.

4 Korean New Deal. National Strategy for a Great Transformation // The Government of the Republic of Korea. Ministry of Economy and Finance. – 2020. – July. – P. 50. – URL: <https://policy.asiapacificenergy.org/sites/default/files/The%20Korean%20New%20Deal-%20National%20Strategy%20for%20a%20Great%20Transformation.pdf> дата обращения: 20.04.2024).

5 Ibid. P. 20, 51.

водоснабжение, структуры раннего предупреждения о природных аномалиях. В эти отрасли до 2022 г. было направлено 8,2 трлн вон, что позволило создать десятки тысяч новых рабочих мест.

Как и во многих странах мира, дефицит качественной воды становится серьезным вызовом обеспечению здорового образа жизни и поддержанию деловой активности в городах и сельской местности, в связи с чем начат процесс кардинальной модернизации с помощью цифровых технологий всей цепочки, начиная от анализа состояния водных ресурсов и прогноза сохранения их запасов до транспортировки, распределения и конечной очистки водных стоков. Все эти данные сводятся в единую систему контроля и управления при помощи ИКТ и ИИ⁶.

Автоматизируется система раннего выявления и прогнозирования природных катаклизмов, для чего в стадии создания или модернизации включены 510 объектов, предупреждающих об угрозах тайфунов, наводнений, землетрясений, цунами с большей заблаговременностью и точностью в характеристике конкретного явления.

Наконец, в производственной сфере проявляется стремление увязать введение зеленых технологий и цифровизации. Прежде всего это касается создания систем мониторинга соблюдения промышленными производствами экологических правил и сохранения на прилегающих территориях природной среды, для чего внедряется технологический и химический надзор с использованием специальных аналитических средств внутри и вне конкретных производств, включая дроны. Предприятия обеспечивались цифровыми технологиями средств контроля оптимизации режима использования

системы возобновляемой энергетики, включая контроль со стороны специализированных центров, оснащенных системами ИИ.

Вблизи 81 крупнейшего промышленного комплекса развернуто расширение предприятий по переработке производственных отходов с целью их повторного использования. В свою очередь, технологическую поддержку получили порядка 9 тыс. предприятий малого и среднего бизнеса, специализирующихся на переработке мусора.

Всего на упомянутые цели до 2022 г. было выделено 2,1 трлн вон и 4 трлн вон запланировано до 2025 г. в расчете на создание в целом до 50 тыс. рабочих мест. При этом в 2020–2025 гг. ожидалось создание 81 центра по переработке отходов и появление свыше 13 тыс. систем, предотвращающих загрязнение внешней среды малым и средним бизнесом⁷.

Перезагрузка программы цифровизации

Республика Корея в ходе процесса модернизации наряду с впечатляющими достижениями сталкивается с необходимостью найти ответ на ряд долгосрочных стратегических вызовов, требующих адекватных решений уже в ближайшей перспективе. В частности, стране приходится считаться с последствиями одного из самых низких в мире показателей рождаемости, что негативно отражается на рынке труда и диспропорциях в возрастной структуре населения. Одним из способов преодоления возникшего в связи с этим дефицита кадров может стать расширение применения роботов в промышленном производстве и сфере услуг.

⁶ Ibid. P. 53.

⁷ Ibid. P. 55.

В то же время в ходе реализации программы обозначились недостатки в способности промышленности, сферы услуг, образования и инфраструктуры в максимальной степени использовать возможности цифровизации. Наметилось отставание от планов по ряду направлений в освоении технологий «облачного» компьютера, а также ИИ [Park, 2023, р. 2]. Оценки южнокорейских экспертов показывают сложившееся отставание в инновационном потенциале целого ряда производств от ведущих промышленных корпораций. Так, 57% компаний, действующих в сфере услуг, не инвестируют в инновационные разработки [Cheong, Cho, 2024, р. 195].

Одной из серьезных проблем становятся ограниченные возможности малого и среднего бизнеса участвовать в заявленном процессе, а также препятствия росту индивидуальной занятости в сфере инновационного предпринимательства. Между тем цифровая трансформация при поддержке правительства предполагает повышение технологических возможностей такого рода бизнеса. Однако сохраняются факторы, препятствующие его модернизации. Среди них – ограниченность финансовых возможностей, недостаточная квалификация кадров. Кроме того, выявилась зависимость включения малого бизнеса в процесс цифровой трансформации от степени развитости локальных горизонтальных экономических связей [Kim, Kim, Kuung, 2022, р. 5].

В связи с этим появились дополнительные приоритеты – акцент был перенесен на повышение координации инновационных программ, совершенствование цифрового образования, содействие бесконтактному бизнесу, расширение цифровизации социальной сферы. Соответственно, указанные направления получили финанси-

рование в первоочередном порядке. В 2020–2025 гг. с этой целью закладывались средства в объеме 38,5 трлн вон с расчетом на создание около 600 тыс. рабочих мест.

Значительные усилия направлялись на создание «цифровой экосистемы», подразумевающей сбор, систематизацию, раскрытие, интеграцию и распределение массива данных. Выполнение этой задачи было возложено на более чем 8 тыс. частных компаний, обладающих необходимым техническим и профессиональным потенциалом.

Стратегия КНК разрабатывалась в период распространения COVID-19, что наложило свой отпечаток на характер и реализацию принятых решений. Заметным было политическое содержание предложенной концепции модернизации страны, выражавшей стремление оперативно ответить на вызовы пандемии и одновременно приступить к скорейшему созданию экономики, по своему содержанию отвечающей долгосрочным целям инновационного развития.

Быстрота принятых решений сказалась на незавершенности разработки всех вопросов к моменту принятия основ стратегии «Корейский новый курс» летом 2020 г. Ряд важных постановлений принимался уже в развитие одобренных ранее решений. Это касалось, в частности, создания системы управления КНК, детализации условий его финансирования, в том числе путем создания Фонда «Корейский новый курс», поддержания регионального баланса реализации КНК. Необходимость доработки ряда параметров курса признавал и президент Мун Чжэ Ин, отмечавший, что важнейшим аспектом южнокорейской трансформации в части цифровой и зеленой экономики должны стать усилия, направленные на преодоление неравенства и предотвращение маргинализации людей и ре-

гионов. Однако ряд недостатков, выявленных в ходе реализации программы, преодолеть не удалось.

Несмотря на это, объективные данные дают основания говорить о возможностях Республики Корея в деле цифровизации экономики и всей общественной деятельности. В 2024 г. при численности населения 52 млн чел. 50,7 млн (97%) южнокорейцев пользовались Интернетом [OECD, 2024a, p. 90]. Жители страны владеют 66,4 млн средств мобильной связи, 48 млн граждан – активные пользователи социальных сетей⁸.

Пришедшая к власти в 2022 г. администрация президента Юн Сок Ёля посчитала необходимым выдвинуть 28 сентября 2023 г. скорректированную редакцию стратегии цифровизации страны – Цифровую стратегию Кореи (*Digital Strategy of Korea*). Собственно говоря, заявлена не одна стратегия, а долгосрочный план действий (*roadmap*), включающий пять стратегий и 19 целевых задач (*specific tasks*). Отправной точкой предлагаемой концепции стало выступление за неделю до этого президента Юн Сок Ёля в Нью-Йоркском университете с докладом «Солидарность за свободу цифровых граждан» (*Solidarity for the Freedom of Digital Citizens*)⁹.

Вносить коррективы и новые акценты в действующую стратегию правящую администрацию побудили объективные причины. В первую очередь инвестиции направляются в шесть ключевых направлений, среди которых есть уже получившие заметное развитие, такие как технологии 5G, которое дополняется разработками системы связи 6G, а также кибербезопасность.

В то же время потребность обеспечения конкурентных преимуществ побуждает придать дополнительный импульс разработкам квантового компьютера, ИИ, добиться качественно нового уровня производимых полупроводников, наконец, такому (во многом поисковому) направлению, как изучение практических возможностей метавселенной, то есть постоянно функционирующего виртуального пространства, в котором допустимо взаимодействие людей друг с другом и с цифровыми объектами. Ежегодный прирост мирового рынка ИИ в 2023–2030 гг. прогнозируется на уровне 24%, в результате чего его абсолютный объем может составить порядка 207 млрд долл. С целью поддержать цифровизацию банковско-кредитных институтов в 2023 г. было инициировано создание специального банка для цифровой валюты [Кукла, 2023, с. 14].

При всей важности реализации упомянутых программ государство и бизнес РК считают особо приоритетным исследование потенциала ИИ в обеспечении перехода на качественно новый уровень производимых в стране полупроводников [OECD, 2024b, p. 56]. Во многом это вызвано конкуренцией со стороны зарубежных (в первую очередь китайских и тайваньских) производителей, которую испытывают на себе ведущие южнокорейские компании. В то время как развитие данной отрасли во многом определяет перспективы роста всей экономики Республики Корея, на мировом рынке отмечается нехватка высокопроизводительных интегральных микросхем. Между тем качественные прорывы в разработке

8 Kemp S. Digital 2024: South Korea // DataReportal. – 2024. – February 23. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-south-korea> (дата обращения: 28.06.2024).

9 Korea to Come up with the Roadmap of Digital ROK, Realizing the New York Initiative // Ministry of Science and ICT. – 2023. – September 28. – URL: <https://www.msit.go.kr/eng/bbs/view.do?sCode=eng&mId=4&mPid=2&bbsSeqNo=42&nttSeqNo=742> (дата обращения: 28.06.2024).

и производстве полупроводников и, соответственно, микросхем нового поколения эксперты связывают с использованием возможностей ИИ¹⁰. Речь идет о создании продукции с заданными характеристиками при существенном снижении совокупных издержек разработки и производства, способности ужесточить контроль качества готового изделия, изыскании альтернативных существующим исходных материалов, обеспечивающих южнокорейских производителей необходимыми компонентами без снижения качества конечной продукции. Последнее тем актуальнее, что международный рынок необходимых сырьевых ресурсов во многом определяется поставками из Китая, зависимость от которых южнокорейские компании стремятся снизить.

Наконец, существенный акцент делается на социальном аспекте технологического развития. Успех цифровизации в Республике Корея во многом связывается с подготовкой высококвалифицированных кадров, для чего вдвое увеличиваются учебные часы, отводимые на знакомство с этой темой в школах, расширяется объем соответствующих программ в университетах. Одновременно, учитывая сложившиеся в Южной Корее региональные диспропорции, ставится задача перераспределения за счет цифровой инфраструктуры производственных возможностей между регионами внутри страны. Широкий общественный и гуманитарный контекст принимаемых мер подразумевает увязку продвижения цифровизации экономики с задачей обеспечения максимальных возможностей: индивидуальных, профессиональных, культур-

ных – с учетом гендерных особенностей, возрастных групп, особенностей жизни в мегаполисах и в небольших поселениях. Речь идет не только о гарантиях высоких экологических стандартов качества и безопасности жизни, но одновременно и о создании новых возможностей профессионального и общественного самовыражения человека, реализации его конституционных прав, расширении индивидуальных способностей на всех уровнях, вплоть до глобального. В подготовленном ООН докладе о состоянии цифровизации мировой экономики отмечается, что за пределами Европейского союза Республика Корея демонстрирует последовательный курс на координацию цифровизации и зеленого развития [UNCTAD, 2024, p. 200].

Реализация упомянутых программ позволила достичь ощутимых **позитивных результатов**. По оценкам американской исследовательской компании *Forrester Research*, Республика Корея вошла (вслед за США, Китаем, Великобританией, Японией и Германией) в число шести ведущих стран-лидеров по объему цифровой экономики. При этом к 2028 г. (при сохраняющейся тенденции развития страны) по доле цифрового бизнеса в ВВП (31%) Южная Корея сможет занять позиции мирового лидера, опережая Китай (18%) и США (16%)¹¹. Доля южнокорейцев, обладающих доступом к сетям 5G, достигла 63%, уступая по этому показателю только США (68%) и превосходя Японию (56%). В среднем по ОЭСР этот показатель составляет 31% [OECD, 2024b, p. 45]. Развивая свои технологические возможности, южнокорейские ком-

10 Artificial Intelligence in Boosting Semiconductor R&D // Patsnap. – 2024. – URL: <https://www.patsnap.com/resources/blog/the-role-of-artificial-intelligence-in-accelerating-semiconductor-research-and-development/> (дата обращения: 19.07.2024).

11 13-значная цифра: мировая цифровая экономика вырастет до \$ 16,5 трлн в 2028 г. // ADPASS. – 2024. – August 13. – URL: <https://adpass.ru/13-znachnaya-tsifra-mirovaya-tsifrovaya-ekonomika-vyrastet-do-16-5-trln-v-2028-godu/?ysclid=m0c8j5631i-128680985do-16-5-trln-v-2028-godu/?ysclid=m0c8j5631i128680985> (дата обращения: 19.07.2024).

пании освоили выпуск высокопроизводительных полупроводников, позволяющих повысить конкурентоспособность РК в облачных технологиях. Качественные изменения происходят в системе здравоохранения. Опираясь на использование таких технологий, как 5G и Интернет вещей (*internet of things, IoT*), создаваемые 18 «умных» медицинских клиник получили возможность проводить регулярный мониторинг пациентов, по результатам которого осуществляются комплексные диагностика и лечение. Модернизированные клиники, используя появившиеся в ходе реализации стратегии цифровизации возможности, проводят удаленную диагностику заболеваний с респираторными и температурными симптомами, что позволяет в значительной мере предотвратить распространение инфекционных эпидемий. РК занимает в мировой экономике лидирующие позиции по числу используемых роботов [UNCTAD, 2024, р. 38]. При этом по данным за 2024 г. в РК на 10 тыс. работников приходилось 1012 ед. роботов – наивысший показатель в мире, в то время как в Германии на 10 тыс. работников приходится 415 ед., в США – 285 ед. [Варнавский, 2025, с. 11].

Вместе с тем реализация цифрового перехода сталкивается с **рядом проблем**. Недостаточно динамично включается в процесс цифровизации малый бизнес. Возникают объективные сложности в регулировании процесса цифровизации. С одной стороны, существует необходимость контролировать функционирование дата-центров и интернет-мобильности с целью предотвращения утечек информации приватного характера. С другой стороны, вводимые в связи с этим государством

ограничения приводят к снижению южнокорейского ВВП на 0,4% [Розанова, 2024, с. 18]. Проблемным звеном южнокорейских производителей остается отрасль ИИ. Хотя такие местные компании, как *Naver, KT, Kakao Corp.*, наращивают свой потенциал, 70% внутреннего рынка контролирует *Amazon Web Service*. Южнокорейских компаний пока нет в числе «ИИ-единорогов»¹². Дабы преодолеть сложившееся отставание, в 2023 г. в РК был принят Закон о содействии индустрии ИИ и основах заслуживающего доверия ИИ, предусматривающий снятие зарегулированности отрасли при сохранении контроля за конечными результатами разработок.

Международные аспекты цифровизации южнокорейской экономики

Между тем возможности в развитии технологий цифровизации за счет ресурсов одной страны, тем более среднего государства, каковым является РК, объективно ограничены. Это касается таких факторов, как финансовые ресурсы, потенциал научных кадров, емкость ряда секторов внутреннего рынка. В частности, объем внутреннего спроса на ИИ, хотя и показывает тенденцию к росту, составляет лишь 1–2% от мирового рынка этой продукции. Отсюда – объективная потребность в международной кооперации.

Кроме того, национальные политические и деловые элиты исходят из того, что научные и коммерческие достижения должны быть подкреплены южнокорейским влиянием на международное регулирование процесса цифровизации. В этом контексте логичным является присоединение

¹² Компания-единорог (unicorn) – стартап, использующий в основе своей бизнес-модели ИИ, чья рыночная стоимость превысила 1 млрд долл.

РК в 2024 г. к Соглашению о партнерстве в области цифровой экономики (*Digital Economy Partnership Agreement, DEPA*), с расчетом на возможность оказывать влияние на технологические стандарты и правовые параметры развития отрасли¹³.

Вектор глобальной активности РК при поддержке государства определяют ведущие южнокорейские корпорации, прежде всего *Samsung Electronics* и *SK Hynix*, входящие в число мировых лидеров в производстве полупроводников и ИТ, и во многом задающие направление и характер развития цифровизации в РК. В частности, большое значение в корпорации *Samsung* уделяют привлечению к своим исследовательским программам ученых из других стран в рамках стратегии формирования Стратегических альянсов в области исследований и технологий (*Strategic Alliances for Research and Technologies*). С этой целью была развернута глобальная сеть Центров НИОКР (*Samsung Global Research Centre*) в 15 странах, включая США, Китай (два Центра), Великобританию, Израиль и Японию. Действовал подобный институт и в России. В наибольшем масштабе научные исследования проводятся в США под эгидой *Samsung Research America*. При этом приоритетное внимание уделяется ИИ, цифровой медицине и разработкам соответствующей техники, 6G, *Big Data*, робототехнике, вопросам информационной безопасности¹⁴. В свою очередь *Apple*, *Google* и *Microsoft* инвестируют в стартапы в РК. В 2010–2021 гг. американские компании вложили в южнокорейский бизнес, связанный с ИИ, 3,8 млрд

долл. В этот же период вложения корпораций РК в американскую индустрию ИИ составили 4 млрд долл. [*Moon, McFaul, 2024, p. 40*].

Китай также остается одним из приоритетных направлений зарубежной активности южнокорейского бизнеса в отраслях, связанных с развитием цифровой экономики. Хотя на долю КНР приходится четверть всего южнокорейского экспорта, на китайский рынок поступает до половины экспортируемых южнокорейских полупроводников [*Федоровский, 2023, с. 13*]. Взаимодействие с китайскими партнерами обеспечивает корпорациям РК доступ к растущему рынку ИТ, позволяет использовать преимущества научной и производственной специализации и кооперации, развивать в Китае ту часть производств и НИОКР, которые по разным причинам (в том числе из-за дефицита необходимых кадров и финансов) не могут быть в полном объеме реализованы в условиях Республики Корея.

Вместе с тем на протяжении 2020-х годов обозначились препятствия развитию южнокорейско-китайского взаимодействия в сфере цифровизации. Главной внешней проблемой стала угроза, связанная с ухудшением американо-китайских отношений, выражающаяся в ограничениях деловых связей южнокорейских корпораций с китайскими производителями оборудования 5G, необходимого для оптимизации производственных цепочек, из-за опасения введения санкций со стороны США. В результате деформируется выстраиваемая южнокорейским бизнесом система глобальной сети цифровых производств.

13 Korgun I. South Korea's Entry in Global Digital Economy Pact Signals Ambitious Goals // *Koreapro*. – 2024. – September 4. – URL: <https://koreapro.org/2023/10/south-koreas-entry-in-global-digital-economy-pact-signals-ambitious-goals/> (дата обращения: 19.07.2024).

14 Samsung Research. – URL: <https://research.samsung.com/global-rnd-network> (дата обращения: 09.03.2025).

Проявившиеся в последнее время трудности другого характера связаны с внутренней политикой китайских властей. Правительственная система регулирования цифровой экономики в КНР распространена на вопросы правомочности акционеров иностранных финансовых корпораций, взаимодействующих с аналогичными китайскими компаниями. Каждый акционер с долей акций свыше 10% обязан пройти тщательную финансовую и правовую проверку. В итоге вводимые китайским правительством правила контроля и регулирования угрожают осложнением участию южнокорейского бизнеса в программах цифровизации китайской экономики¹⁵.

В этих условиях инновационный транзит РК, подразумевающий цифровизацию ее экономики, предполагает внесение существенных коррективов во внешнеэкономическую стратегию. Ставится задача расширить южнокорейское присутствие в ведущих мировых центрах концентрации цифровых стартапов, для чего с 2023 г. вдвое увеличивается число поддерживаемых государством соответствующих программ. В частности, с целью наращивания цифрового экспорта через расширение участия в международном партнерстве на частном и некоммерческом уровне (*public partnership*) получили применение так называемые цифровые делегации (*digital delegation*), создающие подобие соответствующих хабов в мировых центрах высоких технологий: в Кремниевой долине (США), в Брюсселе (ЕС) и в Шанхае (Китай)¹⁶.

Кроме того, продолжение деловых связей с США и ЕС, поиск путей сохра-

нения партнерства с Китаем становится целесообразно дополнить доступом к научным ресурсам и выходом на новые рынки, а также на нетрадиционных зарубежных производителей. Логике данной стратегии отвечают Центры НИОКР, открытые корпорацией *Samsung* в Индии, Индонезии, Бангладеш, Иордании и на Филиппинах.

В этом контексте широкие возможности в сфере инновационной экономики для Республики Корея открывает взаимодействие с Индией и рядом государств – членов АСЕАН. Укрепление торгово-инвестиционных связей, а также партнерство с этими странами в продвижении цифровых технологий в рамках «Новой южной политики» было обозначено еще администрацией Мун Чжэ Ина в качестве одного из приоритетных направлений южнокорейской экономической экспансии [Kim, Lee, Kim, 2020, p. 3–5]. Однако обновление стратегии цифровизации побуждает Сеул внести коррективы в проводимую в Юго-Восточной Азии экономическую политику. Если прежде южнокорейские компании предпочитали переносить в страны АСЕАН трудоемкие производства, включая их в свои глобальные производственные цепочки, то теперь перспективы развития отношений с расположенными в регионе государствами в большей мере рассматриваются с учетом возможности сотрудничества в сфере цифровизации.

Индийские партнеры южнокорейских компаний демонстрируют впечатляющие темпы роста секторов, связанных с процессом цифровизации индустрии и сферы услуг. В частности, в Индии число потребителей электрон-

15 Kim E. China's Digital Economy Regulations Adding Risk to South Korea Companies // Business Korea. – 2021. – March 31. – URL: <https://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=62545> (дата обращения: 28.06.2024).

16 Korea to Come up with the Roadmap of Digital ROK, Realizing the New York Initiative // Ministry of Science and ICT. – 2023. – September 28. – URL: <https://www.msit.go.kr/eng/bbs/view.do?sCode=eng&mId=4&mPid=2&bbsSeqNo=42&nttSeqNo=742> (дата обращения: 28.06.2024).

ной коммерции увеличилось в 2013–2018 гг. в 4,4 раза, электронные платежи выросли в 10 раз. С целью активизации процесса цифровизации экономики правительством была выдвинута Цифровая инициатива Индии. Согласно существующим прогнозам, к 2028 г. Индия по объему цифровой экономики войдет в число десяти мировых лидеров¹⁷.

В свою очередь, цифровая экономика динамично растет в странах – членах АСЕАН. В Индонезии ее объем, составивший в 2019 г. 40 млрд долл., может достичь к 2025 г. 133 млрд долл. Индонезийское правительство делает ставку на развитие цифровых технологий в финансовой сфере, электронной коммерции, поддерживает развитие стартапов, в том числе за счет налоговых льгот. Продолжение наметившихся процессов может способствовать превращению Индии и Индонезии в перспективных партнеров Республики Корея в цифровой сфере. Многие в связи с этим будут зависеть от последовательности экономической политики этих стран, в том числе в развитии промышленной, транспортной и социальной инфраструктур.

В то же время на роль лидера в процессе цифровизации экономики претендует Вьетнам (97% населения которого охвачено Интернетом), демонстрировавший в 2022–2023 гг. наиболее высокие в АСЕАН темпы распространения цифровых технологий. При этом при непосредственном участии корпорации *Samsung* (инвестиционном, технологическом, образовательном) Вьетнам сумел войти в число лидеров по экспорту ИТ-продукции на мировой рынок. В результате вклад

цифровизации в прирост вьетнамской экономики в 2023 г. составил 16% [World Bank Group, 2024, p. 33].

Значимым становится партнерство между Республикой Корея и Сингапуром, которое проявляется как на двустороннем уровне, так и во взаимодействии двух стран на государственном и коммерческом уровнях в третьих государствах и в международных организациях. Сингапур обладает технологическими возможностями при южнокорейском участии в создании перспективных проектов реализации цифровизации ряда отраслей и социальных объектов, использование которых может быть перенесено на глобальный уровень, что с учетом технологического задела РК в этой области создает прочную основу для кооперации двух стран. Кроме того, правительственные структуры Сингапура и РК тесно сотрудничают в подготовке и продвижении правовых документов, относящихся к процессу цифровизации, в ходе подготовки и реализации международных торговых, финансовых и научно-технических проектов.

Большинство государств – членов АСЕАН обладают крупным потенциалом развития цифровизации. В период до 2030 г. ежегодный прирост цифровой экономики стран АСЕАН ожидается на уровне 16%, что может позволить довести ее совокупный объем до 1 трлн долл.¹⁸ К недостаткам стран АСЕАН прежде всего относятся дефицит квалифицированных кадров и относительная неразвитость системы образования.

Тем не менее учет баланса преимуществ и недостатков развития стран АСЕАН и Индии в контексте общих

17 13-значная цифра: мировая цифровая экономика вырастет до \$ 16,5 трлн в 2028 г. // ADPASS. – 2024. – August 13. – URL: <https://adpass.ru/13-znachnaya-tsifra-mirovaya-tsifrovaya-ekonomika-vyrastet-do-16-5-trln-v-2028-godu/?ysclid=m0c8j5631i128680985do-16-5-trln-v-2028-godu/?ysclid=m0c8j5631i128680985> (дата обращения: 19.07.2024).

18 Vietnam Becomes Fasters Growing Digital Economy in ASEAN: HSBC // Vietnamplus. – 2024. – April 25. – URL: <https://en.vietnamplus.vn/vietnam-becomes-fasters-growing-digital-economy-in-asean-hsbc-post285897.vnp> (дата обращения: 16.08.2024).

перспектив развития этих государств делает взаимодействие с ними перспективным направлением участия южнокорейского бизнеса и государства в международных проектах цифровизации. Учитывая экономический масштаб и численность населения, приближающегося к 2 млрд чел. (около 1,4 млрд в Индии и свыше 600 млн в странах АСЕАН), а также в целом позитивные прогнозы развития этих стран, закономерно стремление южнокорейских корпораций заложить долгосрочные основы своего вовлечения в проекты модернизации на основе цифровых технологий, реализуемых в этом экономическом ареале.

Заключение

Политические и экономические элиты Республики Корея осознают потребность масштабной и динамичной цифровизации коммерческой и социальной сфер страны. При этом цифровой переход увязывается с прогрессивными трансформациями в структуре национальной экономики, подразумевающими внедрение энергосберегающих и экологических технологий, рост электронной торговли и оптимальный доступ потребителей к товарам, услугам, образованию, медицинскому обслуживанию и культуре вне зависимости от места проживания. В связи с этим правительством реализовывались меры по организационной и финансовой поддержке цифровизации в ключевых отраслях промышленности, сельского хозяйства, транспорта, а также в сферах образования, медицины и культуры.

В то же время конечный успех высокотехнологичной модернизации с использованием цифровых технологий будет зависеть от результативности координации деятельности государственных институтов и коммерческих

организаций внутри страны, а также способности южнокорейских дипломатии и бизнеса воспользоваться возможностями международной кооперации в условиях американо-китайских противоречий. Последние влияют на международное научно-техническое и производственное взаимодействие в отраслях, обеспечивающих реализацию проектов цифровой трансформации экономики и всей системы жизнедеятельности. Другая проблема связана с последствиями политического кризиса в РК конца 2024 – начала 2025 г. Развернувшаяся при этом острая внутривнутриполитическая борьба может негативно отразиться на сроках принятия важных правовых документов, регулирующих ход цифровизации. Тем не менее есть объективные основания предполагать, что уже накопленный инновационный потенциал и возможности крупного бизнеса позволят в ближайшие годы преодолеть тактический сбой в функционировании ключевых институтов страны, и в стратегической перспективе Южная Корея сохранит свой статус в числе мировых лидеров цифрового процесса.

Список литературы

Варнавский В.Г. Мировые тренды в робототехнике // Мировая экономика и международные отношения. – 2025. – Т. 69, № 1. – С. 5–16. – DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-1-5-16.

Кукла М.П. Финансовый сектор в экономике Республики Корея: от индустриализации до цифровой трансформации // Корееведение. – 2023. – № 1(2). – С. 5–17. – DOI: 10.48647/ISSA.2023.69.68.001.

Розанова Н.М. Цифровые экосистемы: двуликий Янус национального государства // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – Т. 68, № 3. – С. 15–22. – DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-3-15-22.

Федоровский А.Н. Региональные институты на индо-тихоокеанском пространстве в контексте соперничества глобальных лидеров // Новая реальность индо-тихоокеанского пространства / под общ. ред. В.В. Михеева; отв. ред. А.В. Ломанов, В.Г. Швыдко. – Москва : ИМЭМО РАН. – 2023. – С. 7–16.

Ahn Ch.Y. Rising Inequalities in South Korea and the Search for a New Business Ecosystem // *Global Asia*. – 2016. – Vol. 11, N 2. – URL: https://globalasia.org/11no2/cover/rising-inequalities-in-south-korea-and-the-search-for-a-new-business-ecosystem_choong-yong-ahn (дата обращения: 23.12.2024).

Cheong I., Cho J. Digital Government in the Republic of Korea: Evaluation and Challenges // Chen L. and F. Kimura (eds.) *Empowering Online Public Service in Asia: The Digital Frontier* / Ed. by L. Chen, F. Kimura. – Jakarta : ERIA, 2024. – P. 177–197. – URL: <https://eria.org/uploads/07-Chapter-6-Digital-Government-in-the-Republic-of-Korea.pdf> (дата обращения: 08.01.2025).

Kim E., Kim M., Kyung Y. A case study of digital transformation. Focusing on the Financial Sector in South Korea and Overseas // *Asia Pacific Journal of Informational Systems*. – 2022. – Vol. 32, N 3. – P. 537–563. – URL: https://apjis.or.kr/pdf/APJIS_32_3_537.pdf (дата обращения: 24.12.2024).

Kim J., Lee J., Kim J. Digital Economy: A New Prospect for Korea's New Southern Policy // *World Economy Brief*. Korea Institute for International Economic Policy. – 2020. – November 2. – P. 1–5. – URL: https://ideas.repec.org/p/ris/kiwpwe/2020_030.html (дата обращения: 28.06.2024).

Moon A., McFaul C. Pathways for U.S.-ROK Collaboration on Artificial Intelli-

gence // *U.S.-ROK Tech Cooperation: Export Controls, DATA Policy, and Artificial Intelligence* / Ed. by G. Lee, D. Strub. – Seattle, Washington : The Nation Bureau of Asian Research, 2024. – P. 27–42. – (NBR Special Report N. 107). – URL: <https://www.nbr.org/publication/u-s-rok-tech-cooperation-export-controls-data-policy-and-artificial-intelligence> (дата обращения: 09.03.2025).

OECD Digital Economy Outlook 2024 (Volume 1). Embracing the Technological Frontier Digital. – Paris : OECD Publishing, 2024a. – 161 p. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-economic-outlook/volume-2024/issue-1_69a0c310-en/full-report/component-2.html#introduction-d5e41 (дата обращения: 18.12.2025).

OECD Digital Economy outlook 2024 (Volume 2). Strengthening Connectivity, Innovation and Trust. – Paris : OECD Publishing House, 2024b. – 223 p. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-digital-economy-outlook-2024-volume-2_3adf705b-en.html (дата обращения: 18.12.2025).

Park J. Driving Inclusive Digital Transformation in Korea // *KIEP Research Paper*. – 2023. – N 277. – P. 1–3. – URL: <https://sern.com/abstract=4763004> (дата обращения: 23.11.2024).

UNCTAD. 2024 Digital Economy Report. Shaping an Environmentally Sustainable and Inclusive Digital Future. – Geneva : United Nations, 2024. – 275 p. – URL: <https://ifap.ru/library/book687.pdf> (дата обращения: 21.12.2024).

World Bank Group. Digital Progress and Trends Report 2023. – Washington, DC : The World Bank, 2024. – 177 p. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/95fe55e9-f110-4ba8-933f-e65572e05395/content> (дата обращения: 15.01.2025).

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.06

The Evolution of Digitalization Strategy in the Republic of Korea

Alexander N. Fedorovskiy

Dr. Sc. (Econ.), Chief Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences

Profsoyuznaya Street, 23, Moscow, Russian Federation, 117997

E-mail: a.fedorovsk@imemo.ru

ORCID: 0000-0002-3892-8432

CITATION: Fedorovskiy A.N. (2025). The Evolution of Digitalization Strategy in the Republic of Korea. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 2, pp. 95–111 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.02.06

Received: 26.02.2025.

Revised: 30.03.2025.

ABSTRACT. *The course toward digitalization of the economy and public life pursued in the Republic of Korea in the 2020s aligns with the overall strategy of accelerated innovative development, aimed at maintaining progressive dynamics, ensuring stable growth, and achieving high living standards. At the same time, the concept of digitalization has been implemented in a consistent manner. Changes in the ruling administration allow for adjustments to the digitalization strategy but do not lead to its abandonment or to radical shifts in its content. A key feature of the long-term action plan was the linkage of the strategic digitalization program with the transition toward a green economy. A chronic labor shortage, stemming from demographic challenges, becomes a serious long-term constraint on South Korea's economic development. One solution to this problem is the expanded use of robots in both industrial production and the service sector. The need to secure competitive advantages also drives the development of*

quantum computing and artificial intelligence. Key digitalization projects include industries directly improving quality of life – primarily healthcare, education, culture, the environment, and housing-related services. Achieving these goals requires the advanced development of IT, building on the country's scientific and industrial potential. Cooperation with foreign producers and consumers of digital products is an important dimension of South Korea's strategy. American, European, and Japanese corporations remain significant external partners, but in recent years priority has been given to entering the Chinese market and deepening cooperation with Chinese companies. At the same time, growing attention is paid to new partners, including ASEAN countries and India.

KEYWORDS: Republic of Korea, New Digital Agenda, Korea's Digital Strategy, information technology, artificial intelligence, China, United States, ASEAN, India, Vietnam.

References

- Ahn Ch.Y. (2016). Rising Inequalities in South Korea and the Search for a New Business Ecosystem. *Global Asia*. Vol. 11, no. 2. Available at: https://globalasia.org/11no2/cover/rising-inequalities-in-south-korea-and-the-search-for-a-new-business-ecosystem_choong-yong-ahn, accessed 23.12.2024.
- Cheong I., Cho J. (2024). Digital Government in the Republic of Korea: Evaluation and Challenges. In: Chen L., Kimura F. (eds.) *Empowering Online Public Service in Asia: The Digital Frontier*. Jakarta: ERIA, pp. 177–197. Available at: <https://eria.org/uploads/07-Chapter-6-Digital-Government-in-the-Republic-of-Korea.pdf>, accessed 08.01.2025.
- Fedorovsky A.N. (2023). Regional institutions in the Indo-Pacific space in the context of rivalry of global leaders. In: Mikheev V.V., Lomanov A.V., Shvydko V.G. (eds.). *New reality of the Indo-Pacific Space*. Moscow: IMEMO RAS, pp. 7–16 (in Russian).
- Kim E., Kim M., Kyung Y. (2022). A case study of digital transformation. Focusing on the Financial Sector in South Korea and Overseas. *Asia Pacific Journal of Information Systems*. Vol. 32, no. 3, pp. 537–563. Available at: https://apjis.or.kr/pdf/APJIS_32_3_537.pdf, accessed 24.12.2024.
- Kim J., Lee J., Kim J. (2020). Digital Economy: A New Prospect for Korea's New Southern Policy. *World Economy Brief*. Korea Institute for International Economic Policy. November 2, pp. 1–5. Available at: https://ideas.repec.org/p/ris/kiepwe/2020_030.html, accessed 28.06.2024.
- Kukla M.P. (2023). The financial sector in the economy of the Republic of Korea: from industrialization to digitalization. *Koreanology*. No. 1 (2), pp. 5–17 (in Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.69.68.001.
- Moon A., McFaul C. (2024). Pathways for U.S.-ROK Collaboration on Artificial Intelligence. In: Lee G., Strub D. (eds.). *U.S.-ROK Tech Cooperation: Export Controls, DATA Policy, and Artificial Intelligence*. Seattle, Washington: The Nation Bureau of Asian Research, pp. 27–42 (NBR Special Report N. 107). Available at: <https://www.nbr.org/publication/u-s-rok-tech-cooperation-export-controls-data-policy-and-artificial-intelligence>, accessed 09.03.2025.
- OECD (2024a). *Digital Economy Outlook 2024 (Volume 1). Embracing the Technological Frontier Digital*. Paris: OECD Publishing, 161 pp. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-economic-outlook/volume-2024/issue-1_69a0c310-en/full-report/component-2.html#introduction-d5e41, accessed 18.12.2025.
- OECD (2024b). *Digital Economy outlook 2024 (Volume 2). Strengthening Connectivity, Innovation and Trust*. Paris: OECD Publishing House, 223 pp. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-digital-economy-outlook-2024-volume-2_3adf705b-en.html, accessed 18.12.2025.
- Park J. (2023). Driving Inclusive Digital Transformation in Korea. *KIEP Research Paper*. KIEP Opinions No. 277, pp. 1–3. Available at: <https://sern.com/abstract=4763004>, accessed 23.11.2024.
- Rozanova N.M. (2024). Digital ecosystems: the two-faced Janus of the national state. *World Economy and International Relations*. Vol. 68, no. 3, pp. 5–22 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-3-15-22.
- UNCTAD (2024). *2024 Digital Economy Report. Shaping an Environmentally Sustainable and Inclusive Digital Future*. Geneva: United Nations, 275 pp. Available at: <https://ifap.ru/library/book687.pdf>, accessed 21.12.2024.
- Varnavskii V.G. (2025). Global trends in robotics. *World Economy and International Relations*. Vol. 69, no. 1, pp. 5–16 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-1-5-16.
- World Bank Group (2024). *Digital Progress and Trends Report 2023*. Washington, DC: The World Bank, 177 pp. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/95fe55e9-f110-4ba8-933f-e65572e05395/content>, accessed 15.01.2025.

В национальном разрезе

УДК 338.2(1*KR)

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.07

Административные механизмы имплементации технологического прогнозирования в государственную технологическую политику: опыт Республики Корея

Артем Юрьевич ШАШКОВ

аспирант; стажер-исследователь Лаборатории исследований науки и технологий международного научно-образовательного Форсайт-центра Института статистических исследований и экономики знаний Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000
E-mail: ashashkov@hse.ru
ORCID: 0009-0009-1073-0107

Наталья Николаевна ВЕСЕЛИТСКАЯ

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник международного научно-образовательного Форсайт-центра Института статистических исследований и экономики знаний Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000
E-mail: nveselitskaya@hse.ru
ORCID: 0000-0002-2645-7936

Любовь Владиславовна КАРТАШОВА

студент Факультета гуманитарных наук Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000
E-mail: lvkartashova@edu.hse.ru
ORCID: 0009-0000-0000-0391

ЦИТИРОВАНИЕ: Шашков А.Ю., Веселитская Н.Н., Карташова Л.В.

Административные механизмы имплементации технологического прогнозирования в государственную технологическую политику: опыт Республики Корея // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 2. С. 112–128.
DOI: 10.31249/kgt/2025.02.07

Статья поступила в редакцию 28.02.2025.
Исправленный текст представлен 11.04.2025.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

АННОТАЦИЯ. В статье выявлены основные меры и административные механизмы имплементации технологического прогнозирования в государственную технологическую политику, включающие государственные закупки инноваций, создание особых экономических зон, соглашения о свободной торговле, формирование сети знаний, подготовку кадров и развитие человеческих ресурсов, национальные стратегии, поддержку инновационных компаний. В работе проанализировано, каким образом указанные меры и административные механизмы реализуются в рамках технологической политики Республики Корея. В итоге представлены административные механизмы классифицированы с точки зрения их свойств: правовой и организационной составляющих, свободы или обязательности действий субъектов. Такая классификация может иллюстрировать возможные подходы к управлению технологической политикой и служить справочником для выбора государственными органами советующих механизмов к реализации в зависимости от принятых особенностей (культурных, управленческих, политических) в стране. Практическое применение вышеобозначенного перечня административных механизмов обусловлено необходимостью создания «базы» для адаптации и внесения изменений в проводимые государственные технологические политики с целью учета технологических прогнозов. Кроме того, изученный опыт Республики Корея может быть интересен для российской практики с точки зрения способов реализации административных механизмов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: технологическое прогнозирование, государственная технологическая политика, административные механизмы, имплементация технологического прогнозирования в государственную технологическую политику, стратегическое планирование, инновационное развитие.

Введение

Государственная технологическая политика играет ведущую роль в обеспечении устойчивого экономического роста и инновационного развития. В условиях глобальных вызовов и растущей технологической конкуренции, усиливающейся на фоне геополитических рисков, государства стремятся достичь технологического лидерства. Для этого страны стремятся к более эффективной реализации своих технологических политик. Одним из способов для этого является успешная имплементация технологического прогнозирования в государственную технологическую политику.

Стоит отметить, что технологический прогноз разрабатывается многими странами. При этом стран-лидеров по его внедрению в технологическую политику немного. Одной из таких стран является Республика Корея. Южная Корея известна многолетним опытом проведения технологического прогноза на государственном уровне. В стране действует специальная организация (KISTEP), на которую возложены функции стратегии в области науки и технологий, а также планирования и координации научно-технологической политики. При этом все органы власти Республики Корея разрабатывают свои прогнозы с учетом позиции

KISTEP. В этой работе продемонстрирована проводимая в Республике Корея работа по воплощению технологических прогнозов в технологическую политику, направленную на инновационное развитие страны.

По итогам анализа корейского опыта в работе предложен перечень административных механизмов имплементации технологического прогнозирования в государственную технологическую политику. Актуальность формирования данного перечня вызвана отсутствием четкого понимания государственными органами путей внедрения результатов технологических прогнозов в свою деятельность, направленную на реализацию технологической политики.

Структура и методология исследования

Целью работы является формирование перечня административных механизмов, обеспечивающих имплементацию технологического прогнозирования в государственную технологическую политику на примере Республики Корея.

Задачами исследования выступают:

1. Выявление перечня мер имплементации технологического прогнозирования в государственную технологическую политику. Данный перечень формируется исходя из рассмотренной научной литературы.

2. Анализ выявленных мер имплементации технологического прогнозирования в государственную технологическую политику путем рассмотрения опыта Южной Кореи.

3. Формирование перечня административных механизмов, обеспечивающих имплементацию технологического прогнозирования в государственную технологическую политику. В данной

работе под административными механизмами понимаются любые действия органов государственной власти, направленные на внедрение технологических прогнозов в свою политику.

4. Классификация выделенных административных механизмов в целях определения присущих им свойств. Такая классификация может иллюстрировать возможные подходы к управлению технологической политикой и служить справочником для выбора государственными органами советующих механизмов к реализации в зависимости от принятых особенностей (культурных, управленческих, политических) в стране.

Практическое применение вышеобозначенного перечня административных механизмов обусловлено необходимостью создания «базы» для адаптации и внесения изменений в проводимую государственную технологическую политику с целью учета технологических прогнозов.

Технологическое прогнозирование¹ позволяет систематически изучать новые технологии, их потенциальное применение и долгосрочные последствия для общества. Одной из основных характеристик этого процесса является учет нелинейности, присущей технологическому развитию, принимая во внимание, что ввиду взаимодействий в социотехнических системах научно-технологический прогресс зачастую идет непредсказуемыми и сложными путями.

Под административными механизмами имплементации технологического прогнозирования в государственную технологическую политику понимаются любые действия органов власти по внедрению результатов технологических прогнозов в деятельность, направленную на управление технологическим развитием.

¹ Технологическое прогнозирование и оценка технологий для устойчивого развития // НИУ ВШЭ. – 2025. – URL: <https://unescofutures.hse.ru/mirror/pubs/share/1029279324.pdf> (дата обращения: 10.04.2025).

Таким образом, в данной статье продемонстрировано, как административные механизмы способствуют внедрению новых технологий, обозначенных в технологических прогнозах, в рамках реализации технологической политики.

Обзор литературы

Обзор литературы направлен на определение мер имплементации технологического прогнозирования в политику. В исследовании Попперов отмечается важность применения технологического прогнозирования и долгосрочного планирования для формирования конкурентоспособной инновационной политики [Popper, Popper, 2024]. Стоит отметить, что не все меры имплементации технологического прогнозирования в технологическую политику могут быть реализованы в каждой стране. Например, в исследовании А. Хаваса с коллегами отмечается, что культурный аспект стратегического планирования влияет на выбор способов реализации прогноза [Havas, Schartinger, Weber, 2010].

Исследователи выделяют ряд направлений имплементации технологического прогнозирования в технологическую политику. В рамках Дельфи в ходе подготовки четвертого технологического прогноза в Южной Корее представлены меры поддержки разработок, среди которых респондентами наиболее значимыми отмечены финансирование исследований и разработок (более 31%), международное сотрудничество (более 23%), подготовка кадров (более 22%) [Choi, Choi, 2015]. Реализация данных мер будет крайне важна для технологической политики, в рамках которой внедряются выявленные в прогнозе технологии.

В других работах рассматриваются следующие механизмы реализации

технологической политики: инфраструктурное обеспечение (включая создание особых экономических зон) для привлечения международных инвесторов и поддержки экономического роста; государственный заказ (государственные закупки инноваций). Данные меры направлены на повышение мотивации компаний к внедрению инноваций [Литвина, 2024; Шувалов, 2013]. Для упрощений коммерциализации выявленных в рамках прогноза технологий страны могут формировать стратегии реализации государственных закупок, реализуя таким образом технологическую политику в данной области.

В ряде исследований ([Ковригин, Сулов, 2008; Меджидов, 2016]) рассматриваются соглашения о свободной торговле в качестве меры, способствующей реализации стратегических направлений технологической политики за счет упрощения доступа к зарубежным рынкам и инфраструктуре, устранения административных барьеров. Таким образом, расширяется доступ к ресурсам, необходимым для реализации и коммерциализации направлений технологического развития, обозначенных в прогнозе.

В коллективной монографии, изданной в Springer, предлагается комплексный взгляд на внедрение прогноза в технологическую политику [Miles, Saritas, Sokolov, 2016]. Авторы выделяют несколько важных мер, включая создание и поддержку сетей знаний. Кроме того, они подчеркивают важность интеграции междисциплинарных исследований и промышленно-научного взаимодействия (например, в рамках кластеров) для стимулирования инноваций.

В исследовании М. Кинэна [Кинэн, 2009] прогноз рассматривается как элемент государственной политики путем создания национальных программ технологического прогнозирования. Роберта Андерсенов акцентирует внимание

на важности разработки стратегий и инновационных программ, а также приоритизации инновационных процессов как ключевых мер имплементации технологических прогнозов [Andersen, Andersen, 2012]. В статье экспертов Еврокомиссии рассматривается антиципативный подход, включающий комплексную поддержку инновационных программ через менторство, бизнес-акселерацию и консультации экспертов [Technology Foresight..., 2023]. Кроме того, есть исследование, где анализируются подходы к поддержке инновационных компаний, выступающих одним из ключевых участников реализации технологической политики [Schneider, Veugelers, 2010].

Важно отметить, что каждый из вышеупомянутых авторов вносит свой вклад в понимание мер имплементации технологического прогнозирования в политику. Во-первых, рассматривается аспект развития мер, обеспечивающих непосредственно реализацию технологической политики. Во-вторых, исследованы меры, способствующие активизации взаимодействий между ключевыми участниками, ответственными за реализацию технологической политики. В-третьих, изучена необходимость совершенствования стратегий и программ различного типа как группы мер, способствующих совершенствованию непосредственно технологической политики.

Таким образом, в результате анализа литературы был получен следующий перечень мер имплементации технологического прогнозирования в технологическую политику:

- государственные закупки инноваций;

- создание особых экономических зон;
- соглашения о свободной торговле;
- формирование сети знаний;
- подготовка кадров и развитие человеческих ресурсов;
- национальные стратегии (стратегическое планирование);
- поддержка инновационных компаний.

Анализ мер имплементации технологического прогнозирования в государственную технологическую политику в Республике Корея

Государственные закупки инноваций. Государственные закупки играют ключевую роль в экономике Республики Корея, составляя около 9% внутреннего валового продукта страны, или около 146 млрд долл. ежегодно². Южная Корея внедрила стратегию *K-Innovation Procurement*, созданную для коммерциализации инновационных продуктов и услуг через государственные закупки. В качестве примера реализации стратегии можно рассмотреть использование онлайн-платформы инновационных закупок (*Inno-KONEPS*). Более того, для поддержки инновационных малых и средних предприятий, которые имеют сложности с выходом на рынок государственных закупок, была введена программа *Scouter*. В ее рамках созданы экспертные группы, которые помогают выявлять и поддерживать технологические стартапы, способные производить инновационные продукты³. Стоит отметить функционирование сайта *Joint*

2 Руководство по государственным закупкам = 공공조달 길잡이 안내. – Кор. яз. – URL: <https://www.pps.go.kr/kor/bbs/list.do?key=01325> (дата обращения: 12.12.2024).

3 Reform of Public Procurement System for Innovation in the Republic of Korea // Asian Development Bank Institute. – URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/event/765586/files/s2-1-eungkeul-kim-reform-public-procurement-system-innovation-korea-rev.pdf?utm> (дата обращения: 12.12.2024).

Institute for Technology Innovation and Policy Support (JITPS), предлагающего техподдержку, инвестиционное сопровождение и акселерационные программы для поддержки стартапов. Компании, получившие поддержку, могут рассчитывать на финансирование через государственные инновационные фонды, а также на помощь в привлечении инвестиций от частных бизнес-акселераторов, которые приоритизируют инновационные проекты для дальнейшего развития.

Создание особых экономических зон для привлечения инвестиций. В Республике Корея для привлечения международных инвесторов и поддержки инновационного и экономического роста сформированы особые экономические зоны: Инчхон (*Incheon Free Economic Zone, IFEZ*) и Пусан-Чинхэ (*Busan-Jinhae Free Economic Zone, BJFEZ*). Первая зона, *IFEZ*, была основана в 2003 г. и охватывает три ключевых района: Сонгдо, Ёнчжон и Чонна, – каждый из которых ориентирован на разные направления развития. Сонгдо – высокотехнологичный город, который служит центром для биотехнологий и ИТ; Ёнчжон ориентирован на транспорт и логистику; Чонна привлекает бизнес в области финансов и культурного развития. Вторая зона, *BJFEZ*, находится на юго-востоке страны и ориентирована на развитие международной торговли, судоходства и логистики: к примеру, развивает свой портовый сектор, предоставляя бизнесу доступ к мировым транспортным маршрутам. Их работу регулирует Корейское агентство свободных экономи-

ческих зон (*Korea Free Economic Zones Authority, KFEZ*)⁴.

Соглашения о свободной торговле. Южная Корея активно привлекает иностранные инвестиции через стратегию, основанную на заключении *соглашений о свободной торговле* и организации международных инвестиционных форумов.

В 2012 г. вступили в силу соглашения о свободной торговле Республики Корея с Европейским союзом и США. Результатом действия соглашений является расширение экспортных рынков для высокотехнологичной продукции: Южная Корея, являясь одним из лидеров в области производства электроники, полупроводников и ИТ-продукции, получает доступ к большему числу рынков с минимальными торговыми барьерами⁵. Это стимулирует рост ее технологического экспорта, включая такие товары, как смартфоны, чипы и инновационные устройства⁶. Соглашение о свободной торговле изменило технологическую политику Южной Кореи в следующих направлениях [Ефименко, 2014]:

1) корейские ИТ-компании получили упрощенный доступ к европейскому рынку, что позволило им значительно расширить экспорт своей продукции и услуг;

2) снижение барьеров для торговли ИТ-продуктами, устранение нетарифных барьеров, таких как сертификация и необходимость соответствия различным техническим стандартам; *FTA* позволило значительно снизить тарифные ограничения, которые ранее

4 Свободная экономическая зона Кореи = 대한민국 경제자유구역. – Кор. яз. – URL: <https://www.fez.go.kr/portal/newsList.do> (дата обращения: 12.12.2024).

5 Framework Agreement for Trade and Cooperation between the European Community and its Member States, on the one hand, and the Republic of Korea, on the other hand // Official Journal of the European Communities. – 2001. – March 30. – URL: https://web.archive.org/web/20070707093049/http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2005/february/tradoc_111835.pdf (дата обращения: 12.12.2024).

6 Trade boosted by five years of EU-Korea Free Trade Agreement // European Commission. Press release. – 2016. – July 1. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_16_2356 (дата обращения: 12.12.2024).

достигали 46%, и упростило доступ южнокорейских компаний к европейским технологиям, что стало важным шагом в развитии цифровой экономики страны.

Для продвижения своих технологий и привлечения капитала Республика Корея организует различные международные мероприятия. Одним из крупнейших является *Invest KOREA Summit*, проводимое Министерством торговли, промышленности и энергетики совместно с Корейским агентством по продвижению торговли и инвестиций (KOTRA)⁷. Этот саммит собирает иностранных инвесторов, бизнес-лидеров и государственных чиновников для обсуждения инвестиционных возможностей в стране. Кроме того, в сентябре 2024 г. в г. Сеуле прошел *Korea Global Investment Forum*, организованный *Institutional Investor Forums*⁸.

Формирование сети знаний. Одна из характерных мер внедрения прогнозирования в технологическую политику – *формирование сети знаний*, к примеру, взаимодействие предприятий и университетов, а также разработка университетами различных инновационных проектов, имеющих прикладное значение и создаваемых для дальнейшей интеграции в сектора экономики.

Например, частный университет Ханьян (г. Сеул) в 2015 г. реализовал ряд значимых НИОКР, подтверждающих его лидерство в прикладных исследованиях⁹. Среди ключевых проектов – центр исследований сигнальной информации (Юн Донгвон, инженерия); тепловые системы для адаптации к климату (О Гюсик, урбанистика); платформа информатики для соцпроблем (Ча

Джехёк, программное обеспечение); персонализированная медицина (Рю Сонгён, биотехнологии); проектирование *EUV*-структур (Ан Джинхо, новые материалы); анализ глобальной энергетической политики (Ким Ёнкю, международные исследования). Такие исследования проводятся благодаря Фонду сотрудничества между промышленностью и университетами (IUCF), действующему при Университете Ханьян.

Еще одной значимой инициативой стало открытие факультета аккумуляторных технологий в партнерстве с *Samsung SDI*. Этот проект, стартовавший в 2024 г., направлен на подготовку инженеров для работы с аккумуляторными технологиями, включая разработку материалов, ячеек, модулей и пакетов. В 2020 г. в рамках сотрудничества университета и корпорации была создана образовательная программа *Pro Data Scientist (ProDS)*, ориентированная на подготовку специалистов в области анализа данных, а также углубленного использования платформы *Samsung SDS*¹⁰.

Еще один пример взаимодействия представлен компанией *Merck KGaA* (фармацевтическая немецкая компания) и государственным университетом *KAIST* в рамках меморандума в 2024 г., обеспечивающего доступ к продуктам *Merck*, участие в международных программах, стипендии и поддержку стартапов.

Развитие человеческих ресурсов. В Республике Корея проводится национальная политика, ориентированная на развитие человеческого капитала в сфере технологического управления. В рамках пятилетних планов

7 Invest Korea Summit 2024. – URL: <https://investkoreasummit.kotra.biz/fairDash.do?hl=ENG> (дата обращения: 12.12.2024).

8 Korea Global Investment Forum 2025. – URL: <https://10times.com/korea-global-investment-forum-seoul/speakers> (дата обращения: 12.12.2024).

9 Hanyang University (Seoul). – URL: <https://www.hanyang.ac.kr/web/eng#none> (дата обращения: 12.12.2024).

10 Sungkyunkwan University, SKKU. – URL: https://www.skku.edu/eng/URL:https://www.skku.edu/new_ho7me/205_eng/news-letter/V203/html/sub1.html (дата обращения: 12.12.2024).

(*S&T Basic Plan*) определяются приоритетные стратегические технологии, по которым предполагается подготовка специалистов.

Также в стране реализуется программа *Innovation Square*, ориентированная на обучение в области искусственного интеллекта (ИИ) и программного обеспечения. В рамках данной программы предусматривается создание учебных центров в удаленных регионах страны [Lee, 2021, p. 121].

В стране работает исследовательская информационная система, позволяющая использовать академические ресурсы, созданные всеми университетами Южной Кореи, что стимулирует потребление образовательного контента людьми разных возрастных групп в рамках концепции «обучения на протяжении всей жизни»¹¹. Кроме того, образовательная технологическая политика ориентирована и на молодежь. Так, внедряется *STEM*-образование (наука, технологии, инженерия, математика) с добавлением модулей по искусственному интеллекту (ИИ) [Hong, 2023]. В ходе развития инфраструктуры созданы «интеллектуальные научные лаборатории» (*Intelligent Science Labs*), которые предоставляют учащимся доступ к передовым технологиям, включая виртуальную реальность (VR), дополненную реальность (AR) и Интернет вещей (IoT).

Национальные стратегии (стратегическое планирование). В Республике Корея существуют несколько стратегий социально-экономического развития, к примеру, *Korea Green New Deal* и *Digital New Deal*¹². Первая стратегия направлена на ускорение перехода

к экономике с низким уровнем выбросов углерода и экологичности. Часть документа «Новый зеленый курс» направлена на то, чтобы сделать инфраструктуру страны более зеленой, увеличить использование возобновляемых источников энергии, увеличить долю электромобилей и автомобилей на водородном топливе. Вторая стратегия направлена на развитие цифровой инфраструктуры, включая сети 5G и 6G, центры обработки данных и ИИ. Привлечению инвесторов способствует ряд мер, таких как субсидии на НИОКР, налоговые вычеты и создание исследовательских кластеров. Обе стратегии считаются национальными, поэтому часть государственных инвестиций направляется в компании, работающие над реализацией стратегий. Создание кластеров, «умных городов» и технологических платформ осуществляется в рамках национальных стратегий.

Южнокорейские технологические платформы организованы на государственном и частном уровнях с участием научных и исследовательских институтов, частных компаний и университетов, что позволяет координировать усилия для достижения значительных технологических прорывов.

В ходе реализации представленной стратегии телекоммуникационный оператор *SK Telecom* поддерживает сразу несколько технологических платформ. Среди них – *Metatron Discovery* (платформа для работы и анализа больших объемов данных), которая является частью стратегического партнерства *SK Telecom* и *Microsoft*. Южная Корея была одной из первых стран, запустивших сеть 5G, и активно работает над иссле-

11 Портал непрерывного образования города Сеула = 서울시평생학습포털에 오신 것을 환영합니다!. – Кор. яз. – URL: <https://sll.seoul.go.kr/> (дата обращения: 12.12.2024).

12 The Digital New Deal Is to Lead Digital Transition in the World After COVID-19 // Ministry of Science and ICT. – 2020. – July 15. – URL: <https://www.msit.go.kr/eng/bbs/view.do?sCode=eng&mId=4&mPid=2&pageIndex=&bbsSeqNo=42&nttSeqNo=443&searchOpt=&searchTxt=> (дата обращения: 12.12.2024); Korean New Deal // Climate Change Laws of the World. – 2020. – URL: https://climate-laws.org/document/korean-new-deal_a665 (дата обращения: 12.12.2024).

дованием и разработкой 6G-технологий, в том числе благодаря SK Telecom¹³.

Кроме того, в Республике Корея активно развиваются такие технологические платформы, как *Naver*, *Kakao*, платформа «умных городов» и искусственного интеллекта. *Naver*, созданная в 1999 г., представляет собой южнокорейскую поисковую онлайн-платформу, которая, к примеру, разработала сервис *Knowledge iN*, тем самым создав основы дальнейшего усовершенствования платформы в области пользовательского контента, а также произвела выпуск сервиса *CLOVA X*, поддерживающего работу чат-ботов на основе искусственного интеллекта, и картографического приложения от *Naver*, которое представляет информацию о стихийных бедствиях. *Kakao* – мультифункциональная платформа, начавшаяся как мессенджер *KakaoTalk* и расширившаяся до предоставления услуг мобильных платежей (*KakaoPay*), такси (*KakaoTaxi*), музыки (*KakaoMusic*) и других сервисов.

Республика Корея успешно развивает систему инновационных кластеров. Например, в рамках Сеульского промышленного кластера каждый район отвечает за определенный экономический сектор: район Сусео – за искусственный интеллект; *Innopolis Daedeok* в городе Тэджон – за развитие высоких технологий и научных исследований, включая биотехнологии, нанотехнологии и материалы. В кластере находится Корейский институт перспективных технологий (*KIAS*), в связи с чем развитие кластера финансируется государством.

Кластером также является *Busan Eco Delta City*, который ориентирован

на «умные» технологии и устойчивое развитие. Это первый в Южной Корее «умный город», в котором интегрированы системы Интернета вещей, зеленой энергетики и водосбережения. Кластер поддерживается как правительством, так и частными компаниями, такими как *Hyundai* и *LG*. В процессе работы кластера была создана технологическая платформа «умный город». В этой платформе участвуют крупные строительные компании, такие как *Hyundai Engineering & Construction*, а также ИТ-компании, такие как *LG CNS*.

Похожим по сути является проект *Sejong Smart City*, использующий Интернет вещей, большие данные и искусственный интеллект для управления городскими системами, беспилотные транспортные средства. Кластер функционирует как технологическая платформа, интегрирующая различные системы и сервисы, а также как кластер, объединяющий предприятия и стартапы для развития и внедрения инноваций.

Поддержка инновационных компаний часто применяется для внедрения технологического прогнозирования в политику. Например, программа *The Foreign Startup Commercialization Support Program*, запущенная Министерством малого и среднего бизнеса и стартапов (*MSS*) в партнерстве с Корейским агентством по продвижению стартапов (*KISA*), направлена на оказание помощи иностранным стартапам в коммерциализации их продуктов или услуг в Южной Корее¹⁴. Еще одним примером поддержки инновационных компаний является *Tech Incubator Program for Startup*¹⁵, в рамках кото-

13 SK Telecom 6G White Paper: View on Future AI Telco Infrastructure // SK Telecom. – 2024. – 39 p. – URL: https://newsroom-prd-data.s3.ap-northeast-2.amazonaws.com/wp-content/uploads/2024/10/SKT6G-White-PaperEng_v1.0_clean_20241015.pdf (дата обращения: 12.12.2024).

14 South Korea's Foreign Startup Commercialization Program: The Complete Guide (2024). – URL: <https://www.digitalnomadskorea.com/post/south-korea-foreign-startup-commercialization-program-complete-guide> (дата обращения: 13.02.2025).

15 Tech Incubator Program for Startup. – URL: https://www.jointips.or.kr/support_en.php (дата обращения: 13.02.2025).

рой предусмотрено финансирование компаний в течение трех лет в объеме 1 млрд корейских вон (около 700 тыс. долл.) на один стартап.

Отдельно стоит отметить работу по поддержке стартапов в Южной Корее. Например, *Start-up NEST* – это программа, предусматривающая финансовую поддержку и предоставление поэтапной поддержки роста. Помимо финансовой помощи посредством гарантий и инвестиций, предлагается множество нефинансовых услуг, включая консалтинг, помощь в освоении зарубежных рынков, офисные помещения и маркетинг.

Отдельно стоит отметить, что большинство из всех описанных в работе мер могут применяться для поддержки инновационных компаний.

Определение административных механизмов имплементации технологического прогнозирования в государственную технологическую политику

Изученный опыт Республики Корея позволил выявить административные механизмы имплементации техноло-

Таблица 1. Соотнесение мер и административных механизмов имплементации технологического прогнозирования в государственную технологическую политику
Table 1. Correlation of measures and administrative mechanisms for the implementation of technological forecasting in state technological policy

Меры	Административные механизмы
Государственные закупки инноваций	Государственное бюджетное планирование Выделение целевых средств для конкретных научных и технологических проектов
Создание особых экономических зон для привлечения инвестиций	Создание организаций/служб, управляющих и координирующих работу особых экономических зон
Соглашения о свободной торговле	Организация форумов, способствующих популяризации технологических возможностей страны
Формирование сети знаний	Сотрудничество с образовательными и научными организациями Взаимодействие с технологическими компаниями
Развитие человеческих ресурсов	Внедрение исследовательских информационных систем Продвижение STEM-образования Создание научных лабораторий
Национальные стратегии (стратегическое планирование)	Финансирование компаний, работающих над реализацией стратегий
Технологические платформы	Взаимодействие с частными компаниями, научными и исследовательскими организациями
Инновационные кластеры	Территориальное деление ответственности за работу определенных экономических секторов Поддержка кластеров совместно с частными компаниями Предоставление территории для реализации новых решений
Поддержка инновационных компаний	Оказание помощи в коммерциализации Финансирование компаний Оказание нефинансовых услуг

Источник: составлено авторами на основе обобщения цитируемых в статье работ.

гического прогнозирования в государственную технологическую политику и соотнести их с соответствующими мерами (таблица 1).

Указанные группы мер направлены на различные аспекты технологической политики. Во-первых, это создание и развитие условий для ее реализации. К таким мерам можно отнести государственные закупки инноваций (включая бюджетное планирование и выделение целевых средств на проекты), поддержку инновационных компаний, создание особых экономических зон и координацию их деятельности, соглашения о свободной торговле, способствующие популяризации технологических возможностей страны, а также развитие человеческих ресурсов в различных форматах. Во-вторых, это меры, координирующие деятельность участников технологической политики, в частности сети знаний, технологические платформы, инновационные кластеры. В-третьих, это стратегическое планирование в компаниях, способствующее совершенствованию технологической политики.

Классификации административных механизмов

В целях определения присущих свойств административным механизмам имплементации технологического прогнозирования в государственную технологическую политику была выявлена необходимость их классификации. Классификация направлена на обозначение возможных вариантов управления технологической политикой и может быть востребована государственными органами для выбора советующих механизмов к реализации политики.

В целях определения свойств административных механизмов была вы-

брана классификация, предложенная А.А. Савостиным [Савостин, 2002]. Стоит отметить, что изначально классификация была направлена на изучение методов правового регулирования, применяемых в административном праве. Но так как в данной статье не ставится целью разработка собственной классификации, выделенные административные механизмы будут рассмотрены по предложенной Савостиным форме. Помимо классификации по характеру воздействий на объект управления, можно разделить административные механизмы по форме выражения и юридическим свойствам. По форме выражения можно выделить административно-правовые и административно-организационные механизмы. Административно-правовые механизмы имеют государственно-властный юридический характер и выражены в соответствующих нормативных актах. Административно-организационные механизмы направлены на организацию и координацию деятельности управляемых объектов. По юридическим свойствам обозначены императивные и диспозитивные методы. Диспозитивные механизмы допускают определенную свободу действий для субъектов. Императивные механизмы характеризуются обязательностью предписаний и строгим подчинением (таблица 2).

При классификации административных механизмов авторы исходят из основополагающего различия между административно-организационными механизмами и административно-правовыми механизмами: первые основаны на конкретных действиях, способных оперативно влиять на ход событий в процессе управления; вторые основаны на правовых нормах и регулируют управленческие отношения в сфере государственного управления.

Таблица 2. Классификация административных механизмов

Table 2. Classification of administrative mechanisms

Административные механизмы	Форма выражения		Юридические свойства	
	Административно-правовые механизмы	Административно-организационные механизмы	Диспозитивные механизмы	Императивные механизмы
Государственное бюджетное планирование	+			+
Выделение целевых средств для конкретных научных и технологических проектов		+	+	
Создание организаций/служб, управляющих и координирующих работу особых экономических зон	+			+
Организация форумов, способствующих популяризации технологических возможностей страны		+	+	
Сотрудничество с образовательными и научными организациями		+	+	
Взаимодействие с технологическими компаниями		+	+	
Внедрение исследовательских информационных систем		+	+	
Продвижение STEM-образования		+	+	
Создание научных лабораторий		+	+	
Финансирование компаний, работающих над реализацией стратегий		+	+	
Взаимодействие с частными компаниями, научными и исследовательскими организациями		+	+	
Территориальное деление ответственности за работу определенных экономических секторов	+			+
Поддержка кластеров совместно с частными компаниями		+	+	
Предоставление территории для реализации новых решений		+	+	
Оказание помощи в коммерциализации инновационным компаниям		+	+	
Финансирование инновационных компаний		+	+	
Оказание нефинансовых услуг инновационным компаниям		+	+	

Источник: составлено авторами на основе методологии [Савостин, 2002].

Исходя из классификации административных механизмов, можно сделать вывод, что оперативные организационно-управленческие действия в большей степени, нежели вертикально структурированные или интегрированные механизмы принятия решений, влияют на возможности реализации государственной технологической политики. В том числе этим можно объяснить и успех Республики Корея в имплементации технологического прогнозирования в государственную технологическую политику.

Выводы

В результате проведенного исследования были выявлены основные меры имплементации технологического прогнозирования в государственную технологическую политику, включающие: государственные закупки инноваций; создание особых экономических зон; соглашения о свободной торговле; формирование сети знаний; подготовку кадров и развитие человеческих ресурсов; национальные стратегии; поддержку инновационных компаний. На следующем этапе работ было показано, каким образом указанные меры реализуются в технологической политике Республики Корея. В дальнейшем изученный страновой опыт позволил определить административные механизмы имплементации технологического прогнозирования в государственную технологическую политику, а также классифицировать их с точки зрения правовой и организационной составляющих, свободы или обязательности действий субъектов. На примере Южной Кореи одним из факторов успешной технологической политики было определено более активное применение административных механизмов, основанных на оперативных организационно-управленческих решениях

и определенной свободе действий субъектов при их реализации.

В рамках дальнейших исследований может быть изучен опыт имплементации административных механизмов в государственную технологическую политику других стран, а также подготовка рекомендаций в данной сфере для российской практики.

Список литературы

Алексеев А.О., Афанасьев В.Я. Интеграция корпоративного технологического форсайта в систему управления технологическим развитием в компаниях нефтегазового сектора // Управление. – 2020. – № 1. – С. 35–46. – DOI: 10.26425/2309-3633-2020-1-35-46.

Ефименко Д.К. Соглашение о свободной торговле между Евросоюзом и Республикой Корея в контексте восточноазиатской политики ЕС // Вестник Московского университета. Серия 25 : Международные отношения и мировая политика. – 2014. – № 1. – С. 139–159.

Кинэн М. Технологический Форсайт: Международный опыт // Форсайт. – 2009. – № 3. – С. 60–67. – DOI: 10.17323/1995-459X.2009.3.60.68.

Ковригин Е.Б., Суслов Д.В. Соглашения о свободной торговле как инструмент внешнеторговой политики Японии в начале XXI в. // Пространственная экономика. – 2008. – № 1. – С. 89–110.

Литвина К.Я. Новая технологическая политика как инструмент стратегического государственного управления // Прогрессивная экономика. – 2024. – № 2. – С. 5–21. – DOI: 10.54861/27131211_2024_2_5.

Меджидов З.У. Зарубежный опыт функционирования особых экономических зон // Вестник волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2016. – Т. 2, № 1. – С. 207–215.

Савостин А.А. Сравнительная характеристика административно-правового метода с иными методами регулирования общественных отношений // Юрист. – 2002. – № 7. – С. 49–50.

Шувалов С.С. Государственный заказ на инновации: подходы, проблемы и перспективы // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2013. – № 5. – С. 85–100.

Andersen A.D., Andersen P.D. Innovation-system foresight: Explicating and systemizing the innovation-system foundations of foresight and exploring its implications // DTU Library. Technical University of Denmark. – 2012. – 33 p. – URL: https://backend.orbit.dtu.dk/ws/portalfiles/portal/10590515/Innovation_system_foresight.pdf (дата обращения: 12.12.2024).

Cho E., McLean G.N. National human resource development revisited in the Republic of Korea // KEDI Journal of Educational Policy. – 2017. – Vol. 14, N 1. – P. 25–46.

Choi M., Choi H.L. Foresight for Science and Technology Priority Setting in Korea // Foresight and STI Governance. – 2015. – Vol. 9, N 3. – P. 54–67. – DOI: 10.17323/1995-459X.2015.3.54.65.

Havas A., Schartinger D., Weber M. The Impact of Foresight on Innovation Policy-Making: Recent Experiences and Future Perspectives // Research Evaluation. – 2010. – Vol. 19, N 2. – P. 91–104. – DOI: 10.3152/095820210X510133.

Hong O. STEM/STEAM education research in South Korea // STEM Education from Asia: Trends and Perspectives / Ed. by T.W. Teo, A.-L. Tan, P. Teng. – Luxembourg: Routledge, 2022. – P. 211–227. – DOI: 10.4324/9781003099888-11.

Ko B.K., Yang J.-S. Developments and Challenges of Foresight Evaluation: Review of the Past 30 Years of Research. *Futures*. – 2023. – Vol. 155, N 1. – Article 103291. – DOI: 10.1016/j.futures.2023.103291.

Lee J.M. Policy Analysis on AI SW Human Resources Development Using Cognitive Map Analysis // *Journal of Information Technology Applications & Management*. – 2021. – Vol. 28, N 3. – P. 109–125.

Miles I., Saritas O., Sokolov A. *Foresight for Science, Technology and Innovation*. – Luxembourg : Springer, 2016. – 405 p. – DOI: 10.1007/978-3-319-32574-3.

Neels C.A. Systematic Literature Review of the Use of Foresight Methodologies Within Technology Policy Between 2015 and 2020 // STEaPP Working Paper Series, University College London. – 2020. – URL: https://www.ucl.ac.uk/steapp/sites/steapp/files/final_neels_111120.pdf (дата обращения: 12.12.2024).

Popper R., Popper M. Action Roadmaps for More Resilient Research and Innovation Futures: Strategic Pathways to Foresight-Driven and Sustainable R&I Policies in FP10 // CFI Working Paper Series. – 2024. – URL: <https://rafaelpopper.wordpress.com> (дата обращения: 12.12.2024).

Schneider C., Veugelers R. On young highly innovative companies: why they matter and how (not) to policy support them // *Industrial and Corporate Change*. – 2010. – Vol. 19, N 4. – P. 969–1007. – DOI: 10.1093/icc/dtp052.

Technology Foresight for Public Funding of Innovation: Methods and Best Practices / Andersen P.D. [et al.]. – Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2023. – 78 p. – DOI: 10.2760/759692.

National Peculiarities

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.07

Administrative Mechanisms for Integrating Technology Foresight into National Technology Policy: The Case of the Republic of Korea

Artem Yu. SHASHKOV

PhD Student, Intern Researcher at the Foresight Center of the Institute
for Statistical Studies and Economic of Knowledge, Laboratory for Science
and Technology Studies
National Research University Higher School of Economics
Myasnitskaya Street, 20, Moscow, Russian Federation, 101000
E-mail: ashashkov@hse.ru
ORCID: 0009-0009-1073-0107

Natalia N. VESELITSKAYA

PhD (Econ.), Senior Researcher at the Foresight Center of the Institute for Statistical
Studies and Economic of Knowledge
National Research University Higher School of Economics
Myasnitskaya Street, 20, Moscow, Russian Federation, 101000
E-mail: nveselitskaya@hse.ru
ORCID: 0000-0002-2645-7936

Lubov V. KARTASHOVA

Student, Faculty of Humanities
National Research University Higher School of Economics
Myasnitskaya Street, 20, Moscow, Russian Federation, 101000
E-mail: lvkartashova@edu.hse.ru
ORCID: 0009-0000-0000-0391

CITATION: Shashkov A.Yu., Veselitskaya N.N., Kartashova L.V. (2025). Administrative
Mechanisms for Integrating Technology Foresight into National Technology Policy:
The Case of the Republic of Korea. *Outlines of Global Transformations: Politics,
Economics, Law*, vol. 18, no. 2, pp. 112–128 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.02.07

Received: 28.02.2025.

Revised: 11.04.2025.

ACKNOWLEDGEMENT. The article was prepared within the framework of the Basic
Research Program of the HSE University.

ABSTRACT. *The article identifies the main measures and administrative mechanisms for implementing technological forecasting in state technological policy, including public procurement of innovation, the creation of special economic zones, free trade agreements, the formation of knowledge networks, the training and development of human resources, national strategies, and support for innovative companies. The paper examines how these measures are applied within the technological policy of the Republic of Korea and highlights administrative mechanisms that have proven effective in achieving the desired outcomes. These mechanisms are classified in according to their legal, organizational, and freedom/obligation components. Such a classification illustrates possible approaches to managing technology policy and can serve as a guide for government agencies in selecting appropriate mechanisms for implementation, taking into account the cultural, managerial, and political characteristics of the country. The practical application of these administrative mechanisms is essential for creating a foundation to adapt and modify current technology policies in response to future technological trends. In addition, the experience of the Republic of Korea may be useful for Russia in terms of applying administrative mechanisms and strategic planning for innovative development.*

KEYWORDS: *technology foresight, state technological policy, administrative mechanisms, implementation of technology foresight into national technology policy, strategic planning, innovative development.*

References

- Alekseev A.O., Afanasyev V.Y. (2020). Integration of corporate technological foresight into the technological development management system in oil and gas companies. *Management*. No. 1, pp. 35–46 (in Russian). DOI: 10.26425/2309-3633-2020-1-35-46.
- Andersen A.D., Andersen P.D. (2012). Innovation-system foresight: Explicating and systemizing the innovation-system foundations of foresight and exploring its implications. *DTU Library. Technical University of Denmark*. 33 pp. Available at: https://backend.orbit.dtu.dk/ws/portalfiles/portal/10590515/Innovation_system_foresight.pdf, accessed 12.12.2024.
- Cho E., McLean G.N. (2017). National human resource development revisited in the Republic of Korea. *KEDI Journal of Educational Policy*. Vol. 14, no. 1, pp. 25–46.
- Choi M., Choi H.L. (2015). Foresight for Science and Technology Priority Setting in Korea. *Foresight and STI Governance*. Vol. 9, no. 3, pp. 54–67. DOI: 10.17323/1995-459X.2015.3.54.65.
- Efimenko D.K. (2014). Free Trade Agreement between the European Union and the Republic of Korea in the Context of the EU's East Asian Policy. *Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics*. No. 1, pp. 139–159 (in Russian).
- Havas A., Scharfing D., Weber M. (2010). The Impact of Foresight on Innovation Policy-Making: Recent Experiences and Future Perspectives. *Research Evaluation*. Vol. 19, no. 2, pp. 91–104. DOI: 10.3152/095820210X510133.
- Hong O. (2022). STEM/STEAM education research in South Korea. In: Teo T.W., Tan A.L., Teng P. (Eds.). *STEM Education from Asia: Trends and Perspectives*. Luxembourg: Routledge, pp. 211–227. DOI: 10.4324/9781003099888-11.
- Keenan M. (2009). Technological Foresight: International Experience. *Foresight and STI Governance*. No. 3, pp. 60–67 (in Russian). DOI: 10.17323/1995-459X.2009.3.60.68.
- Ko B.K., Yang J.S. (2023). Developments and Challenges of Foresight Evaluation: Review of the Past 30 Years of Research. *Futures*. Vol. 155, no. 1, article 103291. DOI: 10.1016/j.futures.2023.103291.

Kovrigin E.B., Suslov D.V. (2008). Free Trade Agreements as an Instrument of Japan's Foreign Trade Policy at the Beginning of the 21st Century. *Spatial Economy*. No. 1, pp. 89–110 (in Russian).

Lee J.M. (2021). Policy Analysis on AI SW Human Resources Development Using Cognitive Map Analysis. *Journal of Information Technology Applications & Management*. Vol. 28, no. 3, pp. 109–125.

Litvina K.Y. (2024). New Technological Policy as an Instrument of Strategic Public Administration. *Progressive Economy*. No. 2, pp. 5–21 (in Russian). DOI: 10.54861/27131211_2024_2_5.

Medzhidov Z.U. (2016). Foreign experience of functioning of special economic zones. *Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev*. Vol. 2, no. 1, pp. 207–215 (in Russian).

Miles I., Saritas O., Sokolov A. (2016). *Foresight for Science, Technology and Innovation*. Luxembourg: Springer, 405 pp. DOI: 10.1007/978-3-319-32574-3.

Neels C.A. (2020). Systematic Literature Review of the Use of Foresight Methodologies Within Technology Policy Between 2015 and 2020. *STeAPP Working Paper Series, University College London*. Available at: <https://www.ucl.ac.uk/steapp/>

sites/steapp/files/final_neels_111120.pdf, accessed 12.12.2024.

Popper R., Popper M. (2024). Action Roadmaps for More Resilient Research and Innovation Futures: Strategic Pathways to Foresight-Driven and Sustainable R&I Policies in FP10. *CFI Working Paper Series*. Available at: <https://rafaelpopper.wordpress.com>, accessed: 12.12.2024.

Savostin A.A. (2002). Comparative characteristics of the administrative-legal method with other methods of regulating public relations. *Jurist*. No. 7, pp. 49–50 (in Russian).

Schneider C., Veugelers R. (2010). On young highly innovative companies: why they matter and how (not) to policy support them. *Industrial and Corporate Change*. Vol. 19, no. 4, pp. 969–1007. DOI: 10.1093/icc/dtp052.

Shuvalov S.S. (2013). State order for innovations: approaches, problems and prospects. *ETAPE: Economic Theory, Analysis, Practice*. No. 5, pp. 85–100 (in Russian).

Technology Foresight... (2023). Andersen P.D. et al. *Technology Foresight for Public Funding of Innovation: Methods and Best Practices*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 78 pp. DOI: 10.2760/759692.

США: новые реалии

УДК 327(1*US:1*FR)

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.08

Вашингтон – Париж: дуэт или дуэль?

Наталья Юрьевна ЛАПИНА

доктор политических наук, главный научный сотрудник, заведующий

Отделом глобальных проблем

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: lapina_n@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1449-2152

ЦИТИРОВАНИЕ: Лапина Н.Ю. Вашингтон – Париж: дуэт или дуэль? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 2. С. 129–146.

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.08

Статья поступила в редакцию 26.02.2025.

Исправленный текст представлен 15.05.2025.

АННОТАЦИЯ. Исторически отношения между Францией и США никогда не были «большой спокойной рекой». В них подъемы сменялись спадами, как это было в момент вторжения в Ирак. Франция, рассматривающая Европейский союз (ЕС) как противовес американскому влиянию в мире и претендующая на главенствующую роль в объединенной Европе, регулярно сталкивается с противодействием США, которые напоминают французам о позорной сдаче страны нацистам в 1940 г., сложностях в области финансов и экономики, критикуют непомерные амбиции Франции и ее стремление говорить от имени Европы. Это не мешает двум странам оставаться партнерами и сотрудничать во многих сферах. С момента избрания на пост президента в мае 2017 г. Э. Макрон заявил о своем намерении выстроить прочные отношения с США. Эксперты по-разному оценивают взаимодействие политиков в пер-

вый президентский срок Д. Трампа. Одни считают, что отношения между ними не сложились, другие замечают, что, несмотря на противоречия, им удавалось избегать напряжений. Нас интересовало, как будут складываться отношения между двумя странами и с какими вызовами столкнется Франция в новый президентский срок Д. Трампа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Д. Трамп, Э. Макрон, внешняя политика, экономическое сотрудничество, украинский кризис, трансатлантическое партнерство.

Когда солнце восходит в одном полушарии, оно исчезает с горизонта в другом

«Каждому президенту Пятой республики приходится начинать правление в надежде усилить голос Франции в диалоге с Вашингтоном», – пишет Е.О. Обичкина [Обичкина, 2022, с. 169].

В ближайшие годы Франции будет не просто выстраивать свои отношения с заокеанским партнером. Это прежде всего связано с новым политическим контекстом, в котором предстоит взаимодействовать двум главам государств. Американский президент триумфально избран, в ходе выборов проявил себя как «непревзойденный мобилизатор электоральных масс»¹. Республиканцы получили большинство в Сенате и Палате представителей. За годы, прошедшие после неудачных для Д. Трампа выборов 2020 г., ему удалось установить контроль над Республиканской партией. Теперь его окружают верные соратники, готовые реализовывать его политику на практике. Сложившаяся после президентских выборов политическая ситуация в США характеризуется как «однопартийный монополизм», в рамках которого президенту не будут противостоять ни представительные институты, ни высшие судебные инстанции. Власть президента практически не ограничена, особенно в области внешней политики, которая в США определяется Белым домом. У Д. Трампа – уверенность человека, который «держит в руках историю», – писал журнал *Time*, признавший его человеком 2024 года². Моложавый 78-летний победитель излучает уверенность и оптимизм, казалось, годы и испытания не наложили на него своего отпечатка. Такой внутренней силы и энергии сегодня нет ни у одного из европейских лидеров. На трибуне – это «Элвис Пресли, помноженный на Джонни Холлидея»³,

как замечает Ю. Ведрин, в прошлом министр иностранных дел Франции.

На фоне американского президента особенно заметны перемены, произошедшие с главой французского государства. За годы пребывания у власти Э. Макрон ощутимо постарел. Оставили след напряженные годы пандемии и социальные конфликты, которые сопровождали Э. Макрона с самого начала правления. В 2022 г. ему удалось переизбраться, однако победа была с оттенком горечи: по сравнению с 2017 г. президент потерял 2,3 млн голосов избирателей. В ходе выборов в нижнюю палату парламента (2022) пропрезидентская партия «Возрождение» утратила абсолютное большинство голосов. Для Э. Макрона 2024 год стал особенно драматичным. После неудачных для пропрезидентского блока выборов в Европейский парламент (за него проголосовали 14,6% избирателей) президент распустил Национальное собрание и назначил внеочередные парламентские выборы. Решение Э. Макрона не было политически просчитанным, это была острая «психологическая» реакция на провал человека, который не умеет проигрывать, как отмечают авторы книги «Искусство проигрывать в политике»⁴. Результаты внеочередных выборов оказались хуже прогнозов. На этот раз партия Э. Макрона утратила относительное большинство в нижней палате парламента и даже при поддержке союзников сумела сформировать лишь один из трех противостоящих друг другу политических блоков.

1 Гарбузов В.Н. Второй триумф Трампа // Дипкурьер: Приложение к Независимой газете. – 2024. – 10 ноября. – URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2024-11-10/9_9131_usa.html (дата обращения: 24.02.2025).

2 Cortelessa E. Donald Trump 2024 Time Person of the Year // Time. – 2024. – December 12. – URL: <https://time.com/7200212/person-of-the-year-2024-donald-trump/> (дата обращения: 13.12.2024).

3 Vedrine H. Interview dans le programme de Public Sénat // Public Sénat. – 2024. – 07 novembre. – Франц. яз. – URL: <https://pro.publicsenat.fr/actualites/hubert-vedrine-la-dit-dans-bonjour-chez-vous-jeudi-07-novembre-2024-6f1db-02e48.html> (дата обращения: 24.02.2025).

4 Élizabeth Martichoux et Catherine Mangin: «Emmanuel Macron est un mauvais perdant»/Interview par M.-L. Bonavita // Le Figaro. – 2024. – 01 novembre. – Франц. яз. – URL: <https://www.lefigaro.fr/politique/elizabeth-martichoux-et-catherine-mangin-emmanuel-macron-est-un-mauvais-perdant-20241101> (дата обращения: 24.02.2025).

Все эти события резко ослабили позиции французского президента. На протяжении последних месяцев рейтинг главы государства неуклонно снижался, достигнув исторического минимума в феврале 2025 г., когда лишь 21 % французов ему доверяли⁵. На международной арене Франция утрачивает свои позиции. В Африке ей не удалось сохранить влияние в ряде бывших колоний; выведены французские войска из зоны Сахеля (2023). Всё сложнее Франции отстаивать свои предложения и утверждать представителей в международных организациях. Непросто складываются отношения и внутри ЕС, о чем свидетельствовал конфликт, разыгравшийся осенью 2024 г., когда председатель Еврокомиссии У. фон дер Ляйен отклонила предложенную Э. Макроном кандидатуру на пост еврокомиссара от Франции. Тогда пришлось в срочном порядке искать ему замену.

В неблагоприятной для него ситуации глава государства принял решение не вмешиваться во внутреннюю политику, передав бразды правления премьер-министру М. Барнье. Однако правительство, сформированное в сентябре, просуществовало всего три месяца – рекорд для Пятой республики. После объявления вотума недоверия в декабре 2024 г. оно ушло в отставку. Аналитики гадают, как долго продержится новое правительство во главе с центристом Ф. Байру. Всё чаще во французском обществе поговаривают об отставке президента, за нее в конце 2024 г. высказывался 61 % французов⁶. Однако глава государства в отставку уходить не собирается. В соответствии с Конституцией Пятой республики за ним закреплены полномочия в об-

ласти внешней и оборонной политики. Именно на этих вопросах в настоящее время он и сосредоточил свое внимание.

Французский президент был одним из первых европейских лидеров, поздравивших Д. Трампа с победой на выборах. Вскоре состоялась их первая встреча. Повод был выбран удачно: открытие в Париже после реставрационных работ Собора Нотр-Дам. Событие приковало к себе внимание международной общественности, на торжественное открытие съехались главы государств, члены королевских семей. Д. Трамп был в центре всеобщего внимания. Встреча двух президентов была теплой, перед камерами мировых новостных агентств они не скрывали взаимного расположения. А газеты с издевкой писали, что в Нотр-Дам исполнялся *Te Deum* для Трампа и *Requiem* для Э. Макрона.

Повестка Д. Трампа и вызовы для Франции

Лозунг Д. Трампа за прошедшие годы не изменился и звучит, как и в 2016 г.: «Сделать Америку снова великой!» В его предвыборной программе сформулированы предложения, направленные на реализацию этой задачи. Рассмотрим вопросы, связанные с экономической, внешней и внутренней политикой, которые, как нам представляется, будут определять отношения между США и Францией на ближайшие годы.

Экономика и внешняя торговля

Д. Трамп – бизнесмен, и вопросы экономики, вне всякого сомнения, будут занимать его. В своей программе кандидата, как и в ходе президентской кампа-

5 L'Observatoire politique. Février 2025 // Elabe. – 2025. – 13 février. – Франц. яз. – URL: <https://elabe.fr/barometre-politique-fevrier2025/> (дата обращения: 24.02.2025).

6 Les Français, la motion de censure et la démission du gouvernement de Michel Barnier // Elabe. – 2024. – 05 decembre. – Франц. яз. – URL: <https://elabe.fr/censure-demission-barnier/> (дата обращения: 24.02.2025).

нии, Д. Трамп много говорил о мерах, которые призваны улучшить состояние американской экономики. Речь идет о наращивании производственного потенциала, создании предприятий и новых рабочих мест в промышленном секторе. Это тем более важно, что за годы, последовавшие за вступлением американской экономики в глобальную экономику, в США, как и в других странах Запада, доля обрабатывающей промышленности в стоимости всего объема произведенных товаров и услуг неуклонно снижалась, составив в 1995 г. 17,4%, в 2008 г. – 13,0%, в 2018 г. – 11,8%. Доля США в обрабатывающей промышленности всего мира сократилась: в 1995 г. – 21,2%, в 2008 г. – 17,1%, в 2018 г. – 16,1% [Толкачев, Тепляков, 2023, с. 95].

Д. Трамп отстаивает политику «новой индустриализации», которая включает: 1) возвращение в США предприятий, которые «эмигрировали» в страны Европы и Юго-Восточной Азии; 2) создание на территории выделенных правительством федеральных земель новых экономических зон с благоприятными условиями для развития бизнеса; 3) отказ от политики, нацеленной на снижение выбросов CO₂ и на перевод транспортных средств на электродвигатели; 4) снижение вдвое цен на энергию за счет наращивания внутренней добычи нефти и газа.

Если сравнивать экономические подходы французского и американского президентов, то между ними существует небольшое идеологическое сходство. Оба они

либералы, проводят политику в интересах крупного бизнеса и наиболее обеспеченных групп населения; поддерживают крупные корпорации и успешные стартапы в надежде, что экономический рост, основанный на технологическом прогрессе, изменит потребительские предпочтения граждан и со временем создаст квалифицированные рабочие места. Имеются и существенные различия: Э. Макрон – убежденный сторонник глобализации и свободного рынка⁷, что касается Д. Трампа, то эксперты по-разному характеризуют его позицию. Одни считают его изоляционистом, другие – антиглобалистом⁸. Будучи сторонником национального суверенитета, Д. Трамп вовсе не собирается выводить США из глобальной экономики и политики, его цель – упрочить позиции своей страны в мире. В первый президентский срок Д. Трамп сделал упор на «экономический национализм» [Травкина, 2024, с. 90]. В свой второй президентский срок он предполагает продолжить эту политику, опираясь на протекционистские меры.

Особое место в экономической программе Д. Трампа занимают предложения, нацеленные на ограничение импорта и поддержку отечественных производителей. «Без пошлин наша страна будет разрушена», – утверждал президент во время избирательной кампании. Тарифы, как он неоднократно отмечал, – «красивое слово». Они «помогут нашей стране снова стать богатой»⁹. Повышение пошлин на импорт рассматривается администрацией Д. Трампа как системная мера, призванная улучшить показате-

7 Следует отметить, что в последнее время позиция Э. Макрона в этом вопросе начала меняться. Накануне выборов в Европарламент его партия большое внимание уделяла вопросу защиты французского/европейского рынков от *нелояльной конкуренции* Китая. Французский президент также выступает против подписания договора между ЕС и МЕРКОСУР, который представляет серьезную угрозу для французского сельского хозяйства.

8 Legrand R. Droits de douane, Otan, Ukraine... Donald Trump martèle ses ambitions sans compromis // L'Opinion. – 2024. – 09 decembre. – Франц. яз. – URL: <https://www.lopinion.fr/international/droits-de-douane-otan-ukraine-donald-trump-martele-ses-ambitions-sans-compromis> (дата обращения: 24.02.2025); [Кобринская, 2024, с. 62].

9 Election américaine 2024: Que se cache-t-il dans le programme économique de Donald Trump? // 20 minutes. – 2024. – 13 octobre. – Франц. яз. – URL: <https://www.20minutes.fr/politique/4115329-20241013-etats-unis-cache-programme-economique-donald-trump> (дата обращения: 24.02.2025).

тели платежного баланса США, укрепить национальную валюту, снизить налоги. Во второй президентский срок Д. Трамп, как он неоднократно заявлял, импортные пошлины вырастут для стран, использующих «несправедливую торговую практику» или пытающихся найти замену доллару во взаимных расчетах. Весной 2025 г. США ввели 25%-е пошлины на импортируемые сталь и алюминий. Эта мера затронет Францию, поскольку страна входит в десятку крупнейших в мире экспортеров стали. В ответ ЕС ввел пошлины на американские товары, после чего Д. Трамп заявил о возможном установлении 200%-х пошлин на европейские вина и шампанское. Понятно, что это только угроза. Но и при более низком уровне пошлины на европейские вина самым серьезным образом затронут французское виноделие.

Повышение импортных пошлин скажется на товарообороте между Францией и Соединенными Штатами. В 2022 г. объем торговли между странами достиг рекордного уровня, составив почти 153 млрд долл., и хотя в 2023 г. этот показатель немного снизился, он оставался на высоком уровне. Франция является пятым по величине иностранным инвестором США с объемом прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в 326 млрд долл., тогда как американские ПИИ во Франции составили 106 млрд долл. На 5 тыс. французских предприятиях

в США работают 740 тыс. чел., почти половина рабочих мест создана в обрабатывающей промышленности. В свою очередь, во Франции работают 4,6 тыс. американских предприятий, создавших 480 тыс. рабочих мест. Многие из них заняты в сфере услуг. Франция является первым европейским рынком для *McDonald's*, на предприятиях компании трудятся более 100 тыс. человек [France and the United States..., 2023, p. 12, 23–24]. Просто «вывести» предприятия сферы услуг с французского рынка не представляется возможным. Самые серьезные проблемы между европейскими странами и США, по оценке экспертов, могут возникнуть в тех отраслях, где наблюдается наиболее высокий уровень конкуренции, – в автомобилестроении и авиастроении¹⁰. Во Франции в сложном положении также могут оказаться отрасли, производящие предметы класса «люкс».

Американский протекционизм тяжело скажется на положении Франции, если принять во внимание «неустойчивое равновесие», в котором находится французская экономика [Преображенская, 2024], низкие темпы экономического роста¹¹, неблагополучие в финансовой сфере и неуклонно растущий государственный долг, не говоря о политической нестабильности. Из-за острых экономических и финансовых проблем во Франции закрываются предприятия¹², эксперты ожидают ухода инвесто-

10 Кислицын С.В. Торговля США и ЕС: от Байдена до Трампа // Выступление на семинаре «Европа после победы Трампа»: Дискуссионный форум «Европейский союз в полицентричном мире», 16 декабря 2024 г. (Москва, ИМЭМО РАН). – URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/seminar-evropa-posle-pobedi-trampa?p=48> (дата обращения: 24.02.2025). Архив автора.

11 Темпы роста ВВП Франции составили в 2018 г. 1,7%, 2022 г. – 2,5%, 2023 г. – 0,9%, 2024 г. – 1,1%. См.: PIB français: une croissance 2023 en demi-teinte // La finance pour tous. – 2024. – 01 février. – Франц. яз. – URL: [\(data%20a%20note%20de%20conjoncture,%C3%A0%20%2B1%2C1%25&text=Selon%20la%20note%20de%20conjoncture,%C3%A0%20%2B0%2C0%20%25\)](https://www.lafinancepourtous.com/2024/02/01/pib-francais-une-croissance-2023-en-demi-teinte/(data%20a%20note%20de%20conjoncture,%C3%A0%20%2B1%2C1%25&text=Selon%20la%20note%20de%20conjoncture,%C3%A0%20%2B0%2C0%20%25)) (дата обращения: 24.02.2025).

12 В 2023 г. во Франции закрылись 57,7 тыс. предприятий, с сентября 2023 г. по сентябрь 2024 г. – 66 тыс. См.: Millon Th. Étude de défaillances et sauvegardes des entreprises en France – T4 2024 et bilan 2024 // Altares. – Франц. яз. – URL: [\(data%20a%20note%20de%20conjoncture,%C3%A0%20%2B1%2C1%25&text=Selon%20la%20note%20de%20conjoncture,%C3%A0%20%2B0%2C0%20%25\)](https://www.altares.com/fr/statistiques-defaillances-entreprises/(data%20a%20note%20de%20conjoncture,%C3%A0%20%2B1%2C1%25&text=Selon%20la%20note%20de%20conjoncture,%C3%A0%20%2B0%2C0%20%25)) (дата обращения: 24.02.2025).

ров с французского рынка¹³. Нацеленная на релокализацию американских предприятий политика Д. Трампа находится в противофазе к политике французских властей, ставящей целью реиндустриализацию страны.

Еще одна серьезная проблема во взаимоотношениях двух стран – экстерриториальное американское правосудие, от которого страдает французский бизнес. Экстерриториальные санкции рассматриваются во Франции как нарушение государственного суверенитета и принципов международного права. Французские банки и предприятия неоднократно становились объектом американских санкций. За период с 2010 по 2019 г. они уплатили США штрафы в размере 14 млрд долл. Более всего в 2014 г. пострадал крупнейший французский банк *BNP Paribas* за то, что нарушил введенные США санкции против Кубы и Ирана. Французское государство пытается защищать свои предприятия, однако эта защита не слишком эффективна. В настоящее время Франция в ЕС предлагает разработать комплекс мер, которые способствовали бы защите европейских предприятий от экстерриториального американского правосудия, а также рекомендует союзникам проводить транзакции в европейской валюте.

Международные отношения и трансатлантическое сотрудничество

Как пишут французские газеты, победа Д. Трампа на выборах открывает «новую эру в жизни планеты». Внешняя политика Д. Трампа отличается непред-

сказуемостью, отсутствием уважения к партнерам, существующим международным организациям и договорам. В годы первого президентства Д. Трампа США вышли из состава ЮНЕСКО и Парижского соглашения по климату. В первый же день своего нового президентства Д. Трамп заявил о выходе США из Всемирной организации здравоохранения и в очередной раз – из Парижского соглашения по климату. В феврале США отказались подписать декларацию Парижского саммита по искусственному интеллекту, подписанную европейскими странами, Индией и Китаем. В рамках НАТО американский президент обвиняет европейских союзников в «иждивенчестве» и требует, чтобы они взяли на себя большую ответственность за коллективную оборону.

Традиционно США придерживаются одностороннего подхода к решению внешнеполитических вопросов. Политика Д. Трампа характеризуется волюнтаризмом: уже в первый месяц пребывания у власти он оглушил международную общественность заявлениями о намерении установить контроль над Гренландией, Панамским каналом, сектором Газа. Достаточно пренебрежительно он относится к европейским странам, не забывая напоминать союзникам о возможном выходе США из НАТО¹⁴ и требуя от них повышения военных расходов до 5% ВВП. Другая особенность Д. Трампа, которая может отразиться на его взаимодействии с другими странами, – отсутствие доверия к *Другому*, в чем он сам признается¹⁵. А доверие – важнейшее условие выстраивания конструктивных международных отношений.

13 Le dilemme de Michel Barnier: un budget, mais à quel prix?/Olivier Ch. [et al.] // L'Opinion. – 2024. – 01 decembre. – Франц. яз. – URL: <https://www.lopinion.fr/politique/le-dilemme-de-michel-barnier-un-budget-mais-a-quel-prix> (дата обращения: 24.02.2025).

14 Legrand R. Droits de douane, Otan, Ukraine... Donald Trump martèle ses ambitions sans compromis // L'Opinion. – 2024. – 09 decembre. – Франц. яз. – URL: <https://www.lopinion.fr/international/droits-de-douane-otan-ukraine-donald-trump-martele-ses-ambitions-sans-compromis> (дата обращения: 24.02.2025).

15 Cortelessa E. Donald Trump 2024 Time Person of the Year // Time. – 2024. – December 12. – URL: <https://time.com/7200212/person-of-the-year-2024-donald-trump/> (дата обращения: 13.12.2024).

В декабре 2024 г., месяц спустя после выборов, Д. Трамп громко заявил о своем возвращении на международную арену, посетив французскую столицу. Его встречи с французским и украинским президентами в Елисейском дворце привлекли не меньшее, если не большее внимание мировой общественности, чем само открытие Собора Нотр-Дам. Визит избранного американского президента должен был продемонстрировать всему миру, что Америка находится в центре международной политики и что «ключ» от разрешения украинского конфликта у нее в руках.

В противовес подходу Д. Трампа французский президент придерживается диаметрально противоположного видения международных отношений. «Инклюзивный мультилатерализм» – так Е.О. Обичкина характеризует метод Э. Макрона, который основывается на совместных действиях и коллективном принятии решений, направленных на обеспечение безопасности и стабильности в мире [Обичкина, 2018, с. 141]. Этот подход предполагает, что Франция, поддерживая связи с различными мировыми центрами силы, призвана обеспечивать равновесие в мире. Придя к власти, Э. Макрон сформулировал свое видение суверенитета Франции, понимая его через призму суверенитета Европейского союза, в котором, по его представлениям, Франция вместе с Германией призваны играть ведущую роль.

Французский президент – убежденный европеист и отстаивает принцип «стратегической автономии» ЕС¹⁶. Европейский союз, как он считает, должен стать мировым «центром силы». Свою приверженность этой идее Э. Ма-

крон в очередной раз высказал в выступлении в Сорбонне (Сорбонна-2, 25 апреля 2024 г.). В нем глава государства сформулировал ряд задач на ближайшие годы, среди них: 1) сделать Европу более стратегически независимой; 2) усилить оборону, совместно силами европейских стран наладив производство вооружений, которые заменят оружие американского производства; 3) выстраивать дипломатические отношения с третьими государствами, тем самым показывая, что «Европа не является вассалом Соединённых Штатов»; 4) превратить Европу в «зону процветания»¹⁷. Однако далеко не все союзники разделяют идеи Э. Макрона и его пафос «Европы-державы». Главным ограничением, замечает Н.К. Арбатова, является отсутствие в Европе «общей стратегической культуры» [Арбатова, 2024, с. 115]. Ряд стран – членов ЕС продолжают ориентироваться на США. Другие – Словакия и Венгрия – выступают против острого противостояния и разрыва экономических связей с Россией.

Французов не может не задевать высокомерие американцев, их статус сверхдержавы, «неуважительное» отношение к Европе, которую Д. Трамп называет «маленьким Китаем». Не случайно Э. Макрон в первом телефонном разговоре с Д. Трампом подчеркнул, что для США важно «считаться с Евросоюзом». Раздражение у французов вызывает не только характерный для США односторонний подход к ведению международных дел, но и навязывание всему миру собственных взглядов и ценностей. «Американизация» французского общества, пишет социолог Ж. Фурке, нарастала с 1980-х годов, завоевывая все социальные слои –

16 Концепт стратегической автономии был разработан и принят ЕС в 2016 г. См. подробнее: [Арбатова, 2024, с. 114].

17 Macron E. Discours à la Sorbonne. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=URQaC22QH8> (дата обращения: 26.04.2024).

от низов до элитных верхов [Fourquet, Cassely, 2021, p. 381–406]. Об исходящей из США культурной угрозе глава государства напоминает всё чаще.

В свою очередь, американцев нервнируют претензии французов на «исключительность», их высокая самооценка, которая не соответствует реальному весу страны в мировой политике, стремление говорить от лица всей Европы. Их также уязвляют позиции французской стороны по конкретным вопросам международной политики, в частности неготовность французской стороны поддерживать американский подход в отношении независимости Тайваня. Подход, который основан на заинтересованности Франции в развитии отношений с Китаем.

Отношения двух стран в контексте российско-украинского военного конфликта

Военный конфликт на востоке Европы усилил НАТО и расширил ряды Североатлантического альянса. Нельзя исключить, что приход к власти Д. Трампа вызовет противоречия между европейскими странами. С самого начала российско-украинского противостояния Д. Трамп заявлял, что военный конфликт – результат непродуманной политики Дж. Байдена и что его не должно было быть. В ходе избирательной кампании он неоднократно заявлял, что добьется мира между конфликтующими сторонами в течение 24 часов. После избрания он сделал ставку на завершение военного противостояния.

В феврале 2025 г. наметились первые контакты между Д. Трампом и В.В. Путиным. В ходе встречи делегаций двух стран в Эр-Рияде, а затем в Стамбуле

было принято решение о нормализации дипломатических отношений между США и Россией, практически замороженных на протяжении последних лет. Американский президент, как заявляет его спецпредставитель по Украине генерал К. Келлог, стремится к достижению «справедливого, устойчивого и защищенного мира», при этом сознавая важность тех отношений, которые у него есть с союзниками¹⁸ и президентом России. Д. Трамп – прагматик. Он руководствуется интересами своей страны: в его понимании конфликт в Европе затянулся и слишком обременителен для США.

Что касается Франции, то до начала военной операции она рассматривалась мировым сообществом как «стратегический партнер» России [Кобринская, 2024, с. 62]. «До 2022 г., – пишет Е.О. Обичкина, – президент Э. Макрон говорил об опасности разрыва политического диалога с Москвой» [Обичкина, 2024, с. 182]. Тем самым Э. Макрон адресовал месседж голлистам, традиционным сторонникам диалога с Россией. А кроме этого, считая себя блестящим переговорщиком, он не сомневался в способности убедить оппонента. В первое время после начала военной операции Российской Федерации президент Франции полагал, что Европа сможет оказать влияние на конфликтующие стороны и усадить их за стол переговоров. Цель была одна: остановить конфликт любой ценой, чтобы предотвратить массовую гибель людей. Это был не только естественный человеческий порыв, но и личный амбициозный план: Э. Макрон стремился утвердить себя в глазах мировой общественности в качестве миротворца. Запомнились его слова, что «унижать

18 Келлог заявил о нежелании Трампа допустить повторения Минских соглашений // Известия. – 2024. – 24 декабря. – URL: <https://iz.ru/1813314/2024-12-24/kellog-zaavil-o-nezelanii-trampa-dopustit-povtoreniia-minskih-soglasenii> (дата обращения: 25.02.2025).

Россию не следует» с тем, чтобы «в тот день, когда боевые действия прекратятся, мы смогли бы найти дипломатический выход»¹⁹. Это не помешало Франции поддержать антироссийские санкции ЕС, которые рассматривались как основной инструмент «сдерживания» России. Весной 2022 г. по инициативе французской стороны были прерваны все контакты с российскими культурными и научными организациями. На начальном этапе конфликта Франция оказывала Украине в основном гуманитарную помощь.

Однако военные действия затягивались, Украина при поддержке западных союзников оказала сопротивление, а ЕС солидарно выступил на ее стороне. В этих условиях тактика французского президента поменялась: Франция приступила к поставкам Украине тяжелых вооружений, а к осени 2022 г. начала передавать артиллерийские системы [Тимофеев, Хорольская, 2024, с. 52]. Французский президент предпринял резкий разворот: забыв о том, что говорил недавно о невозможности унижать Россию, он заявлял теперь о «недопустимости» ее победы и необходимости *нанести ей поражение*. Слова подтверждались делами: в январе 2023 г. Франция передала Украине танки, с июля 2023 г. начала поставлять на Украину дальнобойные ракеты [Тимофеев, Хорольская, 2024, с. 53]. В феврале 2024 г. между Францией и Украиной был подписан договор о сотрудничестве по вопросам безопасности. В документе подчеркивалось, что «безопасность Украины является неотъемлемой частью евро-атлантической безопасности и безопасности во всем мире»²⁰. На меж-

дународной встрече в Париже (26 февраля 2024 г.) президент «оглушил» союзников заявлением о возможной отправке на Украину французских войск. Эти слова прозвучали как «попытка вывести текущий конфликт на новый уровень эскалации» [Чихачев, 2024]. В этом Э. Макрон поддержала часть французского политического класса, внутри которого за последние десятилетия сформировался особый тип политика – *Hommo atlanticus*, проникнутый атлантистским мышлением и неприятием России [Обичкина, 2021, с. 246].

Свой воинственный нарратив Э. Макрон объяснял тем, что его страна – член Совета Безопасности ООН, военная держава, имеющая ядерное оружие и высокопрофессиональную армию. В мае 2024 г. французский президент еще больше повысил тон, заявив о возможном использовании ракет дальнего действия для нанесения ударов вглубь России, а в ноябре того же года приветствовал аналогичное решение американского президента Дж. Байдена. Каким образом за короткое время «голубь» превратился в «ястреба»? Во-первых, накануне и в первые месяцы военного конфликта Э. Макрон в Европе и особенно в Украине подвергся серьезной критике за излишнюю лояльность Москве, за многочасовые телефонные разговоры и встречи с российским президентом. Уязвленный, оказавшись в изоляции внутри Евросоюза, Э. Макрон выдвинул радикальные предложения, которые сближали Францию с историческими противниками Москвы: Польшей, странами Северной Европы и Балтии. Начатый им «поход» против России должен был продемонстрировать всему миру

19 «Ne pas humilier la Russie»: l'appel d'Emmanuel Macron fait des vagues // Euractiv. – 2022. – 07 juin. – Франц. яз. – URL: <https://www.euractiv.fr/section/international/news/ne-pas-humilier-la-russie-lappel-demmanuel-macron-fait-des-vagues/> (дата обращения: 25.02.2025).

20 В Национальном собрании против подписания договора выступила леворадикальная «Непокоренная Франция», а «Национальное объединение» М. Ле Пен при голосовании воздержалось.

лидерство Франции, ее решимость защищать интересы Украины и Европы. Во-вторых, заявления Э. Макрона были адресованы США и были призваны подтвердить, что Франция очень серьезно относится к происходящему на Украине и намеревается сыграть свою роль в разрешении конфликта. В-третьих, этот дискурс был обращен к согражданам. В случае обострения внутривнутриполитических проблем власти начинают поиск внешнего врага. За последние годы социально-экономическая ситуация во Франции ухудшилась, доходы граждан расти перестали, а из-за антироссийских санкций выросли цены на электроэнергию. Негативные тенденции президент пытается объяснить российско-украинским конфликтом. В своих выступлениях Э. Макрон использует психологическое оружие – страх, настойчиво повторяя тезис о «российской угрозе», которая, якобы, нависла над всей Европой. В-четвертых, в преддверии выборов в Европарламент внешнеполитическая тематика использовалась пропрезидентской партией в противостоянии с праворадикальным «Национальным объединением» М. Ле Пен, которое власти стремятся представить как союзника Москвы.

Тезисы Э. Макрона лишь отчасти были восприняты французским обществом. Летом 2024 г. 65% французов допускали, что российско-украинский конфликт угрожает остальной Европе. Чаще всего этого мнения придерживались сторонники Э. Макрона, а также европейцы-атлантисты, к которым относятся социал-демократы и представители партии зеленых. Среди сторонников крайне левой «Непокоренной Франции» и крайне правых «Национального объединения» и «Отвоевания» их было значительно меньше. Чуть меньше половины французов (44%)

высказались за сокращение или вовсе прекращение военной помощи Украине. Опасаясь дальнейшей эскалации конфликта, граждане солидарно выступили против отправки французских войск в зону военного конфликта (83%)²¹.

Воинственный дискурс сочетается у Э. Макрона с заявлениями о том, что «Франция – мирная держава» и что сам он выступает за скорейшее разрешение конфликта. Настаивая на проведении встречи В. Зеленского с Д. Трампом в Елисейском дворце в декабре 2024 г., французский президент выполнял роль посредника-миротворца. Однако состоявшаяся беседа явно не удовлетворила участников встречи. Д. Трамп однозначно дал понять, что Украину в НАТО приглашать не собираются.

В феврале 2025 г. в Мюнхене проходила 61-я конференция по вопросам безопасности, которая вскрыла глубокие противоречия между администрацией США и Францией / объединенной Европой в отношении подходов к урегулированию военного конфликта в Европе. Выступая на конференции, вице-президент США Дж. Ди Вэнс подчеркнул, что США больше не готовы выполнять роль основного гаранта безопасности в Европе, что Украине не стоит рассчитывать на помощь его страны и что вопросами обеспечения безопасности и восстановления Украины после окончания конфликта должны будут заниматься европейцы. Он жестко критиковал европейцев за то, что они не предприняли должных усилий для достижения мира на ранних стадиях конфликта. А спецпредставитель президента США К. Келлог добавил к этому, что в самом начале переговоров по урегулированию ситуации присутствие европейцев не предусмотрено. Европейские лидеры испытали

21 Les Français et la guerre en Ukraine: Sondage // Institut Montaigne. – 2024. – 13 juin. – Франц. яз. – URL: <https://www.institut-montaigne.org/expressions/sondage-les-francais-et-la-guerre-en-ukraine> (дата обращения: 25.02.2025).

шок от заявлений американских политиков. Мюнхенская конференция отчетливо продемонстрировала, что в новой американской политике европейским странам уготован статус «партнеров второго уровня». Одновременно с этим конференция явилась определенным рубежом: европейцы, возможно, впервые осознали, что они действительно должны стать стратегически автономными.

По завершении Мюнхенской конференции президент Франции объявил о проведении в Париже неофициального саммита. На встречу были приглашены руководители ведущих стран – членов ЕС, премьер-министр Великобритании, руководители ЕС. Цель была одна: выработать единую европейскую позицию в вопросе о предоставлении гарантий безопасности Украине в случае заключения мирного соглашения. После первой Парижской встречи прошел еще один саммит в расширенном формате. Парижские инициативы отчетливо продемонстрировали, что французский президент стремится сплотить европейские страны, включая даже те, что не входят в ЕС. За этими встречами последовали другие, в ходе которых была создана так называемая коалиция желающих, в которую наряду с Францией и Великобританией вошли Канада, Новая Зеландия, Австралия. Теперь речь шла уже не только о предоставлении гарантий безопасности Украине, но и о создании нового оборонного союза.

Организовывая встречи в Париже, Э. Макрон стремился представить себя в качестве неоспоримого обще-

европейского лидера, о чем он мечтал с начала своего первого президентства. Однако у него появился союзник-конкурент – премьер-министр Великобритании К. Стармер. Оба политика высказываются за создание совместной обороны – инициативу, поддержанную ЕС. В середине марта 2025 г. в Брюсселе был анонсирован план перевооружения, ориентированный на закупку вооружений, произведенных в Европе, в чем несомненно заинтересована Франция как один из крупнейших европейских производителей вооружений. «Мы должны перевооружиться, чтобы избежать войны», – заявляет Э. Макрон. Сегодня страны – члены ЕС понимают необходимость создания собственной обороны. Вместе с тем между ними существуют серьезные разногласия, например в вопросе об отправке воинских контингентов в качестве миротворческой миссии. За отправку военных выступают Франция и Великобритания, готовые в ближайшее время разместить на территории Украины 30 тыс. военных. В свою очередь, ФРГ и Польша выступают против этой инициативы, а Италия воздерживается.

Что касается украинского вопроса, европейцы постоянно говорят о необходимости заключения мира, при этом продолжая поставлять вооружение Украине и призывая оказывать дополнительное давление на Российскую Федерацию. Это сценарий «мира через силу», который, с их точки зрения, не позволит установить «несправедливый» мир. И, конечно, они настаивают на том, что Европа должна участвовать в переговорах²².

22 Grandin de l'Épervier J. Ukraine: l'Europe veut peser malgré tout // L'Opinion. – 2025. – 19 mars. – Франц. яз. – URL: https://www.lopinion.fr/international/ukraine-leurope-veut-peser-malgre-tout?at_recipient_id=lapina_n%40mail.ru&at_recipient_list=%7B%22abo%22%3A%22%22%2C%22email%22%3A%22lapina_n%40mail.ru%22%2C%22campagne%22%3A%22Edition_de_7h30%22%7D&at_send_date=2025-03-20&at_campaign=Edition_de_7h30&at_medium=email&utm_campaign=Edition_de_7h30&utm_medium=email&utm_source=newsletter&actId=%7Ea7LYz3b1nPXhZLQyZKlX-C7p5YiUiOYUil5bMdlNhErmk-9wv0Jl327DgVnpHndCfRmf6lZhuP62ivrAMKsxVcBVAmEgr574a7g_dZvHJUcvEN3S4gA%3D%3D&actCampaignType=CAMPAIGN_MAIL&actSource=512722 (дата обращения: 20.03.2025).

Выдвигая всё новые инициативы в области европейской обороны, Э. Макрон остается прагматиком и стремится «вписаться» в новую политическую реальность, которая определяется сменой власти в США. Именно поэтому он действует осторожно, чтобы не раздражать американского коллегу. Не случайно французский президент не критиковал заявления Д. Трампа относительно Панамского канала и Гренландии, его претензии на превращение Канады в 51-й штат США. Прагматизм Э. Макрона отчетливо проявился в ходе визита французского президента в Белый дом (24 февраля 2025 г.). Внешне встреча двух президентов проходила в дружеской обстановке: улыбки, рукопожатия, воспоминание о великих событиях прошлого. Макрон прибыл в Вашингтон с конкретной целью – донести до американского президента позицию европейских стран, которая включает следующие пункты: мирное соглашение, если оно появится, не может стать «капитуляцией» Украины и должно сопровождаться предоставлением ей гарантий безопасности. Д. Трамп подчеркнул важность прекращения боевых действий, ничего не сказав о возможном участии США в обеспечении гарантий безопасности Украины. Для Франции, да и Европы в целом эта встреча не имела результатов. Это проявилось в ходе встреч российский и американской делегаций и прямых телефонных переговоров между Д. Трампом и В.В. Путиным, в ходе которых о Европе вообще не упоминалось.

Во Франции больше всего опасаются, что мир может быть «навязан» Украине и достигнут без участия Европы. В новой внешнеполитической ситуации действовать французскому президенту становится всё более сложно. С одной стороны, он хотел бы сохранить капитал личных отношений

с Д. Трампом, и не случайно в своих выступлениях он позитивно оценивает мирные инициативы и шаги, принятые американским президентом с тем, чтобы достичь на первых порах перемирия в вооруженном конфликте. С другой стороны, он стремится выработать «правильную» линию в целях отстаивания интересов Франции / объединенной Европы на внешнеполитической арене.

Заключение

В 1947 г. А. Тойнби задавал вопрос: возможно ли возвращение истории? Этот вопрос уместен и в связи с возвращением в Белый дом Д. Трампа. Есть все основания полагать, что новое президентство не будет похожим на предыдущее. «Трамп-2» будет принципиально отличаться от «Трампа-1». Легитимированный блестящей победой, окруженный единомышленниками, он будет действовать более жестко и радикально по сравнению с первым президентским сроком. А Франции придется столкнуться с новыми как внешнеполитическими, так и внутриполитическими вызовами.

Французскому руководству предстоит адаптироваться к новой ситуации, искать и находить компромиссы с агрессивным и более сильным партнером. В ближайшие годы отношения между двумя странами, скорее всего, будут напряженными, и их не смогут смягчить даже хорошие личные отношения между главами государств. Тем более что оба политика невероятно амбициозны и самоуверенны, обоим отличает стремление к единоличным методам управления. Во Франции Э. Макрона называют «избранным монархом», а в США приход к власти Д. Трампа вызвал дискуссии об «имперском президентстве». Разница в том, что Д. Трамп после

триумфальной победы находится на пике политического влияния, тогда как Э. Макрон ослаблен и вступил в пору «конца царствования». А ведь хорошо известно, что Д. Трамп в политике уважает силу.

Среди вопросов, которые окажутся в центре взаимодействия двух стран, – тарифы на импортные изделия, условия ведения международной торговли, трансатлантическое партнерство, деятельность американских высокотехнологичных гигантов в Европе. Примут ли внешнеторговые и иные экономические противоречия форму экономических войн или ограничатся отдельными конфликтами, пока сказать сложно. Скорее всего, они будут решаться в ходе заключения «сделок», как любит говорить Д. Трамп. Кстати, он уже заявил, что в случае, если европейцы, в том числе французы, увеличат закупки американских продуктов, нефти и газа, повышения таможенных пошлин не произойдет. У американского президента, как это бывает в бизнесе, ставки в игре завышены с тем, чтобы затем получить желаемое. В долгосрочной перспективе торговая война и разрыв связей с ближайшими союзниками на фоне укрепления позиций Китая вряд ли входят в планы американского президента.

Сложно будут складываться у Франции отношения с высокотехнологичными американскими гигантами. Франция стала одной из первых европейских стран, поставивших вопрос о налогообложении высокотехнологичных американских компаний, работающих на ее территории. А в ЕС пред-

ставлявший до осени 2024 г. Францию еврокомиссар Т. Бретон настоятельно требовал, чтобы американские гиганты подчинялись европейским законам о цифровых услугах, ограничивая свободу пользователей в социальных сетях, и раскрывали информацию о них.

Важное место во взаимоотношениях двух стран займут проблемы трансатлантического сотрудничества. Д. Трамп требует от европейских стран – членов НАТО увеличения военного бюджета до 5% ВВП. Для Франции с ее гигантским государственным долгом, который в конце 2024 г. составил более 3 трлн евро (113,7% ВВП), ситуация будет особенно сложной²³. Тем не менее Э. Макрон заявляет, что расходы на оборону будут повышены. Франция уже объявила о закупке 40 истребителей *Raffale*, которые могут нести на своем борту ядерное оружие. Чтобы осуществить масштабную программу перевооружения, президент призывает сограждан пойти на «жертвы». Главный аргумент – «экзистенциальная угроза», которую представляет Россия для Франции и всей Европы, о которой говорит он сам и которая транслируется основными средствами массовой информации. За последние месяцы коммуникация президента достигла определенных результатов: в марте 2025 г. 76% опрошенных французов опасались, что вооруженный конфликт может выйти за пределы Украины, а 64% не исключали, что он может «докатиться» до границ Франции²⁴. На фоне страха сработал феномен сплочения вокруг флага: в марте 2025 г. выросла поддержка Э. Макрона

23 A la fin du troisième trimestre 2024, la dette publique était à 3303,0 Md euro // INSEE. – 2024. – 20 decembre. – Франц. яз. – URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/8316840#:~:text=troisi%C3%A8me%20trimestre%202024-,%C3%80%20la%20fin%20du%20troisi%C3%A8me%20trimestre%202024%2C%20la%20dette%20publique,2%20%25%20au%20deuxi%C3%A8me%20trimestre%202024> (дата обращения: 25.02.2025).

24 Brossault J. Guerre en Ukraine: pour 73% des français, les États-Unis ne sont plus un allié de la France // Sondage BFMTV. – 2025. – 4 mars. – Франц. яз. – URL: https://www.bfmtv.com/international/europe/ukraine/sondage-bfmtv-guerre-en-ukraine-pour-73-des-francais-les-etats-unis-ne-sont-plus-un-allie-de-la-france_AN-202503040506.html (дата обращения: 05.03.2025).

во французском обществе, составившая 31%, чего давно уже не было²⁵.

Усиление военного потенциала Франции/Европы станет серьезнейшей нагрузкой на граждан и бюджеты стран. Вместе с тем в случае успешного осуществления программы вооружений создание собственной обороны позволит усилить позиции Франции/Европы в диалоге с США. И может стать серьезным козырем Франции, поскольку Э. Макрон предлагает странам Европы гарантировать безопасность за счет совместного использования французских ядерных сил сдерживания, что вызвало, правда, острую дискуссию во французских политических кругах.

Немалое место во взаимодействии двух стран займет, судя по всему, и российско-украинский военный конфликт. Д. Трамп – сторонник скорейшего заключения мира и готов вести переговоры с В.В. Путиным. По крайней мере, так дела обстояли на момент написания статьи. Э. Макрон, пытаясь сдерживать американского коллегу, подчеркивает, что украинское досье не должно ослабить позиции президента США. И предупреждает: в случае, если Украина «проиграет», а Россия получит «слишком много», репутационные издержки для американского президента могут оказаться излишне высокими. Кстати, у «политики мира» Д. Трампа есть и другие ограничения. Против нее в США выступают демократы и ряд консерваторов, которые высказываются в поддержку Украины, за сохранение традиционных партнерских отношений с Европой. Уже месяц спустя после инаугурации популярность американского президента начала снижаться,

хотя это вряд ли вызвано внешнеполитическими факторами.

Что же касается французского президента, то он, приветствуя на словах возможность заключения мира или перемирия, как и другие европейские лидеры, не отказывается от предоставления Украине военной помощи, наряду с другими европейцами продолжает санкционную политику в отношении России. Э. Макрон поддерживает мысль, что Европе предстоит участвовать в реконструкции и обеспечении безопасности Украины в будущем. Попытка выработать единую общеевропейскую платформу в этом вопросе для Э. Макрона имеет не только политическую, но и сугубо личную мотивацию. Есть основания предполагать, что свое политическое будущее французский президент связывает с руководящими органами Европейского союза.

Приход к власти Д. Трампа, кроме всего прочего, может стать для Франции серьезным внутриполитическим вызовом. В последние годы в политической жизни Франции усилились позиции праворадикальных сил. В ходе президентских выборов 2022 г. М. Ле Пен вышла во второй тур голосования, за нее подали свои голоса 13,2 млн избирателей²⁶. А ее партия «Национальное объединение» на сегодняшний день – первая партия Франции. Д. Трамп и его ближайшее окружение не скрывают свою идейно-политическую близость с правопопулистскими силами в Европе. Американский президент и его ближайший сподвижник миллиардер И. Маск продвигают *глобальную идеологию против вокизма (wokeism)* – про-

25 Vernay S. Exclusif: Emmanuel Macron en forte hausse dans l'opinion, mais reste majoritairement impopulaire // Ouest-France. – 2025. – 7 mars. – Франц. яз. – URL: <https://www.ouest-france.fr/politique/emmanuel-macron/exclusif-la-popularite-demmanuel-macron-est-en-forte-hausse-mais-reste-minoritaire-d12f3cea-fb63-11ef-84e6-97a4d0833d6d> (дата обращения: 08.03.2025).

26 Les élections en France, 2022. Résultats du 2-e tour // Ministère de l'Intérieur. – 2022. – 10 avril; 24 avril. – Франц. яз. – URL: <https://www.archives-resultats-elections.interieur.gouv.fr/resultats/presidentielle-2022/FE.php> (дата обращения: 25.02.2025).

грессистского течения, отстаивающего права ЛГБТ-сообщества и основное внимание уделяющего вопросам расового, гендерного и социального неравенства. В конце 2024 г. И. Маск заявил, что будет финансово поддерживать правопопулистскую партию «Реформировать Соединённое королевство» (*Reform UK*) в Великобритании, а в преддверии парламентских выборов в ФРГ поддержал праворадикальную партию «Альтернатива для Германии», которую называет «последним лучом надежды» для страны.

Потрясением для европейцев стали слова американского вице-президента на Мюнхенской конференции о том, что в странах Европы не соблюдаются демократические ценности и личные свободы. Имелось в виду стремление европейских властей ограничить участие крайне правых партий в политическом процессе. В целом складывается впечатление, что американский президент и его команда действительно хотели бы изменить Европу. В конце февраля 2025 г. недалеко от Вашингтона проходила Конференция консервативных политических действий (*Conservative Political Action Conference*), на которую были приглашены премьер-министр Италии и лидер правопопулистской партии «Братья Италии» Дж. Мелони, сооснователь партии «Реформировать Соединённое королевство» Н. Фараж, премьер-министр Словакии Р. Фицо. Из французских политиков на съезде присутствовали председатель правопопулистского «Национального объединения» Ж. Барделла (правда, он быстро покинул собрание), праворадикальные евродепутаты М. Марешаль Ле Пен и С. Кнафо. Задача съезда, как отмечали его организаторы, состоит в том, чтобы объединить подлинных патрио-

тов и сторонников национального суверенитета. Формирование в Европе «нового реакционного интернационала» под эгидой трампистов и их вмешательство во внутрисполитические дела европейских государств не может не беспокоить руководство Франции. Но пока что французские власти просто не знают, как на всё это реагировать. Подавляющее большинство французов (79%) негативно относятся к Д. Трампу; 85% полагают, что во внешней политике США произойдут большие перемены; чуть меньше половины (48%) уверены, что отношения между США и Францией в ближайшие годы ухудшатся²⁷.

Так что же ждет Францию и США в ближайшие годы? Думается, будут периодически возникать дуэли по самым разным вопросам. Франции будет крайне сложно отстаивать свои интересы перед лицом Д. Трампа, потому что ресурсы влияния у сторон разные. Наряду с дуэлями нельзя исключить и дуэтов, особенно если США понадобится поддержка Франции в реализации собственных интересов.

Список литературы

Арбатова Н.К. Отношения Евросоюза с США и НАТО: дилеммы евроатлантизма // Полис. – 2024. – № 4. – С. 105–118. – DOI: 10.17976/jpps/2024.04.08.

Кобринская И.Я. Столкновение эпох: Quo vadis? // Год планеты. – Вып. 23: Экономика, политика, безопасность. – Москва : ИМЭМО РАН, 2024. – С. 56–69.

Обичкина Е.О. Внешняя политика Эммануэля Макрона: поиски геополитической стратегии в разладившейся мировой иерархии // Актуальные проблемы Европы. – 2021. – № 3. – С. 235–274. – DOI: 10.31249/ape/2021.03.10.

27 Les Français et l'élection de Donald Trump. Sondage ELABE pour BFMTV «L'Opinion en direct» // Elabe. – 2024. – 07 novembre. – Франц. яз. – URL: <https://elabe.fr/election-us-donald-trump/> (дата обращения: 25.02.2025).

Обичкина Е.О. Дипломатия Эммануэля Макрона: «новый курс»? // Сборник по материалам II Всероссийской научной конференции франковедов / отв. ред. М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, Ю.И. Рубинский и др. – Москва : ИМЭМО РАН, 2018. – С. 140–147.

Обичкина Е.О. «Наш ложный друг Америка», или ностальгия по голлизму // Полис. – 2024. – № 4. – С. 180–191. – DOI: 10.17976/jpps/2024.04.13.

Обичкина Е.О. Франция – ЕС – США: взаимодействие и противоречия // Современная Франция: между тревогами и надеждами : Коллективная монография / отв. ред.: М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. – Раздел 3, гл. 16 – Москва : ИМЭМО РАН, 2022. – С. 168–181. – DOI: 10.20542/978-5-9535-0605-2.

Преображенская А. Франция: в поисках социально-политического равновесия // Год планеты. – Вып. 23 : Экономика, политика, безопасность. – Москва : ИМЭМО РАН, 2024. – С. 207–219.

Тимофеев П.П., Хорольская М.В. Сравнительный анализ военной помощи Украине со стороны Германии и Франции (2022–2024 гг.) // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – Т. 68, № 11. – С. 49–58. –

DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-11-49-58.

Толкачев С.А., Тепляков А.Ю. Европейская обрабатывающая промышленность в глобальных цепочках стоимости: усиление интеграции и подрыв конкурентоспособности // Россия и современный мир. – 2023. – № 4. – С. 83–101. – DOI: 10.31249/rsm/2023.04.05.

Травкина Н.М. США: ренессанс забастовочных форм борьбы за права трудящихся // Контуры глобальных трансформаций. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 86–104. – DOI: 10.31249/kgf/2024.01.05.

Чихачев А.Ю. «Ястреб» из Елисейского дворца // РСМД. – 2024. – 1 марта. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yastreb-iz-eliseyskogo-dvortsa/> (дата обращения: 25.02.2025).

Fourquet G., Cassely J.-L. La France sous nos yeux. – Paris : Seuil, 2021. – 552 p. – Франц. яз.

France and the United States – Economic 2023 report. – [S.l.] : Direction générale du Trésor; Ambassade de France aux États-Unis, 2023. – 148 p. – URL: https://nouvellearleans.consulfrance.org/IMG/pdf/2023_economic_report_rgb72.pdf?6416/cde76c21b-6691b7bad5b04560302d9cb624ec3aa (дата обращения: 24.02.2025).

USA: New Realities

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.08

Washington – Paris: Duo or Duel?

Natalia Yu. LAPINA

Dr. Sc. (Political Sciences)

Chief Researcher, Head of the Department of Global Issues

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: lapina_n@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1449-2152

CITATION: Lapina N.Yu. (2025). Washington-Paris: Duo or Duel? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 2, pp. 129–146 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.08

Received: 26.02.2025.

Revised: 15.05.2025.

ABSTRACT. *Historically, relations between France and the United States have not been a “big calm river.” They have experienced both ups and downs, as was the case during the invasion of Iraq. France, which views the European Union as a counterweight to American influence in the world and aspires to a dominant role in a united Europe, regularly encounters opposition from the United States. Washington often reminds Paris of France’s surrender to the Nazis in 1940, its financial and economic difficulties, and criticizes its excessive ambitions and its aspiration to speak on behalf of Europe. Nevertheless, the two countries remain partners and cooperate in many areas. Since his election in May 2017, the French president has declared his intention to strengthen relations with the United States. Experts assess the interaction of political leaders during D. Trump’s first presidential term in different ways. Some argue that the relationship failed to develop, while others note, that despite contradictions, tensions were avoided. The article examines how relations between the two countries*

may evolve and what challenges France could face during D. Trump’s new presidential term.

KEYWORDS: *Donald Trump, Emmanuel Macron, foreign policy, economic cooperation, Ukrainian crisis, transatlantic partnership.*

References

Arbatova N.K. (2024). Relations of the European Union with the United States and NATO: Dilemmas of Euro-Atlantism. *Polis*. No. 4, pp. 105–118 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2024.04.08.

Chikhachev A.Yu. (2024). “Hawk” from the Elysee Palace. *Russian International Affairs Council (RIAC)*. March 01 (in Russian). Available at: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/yastreb-iz-eliseyskogo-dvortsya/>, accessed 25.02.2025.

Fourquet G., Cassely J.-L. (2021). *France Before Our Eyes*. Paris: Seuil, 552 pp. (in French).

France and the United States... (2023). *France and the United States – Economic 2023 report*. S.l.: Direction générale du Trésor; Ambassade de France aux Etats-Unis, 148 pp. Available at: https://nouvellearleans.consulfrance.org/IMG/pdf/2023_economic_report_rgb72.pdf?6416/cde76c21b6691b7bad5b04560302d9c-b624ec3aa, accessed 24.02.2025.

Kobrinakaya I.Ya. (2024). Clash of eras: Quo vadis? *Year of the Planet: Yearbook 2023*. Moscow: Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), pp. 56–69 (in Russian).

Obichkina E.O. (2018). Emmanuel Macron's Diplomacy: "A New Course"? In: Klinova M.V., Kudriavtsev A.K., Rubinskiy Yu.A. (eds.). *Collection of materials from the II All-Russian Scientific Conference of Francophone Studies*. Moscow: IMEMO, pp. 140–147 (in Russian).

Obichkina E.O. (2021). Emmanuel Macron's foreign policy: searching for a geopolitical strategy in the disordered world hierarchy. *Current Problems of Europe*. No. 3, pp. 235–274 (in Russian). DOI: 10.31249/ape/2021.03.10.

Obichkina E.O. (2022). France-EU-USA: Interaction and Contradictions. Section 3, Chapter 16. In: Klinova M.V., Kudriavtsev A.K., Timofeev P.P. (eds.). *Modern France: between Worries and*

Hopes. Collective monograph. Moscow: IMEMO, pp. 168–181 (in Russian). DOI: 10.20542/978-5-9535-0605-2.

Obichkina E.O. (2024). "Our False Friend America", or Nostalgia for Gaullism. *Polis*. No. 4, pp. 180–191 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2024.04.13.

Preobrazhenskaya A. (2024). France: In Search for Social-Political Equilibrium. *Year of the Planet: Yearbook 2023*. Moscow: Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), pp. 207–219 (in Russian).

Timofeev P.P., Khorolskaya M.V. (2024). Comparative analysis of Germany's and France's military aid to Ukraine (2022–2024). *World Economy and International Relations*. Vol. 68, no. 11, pp. 49–58 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-11-49-58.

Tolkachev S.A., Teplyakov A.Yu. (2023). European Manufacturing in Global Value Chains: Strengthening Integration and Undermining Competitiveness. *Rossiya i Sovremennyyj Mir*. No. 4, pp. 83–101 (in Russian). DOI: 10.31249/rsm/2023.04.05.

Travkina N.M. (2024). The USA: Renaissance of Strike Forms of Struggle for Workers' Rights. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 17, no. 1, pp. 86–104 (in Russian). DOI: 10.31249/kgf/2024.01.05.

УДК 327.7:341.1(1*US)

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.09

Выход США из ЮНЕСКО при первой администрации Д. Трампа: многоуровневый анализ

Богдан Алексеевич АВДЕЕВ

преподаватель кафедры международных организаций и мировых политических процессов Факультета мировой политики

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1, г. Москва, Российская Федерация, 119991

E-mail: bogdanavdeew1999@yandex.ru

ORCID: 0009-0001-3344-8501

ЦИТИРОВАНИЕ: Авдеев Б.А. Выход США из ЮНЕСКО при первой администрации Д. Трампа: многоуровневый анализ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 2. С. 147–167.
DOI: 10.31249/kgt/2025.02.09

Статья поступила в редакцию 09.02.2025.

Исправленный текст представлен 21.02.2025.

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена проблеме участия США в ЮНЕСКО при первой администрации Д. Трампа. Продвигая на официальном уровне образ гаранта мирового порядка и активного игрока в рамках многосторонних институтов, Соединённые Штаты тем не менее чаще других государств прибегали к резким внешнеполитическим шагам, оказывая на международные организации существенное давление для достижения своих национальных интересов. Эта амбивалентность наиболее ярко проявилась в политике США по отношению к ЮНЕСКО, которая является неотъемлемой частью системы Организации Объединённых Наций (ООН) и вносит значительный вклад в решение глобальных вопросов современности. Целью настоящего исследования является прояснение логики формирования американской внешне-*

политической позиции по отношению к этой организации и – шире – к ООН при первой администрации Д. Трампа. Для этого необходимо ответить на исследовательский вопрос о причинах, побудивших американское руководство прекратить членство в ЮНЕСКО. Решению этой задачи служит методология многоуровневого анализа международных конфликтов, предложенная К. Уолтцем. В результате исследования было установлено, что системные факторы (обострение межгосударственного соперничества в рамках системы ООН и кризис неолиберальной модели глобализации) обусловили нарастание конфликтного потенциала в отношениях США и ЮНЕСКО. Вместе с тем они оказались малосодержательными с точки зрения объяснения резкого дипломатического шага администрации Д. Трампа, направленного

на прекращение членства в организации. Особое внимание уделено переменным на первом уровне анализа, а именно прагматичному подходу 45-го президента и его ближайшего окружения, готовых при любой удобной возможности пересмотреть в одностороннем порядке невыгодные «сделки», тем более если те в том или ином виде ущемляли интересы Израиля. Выявлены вмешивающиеся переменные на втором уровне анализа, позволившие уточнить, почему, несмотря на «систему сдержек и противовесов», республиканской администрации удалось почти беспрепятственно принять решение о прекращении членства в ЮНЕСКО.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: США, ЮНЕСКО, Д. Трамп, Организация Объединённых Наций, международные организации, многоуровневый анализ, палестино-израильский конфликт.

Введение

На официальном уровне Соединённые Штаты позиционируют себя в качестве глобального лидера, который консолидирует ряды союзников и партнеров для совместного противостояния общим угрозам и вызовам в условиях обострения межгосударственной конкуренции¹. В частности, США стремятся к укреплению своих ведущих позиций в рамках ООН и иных многосторонних институтов, которые, по мнению американского руководства, способствуют реализации национальных интересов страны и продвижению либерально-демократических ценностей за рубежом².

Однако благожелательные призывы американских политиков к укреплению многостороннего сотрудничества нередко сочетаются с острой критикой деятельности Международной межправительственной организации (ММПО), которая зачастую сопровождается односторонними действиями (например, санкциями, приостановкой финансирования, прекращением членства и т.д.) или угрозами их применения, подрывающими легитимность организаций и препятствующими эффективной реализации их уставных целей. Данное утверждение не является преувеличением: по подсчетам исследователей, США занимают 1-е место и по количеству угроз, связанных с прекращением членства в ММПО [Borzyskowski, Vabulas, 2023, p. 7], и по числу выходов из организаций среди всех государств [Borzyskowski, Vabulas, 2019, p. 342], когда-либо совершавших аналогичные действия.

В связи с этим следует обратить внимание на конфликтное поведение США по отношению к Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО, Организация), которое в силу ряда факторов акцентирует вышеозначенную проблему. С одной стороны, ЮНЕСКО, являясь неотъемлемой частью системы специализированных учреждений ООН, в пределах своей приобретающей всё большую ценность культурно-гуманитарной компетенции прилагает значительные усилия для решения широкого спектра глобальных по своему охвату задач в соответствии с планами, намеченными международным сообществом.

1 См. подробнее: National Security Strategy, October 2022 // The White House. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 05.02.2025).

2 Report to Congress on United States Participation in the United Nations 22 USC 287b(a) // U.S. Department of State. – P. 2–3. – URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2024/02/Report-on-United-States-Participation-in-the-United-Nations-2022-PDF.pdf> (дата обращения: 05.02.2025).

К примеру, Организация вносит прямой вклад в достижение 9 из 17 Целей устойчивого развития (ЦУР)³, тем самым играя особую роль в рамках активизации усилий по осуществлению Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.⁴

С другой стороны, двойственная политика США по отношению к ЮНЕСКО ставит под сомнение осуществимость амбициозных планов международного сообщества. Так, 12 октября 2017 г. государственный секретарь Р. Тиллерсон направил уведомление о выходе США из ЮНЕСКО на имя бывшего Генерального директора И. Боковой (Болгария). Решение вступило в силу 31 декабря 2018 г. согласно процедуре, установленной в учредительном акте Организации. В качестве официальных причин были названы следующие основания: 1) растущая задолженность США по взносам; 2) назревшая необходимость проведения фундаментальных реформ в ЮНЕСКО; 3) противодействие «предвзятости по отношению к Израилю» со стороны Организации⁵.

Многие международные обозреватели и эксперты в области мировой политики тогда охарактеризовали дан-

ное решение (равно как и другие шаги администрации по свертыванию части международных обязательств США⁶) как принципиально новое явление, вызванное беспрецедентным усилением националистических и популистских настроений в мире, что, по их мнению, представляет серьезную угрозу либеральному порядку и системе многостороннего сотрудничества⁷ (см., например: [Ikenberry, 2018; Copelovitch, Pevehouse, 2019]).

Данные алармистские оценки, скорее, стали отражением ангажированной позиции их авторов, их своеобразной реакцией на изменение международно-политической конъюнктуры. При ретроспективном взгляде на эту проблему оказывается, что динамика взаимоотношений США и институтов системы ООН с момента возникновения универсальной организации характеризовалась как взлетами, так и падениями [Williams, 1987; Luck, 1999; Lyon, 2016]. Политика Вашингтона по вопросу участия в ЮНЕСКО в этом смысле не является исключением. Хотя США приняли активное участие в учреждении ЮНЕСКО и формировании ее мандата в период Второй мировой войны (см. подробнее: [Sewell, 1975,

3 UNESCO moving forward the 2030 Agenda for Sustainable Development // UNESDOC Digital Library – 2017. – P. 7. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000247785/PDF/247785eng.pdf.multi> (дата обращения: 05.02.2025).

4 Резолюция Генеральной Ассамблеи 70/1 от 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» // Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 05.02.2025).

5 Nauert H. The United States withdraws from UNESCO: Press statement. U.S. // Department of State. – 2017. – October 12. – URL: <https://2017-2021.state.gov/the-united-states-withdraws-from-unesco/index.html> (дата обращения: 05.02.2025).

6 Так, помимо прекращения членства (или угрозы такого акта) в ряде ММПО (например, ЮНЕСКО), первая администрация Д. Трампа приняла решение о выходе из Совета ООН по правам человека (СПЧ ООН), Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе (СВПД), Парижского соглашения по климату, Глобального договора о беженцах, Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), Договора по открытому небу (ДОН), Факультативного протокола об обязательном разрешении споров к Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г., Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах с Ираном, а также о прекращении финансирования Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР).

7 См., например: Fukuyama F. US against the World? Trump's America and the new global order // Financial Times. – 2016. – November 11. – URL: <https://www.ft.com/content/6a43cf54-a75d-11e6-8b69-02899e8bd9d1> (дата обращения: 05.02.2025); Haass R. Liberal world order, R.I.P // Project Syndicate. – 2018. – March 21. – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/end-of-liberal-world-order-by-richard-n-haass-2018-03?barrier=accesspaylog> (дата обращения: 05.02.2025); Snyder J. The Broken bargain: How nationalism came back // Foreign Affairs. – 2019. – February 12. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2019-02-12/broken-bargain> (дата обращения: 05.02.2025).

р. 33–70]), и в первые десятилетия существования Организации (середина 1940-х – середина 1970-х годов) выступали в качестве ее крупнейшего донора и инициатора ключевых программ⁸, отношения данных акторов не были лишены противоречий. Так, при администрациях Дж. Форда и Б. Обамы принимались решения о «заморозке» выплаты ежегодных членских взносов в бюджет Организации (в 1974 и 2011 гг. соответственно); при Р. Рейгане и Д. Трампе – о прекращении членства в ней (в 1984 и 2018 гг.); при Дж. У. Буше и Дж. Байдене – о возобновлении отношений с этим специализированным учреждением (в 2003 и 2023 гг.).

В каждом из вышеуказанных случаев политика США по отношению к ЮНЕСКО являлась не продуктом некой безликой, общесистемной антилиберальной волны, а, скорее, побочным эффектом уже давно укоренившейся американской традиции унилатерализма. Речь идет о склонности Вашингтона при определенных обстоятельствах сохранять свободу действий и прибегать к односторонним шагам на международной арене, оправдывая их моральными соображениями и/или внутривнутриполитической необходимостью. При этом **гипотеза настоящего исследования**

состоит в том, что унилатерализм – это не детерминанта внешнеполитического поведения США, а всего лишь зависящая переменная, результирующая сложное сплетение различных факторов.

Проблема участия США в многосторонних институтах (в том числе ЮНЕСКО) приобретает еще большую актуальность на фоне недавних решений второй администрации Д. Трампа. Так, 20 января 2025 г. президент США инициировал процедуру выхода из Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ)⁹. В исполнительном указе № 14199 от 4 февраля 2025 г. Д. Трамп распорядился основательно пересмотреть членство в таких институтах системы ООН, как СПЧ, ЮНЕСКО и БАПОР¹⁰. Примечательно, что в обоих случаях президент сослался на аналогичные решения, принятые еще в период его первого срока на этом посту (см. примечание в сноске № 6) и затем отмененные администрацией Дж. Байдена (2021–2025). Тем самым нынешний глава Белого дома хочет продемонстрировать несогласие с политикой своих оппонентов-демократов по отношению к ООН в целом и по ближневосточному вопросу в частности (учитывая, что и СПЧ, и ЮНЕСКО, и БАПОР обвиняются его администрацией в «антисеми-

8 Будучи участником так называемого Пакта Рериха (подписан в Вашингтоне 15 апреля 1935 г.) – первого в истории международного договора об охране художественных и исторических памятников, – США продолжали содействовать защите культурного наследия в рамках ЮНЕСКО. К примеру, американские дипломаты и юристы приняли активное участие в разработке Соглашения о содействии распространению в международном плане наглядно-звуковых материалов образовательного, научного и культурного характера 1948 г., Соглашения об импорте образовательных, научных и культурных материалов 1950 г., Всемирной конвенции об авторском праве 1952 г., Конвенции о международном обмене изданиями 1958 г., Конвенции о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 г. и Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. Кроме того, США выступили в качестве организатора сектора ЮНЕСКО в области информации и коммуникации, а также таких крупномасштабных проектов, как Межправительственная океанографическая комиссия, Международное гидрологическое десятилетие, Программа «Человек и биосфера», Программа международной геологической корреляции и Международная гидрологическая программа.

9 Withdrawing the United States from the World Health Organization: Executive order 14155, January 20, 2025 // Federal Register. – URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2025/01/29/2025-01957/withdrawing-the-united-states-from-the-world-health-organization> (дата обращения: 05.02.2025).

10 Withdrawing the United States from and ending funding to certain United Nations Organizations and reviewing United States support to all international organizations: Executive order 14199, February 4, 2025 // Federal Register. – URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2025/02/10/2025-02504/withdrawing-the-united-states-from-and-ending-funding-to-certain-united-nations-organizations-and> (дата обращения: 05.02.2025).

тизме»). Данные решения также свидетельствуют о том, что политика вновь избранного президента по вопросам участия в системе ООН станет, скорее, продолжением ранее взятого курса на выстраивание отношений с ММПО на максимально прагматичной основе.

Учитывая, что согласно исполнительному указу № 14199 Госдепартамент в следующие 90 дней должен провести всестороннюю оценку деятельности ЮНЕСКО (включая мониторинг антисемитских или антиизраильских настроений в рамках Организации) и перспектив участия США в этом специализированном учреждении¹¹, особенно важно понимать мотивы, которыми руководствуется администрация при разработке политики по отношению к этой Организации и – шире – к системе ООН. Релевантным в этом смысле можно считать анализ аналогичных решений, принятых в период первой каденции Д. Трампа, коль скоро сама администрация к ним апеллирует.

В русскоязычных исследованиях, посвященных в широком смысле проблеме развития и деятельности ЮНЕСКО как актора международных отношений, констатируются конкретные внешнеполитические решения США по вопросам учреждения ЮНЕСКО и членства в ней без осмысления их предпосылок и последствий (см., например: [Белекова, 2008; Арсанова, 2021]). Пожалуй, редким исключением из этого ряда публикаций является статья В.И. Бартенева, посвященная логике отношений США и БАПОР при администрациях Д. Трампа (2017–2021) и Дж. Байдена (2021–2025) [Бартенев, 2022].

Обширный пласт зарубежных исследований посвящен изучению пред-

посылок первого выхода Соединённых Штатов из Организации при администрации Р. Рейгана [Coate, 1988; Imber, 1989; Preston, Herman, Schiller, 1989; Reif, 2013], включая роль идеологического [Kfir, 1998] и информационного [Giffard, 1989] факторов в контексте принятия соответствующего решения.

На контрасте второй выход США из ЮНЕСКО изучен более скромно – и с точки зрения тематического охвата, и в теоретико-методологическом плане. Часть исследователей видит в таком резком решении Вашингтона жест дипломатической поддержки Израиля [Банни, 2018; Dostál, 2019]. Другие, опираясь на полиэвристическую теорию (*poliheuristic theory*), объясняют конфликтное поведение США по отношению к Организации сложным сочетанием когнитивных (идеологические предпочтения Д. Трампа) и рациональных (оценка издержек и выгод от участия в деятельности ЮНЕСКО) факторов [Maulana, Yuliantoro, 2024].

Признавая сильные стороны указанных российских и зарубежных исследований, приходится констатировать, что в них абсолютизируется роль той или иной группы объяснительных переменных. Такого рода редукционизм приводит к чрезмерно упрощенному пониманию внешнеполитической практики США.

При этом в последнее время всё больше авторов (как западных, так и отечественных) как раз признают необходимость комплексного анализа конфликтного поведения США по отношению к ЮНЕСКО, в котором учитывались бы различные переменные (человеческий фактор, расстановка сил на международной арене, институциональные особенности ММПО, специфика конкретной ситуации или про-

¹¹ Ibid.

блемной области и др.) [The United States..., 1990; Kittel, Rittberger, Schimelfennig, 1995; US Hegemony..., 2003; Lyon, 2016; Авдеев, 2024]. Данное наблюдение представляется полезным и в контексте настоящего исследования, поскольку позволяет восстановить логику принятия Соединёнными Штатами решения о выходе из Организации в 2018 г. с учетом множества факторов.

Целью настоящего исследования в связи с этим является системное осмысление причин принятия первой администрацией Д. Трампа решения о прекращении членства в ЮНЕСКО, что позволит более нюансированно подойти к осмыслению истоков американского унилатерализма и лучше понять логику формирования внешнеполитической позиции Вашингтона по отношению к Организации и – шире – к ООН (неотъемлемой частью которой ЮНЕСКО является).

Для достижения поставленной цели используется методологическая рамка многоуровневого анализа международных отношений. Следует сделать оговорку, что применение данного предтеоретического конвенционального инструмента может быть связано с рядом онтологических и эпистемологических ограничений (см. подробнее: [Лошкарёв, 2021]), в частности с невозможностью учесть все переменные, определяющие специфичность американского внешнеполитического курса в отдельно взятой ситуации. Тем не менее выбранный теоретико-методологический дизайн дает возможность отойти от одномерной трактовки американской внешней политики как результата дихотомии «унилатерализм – мультилатерализм» и схематически представить логику приостановки членства США в Организации, не сводя ее к какому-то одному фактору. Кроме того, такой подход согласовывается с выводами ряда исследователей (см.

выше), выступающих за комплексное осмысление предпосылок противоречивого поведения Вашингтона по отношению к многосторонним институтам.

Выход из ММПО является ярким проявлением конфликтного поведения государства, причины которого, согласно основоположнику «структурного» реализма К. Уолтцу, следует искать на трех уровнях (*images*): «на уровне индивида, на уровне структуры государства и на уровне системы государств» [Waltz, 1959, p. 12]. Следует отметить, что указанная отсылка на теоретико-методологические построения К. Уолтца условна, поскольку в настоящей статье многоуровневый анализ рассматривается лишь как инструмент для достижения цели исследования; как система взаимосвязанных таксонов, «очищенная» от холистического акцента неореалистов на структурных факторах (в работе учитываются и более поздние наработки теоретиков в области осмысления уровней анализа и межуровневого взаимодействия различных переменных).

На первом уровне анализа особое значение придается личностным факторам, то есть мотивам поведения лиц, ответственных за принятие решений (ЛПП). На втором – исследуется механизм принятия внешнеполитических решений (включая взаимоотношения законодательной и исполнительной ветвей власти, а также фактор групп интересов) с учетом более широкого социально-экономического контекста развития страны. На третьем – оцениваются системные факторы, влияющие на внешнеполитическое поведение государства (например, изменение соотношения сил между ключевыми игроками на международной арене, трансформация полярной конфигурации мирового порядка).

Ниже выявлены причины второго выхода США из ЮНЕСКО на опи-

санных уровнях. При этом факторы, обусловившие разрыв отношений между акторами, рассматриваются дедуктивно. Такая логика изложения исследовательского материала выбрана неслучайно. Хотя, по признанию самого К. Уолтца, системный уровень анализа не является инструментом прогнозирования конкретных результатов международных взаимодействий [Waltz, 1979, р. 71], именно он задает относительно жесткие рамки для поведения государств и является исходной точкой для формулирования их национальных интересов. При этом влияние системных факторов на политику государств не является линейным и корректируется с учетом вмешивающихся переменных, то есть факторов на втором и первом уровнях анализа [Rose, 1998, р. 147].

Структурные ограничения многостороннего сотрудничества (третий уровень анализа)

К моменту прихода Д. Трампа к власти в 2017 г. обозначилась общесистемная тенденция на перераспределение политической и экономической мощи в пользу новых центров и полюсов силы в Латинской Америке, Африке и в особенности Азиатско-Тихоокеанском регионе при относительном ослаблении Глобального Севера. В этих условиях нарастают противоречия и усиливается соперничество между динамично развивающимися государствами и развитыми постиндустриальными стра-

нами, испытывающими фрустрацию в связи с постепенной утратой первенства в экономике, а иногда и в политике. Эти трения воспроизводятся с соразмерной степенью интенсивности и в рамках многосторонних институтов.

Наиболее ярким проявлением этого общесистемного соперничества является американо-китайская конкуренция. Постепенное изменение расстановки сил на международной арене в пользу Китая проявляется и в рамках системы ООН (в том числе ЮНЕСКО), что вызывает обеспокоенность политиков в Вашингтоне и некоторых представителей экспертного сообщества¹².

Усиление китайских позиций в ЮНЕСКО за последние 10 лет происходило по ряду направлений. С 2011 по 2023 г. КНР нарастила свой регулярный взнос в бюджет Организации с 3,2 до 19,7% (на момент выхода США из Организации – 7,9%¹³), став ее вторым крупнейшим донором (после США, которые уплачивают 22%). В 2017 г. Китай попытался перенести штаб-квартиру Международного бюро просвещения из Женевы в Шанхай и выдвинул своего кандидата, помощника гендиректора по вопросам образования Ц. Тана на пост руководителя Организации, а также добился подписания меморандума о взаимопонимании между инициативой «Один пояс – один путь» и ЮНЕСКО¹⁴. Организация рассматривается высшим руководством КНР как инструмент китайской культурной политики, приоритетной задачей которой, согласно Си Цзиньпину, является, среди прочего, обеспече-

12 Runde D.F. Competing and winning in the multilateral system: U.S. leadership in the United Nations // Center for Strategic & International Studies. – 2020. – May 1. – URL: <https://www.csis.org/analysis/competing-and-winning-multilateral-system-us-leadership-united-nations> (дата обращения: 05.02.2025).

13 Шкала взносов, валюта, в которой уплачиваются взносы, и Фонд оборотных средств // Цифровая библиотека UNESDOC. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000258947_rus/PDF/258947rus.pdf.multi (дата обращения: 05.02.2025).

14 China, UNESCO to enhance cooperation on Belt and Road // The State Council of the People's Republic of China. – 2017. – May 14. – URL: http://english.www.gov.cn/state_council/vice_premiers/2017/05/14/content_281475655089356.htm (дата обращения: 05.02.2025).

ние лидерства по количеству объектов всемирного наследия для привлечения дополнительных туристских потоков в страну¹⁵.

Смещение баланса сил в пользу Китая – как в ММПО, так и рамках системы международных отношений – может восприниматься Соединёнными Штатами в логике «неприятия потерь» (*loss aversion*) [Tversky, Kahneman, 1992]. Иными словами, каждое последующее достижение КНР на международной арене будет вызывать у американского руководства, ощущающего себя в положении растущей неопределённости, большее раздражение, чем эквивалентные приобретения США. Вероятность принятия Соединёнными Штатами импульсивных решений по отношению к институтам системы ООН при сохранении текущего тренда будет только повышаться.

При этом гетерогенность международных отношений приводит к росту транзакционных издержек и снижению привлекательности многосторонних институтов с их громоздкими бюрократическими аппаратами. В этом смысле двусторонние и/или ситуативные форматы переговоров становятся всё более предпочтительными в деле решения отдельных вопросов глобального и регионального развития [Vabulas, Snidal, 2013, p. 218–219].

В условиях нарастания конкуренции между формальными (ММПО) и неформальными институтами управленческие ошибки и дипломатические просчеты могут стоить каждому из них потери лояльности и финансирования со стороны национальных государств. С этой проблемой столкнулось и ру-

ководство ЮНЕСКО, которое, приняв Палестину в качестве полноправного члена в октябре 2011 г., спровоцировало тем самым резкую реакцию США, приостановивших выплату своего ежегодного членского взноса в бюджет Организации¹⁶. 8 ноября 2013 г. в полном соответствии с процедурой США были лишены права голоса в рамках ЮНЕСКО. В условиях растущей ежегодной задолженности перед Организацией при отсутствии формальных рычагов воздействия на ее программно-бюджетную деятельность американское руководство всё больше стало рассматривать свое членство в ней с точки зрения минимизации убытков.

ЮНЕСКО и национальные интересы США (второй уровень анализа)

Администрация. С приходом к власти в США администрации Д. Трампа маятник американской внешней политики вновь качнулся в сторону односторонних действий и большего прагматизма. Последнее стало реакцией на изменения в социально-экономической системе США, связанные среди прочего с неравномерным распределением эффектов неолиберальной глобализации (углубление социально-экономического неравенства, нарастание дефицита торгового баланса, увеличение национального долга и др.).

Сделав ставку на тех американских граждан (преимущественно работников индустриального типа), по имущественному состоянию которых неолиберальный порядок ударил сильнее всего, администрация взяла курс на прове-

15 Guo G. Should China now lead UNESCO? // The Diplomat. – 2017. – September 22. – URL: <https://thediplomat.com/2017/09/should-china-now-lead-unesco/> (дата обращения: 05.02.2025).

16 Erlanger S., Sayare S. Unesco accepts Palestinians as full members // The New York Times. – 2011. – November 31. – URL: <https://www.nytimes.com/2011/11/01/world/middleeast/unesco-approves-full-membership-for-palestinians.html> (дата обращения: 05.02.2025).

дение национально ориентированной экономической политики и стимулирование предложения. Укрепление экономики Соединённых Штатов, реализуемое под лозунгом «Сделаем Америку снова великой» (*Make America Great Again*), опиралось, по мнению профессора международных отношений Университета Дж. Хопкинса Х. Брэндса и бывшего заместителя помощника президента Б. Обамы К. Каля, на принципы «аморального транзакционализма», то есть готовность США пересмотреть все невыгодные сделки¹⁷.

Речь шла не только об улучшении позиций США в мировой торговле, но и о переоценке значимости многосторонних институтов во внешней политике страны. Неслучайно администрация республиканцев поставила под сомнение ряд международных соглашений и стала оказывать давление на некоторые многосторонние институты с тем, чтобы расширить поле для политического маневра и получить «дополнительный рычаг» в будущих переговорах. С точки зрения профессора Эксетерского университета Д. Стоукса, американские политики в противовес «глобалистскому мультилатерализму» отдавали предпочтение «экономному билатерализму», который ориентировался на заключение прежде всего двусторонних сделок, соответствовавших новой трактовке национальных интересов США [Stokes, 2018, p. 137].

Риторика американских властей получила отражение и в ряде документов стратегического планирования. Согласно Стратегии национальной безо-

пасности США от 2017 г., Соединённые Штаты должны были занимать ведущие позиции в многосторонних институтах и распределять обязательства на взаимной и равной основе. В Стратегии делалась оговорка, что США будут реформировать те международные организации, которые не в полной мере соответствуют американским национальным интересам, и будут противостоять тем институтам, чей мандат и/или деятельность выходят за американские конституционные рамки¹⁸. Данное положение полностью согласовывалось с намерением администрации пересмотреть «неправильные» международные соглашения. Впоследствии оно было также закреплено в Региональной стратегии Бюро Госдепартамента по делам международных организаций¹⁹.

Параллельно с этим администрация Д. Трампа предприняла несколько практических шагов в направлении реализации складывающегося стратегического видения. Так, еще в начале 2017 г. администрация Д. Трампа подготовила проект указа под названием «Аудит и сокращение финансирования США международных организаций», в котором определялись критерии для приостановки платежей, например нарушение санкционного режима против Ирана и КНДР или предоставление статуса постоянного членства Палестинской национальной администрации (ПНА). Проект документа предусматривал необходимость сократить финансирование многосторонних институтов «минимум на 40%»²⁰. Уже тог-

17 Kahl K., Brands H. Trump's grand strategic train wreck // Foreign Policy. – 2017. – January 31. – URL: <https://foreignpolicy.com/2017/01/31/trumps-grand-strategic-train-wreck/> (дата обращения: 05.02.2025).

18 National Security Strategy of the United States of America, December 2017 // National Security Strategy Archive. – URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2017.pdf> (дата обращения: 05.02.2025).

19 Regional Bureau Strategy. Bureau of International Organization Affairs, March 15, 2019 // U.S. Department of State (archive). – URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/04/RBS_IO_UNCLASS-508.pdf (дата обращения: 05.02.2025).

20 Fisher M. Trump prepares orders aiming at global funding and treaties // The New York Times. – 2017. – January 25. – URL: <https://www.nytimes.com/2017/01/25/us/politics/united-nations-trump-administration.html> (дата обращения: 05.02.2025).

да стало ясно, что американские власти из финансовых соображений не будут поднимать вопрос о возобновлении выплаты членского взноса в ЮНЕСКО. С учетом того, что задолженность США перед ЮНЕСКО продолжала расти, всё более реалистичным становился сценарий на разрыв отношений с «неудобной» организацией.

Действительно к 2017 г. накопленная задолженность США по взносам (регулярным и добровольным) в бюджет ЮНЕСКО составила около 550 млн долл. В этом смысле решение Вашингтона о выходе являлось, с точки зрения российских экспертов-международников, попыткой реструктурировать долг²¹. В интервью ТАСС бывший Постоянный представитель Российской Федерации при ЮНЕСКО (2009–2016) Э.В. Митрофанова высказала мнение, что «по логике администрации, нет смысла платить деньги в бюджет организации, если эта организация голодает совсем не так, как хотят США»²². Впрочем, Исследовательская служба Конгресса (ИСК) отметила, что выход США из ЮНЕСКО был продиктован не только финансовыми соображениями, но и антиизраильской политикой Организации²³. В связи с этим особого внимания заслуживает связь между ближневосточной политикой администрации Д. Трампа и решением покинуть ЮНЕСКО.

По утверждению республиканской администрации, палестино-израильский конфликт перестал быть «перво-

степенным фактором, препятствующим миру и процветанию в регионе»²⁴. Его место, по мнению Вашингтона, заняли более серьезные угрозы (джихадисты и Иран), противодействие которым должно было осуществляться в тесном политическом и экономическом сотрудничестве с ближневосточными партнерами (в особенности с Израилем). Неслучайно администрация Д. Трампа отказалась от международно признанной формулы разрешения палестино-израильских противоречий – «два государства для двух народов», что вызвало негативную реакцию ООН и Палестинской национальной администрации. Это новое понимание ближневосточной ситуации в США объективно ослабляло переговорные позиции ПНА, вынужденной считаться с меняющейся расстановкой сил, в которой наметилась тенденция для постепенного сближения умеренных суннитских государств и Израиля для противостояния общим угрозам безопасности.

США последовательно оказывали давление на ПНА, но использовали с этой целью финансовые и дипломатические рычаги – сокращение программ помощи палестинскому населению и делигитимацию Палестины в многосторонних институтах. Так, 25 января 2017 г. администрация Д. Трампа заблокировала одобренный еще Б. Обамой денежный перевод Палестине в размере 221 млн долл.²⁵ 31 августа 2018 г. США прекратили

21 Гробман Е., Черненко Е. США выходят из ЮНЕСКО. Коммерсантъ. – 2017. – 12 октября. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3436261> (дата обращения: 05.02.2025).

22 Митрофанова считает, что выход США из ЮНЕСКО гармонично вписывается в политику Трампа // ТАСС. – 2017. – 13 октября. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4643077> (дата обращения: 05.02.2025).

23 U.S. withdrawal from the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) // Congressional Research Service. – 2017. – October 17. – P. 2. – URL: https://www.everycrsreport.com/files/20171017_IN10802_711532c7ebd14a915aaa2f8de729fcd8f7b22873.pdf (дата обращения: 05.02.2025).

24 National Security Strategy of the United States of America, December 2017 ... P. 49.

25 Issacharoff A. Palestinians say Obama's last-minute \$221 million payout frozen by Trump // The Times of Israel. – 2017. – January 25. – URL: <https://www.timesofisrael.com/palestinians-say-trump-freezes-obamas-last-minute-221-million-payout/> (дата обращения: 05.02.2025).

финансировать БАПОР, а в сентябре того же года закрыли представительство Организации освобождения Палестины в Вашингтоне.

Став полноправным членом ЮНЕСКО в 2011 г., ПНА среди прочего получила право номинировать культурные и природные объекты в Список всемирного наследия, в том числе на оккупированных Израилем территориях. В условиях неконтролируемого расширения еврейских поселений в Восточном Иерусалиме и на Западном берегу реки Иордан привлечение внимания международного сообщества к объектам наследия в указанных районах стало одним из немногих имеющихся в распоряжении ПНА дипломатических рычагов давления на израильское правительство.

Так, на 41-й сессии КВН ЮНЕСКО, проходившей в Кракове с 2 по 12 июля 2017 г., были приняты резолюции, в которых еврейские культурные объекты признавались мусульманскими святынями, а Старый город Хеврона и Гробница патриархов были объявлены палестинским наследием и включены в Список объектов, находящихся под угрозой. Ожидается израильские политики осудили решение ЮНЕСКО, а Постоянный представитель США при ООН Н. Хейли назвала его «грубым попранием истории и угрозой для ближневосточного процесса»²⁶.

Конгресс. По мнению отечественных исследователей-американистов О.В. Приходько и П.Е. Смирнова, к моменту прихода Д. Трампа к власти идейно-политическая поляризация в США, проявившаяся в расколе американского общества на сторонников и против-

ников президента, а также в обострении межпартийной борьбы (главным образом между либерально-демократическим и консервативно-республиканскими флангами в Конгрессе), достигла небывалого уровня [Приходько, Смирнов, 2018, с. 106].

Опасаясь чрезмерного усиления исполнительной власти и непредсказуемого поведения главы Белого дома, в котором многие видели «внесистемную фигуру» (см. подробнее: [Шарилов, 2024]), законодатели от обеих партий пытались оказывать сопротивление администрации Д. Трампа в конституционных рамках при первой возможности. В свою очередь президент стремился укрепить свое влияние в тех вопросах, в которых Конституция США оставляла ему наибольшую свободу действий – в сфере внешней политики. В результате усиливалась борьба между ветвями власти и внутри них.

Вместе с тем, как отмечает ИСК, позиции Конгресса по вопросу участия в ЮНЕСКО при администрации Д. Трампа разделились. Правоконсервативный лагерь выступил против членства в Организации, ссылаясь на то, что ее деятельность не соответствует национальным интересам США, которые должны направлять финансирование на действительно значимые двусторонние проекты. Сторонники сохранения членства в Организации заявляли, что ЮНЕСКО играет ключевую роль в решении глобальных вопросов, которые традиционно рассматриваются США как стратегические приоритеты, а выход из Организации может оставить «вакуум», который поспешат заполнить другие влиятельные

26 Wilford G. US Ambassador to the UN Nikki Haley calls Hebron World Heritage Declaration 'an affront to history' // Independent. – 2017. – July 10. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/us-ambassador-nikki-haley-un-unesco-benjamin-netanyahu-world-heritage-site-hebron-west-bank-palestine-israel-tomb-of-the-patriarchs-ibrahimi-mosque-jews-muslims-a7832031.html> (дата обращения: 05.02.2025).

игроки²⁷. Отсутствие межпартийного консенсуса среди законодателей играло на руку исполнительной власти и позволяло ей почти беспрепятственно выйти из ЮНЕСКО.

Вопрос о выходе из ЮНЕСКО вообще не стоял на повестке дня Конгресса в 2017–2018 гг. и не выносился на слушания в профильных комитетах. Три проекта резолюций (два в Палате представителей и одна в Сенате) либо «осуждали усилия ЮНЕСКО, направленные на отрицание тысячелетних исторических, религиозных и культурных связей иудаизма с Иерусалимом»²⁸, либо «выражали несогласие в связи с включением <...> Хеврона в качестве палестинского объекта всемирного наследия, находящегося под угрозой»²⁹, но ни один из них не призывал администрацию каким-либо образом пересмотреть позицию касательно участия в Организации. Во всех трех случаях спонсорами резолюций выступили республиканцы, которым, однако, не удалось привлечь к ним широкое внимание остальных законодателей.

Гражданское общество. Среди прочего израильский курс республиканской администрации и, в частности, выход из ЮНЕСКО как символ осуждения ее «антиизраильской предвзятости» могли отражать стремление властей укрепить свою основную электоральную базу (в лице сочувствующих Израилю христиан-евангели-

стов и стоящих за ними влиятельных лоббистских организаций³⁰) и, возможно, «перетянуть» на свою сторону часть избирателей, исповедующих иудаизм (голосовали преимущественно за Х. Клинтон). Действительно, анализ экзитполов, подготовленный Исследовательским центром Пью (*Pew Research Center*) в ноябре 2016 г., показал, что на президентских выборах Д. Трампа поддержали 81% христиан-евангелистов (26% избирателей)³¹.

Наибольшее влияние на политику республиканской администрации при Д. Трампе оказывал известный правоконсервативный мозговой центр – Фонд «Наследие». 17 ноября 2016 г. старший научный сотрудник Фонда Б. Шэфер, последовательный противник участия США в ЮНЕСКО, опубликовал программную статью «Одиннадцать приоритетов в отношении международных организаций для администрации Трампа», в которой предложил республиканцам конкретные рекомендации по выстраиванию отношений с ММПО. Положительно оценив политику Б. Обамы в области административной реформы ООН, Б. Шэфер отметил, что исполнительная власть должна пересмотреть статус действующих международных соглашений, ввести 25%-й потолок финансирования миротворческих операций ООН, укрепить независимый надзор деятельности и подотчетность организаций

27 U.S. withdrawal from the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) ... P. 2–3.

28 См. подробнее: H. Res. 433: 115th Congress (2017–2018) // Library of Congress. – 2017. – July 11. – URL: <https://www.congress.gov/115/bills/hres/433/BILLS-115hres433ih.pdf> (дата обращения: 05.02.2025).

29 См. подробнее: H. Res. 570: 115th Congress (2017–2018) // Library of Congress. – 2017. – October 12. – URL: <https://www.congress.gov/115/bills/hres/570/BILLS-115hres570ih.pdf> (дата обращения: 05.02.2025); S. Res. 291: 115th Congress (2017–2018) // Library of Congress. – 2017. – October 16. – URL: <https://www.congress.gov/115/bills/sres/291/BILLS-115sres291is.pdf> (дата обращения: 05.02.2025).

30 Галстян А. Фактор евангелистского лобби в американо-израильских отношениях // Российский совет по международным делам. – 2018. – 26 июня. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/united-states/faktor-evangelistsko-go-lobbi-v-amerikano-izraelskikh-otnosheniyakh/> (дата обращения: 05.02.2025).

31 Martinez J., Smith G.A. How the faithful voted: A preliminary 2016 analysis // Pew Research Center. – 2016. – November 9. – URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2016/11/09/how-the-faithful-voted-a-preliminary-2016-analysis/> (дата обращения: 05.02.2025).

в системе ООН, выйти из ЮНЕСКО и Парижского соглашения по климату, а также сократить поддержку БАПОР и СПЧ ООН³². Учитывая, что многие из рекомендаций Фонда «Наследия» были в итоге в том или ином виде осуществлены республиканской администрацией, есть все основания полагать, что администрация Д. Трампа действительно прислушивалась к данному «мозговому» центру в вопросах внешнеполитического планирования.

Д. Трамп, его окружение и ЮНЕСКО (первый уровень анализа)

Существенную (если не основную) роль в принятии решения о выходе из ЮНЕСКО сыграли 45-й президент США и его ближайшее окружение. Эпатажность Д. Трампа усиливалась тем, что он представлял собой «внесистемного игрока», выходца из деловых кругов, не имеющего прочных связей в политическом истеблишменте как на федеральном, так и региональном уровнях. Критика, обрушавшаяся на Д. Трампа с левого и правого флангов политического спектра, вынуждала главу Белого дома укреплять свою власть в тех областях, где у президента всегда было больше полномочий, например в сфере внешней политики. При этом его стиль принятия внешнеполитических решений отличался импульсивностью и склонностью к односторонним, порой силовым акциям.

По мнению исследователей, политическая философия Д. Трампа не являлась жестко организованной системой взглядов и мировоззренческих устано-

вок и отражала, скорее, эклектическое смешение разных дискурсивных практик, каждую из которых президент был готов использовать в инструментальном смысле, то есть для достижения ситуативных преимуществ [Феномен Трампа, 2020, с. 340–343]. Применительно к многосторонним институтам и международному сотрудничеству личная позиция 45-го президента формировалась под влиянием таких идеологических течений, как правое ответвление неоконсерватизма (с его акцентом на поддержке Израиля и лояльных монархий Залива при ярко выраженном скепсисе к идее мирового правительства в лице ООН и ее учреждений), либертарианство (стремление ограничить дорогостоящие федеральные программы в области финансирования ММПО), палеоконсерватизм (разворот к умеренному изоляционизму в международных делах и отказ от интервенционистских практик) и – в значительной степени – экономический национализм (приоритет отдается решению внутриэкономических и социальных проблем за счет уклонения от ограничивающих свободу рук многосторонних обязательств).

По мнению американских политологов, стремление пересмотреть все «неправильные» сделки, являвшееся отражением палеоконсервативных и националистских взглядов Д. Трампа, не стало принципиально новым сюжетом в его биографии и было усвоено им еще в годы активной работы в бизнесе³³. Отсюда следует желание президента построить внешнюю политику по тем же законам, по которым разрабатываются и реализуются сделки

32 Schaefer B. Eleven priorities on international organizations for the Trump administration // The Heritage Foundation. – 2016. – November 17. – URL: <https://www.heritage.org/global-politics/report/eleven-priorities-international-organizations-the-trump-administration> (дата обращения: 05.02.2025).

33 Wright T. Trump's 19th century foreign policy // Politico Magazine. – 2016. – January 20. – URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2016/01/donald-trump-foreign-policy-213546/> (дата обращения: 05.02.2025).

в деловом мире. Эта установка проявилась, как представляется, и в случае ЮНЕСКО, где издержки от невыплаты американского членского взноса в какой-то момент превысили политические дивиденды от участия в Организации.

Неприятие Д. Трампом антиизраильской политики в рамках ЮНЕСКО было связано с симпатиями и предпочтениями президента-республиканца и его команды и стало воплощением их неконсервативной (в ее правом изводе) ориентации. По выражению научного сотрудника Института востоковедения РАН Л.Р. Хлебниковой, глава Белого дома окружил себя «сторонниками правоконсервативных взглядов на палестино-израильское урегулирование» [Хлебникова, 2020, с. 94]. Действительно, как отмечает Т.А. Карасова, Д. Трамп еще в период избирательной кампании позиционировал себя как «близкий друг Государства Израиль» [Карасова, 2019, с. 204].

Президент неоднократно подчеркивал твердую произраильскую позицию и свою личную связь с еврейством. Его дочь от первой жены Иванка перешла в иудаизм и вышла замуж за бизнесмена еврейского происхождения, выходца из ортодоксальной иудейской семьи Дж. Кушнера, который поддерживал приятельские отношения с премьер-министром Израиля Б. Нетаньяху еще с юношеских лет. Не имея крепкой поддержки в американских политических кругах, президент был склонен формировать кабинет из числа близких знакомых, родственников, семейных друзей и верных сторонников в ходе избирательной кампании. Неудивительно, что именно Дж. Кушнер курировал всё ближневосточное направление в первой администрации Д. Трампа, включая отношения США с Израилем.

Немалую роль в определении политических приоритетов ближневосточ-

ной политики США сыграл Отдел СНБ США по Ближнему Востоку, который был сформирован из военных и представителей военной разведки, имевших обширный опыт работы в регионе. Его руководители (например, Д. Харви, М. Бэлл) и сотрудники были противниками ближневосточной политики Б. Обамы. В результате Д. Трамп и его соратники снисходительно относились к «ястребиной» политике Б. Нетаньяху по широкому кругу вопросов палестино-израильского урегулирования, что являло собой разрыв с подходами предыдущего президента, готового при необходимости оказать давление на Израиль. Именно Д. Трамп согласился пойти на серьезные уступки своему израильскому коллеге, включая резонансные решения о переносе американского посольства в Иерусалим, закрытии представительства ООН в Вашингтоне, обструкции БАПОР и СПЧ ООН. Представляется, что прекращение участия в ЮНЕСКО стало неотъемлемой частью американской правительственной кампании в поддержку Израиля.

Заключение

Итак, решение республиканской администрации было призвано минимизировать финансовые и политические издержки участия в Организации в условиях обострения межгосударственного соперничества (в глобальном и региональном масштабах), с одной стороны, кризиса неолиберальной модели глобализации – с другой (**системные факторы**).

К середине 2010-х годов действительно обозначилась тенденция на усиление влияния КНР на процесс принятия решений в рамках системы ООН, что усложнило для США задачу обеспечения своего лидерства через формальные институты и подтолкнуло их к исполь-

зованию альтернативных механизмов сотрудничества в обход (а иногда и в противовес) ММПО. Кроме того, некоторые специализированные учреждения ООН (в том числе ЮНЕСКО) в силу углубляющейся поляризации сторон палестино-израильского конфликта всё больше превращаются в площадки для артикуляции недовольства, а в случае хотя бы малейшего отклонения от принципа равноудаленности – объекты острой критики со стороны государств, опасющихся любых изменений в балансе сил на уровне ближневосточной подсистемы (например, в результате посреднических усилий многосторонних институтов). Рост изоляционистских и националистических настроений в Соединённых Штатах был вызван среди прочего и глубокими перестройками в мировой экономике, повлекшими за собой относительное ослабление позиций развитых стран, вынужденных минимизировать издержки от участия в неолберальном проекте глобализации, который они сами (как ни парадоксально) когда-то активно продвигали.

На третьем уровне анализа, таким образом, возросла вероятность конфликта между национальными государствами (в частности, США) и институтами системы ООН. Следует подчеркнуть, что, хотя системные факторы сильно ограничили США в выборе инструментов реализации их внешнеполитической стратегии по отношению к ММПО, разрыв отношений с ними не был единственно возможной опцией. В противном случае администрация Д. Трампа прекратила бы членство в ООН в целом, а не только в ЮНЕСКО. Вот почему одних системных факторов недостаточно при объяснении причин принятия именно такого жесткого решения о выходе из Организации.

Обусловленные неравномерным распределением негативных эффектов глобализации кризисные явления

в американской экономике заставили политиков в Вашингтоне всерьез задуматься об оптимизации государственных расходов и сокращении издержек (в том числе от участия в малоэффективных, на их взгляд, многосторонних институтах). В этом смысле выход США из ЮНЕСКО в 2018 г. был попыткой реструктуризации накопленной в прошлые годы задолженности перед Организацией для перенаправления этих средств на реализацию более приоритетных, по мнению администрации, национальных проектов. С учетом изменения расстановки сил в ближневосточном конфликте администрация Д. Трампа увидела в политике более решительной поддержки Израиля при отказе де-факто от формулы «два государства для двух народов» «окно возможностей» для укрепления своих позиций в регионе. ЮНЕСКО, предоставившая Палестине статус полноправного члена, была в этих расчетах, очевидно, «лишним звеном». Преследовала республиканская администрация и чисто электоральные цели, фреймируя выход из Организации в сознании населения как акцию, благоприятствующую национальным интересам США. Впрочем, указанные факторы на втором уровне анализа не являлись уникальной чертой политической системы США в период нахождения у власти республиканцев и были характерны для предшествующей администрации.

В связи с этим следует обратить особое внимание на «субъективные» факторы. Выход из ЮНЕСКО на первом уровне анализа согласовывался с прагматичным подходом 45-го президента, готового при любой удобной возможности пересмотреть в одностороннем порядке невыгодные «сделки», тем более если те в том или ином виде ущемляли интересы Израиля, с которым у американского лидера и его окружения были тесные личные и деловые связи.

Впрочем, «субъективные» факторы следует уточнить с учетом некоторых переменных **на втором уровне анализа**. Хотя законодатели (и республиканцы, и демократы) оказывали сопротивление «внесистемному» президенту по ряду вопросов, в случае с ЮНЕСКО система «сдержек и противовесов» не сработала, что позволило исполнительной власти почти беспрепятственно покинуть «неудобную» организацию. В пользу национального возрождения и переоценки участия в многосторонних институтах высказывались и отдельные представители консервативного крыла экспертного сообщества, к которым политики в Вашингтоне в силу своих идеологических предпочтений и электоральных стратегий активно прислушивались.

Проведенный анализ действительно подтвердил давно наблюдаемую склонность политиков в Вашингтоне к односторонним действиям в отношении ММПЮ в условиях растущей неопределенности на международной арене и социально-экономических сдвигов внутри США. Вместе с тем следует признать, что унилатерализм не является самодовлеющим фактором и зависит от более широкого набора переменных на втором (например, баланс сил между законодательной и исполнительной ветвями власти) и первом (идеологические предпочтения главы Белого дома и его ближайшего окружения, стиль принятия решений) уровнях анализа.

Список литературы

Авдеев Б.А. Выход США из ЮНЕСКО при администрации Р. Рейгана: многоуровневый анализ // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. – 2024. – Т. 16, № 4. – С. 169–224. – DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-169-224.

Арсанова Т.Е. Роль ЮНЕСКО на Ближнем Востоке в современных политических условиях : дисс. ... канд. полит. наук. – Москва : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2021. – 204 с.

Банти Р. Проблема выхода США из ЮНЕСКО как реакция на антиизраильскую политику организации (по материалам прессы) // Американская история и политика. – 2018. – № 5. – С. 102–114. – DOI: 10.17721/2521-1706.2018.05.102-114.

Бартенев В.И. США и БАПОР: логика разрыва и нормализации взаимодействия // США & Канада: экономика, политика, культура. – 2022. – № 10. – С. 19–39. – DOI: 10.31857/S2686673022100029.

Белекова А.Т. Проблемы и перспективы деятельности ЮНЕСКО в контексте современных международных отношений : автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – Москва : МГИМО(У) МИД России, 2008. – 31 с.

Карасова Т.А. Особенности израильско-американских отношений в период правления правительств Б. Нетаньяху и администраций Б. Обамы и Д. Трампа (2009–2019). – Москва : ИВ РАН, 2019. – 462 с.

Лошкарёв И.Д. Проблема уровней анализа в теории международных отношений: на пути к онтологическим обязательствам? // Сравнительная политика. – 2021. – Т. 12, № 4. – С. 5–18. – DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10036.

Приходько О.В., Смирнов П.Е. Президентство Д. Трампа: новизна и преемственность в американской стратегии // Вестник МГИМО Университета. – 2018. – № 6. – С. 81–109. – DOI: 10.24833/2071-8160-2018-6-63-81-109.

Феномен Трампа / под ред. А.В. Кузнецова. – Москва : ИНИОН, 2020. – 642 с.

Хлебникова Л.Р. Американский план палестино-израильского урегулирования («Сделка века» Д. Трампа) // США и Канада: экономика, политика, куль-

тура. – 2020. – Т. 50, № 4. – С. 92–108. – DOI: 10.31857/S268667300008881-9.

Шариков П.А. «Трампизм» как доминирующее движение в Республиканской партии США в 2020-е годы // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. – 2024. – Т. 16, № 4. – С. 70–95. – DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-70-95.

Borzyskowski von I., Vabulas F. Hello, Goodbye: When Do States Withdraw from International Organizations? // *The Review of International Organizations*. – 2019. – Vol. 14, N 2. – P. 335–366. – DOI: 10.1007/s11558-019-09352-2.

Borzyskowski von I., Vabulas F. When Do Withdrawal Threats Achieve Reform in International Organizations? // *Global Perspectives*. – 2023. – Vol. 4, N 1. – P. 1–18. – DOI: 10.1525/gp.2023.67826.

Coate R.A. Unilateralism, Ideology & US Foreign Policy: The United States in and out of UNESCO. – Boulder, London : Lynne Rienner Publishers, 1988. – 182 p.

Copelovitch M., Pevehouse J.C.W. International Organizations in a New Era of Populist Nationalism // *The Review of International Organizations*. – 2019. – Vol. 14, N 2. – P. 169–186. – DOI: 10.1007/s11558-019-09353-1.

Dostál J. The US Withdrawal from UNESCO – Sign of Politicization of the Agency? – Praha : Charles University, 2019. – 51 p.

Giffard C.A. UNESCO and the Media. – London : Longman, 1989. – 288 p.

Ikenberry G.J. The End of Liberal International Order? // *International Affairs*. – 2018. – Vol. 94, N 1. – P. 7–23. – DOI: 10.1093/ia/iix241.

Imber M.F. The USA, ILO, UNESCO and IAEA: Politicization and Withdrawal in the Specialized Agencies. – New York : St. Martin's Press, 1989. – 173 p.

Kfir I.I. The Impact of the New Right on the Reagan Administration: Kirkpatrick & UNESCO as a Test Case. – PhD

Thesis. – London : London School of Economics, 1998. – 288 p.

Kittel G., Rittberger V., Schimmelfennig F. Between Loyalty and Exit: Explaining the Foreign Policy of Industrialized Countries in the UNESCO Crisis (1978–1987) // *Tübinger Arbeitspapiere zur Internationalen Politik und Friedensforschung*. – 1995. – N 24. – P. 1–25. – URL: <https://publikationen.uni-tuebingen.de/xmlui/handle/10900/47195> (дата обращения: 05.02.2024).

Luke E. Mixed Messages: American Politics and International Organization, 1919–1999. – Washington, D.C. : Brookings Institution Press, 1999. – 374 p.

Lyon A.L. US Politics and the United Nations: A Tale of Dysfunctional Dynamics. – Boulder : Lynne Rienner Publishers, Inc., 2016. – 251 p.

Maulana M.A., Yuliantoro N.R. Donald Trump's Foreign Policy: Withdrawal from International Regimes and Organizations // *Intermestic: Journal of International Studies*. – 2024. – Vol. 8, N 2. – P. 530–555. – DOI: 10.24198/intermestic.v8n2.6.

Preston W., Herman E.D., Schiller H.I. Hope & Folly: The US and UNESCO, 1945–1985. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1989. – 367 p.

Reif F. Die Beziehungen zwischen der UNESCO und den Vereinigten Staaten von Amerika mit besonderer Beachtung der multilateralen Bildungsfinanzierung: Was waren die Gründe für und die Konsequenzen des Austritts? // *UNESCO-Lehrstuhl für Internationale Beziehungen*. – 2013. – N 6. – P. 1–18. – Нем. яз. – URL: <https://tud.qucosa.de/api/qucosa%3A27343/attachment/ATT-1/> (дата обращения: 05.02.2025).

Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // *World Politics*. – 1998. – Vol. 51, N 1. – P. 144–172. – DOI: 10.1017/S0043887100007814.

Sewell J.P. UNESCO and World Politics: Engaging in International Relations. – Princeton : Princeton University Press, 1975. – 404 p.

Stokes D. Trump, American Hegemony and the Future of the Liberal International Order // *International Affairs*. – 2018. – Vol. 94, N 1. – P. 133–150. – DOI: 10.1093/ia/iix238.

The United States and Multilateral Institutions: Patterns of Changing Instrumentality and Influence / Ed. by M.P. Karns, K.A. Mingst. – London : Unwin Hyman, 1990. – 256 p.

Tversky A., Kahneman D. Advances in Prospect Theory: Cumulative Representation of Uncertainty // *Journal of Risk and Uncertainty*. – 1992. – Vol. 5, N 4. – P. 297–323. – DOI: 10.1007/BF00122574.

US Hegemony and International Organizations: The United States and Multilateral Institutions / Ed. by R. Foot, S.N. Mac-

Farlane, M. Mastanduno. – Oxford : Oxford University Press. 2003. – 296 p.

Vabulas F., Snidal D. Organization without Delegation: Informal Intergovernmental Organizations (IIGOs) and the Spectrum of Intergovernmental Arrangements // *The Review of International Organizations*. – 2013. – Vol. 8, N 2. – P. 193–220. – DOI: 10.1007/s11558-012-9161-x.

Waltz K.N. *Man, the State, and War: A Theoretical Analysis*. – New York : Columbia University Press, 1959. – 263 p.

Waltz K.N. *Theory of International Politics*. – Reading : Addison-Wesley, 1979. – 251 p.

Williams D. *The Specialised Agencies and the United Nations: The System in Crisis*. – New York : St. Martin's Press, 1987. – 279 p.

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.09

The U.S. Withdrawal from UNESCO Under the First Trump Administration: Multilevel Analysis

Bogdan A. AVDEEV

Lecturer at the Chair of International Organizations and World Political Processes,
School of World Politics

Lomonosov Moscow State University

Leninskie Gory, 1, Moscow, Russian Federation, 119991

E-mail: bogdanavdeew1999@yandex.ru

ORCID: 0009-0001-3344-8501

CITATION: Avdeev B.A. (2025). The U.S. Withdrawal from UNESCO Under the First Trump Administration: Multilevel Analysis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 2, pp. 147–167 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.02.09

Received: 09.02.2025.

Revised: 21.02.2025.

ABSTRACT. *The article examines the issue of U.S. participation in UNESCO during the first administration of D. Trump. While officially presenting itself as an upholder of the world order and an active participant in multilateral institutions, the United States has more often than others resorted to drastic foreign policy measures, exerting significant pressure on international organizations to advance its national interests. This ambiguity was most evident in U.S. policy towards UNESCO, a specialized UN agency playing an important role in addressing global challenges. The study seeks to clarify the logic behind the American foreign policy stance toward UNESCO addresses and, more broadly, the United Nations under Trump's first term. In particular, it addresses the reasons that prompted the U.S. leadership to withdraw from UNESCO. The research is based on K. Waltz's multilevel analysis of international conflicts. The findings indicate that systemic factors – such as the inten-*

sification of interstate rivalry within the UN system and the crisis of the neoliberal globalization model – contributed to tensions in U.S.–UNESCO relations. However, their explanatory power is limited, as they do not fully account for the abrupt decision to terminate U.S. membership. Particular attention is given to the first level of analysis, highlighting the pragmatic approach of the 45th president and his inner circle, who were willing to unilaterally reconsider unfavorable “deals”, especially when Israel's interests were affected. The article also examines second-level variables, explaining why, despite the “system of checks and balances”, the Republican administration was able to make the decision to withdraw from UNESCO with minimal resistance.

KEYWORDS: *United States, UNESCO, Donald Trump, United Nations, international organizations, multilevel analysis, Israeli–Palestinian conflict.*

References

- Avdeev B.A. (2024). The U.S. Withdrawal from UNESCO under the Reagan Administration: A Multilevel Analysis. *Lomonosov World Politics Journal*. Vol. 16, no. 4, pp. 169–224 (in Russian). DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-169-224.
- Arsanova T.E. (2021). *UNESCO's Role in the Middle East in Modern Political Conditions*. PhD Thesis. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 204 pp. (in Russian).
- Banti R. (2018). The Problems of US Exit from UNESCO Like Reaction to Anti-Israeli Policy of the Organization (on Press Materials)]. *American History and Politics*. No. 5, pp. 102–114 (in Russian). DOI: 10.17721/2521-1706.2018.05.102-114.
- Bartenev V.I. (2022). United States and UNRWA: Explaining Disruption and Normalization of Interaction. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No. 10, pp. 19–39 (in Russian). DOI: 10.31857/S2686673022100029.
- Belekova A.T. (2008). *Problems and Prospects of UNESCO's Activities in the Context of Modern International Relations*. Abstract of PhD Thesis. Moscow, MGIMO University, 31 pp. (in Russian).
- Borzyskowski von I., Vabulas F. (2019). Hello, Goodbye: When Do States Withdraw from International Organizations? *The Review of International Organizations*. Vol. 14, no. 2, pp. 335–366. DOI: 10.1007/s11558-019-09352-2.
- Borzyskowski von I., Vabulas F. (2023). When Do Withdrawal Threats Achieve Reform in International Organizations? *Global Perspectives*. Vol. 4, no. 1, pp. 1–18. DOI: 10.1525/gp.2023.67826.
- Coate R.A. (1988). *Unilateralism, Ideology & US Foreign Policy: The United States in and out of UNESCO*. Boulder, London: Lynne Rienner Publishers, 182 pp.
- Copelovitch M., Pevehouse J.C.W. (2019). International Organizations in a New Era of Populist Nationalism. *The Review of International Organizations*. Vol. 14, no. 2, pp. 169–186. DOI: 10.1007/s11558-019-09353-1.
- Dostál J. (2019). *The US Withdrawal from UNESCO – Sign of Politicization of the Agency?* Praha: Charles University, 51 pp.
- Fenomen Trampa. (2020). Kuznetsov A.V. (ed.) *The Trump Phenomenon*. Moscow: INION, 642 pp. (in Russian).
- Giffard C.A. (1989). *UNESCO and the Media*. London: Longman, 288 pp.
- Ikenberry G.J. (2018). The End of Liberal International Order? *International Affairs*. Vol. 94, no. 1, pp. 7–23. DOI: 10.1093/ia/iix241.
- Imber M.F. (1989). *The USA, ILO, UNESCO and IAEA: Politicization and Withdrawal in the Specialized Agencies*. New York: St. Martin's Press, 173 pp.
- Karasova T.A. (2019). *Features of Israeli-American Relations under the Governments of B. Netanyahu and the Administrations of B. Obama and D. Trump (2009-2019)*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 462 pp. (in Russian).
- Kfir I.I. (1998). *The Impact of the New Right on the Reagan Administration: Kirkpatrick & UNESCO as a Test Case*. PhD Thesis. London: London School of Economics, 288 pp.
- Khlebnikova L.R. (2020). U.S. Plan of Settlement (Donald Trump's Vision for Peace for Palestinians and Israelis). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. Vol. 50, no. 4, pp. 92–108 (in Russian). DOI: 10.31857/S268667300008881-9.
- Kittel G., Rittberger V., Schimmelfennig F. (1995). Between Loyalty and Exit: Explaining the Foreign Policy of Industrialized Countries in the UNESCO Crisis (1978–1987). *Tübinger Arbeitspapiere zur Internationalen Politik und Friedensforschung*. No. 24, pp. 1–25. Available at: <https://publikationen.uni-tuebingen.de/xmlui/handle/10900/47195>, accessed 05.02.2024.

Loshkarev I.D. (2021). The Problem of Levels of Analysis in the Theory of International Relations: On the Way Towards Ontological Obligations? // *Comparative Politics Russia*. Vol. 12, no. 4, pp. 5–18 (in Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10036.

Luke E. (1999). *Mixed Messages: American Politics and International Organization, 1919–1999*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 374 pp.

Lyon A.L. (2016). *US Politics and the United Nations: A Tale of Dysfunctional Dynamics*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, Inc., 251 pp.

Maulana M.A., Yuliantoro N.R. Donald Trump's Foreign Policy: Withdrawal from International Regimes and Organizations. *Intermestic: Journal of International Studies*. 2024. Vol. 8, no. 2, pp. 530–555. DOI: 10.24198/intermestic.v8n2.6.

Preston W., Herman E.D., Schiller H.I. (1989). *Hope & Folly: The US and UNESCO, 1945–1985*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 367 pp.

Prikhod'ko O.V., Smirnov P.E. (2018). President Trumps' Strategy: Continuity and New Approaches. *MGIMO Review of International Relations*. No. 6, pp. 81–109 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2018-6-63-81-109.

Reif F. (2013). Relations between UNESCO and the United States of America, with special reference to multilateral education funding: What were the reasons for and consequences of the withdrawal? *UNESCO-Lehrstuhl für Internationale Beziehungen*. No. 6, pp. 1–18 (in German). Available at: <https://tud.qucosa.de/api/qucosa%3A27343/attachment/ATT-1/>, accessed 05.02.2025.

Rose G. (1998). Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy. *World Politics*. Vol. 51, no. 1, pp. 144–172. DOI: 10.1017/S0043887100007814.

Sewell J.P. (1975). *UNESCO and World Politics: Engaging in International Rela-*

tions. Princeton: Princeton University Press, 404 pp.

Sharikov P.A. (2024). 'Trumpism' as a Dominant Movement in the U.S. Republican Party in the 2020s. *Lomonosov World Politics Journal*. Vol. 16, no. 4, pp. 70–94 (in Russian). DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-70-94.

Stokes D. (2018). Trump, American Hegemony and the Future of the Liberal International Order. *International Affairs*. Vol. 94, no. 1, pp. 133–150. DOI: 10.1093/ia/iix238.

The United States... (1990). Karns M.P., Mingst K.A. (eds.). *The United States and Multilateral Institutions: Patterns of Changing Instrumentality and Influence*. London: Unwin Hyman, 256 pp.

Tversky A., Kahneman D. (1992). Advances in Prospect Theory: Cumulative Representation of Uncertainty. *Journal of Risk and Uncertainty*. Vol. 5, no. 4, pp. 297–323. DOI: 10.1007/BF00122574.

US Hegemony... (2003). Foot R., MacFarlane S.N., Mastanduno M. (eds.). *US Hegemony and International Organizations: The United States and Multilateral Institutions*. Oxford: Oxford University Press, 296 pp.

Vabulas F., Snidal D. (2013). Organization without Delegation: Informal Intergovernmental Organizations (IIGOs) and the Spectrum of Intergovernmental Arrangements. *The Review of International Organizations*. Vol. 8, no. 2, pp. 193–220. DOI: 10.1007/s11558-012-9161-x.

Waltz K.N. (1959). *Man, the State, and War: A Theoretical Analysis*. New York: Columbia University Press, 263 pp.

Waltz K.N. (1979). *Theory of International Politics*. Reading: Addison-Wesley, 251 pp.

Williams D. (1987). *The Specialised Agencies and the United Nations: The System in Crisis*. New York: St. Martin's Press, 279 pp.

Current Security Issues

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.10

U.S. Cybersecurity Policy in Latin America amid Sino–American Rivalry

Aleksandr D. TREBUKH

PhD Candidate, School of World Politics

Lomonosov Moscow State University

Leninskie Gory, 1, Moscow, Russian Federation, 119991

E-mail: alexandr.trebukh@yandex.ru

ORCID: 0009- 0007-2485-2573

CITATION: Trebukh A.D. (2025). U.S. Cybersecurity Policy in Latin America amid Sino–American Rivalry. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 2, pp. 168–187 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2025.02.10

Received: 01.04.2025.

Revised: 07.05.2025.

ABSTRACT. *The necessity of ensuring cybersecurity at both national and regional levels has grown alongside the advancement of communication technologies and the increasing number of active Internet users in developing countries. In this context, the United States perceives rising digital vulnerabilities that could negatively affect both Latin American countries and the United States itself. However, research on U.S. policy in this area remains limited, particularly within the context of U.S.–China rivalry in the region. This study aims to identify the specific features of the U.S. cybersecurity approach in Latin America, considering the dynamics of U.S.–China competition. The author introduces several legal instruments issued by U.S. government institutions into the academic discourse. The collection of official documents is analyzed through the lens of Regional Security Complex Theory and neoclassical realism. The analysis reveals bipartisan*

and public consensus in the United States on countering cyber threats. At the regional level, U.S. policy has been marked by reactivity and the establishment of ad hoc initiatives, regional response groups, and funding mechanisms to address the consequences of cyberattacks, alongside criticism of external actors for employing cyberterrorism. The findings suggest that, in the short term, the United States will seek to establish regional principles for information security based on its own national standards. These principles are likely to exclude or minimize the presence of Chinese-made software, hardware, and network infrastructure in Latin American and Caribbean countries.

KEYWORDS: cybersecurity, cyber attack, cyber threat, Western Hemisphere, information security, great power rivalry, United States foreign policy, China, J. Biden.

Introduction

Cybersecurity, amid the rapid digitalization of the past decade, has become a priority for the defense agencies of many countries worldwide. The United States is no exception, particularly in the context of the intensifying U.S.–China rivalry in the 21st century and the emergence of new, non-traditional threats, including cyberterrorism. Recent sociological surveys indicate that cyberattacks are perceived by U.S. citizens as the primary threat, significantly surpassing concerns over issues such as global climate change, pandemics, and the growing influence and power of China and Russia¹.

In contemporary Russian and international academic literature, various aspects of U.S. cybersecurity policy have been examined. Notable contributions include studies by N.A. Tsvetkova in collaboration with R.R. Bakirov, I.T. Stadnik [Tsvetkova, Bakirov, 2019; Stadnik, Tsvetkova, 2021], and P.A. Sharikov [Sharikov, 2019], which trace the evolution of U.S. cybersecurity policy since the mid-1990s. Their research highlights the shift from protecting economic interests and counterterrorism to the establishment of U.S. Cyber Command (USCYBERCOM), international cooperation on incident response, and the development of offensive capabilities.

E.A. Rogovsky [Rogovsky, 2014] examined U.S. cyber strategy under the Obama administration, while A.V. Bulavin [Bulavin, 2014] analyzed the differing U.S. and Chinese approaches to cybersecurity. Other scholars have focused on threats to U.S. information security [Batueva, 2014], the concept of cyber deterrence [Zinovieva, 2019], and the organizational aspects of cybersecurity governance, including the

formation of unified cyber forces [Khlopov, 2019] and the structure of U.S. Cyber Command [Demidov, 2013].

Cybersecurity in Latin America and the Caribbean has been examined by A.V. Makarycheva [Makarycheva, 2018] and E.Yu. Kosevich [Kosevich, 2020; Kosevich, 2022; Kosevich, 2023], who, through case studies, highlight policy gaps and disparities in capabilities. I.N. Barygin and R.V. Bolgov [Barygin, Bolgov, 2019] analyze the role of the UN in regional cybersecurity efforts, while E.A. Vinogradova [Vinogradova, 2023] assesses AI-related risks in government infrastructure. Canada's cybersecurity strategy has likewise attracted scholarly attention [Grishin, 2011].

At the international level, studies have addressed national cybersecurity strategies across the Western Hemisphere [Kobek, 2017; Haughton, 2021; A Comprehensive..., 2020; Koczerginski, Wasser, Lyons, 2016; Yakovlev, 2020] and U.S.–China cyber tensions during the Obama administration [Burt, 2022]. Other works have examined the U.S. cyber deterrence approach [Wilner, 2019]. Research conducted at Florida International University warns of Chinese and Russian cyber threats in Latin America [Are China..., 2019], while C. Solar [Solar, 2023] explores the balancing strategies of Latin American states between the U.S. and China. S. Reith [Reith, 2018] advocates closer cybersecurity cooperation between Latin America and the EU.

Some political scientists adopt a more skeptical perspective, questioning both the severity of cyber threats [Weimann, 2004] and the feasibility of cyber deterrence [Nye, 2016]. Spanish-language studies focus on U.S. digital hegemony within the Organization of American States [Seoane,

¹ Silver L. (2022). Americans See Different Global threats facing the country now than in March 2020. *Pew Research Center*. June 06. Available at: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2022/06/06/americans-see-different-global-threats-facing-the-country-now-than-in-march-2020/>, accessed 11.09.2024; Younis M. (2023). In U.S., Cyberdisruption Most Critical Threat. *Gallup*. 22 March. Available at: <https://news.gallup.com/poll/472544/cyber-disruption-critical-threat.aspx>, accessed 11.09.2024.

2023] and Washington's leadership in the U.S.–China cybersecurity rivalry [Spratt, 2024; Martínez Cortés, 2024]. Others analyze regional cooperation and cybersecurity disparities [Vicente Ferrerria, 2023] as well as Latin America's cybersecurity challenges and opportunities [Saavedra, 2023].

This article contributes to the field by analyzing the regional dimension of U.S. cybersecurity policy in the context of the escalating U.S.–China rivalry.

Methodology

The author draws on Regional Security Complex Theory (RSCT), developed by the Copenhagen School of Security Studies. This theory emphasizes the significance of threat perception and geographical proximity, both of which directly influence the stability of security complexes. As B. Buzan and O. Wæver note, “the central idea of RSCT is that since most threats spread more easily over short distances than over long ones, security interdependence tends to cluster into regional security complexes” [Buzan, Waever, 2003, p. 4].

The study also incorporates Neoclassical Realism, which holds that states respond to the challenges of the anarchic international system by seeking to control and shape their external environment. According to Neoclassical Realist scholar G. Rose, the more resources and capabilities a state possesses, the more actively it engages in this process [Rose, 1998].

The combination of these two theoretical approaches is justified by the following considerations: RSCT accounts for the influence of geography and intangible factors such as threat perception and ideology. However, its constructivist limitations—such as the somewhat arbitrary geographic boundaries of security complexes and the underdeveloped methodology for assessing threats—are

mitigated by Neoclassical Realism. The latter recognizes the objective nature of national security threats and allows for the inclusion of both external and internal variables shaping foreign policy decisions.

In this study, the terms “cybersecurity” and “information security” are used interchangeably. The research methodology includes the analysis of primary sources, statistical analysis and data visualization, spatial analysis, and the mapping of cyberattacks in Latin American countries. This article examines U.S. information security at both national and regional levels, analyzing the roles of the executive and legislative branches as well as the specific challenges faced by Latin America. It emphasizes the conceptual framework and policy imperatives guiding U.S. action rather than the measures themselves, although concrete steps are also discussed.

Hypothesis

According to RSCT, threat perception intensifies as a threat emerges geographically closer to the relevant complex. In this study, it is assumed that U.S. engagement in cybersecurity across Latin America will focus primarily on the North American, rather than the South American, security complex.

The U.S. cybersecurity strategy: From D. Trump to J.R. Biden

During the administrations of Donald Trump and Joe Biden, the U.S. cybersecurity strategy had already been in place for several decades². However, the rapid digitalization of the world prompted its revision and refinement during this period [Smekalova, 2019, p. 51]. The “Defend Forward” strategy, adopted by the Trump administration during his first presiden-

2 The National Strategy to Secure Cyberspace. The White House. 2003. Available at: https://www.cisa.gov/sites/default/files/publications/cyberspace_strategy.pdf, accessed 06.03.2025.

tial term, aimed to proactively counter cyber threats before they could target U.S. government or industrial infrastructure. Its introduction raised concerns among political analysts, who argued that its implementation might face legal and political constraints [The United States'..., 2022]. Nevertheless, debates on the matter, as well as changes in presidential administrations, did not lead to a revision or abandonment of this doctrine, and continuity in cybersecurity policy approaches was maintained.

Both administrations advanced efforts in this area through the issuance and implementation of executive orders. During his first term, Trump issued three executive orders (EO 13800, EO 13984, EO 13873). These measures sought to strengthen federal network infrastructure, enhance supply chain information security oversight, and tighten controls over individuals acquiring access to U.S.-produced cloud computing services (United States Infrastructure as a Service products)³.

President Biden issued two executive orders (EO 14028, EO 14144), which established a legal framework for further strengthening U.S. national cybersecurity. They focused on raising cybersecurity standards, implementing multi-factor authentication in federal information systems, and organizing the Cyber Safety Review Board (CSRB)⁴ to counter threats primarily from China⁵. Notably, one of these executive or-

ders was issued in response to high-profile cyberattacks on U.S. industrial infrastructure in 2021⁶. This shift from ad hoc measures to a more systematic approach reflected a move toward proactive risk management; however, it remained fundamentally reactive, addressing threats only once they had materialized. The study argues that sustainable cyber resilience requires not isolated, point-in-time executive orders but continuous public-private collaboration and anticipatory analysis of emerging attack vectors.

In addition to executive orders, the administration also issued memoranda clarifying White House documents. While advisory in nature, their significance lay in articulating the administration's position to federal agencies, improving coordination, and ensuring more effective implementation of required measures⁷. Nevertheless, this study remains skeptical about the likelihood of improved interagency coordination on this issue, given the creation of a Department of Government Efficiency, Secretary of State M. Rubio's reform of the State Department, and funding cuts to CISA beginning in Trump's second presidential term.

In 2018, the U.S. Cybersecurity and Infrastructure Security Agency (CISA) was established within the Department of Homeland Security⁸. Although initially proposed by a Republican representative, its creation received bipartisan support.

3 Executive Order 13984 – Taking additional Steps to Address the National Emergency with Respect to Significant Malicious Cyber-Enabled Activities. *The American Presidency Project*. 19.01.2021. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/executive-order-13984-taking-additional-steps-address-the-national-emergency-with-respect>, accessed 12.09.2024.

4 Executive Order 14028 – Improving the Nation's Cybersecurity. *Federal Register*. 12.05.2021. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2021/05/17/2021-10460/improving-the-nations-cybersecurity>, accessed 12.09.2024.

5 Executive Order 14144 – Strengthening and Promoting Innovation in the Nation's Cybersecurity. *Federal Register*. 16.01.2025. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2025/01/17/2025-01470/strengthening-and-promoting-innovation-in-the-nations-cybersecurity>, accessed 14.03.2025.

6 Easterly J. (2023). The attack on Colonial Pipeline: What We've Learned & What We've Done Over the Past Two Years. *America's Cyber Defense Agency*. September 07. Available at: <https://www.cisa.gov/news-events/news/attack-colonial-pipeline-what-weve-learned-what-weve-done-over-past-two-years>, accessed 13.09.2024.

7 Memorandum on Improving the Cybersecurity of National Security, Department of Defense, and Intelligence Community Systems. *The White House*. 19.01.2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2022/01/19/memorandum-on-improving-the-cybersecurity-of-national-security-department-of-defense-and-intelligence-community-systems/>, accessed 13.09.2024.

8 Cybersecurity and Infrastructure Agency act of 2018. *U.S. Congress*. Available at: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3359/text>, accessed 13.09.2024.

However, the agency released its first comprehensive strategic plan only in 2023, notably omitting China while mentioning Russia⁹.

In its most recent 2025 version, CISA prioritizes enhancing the resilience of foreign infrastructure critical to U.S. security¹⁰. The second priority is expanding cooperation with U.S. partners to mitigate collective risks from cyberattacks¹¹. With respect to Latin America, CISA has developed and distributed Spanish-language guidelines on countering “foreign influence operations” in cyberspace to protect electoral infrastructure in the region¹². One may argue that CISA is evolving into an agency seeking to build a regional cyber architecture, rather than solely defending the United States domestically, as it did in the past.

In recent years, Congress has played a key role in shaping the legislative, financial, and organizational framework of U.S. national cybersecurity. Lawmakers established a bipartisan Cybersecurity Commission tasked with developing a strategic approach to protecting U.S. infrastructure¹³. A year after its creation, the commission published a report recommending reforms in national cybersecurity policy, and identifying Russia, China, Iran, and North Korea as primary sources of cyber threats¹⁴. The report also reaffirmed the Trump administration’s emphasis on preemptive measures against emerging threats.

The U.S. Congress continues to introduce and support bipartisan legislation aimed at strengthening national cybersecurity, reflecting both the issue’s relevance and the legislature’s commitment to enhancing cyber resilience¹⁵.

Thus, at the current stage, there is a unified stance between the executive and legislative branches on advancing national cybersecurity. Continuity of strategy is evident between the Trump and Biden administrations in this domain. Both branches have established expert bodies tasked with monitoring threats, implementing preventive measures, and improving the nation’s digital infrastructure. Furthermore, these efforts address public concerns regarding potential cyberattacks on U.S. government and industrial infrastructure.

The Rise of Cybercrime in Latin America: Challenges for the United States and the Region

Latin American countries regularly face cyberattacks, including those directed at government infrastructure. A notable example occurred in 2023, when Colombian Presidential Advisor on Digital Technologies S. Cattán described an incident as “the largest attack on Colombia’s infrastructure in recent years”¹⁶. The breach resulted in the exposure of substantial volumes of confidential information. In 2022 alone, cyberattacks across the region in-

9 CISA Strategic Plan 2023-2025. *CISA*. 2023. Available at: <https://www.cisa.gov/sites/default/files/2025-01/StrategicPlan%2023-25%20508.pdf>, accessed 14.03.2025.

10 FY2025-2026 CISA International Strategic Plan. *CISA*. 2025. Available at: https://www.cisa.gov/2025-2026-cisa-international-strategic-plan#jump_to_0, accessed 14.03.2025.

11 *Ibid*.

12 Proteger la infraestructura electoral de las tácticas de las operaciones de influencia maligna extranjera = Protecting election infrastructure from the tactics of foreign malign influence operations. *CISA*. 01.04.2024 (in Spanish). Available at: , accessed 06.03.2025.

13 The Cyberspace Solarium Commission: Illuminating Options for Layered Deterrence. *CRS*. 2020. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11469>, accessed 13.09.2024.

14 *Ibid*.

15 H.R. 1493 – Cyber Deterrence and Response Act of 2019; H.R.3462 – SBA Cyber Awareness Act; H.R.7535 – Quantum Computing Cybersecurity Preparedness Act. *U.S. Congress*. Available at: <https://www.congress.gov/>, accessed 13.09.2024.

16 Staff Writer with AFP (2023). Colombia Reports Cyberattack with Impact Across Latin America. *The Defense Post*. September 15. Available at: <https://thedefensepost.com/2023/09/15/colombia-cyberattack-latin-america>, accessed 10.10.2024.

creased by 600%, primarily affecting Mexico, Brazil, Colombia, and Peru¹⁷.

The United States cannot remain indifferent to this trend. First, many attacks exploiting weak regional infrastructure may originate from U.S. adversaries or transnational criminal organizations. Second, breaches and cyberespionage targeting Latin American branches of U.S. companies can inflict financial losses and reputational harm. Third, disruptions to critical infrastructure in Latin America threaten U.S.-led supply chains for goods and raw materials.

The political dimension is equally significant. Escalating attacks on the government infrastructure of U.S.-aligned Latin American states risk destabilizing their regimes and weakening state institutions. Moreover, organized crime groups – particularly drug cartels – have expanded their involvement in cybercrime, including hacking, doxxing, cyberespionage, and online extortion¹⁸. Cartels have increasingly employed cryptocurrencies for money laundering and relied on the dark web for drug distribution¹⁹.

Such developments undermine security in the Western Hemisphere, erode state stability, and empower non-state actors. If these trends persist in the short to medium term, the United States may face increasingly sophisticated cyber threats directed at government, industrial, and military infrastructure throughout Latin America. In

addition, Washington remains concerned about extraregional actors, particularly China, expanding their activities in this domain²⁰.

The Role of the Chinese Factor

By the end of Barack Obama's second term, China had become an increasingly significant factor in U.S. foreign policy. Subsequently, bilateral tensions escalated, initially as economic competition and later as a politico-ideological rivalry. In Latin America, U.S.–China relations evolved from competition in resource-based, low value-added sectors to high-technology industries by the mid-2020s [Ellis, 2022, p. 281]. The role of China in this context can be understood through two components: China's demonstrable efforts to expand its presence in the Latin American hardware, network, and software markets, and the alleged cyberespionage and cyberterrorism activities attributed to China by the United States. The first component encompasses Chinese companies' ambitions to penetrate the rapidly growing Latin American telecommunications market²¹. In response, the United States has sought to discredit Chinese firms by highlighting vulnerabilities in the source code of their equipment.

The Trump administration's initial focus was Huawei, which faced restrictions within the United States. Since 2017, U.S. politi-

17 Fortinet informa que América Latina fue el objetivo de más de 360 mil millones de intentos de ciberataques en 2022 = Fortinet reports that Latin America was the target of more than 360 billion cyberattack attempts in 2022. *Fortinet*. February 27 (in Spanish). Available at: <https://www.fortinet.com/lat/corporate/about-us/newsroom/press-releases/2023/fortiguad-labs-reports-destructive-wiper-malware-increases-over-50-percent>, accessed 10.10.2024.

18 Suárez A. (2021). Why Mexican Cyber-Cartels Threaten U.S. National Security. *Geopolitical Monitor*. June 24. Available at: <https://www.geopoliticalmonitor.com/why-mexican-cyber-cartels-threaten-u-s-national-security/>, accessed 10.10.2024.

19 Ibid.

20 In U.S. strategic documents, Russia has been characterized alongside China as a strategic adversary in cyberspace. Following the arrival of the new administration under Donald Trump, press reports suggested the press suggesting the suspension of cyber operations against Moscow and the removal of Russia from the list of countries posing a threat to national information security. However, this information was subsequently refuted.

21 China, 5G, and the Security Threat in Latin America (2023). *Dialogo Americas*. March 07. Available at: <https://dialogo-americas.com/articles/china-5g-and-the-security-threat-in-latin-america/>, accessed 24.01.2025; Chinese Investment and Influence in Latin America and the Caribbean (2025). RMS. January 03. Available at: <https://rmcglobal.com/chinese-investment-and-influence-in-latin-america-and-the-caribbean/>, accessed 24.01.2025.

cal discourse has increasingly advocated reducing the use of Huawei equipment, citing concerns over data theft and commercial espionage²². The primary justification was the threat to U.S. national security and the potential risks of cyberespionage and sabotage in domestic and global networks²³. Security concerns were closely linked with economic competition in the hardware and network infrastructure sectors. Microsoft identified security vulnerabilities in Huawei's products that could potentially be exploited for ransomware attacks²⁴.

According to the Russian cybersecurity company *Positive Technologies*, ransomware attacks are among the most common threats to organizations and businesses in Latin America, exceeding the global average by 26%²⁵. Despite these warnings and the strict U.S. sanctions policy against Huawei, the company's position in the Latin American telecommunications market continued to strengthen. Estimates from the United States Institute of Peace indicate that up to 80% of phone calls in Mexico are made using Huawei smartphones. In Brazil, Huawei controls more than 50% of the 3G and 4G network infrastructure²⁶.

The second target was TP-Link, a company specializing in computer and tele-

communications equipment. Once again, the primary concern for the United States was security vulnerabilities in the company's hardware, which had been identified by Microsoft over a period of more than a year, from August 2023 to October 2024²⁷. The immediate trigger for U.S. actions, however, was an attempted cyberattack on critical infrastructure facilities that the FBI successfully thwarted. These facilities had been using TP-Link routers²⁸. U.S. measures were motivated both by economic competition in the hardware market and by legitimate national security concerns. The revealed dependence on Chinese equipment underscored the necessity of reducing such reliance, primarily in favor of domestic manufacturers.

Notably, TP-Link is the most widely used router manufacturer in the United States, holding approximately 65% of the national household and small business router market²⁹. The company's products are also employed by federal agencies, including the Department of Defense³⁰. At the same time, TP-Link's share of the global wireless local area network (WLAN) device market at the beginning of the third decade of the 21st century reached 17.8%, the highest among all manufacturers in this sector³¹.

22 U.S. Restrictions on Huawei Technologies: National Security, Foreign Policy, and Economic Interests. CRS. 05.01.2022. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47012/2>, accessed 29.12.2024.

23 Ibid.

24 From alert to driver vulnerability: Microsoft Defender ATP investigation unearths privilege escalation flaw (2019). *Microsoft*. March 25. Available at: <https://www.microsoft.com/en-us/security/blog/2019/03/25/from-alert-to-driver-vulnerability-microsoft-defender-atp-investigation-unearts-privilege-escalation-flaw/>, accessed 29.12.2024.

25 Cybersecurity threatscape for Latin America and the Caribbean: 2022-2023 (2023). *Positive Technologies*. December 21. Available at: <https://global.ptsecurity.com/analytics/latam-cybersecurity-threatscape-2022-2023>, accessed 29.12.2024.

26 Alvarado P.D. (2024). Huawei's Expansion in Latin America and the Caribbean: Views from the Region. *Special Report*. USIP. No. 529, p. 4. Available at: https://www.usip.org/sites/default/files/2024-04/sr-529_huaweis-expansion-latin-america-caribbean-views-region.pdf, accessed 29.12.2024.

27 Chinese threat actor Storm-0940 uses credentials from password spray attacks from a covert network (2024). *Microsoft*. October 31. Available at: <https://www.microsoft.com/en-us/security/blog/2024/10/31/chinese-threat-actor-storm-0940-uses-credentials-from-password-spray-attacks-from-a-covert-network/>, accessed 29.12.2024.

28 Here's how the FBI Stopped a Major Chinese Hacking Campaign (2024). *GovInfo Security*. January 31. Available at: <https://www.govinfosecurity.com/heres-how-fbi-stopped-major-chinese-hacking-campaign-a-24234>, accessed 30.12.2024.

29 Weatherbed J. (2024). US Targets TP-Link with a potential ban on the Chinese routers. *The Verge*. December 18. Available at: <https://www.theverge.com/2024/12/18/24324140/tp-link-us-investigation-ban-chinese-routers>, accessed 30.12.2024.

30 Ibid.

31 TP-Link ranks as World's No.1. Wi-Fi Products Provider for 11 Years (2022). *TP-Link*. July 22. Available at: <https://www.tp-link.com/uk/press/news/20115/#:~:text=TP%2DLink%C2%AE%2C%20for%2011,a%2017.8%25%20global%20market%20share>, accessed 30.12.2024.

The threat and vulnerability of federal infrastructure arising from the use of the company's equipment was described by members of both major U.S. political parties as a “blatant national security issue”³². In 2024, preparations for an investigation commenced, and discussions emerged in the United States regarding a potential ban on the sale of the firm's devices. Meanwhile, in Latin America, as with Huawei, TP-Link continued to expand its presence. In November 2024, the company announced the opening of its own manufacturing facility in the Brazilian city of Joinville³³.

These objectively existing vulnerabilities in the software of Chinese computer hardware manufacturers' products are directly linked to the second component under consideration: the exploitation of such vulnerabilities by hacker groups. Between 2023 and 2024, the number, nature, and scope of cyberattacks worldwide continued to grow, with supply chain attacks emerging as a prominent feature³⁴. During this period, the United States increasingly expressed concerns that some attacks originated from hacker groups affiliated with the government of the People's Republic of China. These connections were noted by both private companies, such as Microsoft, and

government officials³⁵. However, there are objective limitations in tracing the sources of attacks, as noted by Rob Joyce, Director of Cybersecurity at the U.S. National Security Agency³⁶. According to Joyce, the United States is only now developing artificial intelligence technologies capable of identifying perpetrators³⁷. For instance, in the previously discussed TP-Link incident, the U.S. Cybersecurity and Infrastructure Security Agency directly linked the attack to the hacker group Volt Typhoon. This group, operating under various aliases, is believed by officials from several U.S. security agencies to be based in China and supported by the Chinese government³⁸.

China is accused of engaging in cyber-espionage and cyberterrorism targeting U.S. networks. While the origins of some attacks can be traced, U.S. agencies have not provided concrete evidence of Chinese state sponsorship. Washington's official stance is unequivocal: “China remains the most active and persistent cyber threat to the U.S. government, the private sector, and critical infrastructure networks”³⁹.

A joint U.S.-Paraguay cybersecurity report identified the group's activity within Paraguay's government networks⁴⁰. This marked the first instance of a Latin

32 Alpet A. (2024). US Lawmakers urge probe of WiFi router maker TP-Link over fears of Chinese cyber attacks. *Reuters*. August 16. Available at: <https://www.reuters.com/world/us/us-lawmakers-urge-probe-wifi-router-maker-tp-link-over-fears-chinese-cyber-2024-08-15/>, accessed 30.12.2024.

33 Brazil to gain new factory from Chinese company TP-Link (2024). *Permanent Secretariat of Forum for Economic and Trade Co-operation between China and Portuguese-speaking Countries (Macao)*. August 22. Available at: https://www.forumchinapl.org.mo/en/economic_trade/view/8239#:~:text=In%20November%2C%20TP%2DLink%2C,national%20and%20Latin%20American%20markets, accessed 30.12.2024.

34 Кибербезопасность в 2023–2024 гг.: тренды и прогнозы. Часть третья = Cybersecurity in 2023–2024: Trends and Forecasts. Part Three (2023). *Positive Technologies*. December 15 (in Russian). Available at: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/kiberbezopasnost-v-2023-2024-gg-trendy-i-prognozy-chast-tretya/#id3>, accessed 30.12.2024.

35 Flat Typhoon using legitimate software to quietly access Taiwanese organizations (2023). *Microsoft Security*. August 24. Available at: <https://www.microsoft.com/en-us/security/blog/2023/08/24/flat-typhoon-using-legitimate-software-to-quietly-access-taiwanese-organizations/>, accessed 27.03.2025.

36 AI aids nation-state hackers, but also helps US spies to find them, says NSA cyber director (2024). *TechCrunch*. January 09. Available at: <https://techcrunch.com/2024/01/09/ai-china-nation-state-hackers-nsa-cyber-director/>, accessed 30.12.2024.

37 Ibid.

38 PRC State-Sponsored Actors Compromise and Maintain Persistent Access to U.S. Critical Infrastructure. *CISA*. 07.02.2024. Available at: <https://www.cisa.gov/news-events/cybersecurity-advisories/aa24-038a>, accessed 30.12.2024.

39 People's Republic of China Cyber Threat. *CISA*. URL: <https://www.cisa.gov/topics/cyber-threats-and-advisories/nation-state-cyber-actors/china>, accessed 30.12.2024.

40 U.S. Strengthens Cybersecurity Partnership with Paraguay. *U.S. Southern Command*. 26.11.2024. Available at: <https://www.southcom.mil/MEDIA/NEWS-ARTICLES/Article/3979394/us-strengthens-cybersecurity-partnership-with-paraguay/>, accessed 30.12.2024.

American country officially acknowledging the threat described by the United States. However, by the end of 2024, such recognition remained the exception rather than the norm, given Paraguay's well-known negative stance on China and its pro-American government orientation.

The role of the Chinese factor in U.S. cybersecurity policy can be summarized as follows: first, by the end of Joe Biden's administration, Washington had recognized the critical dependence of national networks on Chinese networking equipment. This dependence was accompanied by the discovery of vulnerabilities in the hardware and the active exploitation of these vulnerabilities by hacker groups. Second, since 2017, the United States has consistently linked cyberattacks to groups allegedly supported by the Chinese government, despite the absence of concrete evidence⁴¹. Third, the United States initiated defense-sector cooperation in Latin America, securing Paraguay's support.

In our view, U.S. attempts to portray China as the primary cyber threat were driven by two main factors: actual security vulnerabilities in Chinese computer hardware and the recognition of U.S. reliance on it. It is reasonable to agree with the conclusions of the Russian research team led by Dr. Degterev D.A., which argued that U.S.–China technological competition in Latin America has sparked a process of decoupling and the emergence of two techno-economic blocs [Degterev, Piskunov, Eremin, 2023, p. 35]. Beyond decoupling, China was also framed as a state sponsor of hacking operations. This led to a dual-threat perception of Chinese-made computer and networking equipment: not only was it vulnerable to cyberattacks, but it

was also allegedly being actively exploited by Chinese hackers. Additionally, these claims had the potential to encourage countries within the regional security complex to reject Chinese equipment in favor of American alternatives, thereby making cybersecurity concerns a tool of economic competition in the Latin American market. However, by the end of 2024, the lack of clear evidence linking China to hacker group support – combined with the greater affordability of Chinese hardware compared to U.S. products – only further increased sales of Chinese-made equipment.

The Specifics of U.S. Cybersecurity Policy in Latin America

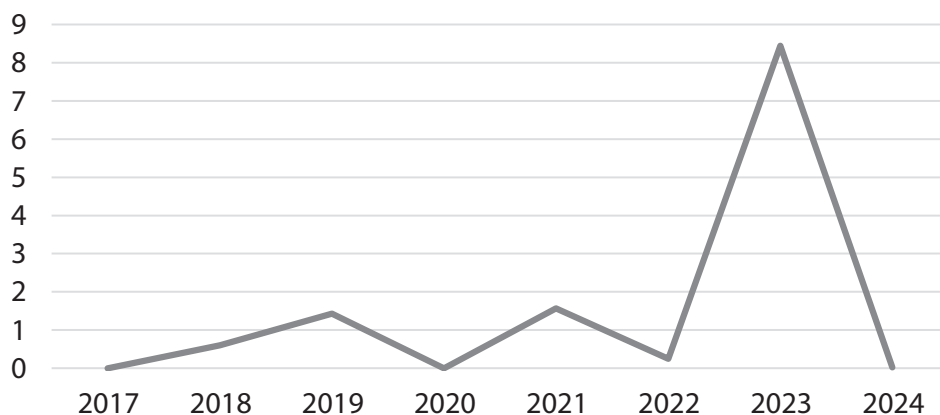
Washington's warnings to Latin American countries regarding cybersecurity threats from China are linked to vulnerabilities in Chinese equipment. Former Secretary of Homeland Security Alejandro Mayorkas cautioned Latin American partners against IT cooperation with China, arguing that Beijing's low-cost technology could later be exploited by China itself. While denying any intent to pressure Latin American nations, he framed the choice as one between "speed and sovereignty, vulnerability and security, affordability and the cost of recovering from a devastating cyberattack enabled by high-risk equipment and software"⁴².

The United States adopted an approach based on building a regional coalition to collectively counter cybersecurity threats. The Organization of American States (OAS) was selected as the platform for this coalition⁴³. This plan was partially implemented in 2022, when the United States

41 China State-Sponsored Cyber Threat: Advisories. *CISA*. Available at: <https://www.cisa.gov/topics/cyber-threats-and-advisories/nation-state-cyber-actors/china/publications>, accessed 30.12.2024.

42 Vasquez Ch. (2023). Mayorkas warns Latin American Leaders of Beijing's technology influence. *Cyberscoop*. September 28. Available at: <https://cyberscoop.com/mayorkas-latin-america-china/>, accessed 31.12.2024.

43 Remarks: Organization of American States Cybersecurity Symposium Opening Ceremony Remarks, Acting National Cyber Director Walden. *The White House*. 19.10.2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/oncd/briefing-room/2023/10/19/organization-of-american-states-cybersecurity-symposium-opening-ceremony-remarks-acting-national-cyber-director-walden/>, accessed 31.12.2024.

source: *foreignassistance.gov*

Figure 1. The amount of funding allocated by the United States for cybersecurity projects in the Western Hemisphere, 2017–2024, USD millions

Рисунок 1. Объем финансирования, выделенного США на проекты в области кибербезопасности в Западном полушарии, 2017–2024 годы, млн долл. США

Source: Compiled by the author using data from <https://foreignassistance.gov>.

signed a cooperation agreement with the Dominican Republic on cybersecurity, involving OAS institutions⁴⁴. At the same time, according to the Biden administration's national security strategy, former U.S. National Cyber Director Kemba Walden emphasized that technology is directly linked to human values: "Technology itself does not create values; rather, it reflects the values of its creators and users. As we've seen, technology can drive unimaginable progress – from expanding access to information and education in remote parts of the world to miraculous medical advancements saving lives. But on the other hand, developers and users can

misuse technology to manipulate, oppress, or spread disinformation, sowing doubt and fear in democratic systems. We must actively define and uphold our values in how we build our digital world"⁴⁵.

Thus, under Biden's administration, Washington signaled that cooperation should align with threats to democratic governance. In practice, this could involve labeling products from authoritarian countries (as perceived by the United States) as vulnerable to hacking, potentially allowing criminals to exploit existing technologies against democracies. This strategic framing may provide the United States with a competitive advantage by portraying its

44 U.S. and Dominican Republic to Face Shared Threats in Cyberspace. *U.S. Embassy in the Dominican Republic*. 23.07.2022. Available at: <https://do.usembassy.gov/u-s-and-dominican-republic-to-face-shared-threats-in-cyberspace/>, accessed 06.03.2025.

45 Remarks: Department of Homeland Security Western Hemisphere Cyber Conference Remarks, Acting National Cyber Director Walden. *The White House*. 27.09.2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/oncd/briefing-room/2023/09/27/department-of-homeland-security-western-hemisphere-cyber-conference-remarks-acting-national-cyber-director-walden/>, accessed 31.12.2024.

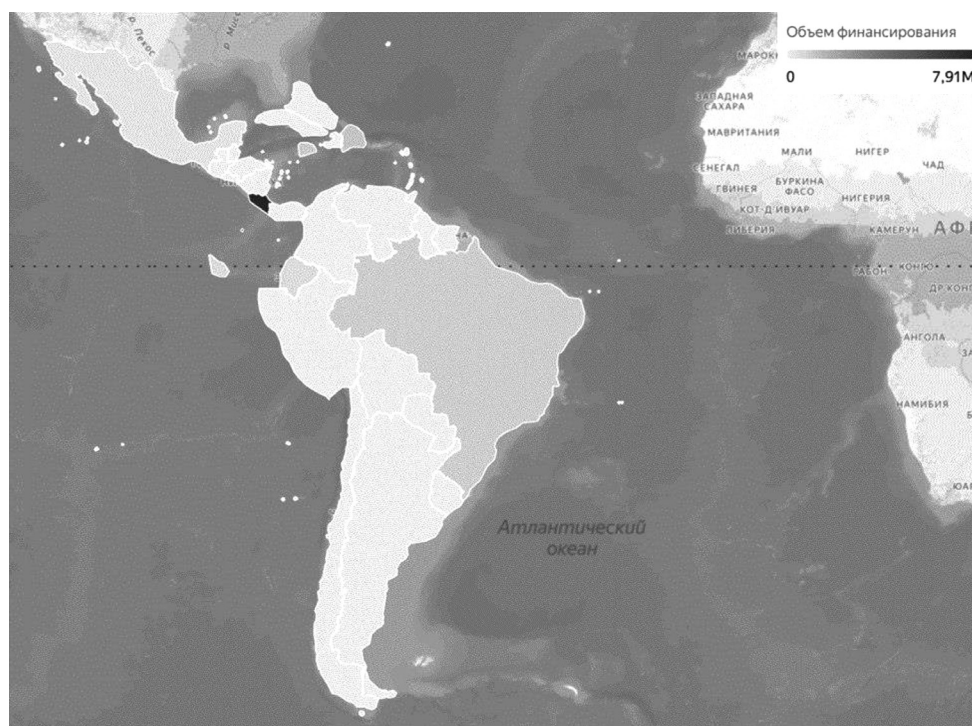

Figure 2. USAID funding for cybersecurity projects by country

Рисунок 2. Финансирование USAID проектов в области кибербезопасности в разбивке по странам

Source: Compiled by the author using data from <https://foreignassistance.gov>.

own or allied nations' network equipment as secure and resilient against vulnerabilities. Beyond rhetoric, the United States has also advanced concrete cybersecurity projects in the Western Hemisphere.

Based on USAID data, U.S. cybersecurity funding in the Western Hemisphere was sporadic during the review period, with a spike in 2023 due to a major payment to Costa Rica for post-cyberattack infrastructure recovery. The political affiliation of the Biden and first Trump administrations showed no significant impact on funding levels. A longer timeline, potentially extending into a second Trump term, would be required to identify any correlation between party affiliation and regional cybersecurity spending.

We consider it significant that the geography of countries receiving U.S. financial assistance reflects their cybersecurity development, capacity strengthening, or recovery efforts during the specified period. The first chorogram shows that Costa Rica received the highest amount of funding from the U.S. Agency for International Development (USAID).

In the second chorogram, the minimum value corresponds to Brazil, reflecting the country's ranking in terms of the number of cyberattacks. The maximum value (212) corresponds to Dominica. Kaspersky Lab includes dependent and neutral territories in its counting methodology, rather than considering only UN member states. A lower ranking indicates

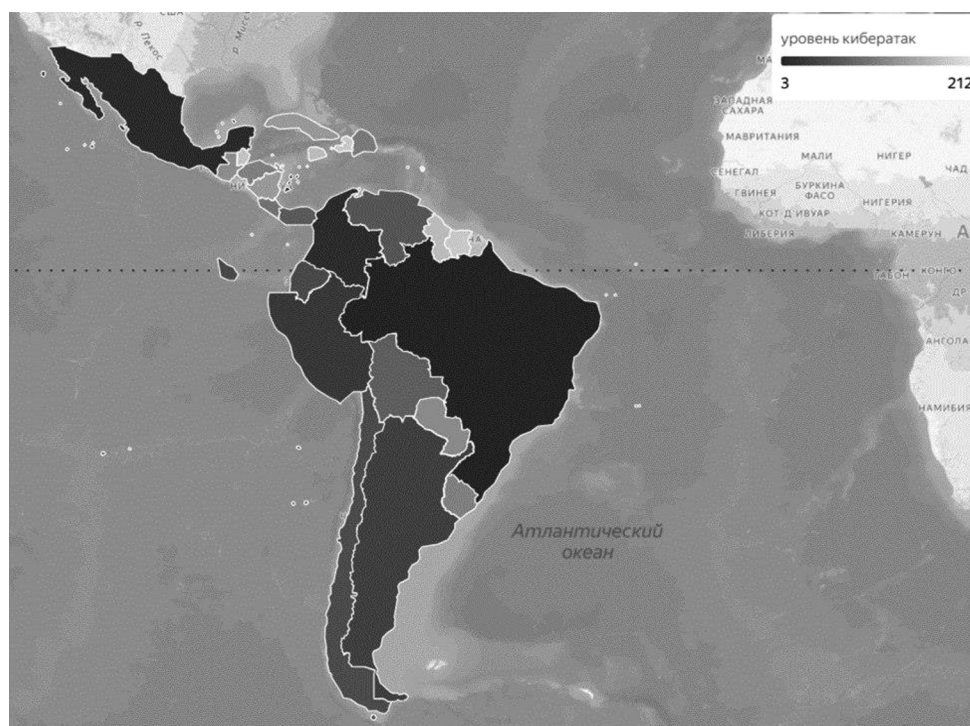

Figure 3. Number of cyberattacks by country

Рисунок 3. Количество кибератак в разбивке по странам

Source: Compiled by the author using data from <https://cybermap.kaspersky.com>.

that a country experiences a higher number of cyberattacks.

The chorograms show that, despite a significant number of cyberattacks occurring in South American countries, U.S. funding for cybersecurity systems during the period was primarily directed toward countries geographically closer to the Rio Grande. It can be argued that geographical proximity, rather than threat levels, was the key factor determining the intensity and nature of U.S. cooperation

with regional countries on cybersecurity. Although successful cyberattacks on larger economies could have more severe consequences, preference was still given to countries neighboring the United States.

In terms of practical measures, U.S. global initiatives aimed at strengthening cybersecurity connectivity, such as the “Clean Network”⁴⁶ and the Digital Connectivity and Cybersecurity Partnership have resonated more strongly within the North American security complex⁴⁷. No-

46 The U.S. Department of State website explicitly identifies one of the initiative’s objectives as countering intrusions into government and commercial networks by malicious actors, including the Chinese Communist Party.

47 DCCP Overview, 2022. DCCP. 2022. Available at: <https://www.unescap.org/sites/default/d8files/event-documents/P8-Session4-Digital-Connectivity-Cybersecurity-USA.pdf>, accessed 29.04.2025; The Clean Network. U.S. Department of State. 2021. Available at: <https://2017-2021.state.gov/the-clean-network/>, accessed 29.04.2025.

tably, Brazil has joined both initiatives, which, in our view, indicates tangible success in advancing the U.S. regional strategy for information security and exporting its regulatory and control standards to Latin America.

At the same time, with the second Trump administration taking office in 2025, all practical measures to ensure U.S. information security at the national, regional, and global levels are threatened due to planned significant cuts at CISA⁴⁸. If implemented, these reductions would weaken Washington's ability to advance its cybersecurity policy in Latin America and constitute a substantial disadvantage in its regional competition with China.

In sum, U.S. cybersecurity policy is based on a bipartisan consensus, continuity of approaches, and synchronization between the executive and legislative branches. A proactive approach is likely in the future if the region's priority rises in U.S. policy, cyber threats escalate, and sufficient resources and economic incentives are available. In our view, during the reviewed period, U.S. cybersecurity policy in Latin America has been predominantly reactive rather than proactive. The difference between the Trump and Biden administrations lies in the fact that Biden explicitly linked telecommunications and digital technologies to American values, a unique feature rooted in philosophical debates on tech-

nology's role in society [Feenberg, 1996]. This ideological framing justified the rejection of Chinese-made equipment and served both U.S. economic competition and the promotion of U.S. technological dominance. Under Biden, funding for cybersecurity agencies increased, driven by the need to address unprecedented cyberattacks and strengthen digital infrastructure across government, civilian, military, and energy sectors.

With Trump's return to power, the funding and functions of agencies combating online misinformation faced scrutiny from Republican lawmakers and the new administration, which proposed budget cuts⁴⁹. However, we believe that optimization under Trump's new cabinet will not undermine core priorities amid growing national cybersecurity threats, with China still regarded as the primary threat. The new administration prioritized artificial intelligence, issuing an executive order revoking a similar order from the previous administration⁵⁰. The revoked order had required private companies to consult the U.S. government on generative AI model architecture before public release. Its removal, alongside \$500 billion in planned AI investments, could heighten risks of misuse, potentially threatening U.S. national security⁵¹.

The uniqueness of U.S. approaches to cybersecurity in Latin America lies in the following factors: first, unlike in Europe with NATO, the United States cannot rely

48 Jones D. (2025). Trump administration under scrutiny as it puts major round of CISA cuts on the table. *Cybersecuritydive*. April 07. Available at: <https://www.cybersecuritydive.com/news/trump-scrutiny-cisa-cuts/744619/>, accessed 02.05.2025.

49 Unconstrained Actors: Assessing Global Cyber Threats to Homeland. *US Congress*. 22.01.2025. Available at: <https://www.congress.gov/event/119th-congress/house-event/117770>, accessed 26.01.2025; Starks T. (2025). Noem: no anti-disinformation, misinformation action under her as DHS Secretary. *Cyberscoop*. January 17. Available at: <https://cyberscoop.com/dhs-secretary-nominee-kristi-noem-disinformation-misinformation/>, accessed 26.01.2025.

50 Fact Sheet: President Donald J. Trump Takes Action to Enhance America's AI Leadership. *The White House*. 23.01.2025. Available at: <https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/01/fact-sheet-president-donald-j-trump-takes-action-to-enhance-americas-ai-leadership/>, accessed 26.01.2025.

51 Holland S. (2025). Trump announces private-sector \$500 billion investment in AI Infrastructure. *Reuters*. January 22. Available at: <https://www.reuters.com/technology/artificial-intelligence/trump-announce-private-sector-ai-infrastructure-investment-cbs-reports-2025-01-21/>, accessed 26.01.2025.

on institutional alliances and must engage through bilateral cooperation, with limited use of OAS mechanisms. Second, Latin America's rapid digitalization and IT-related economic competition coincided with a shortage of cybersecurity experts, while its digital infrastructure and national cybersecurity strategies lag behind regions such as the Asia-Pacific and Europe. This, combined with geographic proximity, compels Washington to focus more on the region, consistent with the Monroe Doctrine's emphasis on maintaining influence. U.S. responses to cybersecurity incidents are driven not only by threat levels but also by long-term strategic interests in regional dominance. Third, Latin America experiences significant activity from extraregional actors and organized crime groups, making it a high-priority region for U.S. cybersecurity efforts.

Washington's continuing vulnerability and Biden's initiative in fostering collective action against cyber threats can be considered a relative success of his administration in the Latin American context. In the short term, the United States will aim to control the cybersecurity agenda and attempt to establish unified legal and organizational frameworks for securing corporate and government infrastructure across the Western Hemisphere. This is evidenced by U.S. financial support for cybersecurity training programs under the OAS. Going forward, this agenda will likely involve discrediting software, network, and hardware products from extraregional actors, particularly those from China and Russia.

Future research may focus on clarifying U.S. bilateral ties with regional countries in cybersecurity and assessing the role of regional organizations as instruments for advancing and institutionalizing Washington's approach to cybersecurity in the Western Hemisphere.

References

- A Comprehensive... (2020). Andrade R.O. et al. A Comprehensive Study About Cybersecurity Incident Response Capabilities in Ecuador. In: Botto-Tobar M., Zambrano Vizueté M., Díaz Cadena A. (eds). *Innovation and Research – A Driving Force for Socio-Econo-Technological Development*. S.l.: Springer Science and Business Media Deutschland GmbH, pp. 281–292. DOI: 10.1007/978-3-030-60467-7_24.
- Are China... (2019). Morgus R. et al. Are China and Russia on the Cyber Offensive in Latin America and the Caribbean? A Review of Their Cyber Capabilities and Implications for the U.S. and its Partners in the Region. *FIU, Research Publications*. No. 31. pp. 1–50.
- Barygin I.N., Bolgov R.V. (2019). The United Nations and Cybersecurity Policy of Latin American Countries. *Eurasian Law Journal*. No. 3, pp. 61–64 (in Russian).
- Batueva E.V. (2014). Virtual reality: U.S. information security threats concept and its international dimension. *MGIMO Review of International Relations*. No. 3, pp. 128–136 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2014-3-36-128-136.
- Bulavin A.V. (2014). On the Approaches of the USA and China to Ensuring Cybersecurity. *Obshchestvo: politika, ekonomika, parvo*. No. 1, pp. 27–31 (in Russian).
- Burt S.K. (2023). President Obama and China: cyber diplomacy and strategy for a new era. *Journal of Cyber Policy*. Vol. 8, no 1. pp. 48–66. DOI: 10.1080/23738871.2023.2282688.
- Buzan B., Waever O. (2003). *Regions and Power: The Structure of International Security*. S.l.: Cambridge University Press, 592 pp.
- Degterev D.A., Piskunov D.A., Eremin A.A. (2023). U.S.–China rivalry in Latin America: at the origins of technological decoupling. *Polis. Political Studies*. No. 3, pp. 20–38 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2023.03.03.

Demidov O.V. (2013). US Cyber Command: Lessons for Russia. *Indeks bezopasnosti*. Vol. 19, no 3, pp. 119-125 (in Russian).

Ellis R.E. (2022). *China Engages Latin America. Distorting Development and Democracy?* S.I.: Palgrave Macmillan, 288 pp.

Feenberg A. (1996). Marcuse or Habermas: Two critiques of technology. *Inquiry*. Vol. 39, no. 1, pp. 45-70.

Grishin S.E. (2011). The formation of a cybersecurity culture in society is an urgent task of our time. *Industry: Economics, Management, Technology*. No. 4, pp. 170-173 (in Russian).

Haughton S.A. (2021). Jamaica's Cybercrime and Cyber-Security. Policies. Laws and Strategies. In: *Routledge Companion to Global Cyber-Security Strategy*. London: Routledge, pp. 473-483. DOI: 10.4324/9780429399718-40.

Khlopov O.A. (2019). The prospects to establish unified a US Cyber Force. *Colloquium-Journal*. No. 15 (in Russian). DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10470.

Kosevich E.Yu. (2020). Cyber security strategies of Latin American Countries. *Iberoamerica*. No. 1, pp. 137-159 (in Spanish). DOI: 10.37656/s20768400-2020-1-07.

Kosevich E.Yu. (2022). Cyberspace security in Latin American countries. *Polis. Political Studies*. No. 3, pp. 108-123 (in Russian), DOI: 10.17976/jpps/2022.03.09

Kosevich, E. (2023). Cybersecurity, cyberspace and cyberthreats at the beginning of the 21st century: a Latin America typology and review. *Area Development and Policy*. No. 1, pp. 86-107. DOI: 10.1080/23792949.2023.2259972.

Koczerginski M., Wasser L.A., Lyons C. (2016). Cybersecurity – the legal landscape in Canada. *Mondaq*. January 12. Available at: <https://www.mondaq.com/canada/privacy-protection/457756/cybersecurity-the-legal-landscape-in-canada>, accessed: 11.09.2024.

Kobek L.P. (2017). The State of Cybersecurity in Mexico: An Overview // *Wilson Center. Mexico Institute*. No. 911. Available at: https://latixns.mx/wp-content/uploads/2017/03/cybersecurity_in_mexico_an_overview.pdf, accessed 11.09.2024.

Makarycheva A.V. (2018). Information security in Latin America: Adaptation Ways to the New Threats. *Latinskaia Amerika*. No. 1, pp. 45-53 (in Russian).

Martínez Cortés J.I. (2024). China and the United States' technological cybersecurity. *Cuadernos de Trabajo del Cechimex*. No. 1, pp. 1-20 (in Spanish).

Nye Jr. J.S. (2016). Deterrence and Dissuasion in Cyberspace. *International Security*. Vol. 41. no. 3. pp. 44-71. DOI: 10.1162/ISEC_a_00266.

Reith S. (2018). The Rediscovery of Latin America. Europe's Partner for Global Governance? *Konrad Adenauer Stiftung, Ausgaben*. No 4. pp. 77-91 (in German).

Rogovsky E.A. (2014). *Cyber Washington: Global Ambitions*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 848 pp. (in Russian).

Rose G. (1998). Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy. *World Politics*. Vol. 51, no. 1, pp. 144-172.

Saavedra B. (2023). Cybersecurity in Latin America: Challenges, Concerns, and Opportunities. *Centro de Estudios Estratégicos del Perú*. Pp. 193-219 (in Spanish). Available at: <https://ceeep.mil.pe/wp-content/uploads/2023/03/ciber-seguridad-america-latina.pdf>, accessed 13.03.2025.

Seoane M.V. (2022). To cyber hegemony between the USA and the OAS. *Belo Horizonte*. Vol. 10, no. 4, pp. 91-112 (in Spanish), DOI: 10.5752/P.2317-773X.2022v10n4p91-112.

Sharikov P.A. (2019). Evolution of American Cyber Security Policies. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63, no. 10. pp. 51-58 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-10-51-58.

Smekalova M.V. (2019). Evolution of U.S. policy approaches to ensuring cybersecurity and defense of critical information infrastructure. *Lomonosov World Politics Journal*. No. 1, pp. 47-69 (in Russian).

Solar C. (2023). *Cybersecurity Governance in Latin America. States, Threats, and Alliances*. Albany: State University of New York, 340 pp.

Spratt F. (2024). Cyberpower: The invisible race between China and the United States. *Centro de Estudios Estrategicos de Relaciones Internacionales*. Pp. 1-14 (in Spanish). Available at: <https://www.ceeriglobal.org/wp-content/uploads/2024/03/Informe-GI-PDF-1.pdf>, accessed 13.03.2025.

Stadnik I.T., Tsvetkova N.A. (2021). The place and role of Latin American countries in the system of international and regional cybersecurity. *Latinskaia Amerika*. No. 4, pp. 69-84 (in Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0014088-5.

The United States'... (2022). Goldsmith J. (ed.). *The United States' Defend Forward Cyber Strategy: A Comprehensive Legal Assessment*. New York: Oxford Academic, 371 pp. DOI: 10.1093/oso/9780197601792.001.0001.

Tsvetkova N.A., Bakirov R.R. (2019). U.S. Cybersecurity Policy – Evolution, Threats, and Opponents, 1990s–2010s. *Mezhdunarodnye otnosheniya*. No 4, pp. 86-96 (in Russian). DOI: 10.7256/2454-0641.2019.4.31601.

Vinogradova E.A. (2023). Artificial Intelligence technologies and the rise of cyber threats in Latin America. *Latinskaia Amerika*. No. 3, pp. 34-48 (in Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0024415-5.

Vicente Ferreria A.E. (2023). Cooperation in Hemispheric Cybersecurity and Cyberdefense Structures of the Countries of the Americas. *Colegio Interamericano de Defensa*. Pp. 1-106 (In Spanish).

Wilner A.S. (2019). US cyber deterrence: Practice guiding theory. *Journal of Strategic Studies*. Vol. 43, no. 2, pp.245-280. DOI: 10.1080/01402390.2018.1563779.

Weimann G. (2004). Cyberterrorism. How Real is the Threat? *United States Institute of Peace, Special Reports*. No. 119, 12 pp. Available at: <https://www.usip.org/sites/default/files/sr119.pdf>, accessed 11.09.2024.

Yakovlev P.O. (2020). Experience of government control of providing informative safety of the foreign states (on example of the United States of America, Canada, Germany, France). *The Journal of V. N. Karazin Kharkiv National University. Series Law*. No. 30, pp. 106-113 (in Ukrainian). DOI: 10.26565/2075-1834-2020-30-13.

Zinovieva E. (2019). Concepts of Cyberdeterrence and Digital Security Dilemma in the US Academic Literature. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 17, no. 3, pp. 51-65 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2019.17.3.58.4.

Актуальные вопросы безопасности

УДК 327.8(7/8::1*US:1*CH)
DOI: 10.31249/kgt/2025.02.10

Политика США в области информационной безопасности в Латинской Америке в контексте американо-китайского соперничества

Александр Дмитриевич ТРЕБУХ

аспирант Факультета мировой политики

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

Ленинские горы, д. 1, Москва, Российская Федерация, 119991

E-mail: alexandr.trebukh@yandex.ru

ORCID: 0009- 0007-2485-2573

ЦИТИРОВАНИЕ: Требух А.Д. Политика США в области информационной безопасности в Латинской Америке в контексте американо-китайского соперничества // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 2. С. 168–187.
DOI: 10.31249/kgt/2025.02.10

Статья поступила в редакцию 01.04.2025.

Исправленный текст представлен 07.05.2025.

АННОТАЦИЯ. Необходимость обеспечения кибербезопасности на национальном и региональном уровнях становится прямо пропорциональна совершенствованию средств связи и всё большего числа активных пользователей Интернета в развивающихся странах. В связи с этим Соединённые Штаты Америки всё внимательнее отслеживают рост цифровых уязвимостей, способных оказать негативное влияние как на страны Латинской Америки, так и на сами США. Однако исследования политики США в этой области остаются ограниченными в контексте американо-китайского соперничества

в регионе. Целью исследования стало определение особенностей подхода США в области информационной безопасности в Латинской Америке с учетом американо-китайского соперничества. Автор вводит в научный оборот ряд нормативных правовых актов правительственных ведомств США. Собранная автором источниковая база государственных документов исследуется через линзу теории комплексов региональной безопасности и неоклассического реализма. Проведенный анализ позволяет говорить о существовании межпартийного и общественного консенсуса в США по вопросу противодействия киберугрозам.

В региональном измерении политика США сопровождалась реактивностью и созданием инициатив ad hoc, региональных групп реагирования и фондов борьбы с последствиями кибератак, критикой внерегиональных акторов за использование кибертерроризма. Результаты исследования позволяют предположить, что США в краткосрочной перспективе будут стремиться выработать региональные стандарты обеспечения информационной безопасности на собственных стандартах, которые будут исключать и минимизировать наличие программного, аппаратного и сетевого обеспечения китайского производства в странах Латино-Карибской Америки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кибербезопасность, кибератака, киберугроза, Западное полушарие, информационная безопасность, соперничество великих держав, внешняя политика США, Китай, Дж. Байден.

Список литературы

- Барыгин И.Н., Болгов Р.В. ООН и политика кибербезопасности стран Латинской Америки // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 3. – С. 61–64.
- Батуева Е.В. Виртуальная реальность: концепция угроз информационной безопасности США и ее международная составляющая // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 3(36). – С. 128–136. – DOI: 10.24833/2071-8160-2014-3-36-128-136.
- Булавин А.В. О подходах США и Китая к обеспечению кибербезопасности // Общество: политика, экономика, право. – 2014. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-podhodah-ssha-i-kitaya-k-obespecheniyu-kiberbezopasnosti> (дата обращения: 24.01.2025).
- Виноградова Е.А. Технологии искусственного интеллекта и нарастающие киберугрозы в Латинской Америке // Латинская Америка. – 2023. – № 3. – С. 34–48. – DOI: 10.31857/S0044748X0024415-5.
- Гришин С.Е. Формирование культуры кибербезопасности в обществе: актуальная задача современности // Промышленность: экономика, управление, технологии. – 2011. – № 4. – С. 170–173.
- Дегтерев Д.А., Пискунов Д.А., Еремин А.А. 5G-конкуренция США и КНР в странах Латинской Америки: у истоков технологического декаплинга // Полис. Политические исследования. – 2023. – №3. – С. 20–38. – DOI: 10.17976/jpps/2023.03.03.
- Демидов О.В. Киберкомандование США: уроки для России // Индекс безопасности. – 2013. – Т. 19, № 3. – С. 119–125.
- Зиновьева Е.С. Киберсдерживание и цифровая дилемма безопасности в американском экспертном дискурсе // Международные процессы. – 2019. – Т. 17, № 3. – С. 51–65. – DOI: 10.17994/IT.2019.
- Косевич Е.Ю. Защита киберпространства в странах Латинской Америки // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 3. – С. 108–123. – DOI: 10.17976/jpps/2022.03.09.
- Макарычева А.В. Информационная безопасность в Латинской Америке: пути адаптации к новым угрозам // Латинская Америка. – 2018. – № 1. – С. 45–53.
- Роговский Е.А. Кибер-Вашингтон: глобальные амбиции. – Москва: Международные отношения, 2014. – 848 с.
- Смекалова М.В. Эволюция доктринальных подходов США к обеспечению кибербезопасности и защите критической инфраструктуры // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2019. – № 1. – С. 47–69.
- Стадник И.Т., Цветкова Н.А. Место и роль стран Латинской Америки в системе международной и региональной

кибербезопасности // Латинская Америка. – 2021. – № 4. – DOI: 10.31857/S0044748X0014088-5.

Хлопов О.А. Перспективы создания единых кибервойск США // Colloquium-Journal. – 2019. – № 15. – DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10470.

Цветкова Н.А., Бакиров Р.Р. Политика кибербезопасности США – эволюция, угрозы и оппоненты, 1990–2010-е гг. // Международные отношения. – 2019. – № 4. – С. 86–96. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-kiberbezopasnosti-ssha-evolyutsiya-ugrozy-i-opponenty-1990-2010-e-gg> (дата обращения: 10.09.2024).

Шариков П.А. Эволюция американской политики кибербезопасности // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 10. – С. 51–58. – DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-10-51-58.

A Comprehensive Study About Cybersecurity Incident Response Capabilities in Ecuador / Andrade R.O. et al. // Innovation and Research – A Driving Force for Socio-Econo-Technological Development / Ed. by M. Botto-Tobar, M. Zambrano Vizuite, A. Díaz Cadena. – [S.l.] : Springer Science and Business Media Deutschland GmbH, 2020. – P. 281–292. – DOI: 10.1007/978-3-030-60467-7_24.

Are China and Russia on the Cyber Offensive in Latin America and the Caribbean? A Review of Their Cyber Capabilities and Implications for the U.S. and its Partners in the Region / Morgus R. [et al.] // FIU, Research Publications. – 2019. – N 31. – P. 1–50.

Burt S.K. President Obama and China: cyberdiplomacyandstrategyforanewera// Journal of Cyber Policy. – 2023. – Vol. 8, N 1. – P. 48–66. – DOI: 10.1080/23738871.2023.2282688.

Buzan B., Waever O. Regions and Power: The Structure of International Security. – [S.l.]: Cambridge University Press, 2003. – 592 p.

Ellis R.E. China Engages Latin America: Distorting Development and Democracy? – [S.l.] : Palgrave Macmillan, 2022. – 288 p.

Feenberg A. Marcuse or Habermas: Two critiques of technology // Inquiry. – 1996. – Vol. 39, N 1. – P. 45–70.

Haughton S.A. Jamaica's Cybercrime and Cyber-Security: Policies, Laws and Strategies // Routledge Companion to Global Cyber-Security Strategy. – London : Routledge, 2021. – P. 473–483. – DOI: 10.4324/9780429399718-40.

Kobek L.P. The State of Cybersecurity in Mexico: An Overview // Wilson Center Mexico Institute. – 2017. – N 911. – URL: https://latixns.mx/wp-content/uploads/2017/03/cybersecurity_in_mexico_an_overview.pdf (дата обращения: 11.09.2024).

Koczerginski M., Wasser L.A., Lyons C. Cybersecurity – the legal landscape in Canada // Mondaq. – 2016. – January 12. – URL: <https://www.mondaq.com/canada/privacy-protection/457756/cybersecurity-the-legal-landscape-in-canada> (дата обращения: 11.09.2024).

Kosevich E. Cybersecurity, cyberspace and cyberthreats at the beginning of the 21st century: a Latin America typology and review // Area Development and Policy. – 2023. – N 1. – P. 86–107. – DOI: 10.1080/23792949.2023.2259972.

Kosevich E.Yu. Estrategias de seguridad cibernética en los países de América Latina // Iberoamerica. – 2020. – N 1. – P. 137–159. – Исп. яз. – DOI: 10.37656/s20768400-2020-1-07.

Martínez Cortés J.I. La ciberseguridad tecnológica de China y Estados Unidos // Cuadernos de Trabajo del Cechimex. – 2024. – N 1. – P. 1–20. – Исп. яз.

Nye Jr. J.S. Deterrence and Dissuasion in Cyberspace // International Security. – 2016. – Vol. 41, N 3. – P. 44–71. – DOI: 10.1162/ISEC_a_00266.

Reith S. Die Wiederentdeckung Lateinamerikas. Europas Partner für eine

globale Ordnungspolitik? // Konrad Adenauer Stiftung, Ausgaben. – 2018. – N 4. – S. 77–91. – Нем. яз.

Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // *World Politics*. – 1998. – Vol. 51, N 1. – P. 144–172.

Saavedra B. Ciberseguridad en América Latina: Retos, Preocupaciones y Oportunidades // Centro de Estudios Estratégicos del Perú. – 2023. – P. 193–219. – Исп. яз. – URL: <https://ceeep.mil.pe/wp-content/uploads/2023/03/ciber-seguridad-america-latina.pdf> (дата обращения: 13.03.2025).

Seoane M.V. A ciberhegemonia dos EUA na OEA // *Belo Horizonte*. – 2022. – Vol. 10, N 4. – P. 91–112. – Исп. яз. – DOI: 10.5752/P.2317-773X.2022v10n4p91-112.

Solar C. Cybersecurity Governance in Latin America. States, Threats, and Alliances. – Albany : State University of New York, 2023. – 340 p.

Spratt F. El ciberpoder: La carrera invisible entre China y Estados Unidos // Centro de Estudios Estratégicos de Relaciones Internacionales. – 2024. – P. 1–14. – Исп. яз. – URL: <https://www.ceeriglobal.org/wp-content/uploads/2024/03/Informe-GI-PDF-1.pdf> (дата обращения: 13.03.2025).

The United States' Defend Forward Cyber Strategy: A Comprehensive Legal Assessment / Ed. by J. Goldsmith. – New York: Oxford Academic, 2022. – 371 p. – DOI: 10.1093/oso/9780197601792.001.0001.

Vicente Ferreria A.E. Cooperación en Ciberseguridad y Ciberdefensa Hemisférica: Estructuras de los Países de las Américas // Colegio Interamericano de Defensa. – 2023. – P. 1–106. – Исп. яз.

Weimann G. Cyberterrorism. How Real is the Threat? // United States Institute of Peace Special Reports. – 2024. – N 119. – 12 p. – URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/sr119.pdf> (дата обращения: 11.09.2024).

Wilner A.S. US cyber deterrence: Practice guiding theory // *Journal of Strategic Studies*. – 2019. – Vol. 43, N 2. – P. 245–280. – DOI: 10.1080/01402390.2018.1563779.

Яковлев П.О. Досвід державного регулювання забезпечення інформаційної безпеки зарубіжних держав (на прикладі США, Канади, Німеччини, Франції) // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія «Право». – 2020. – № 30. – С. 106–113. – Укр. яз. – DOI: 10.26565/2075-1834-2020-30-13.

Социальные трансформации

УДК 323.3(1*RU)

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.11

Самореализация vs семья: дилемма поколения Z в контексте демографической политики (на примере российского студенчества)

Илья Эрнстович СТРЕЛЕЦ

кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии
Факультета управления и политики

Московский государственный институт (университет) международных
отношений МИД России

проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454;

научный сотрудник Отдела междисциплинарных исследований

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: sagitil@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3520-2502

Денис Сергеевич МУХОРТОВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1
Факультета международных отношений

Московский государственный институт (университет) международных
отношений МИД России

проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454;

научный сотрудник Отдела междисциплинарных исследований

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: dennismoukhortov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8174-7055

Алёна Сергеевна ЛЕПИЛИНА

эксперт цифровой кафедры

Московский государственный институт (университет) международных
отношений МИД России

проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454

E-mail: sharimapic@gmail.com

ORCID: 0009-0004-3853-6836

Артём Владиславович ПАРЕНКОВ

аспирант кафедры сравнительной политологии Факультета управления
и политики

Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД России
проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454;
сотрудник
Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова
Яковоапостольский переулок, д. 10, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация,
105064
E-mail: wtemik@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1692-0410

ЦИТИРОВАНИЕ: Стрелец И.С., Мухортов Д.С., Лепилина А.С., Паренков А.В. Самореализация vs семья: дилемма поколения Z в контексте демографической политики (на примере российского студенчества) // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 2. С. 188–205. DOI: 10.31249/kgt/2025.02.11

Статья поступила в редакцию 10.12.2024.
Исправленный текст представлен 05.04.2025.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта «Инструменты повышения эффективности государственной политики по продвижению ценности семьи в студенческой цифровой среде» (государственный номер 124101700550-4) при ИНИОН РАН по итогам отбора научных проектов при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и ЭИСИ.

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена определению факторов, затрудняющих создание семьи и деторождение представителями молодого поколения, на примере студентов. Поиск решений проблем, связанных с реализацией демографической политики современной России, осуществляется с применением постпозитивистских подходов: агент-структурной модели, с позиций социального конструктивизма. На основании проведенного опроса методом стратифицированной выборки среди студентов бакалавриата и магистратуры (n = 304) Москвы, Владивостока, Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга, Сургута, Чебоксар был сделан вывод о необходимости учитывать психологические и поколенческие факторы в процессе выработки решений в области демографической политики, которые на сегодняшний момент не принимаются во внимание. Высокая степень уверенности молодых людей*

в завтрашнем дне (как детерминанта при анализе перспектив создания семьи) формируется на основе текущих прогнозов индивидов об их будущем материальном положении. Используемые же на данный момент финансово-экономические инструменты демографической политики не являются первопричиной для принятия положительного решения, а лишь косвенно способствуют формированию этой уверенности. В данной работе сформулированы предложения, способствующие переопределению общественного консенсуса относительно семантики образа успешного человека и понятия «успех», а также реформированию страха неопределенности будущего и использования его в качестве эмоционального триггера на этапе реализации выбора в пользу создания семьи и деторождения. Публикация материала призвана способствовать разработке новой, действенной стратегии демографической политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: институт семьи и брака, демографическая политика, ценность семьи, студенческая молодежь, поколение Z, социальный конструктивизм, постпозитивизм.

Современные исследователи в области социальной психологии и политической социологии, включая авторов статьи, отмечают наличие серьезных изменений в аксиологии института семьи и брака [Ардельянова, Саидов, 2018; Стрелец, Мухортов, Маркова, 2024; Стрелец, Мухортов, Захарова, 2024]. В научной среде непрерывно подчеркивалась безотлагательность переосмысления существующих подходов к решению проблем демографии [Троцук, Парамонова, 2016], поскольку используемые государством механизмы поддержки семьи не всегда демонстрировали желаемую эффективность. А теперь и само государство обозначило как масштабность проблем, так и необходимость скорейшего их разрешения¹.

В настоящем исследовании анализируется процесс восприятия соци-

ально-экономической реальности «зумами» (методология описания этого поколения опирается на работы [Ditock, 2019; Радаев, 2020; Twenge, 2023]), то есть молодыми людьми, родившимися с 1999/2000 по 2010 год и обладающими определенными особенностями мышления и мировосприятия. В фокусе внимания были представители студенческой молодежи.

Влияние социального пространства на ценностные установки молодежи

Социальные сети, мессенджеры и видеохостинги формируют виртуальную среду, которая на сегодняшний день представляет собой, в терминологии П. Бурдьё, социальное пространство [Бурдьё, 1993], тесно переплетенное с реальной средой. Будучи единым целым, оно вынуждает участников подчиняться негласному своду норм и правил взаимодействия, которые при этом находятся в процессе постоянной трансформации [Сюнтюренко,

1 Так, 15 марта 2025 г. распоряжением Правительства Российской Федерации была утверждена Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года. В этом важнейшем документе дана максимально объективная оценка текущей ситуации в заявленной сфере.

В частности, указывается, что в процессе прохождения нынешнего «этапа демографического перехода» в Российской Федерации, как и во всех странах, наблюдается известный набор тенденций, и «эти процессы негативно отражаются на показателях естественного движения населения, с 2017 г. [в стране] наблюдается естественная убыль населения. <...> В 2006 г., когда разрабатывалась Концепция демографической политики, число женщин репродуктивного возраста составляло 39,4 млн. К 2023 г. оно снизилось до 34,2 млн, и, как показывает демографический прогноз Федеральной службы государственной статистики, эта тенденция сохранится до 2046 г. <...>

Сегодня преобладает такая модель жизненного цикла, когда молодые люди сначала реализуются в профессиональной сфере, добиваются финансовой самостоятельности и только потом принимают решения о создании семьи и рождении детей. <...>

Несмотря на достигнутые успехи по существенному снижению уровня бедности с 15,2% в 2006 г. до 8,3% в 2023 г. (за январь – сентябрь 2024 г. – 8,6%), недостаточные доходы значительной части семей, высокая степень закредитованности не позволяют принимать решения о рождении детей. При этом **потенциал влияния социальных мер на повышение благосостояния семей с детьми практически исчерпан, поэтому дальнейшую положительную динамику роста доходов необходимо будет обеспечить экономическими инструментами.** <...>

По данным прогноза Федеральной службы государственной статистики, увеличение числа женщин в возрасте 20–29 лет, на долю которых приходится 44% всех рождений, начнется только после 2026 г., при этом оно будет незначительное. Таким образом, ожидается долгосрочная тенденция снижения числа женщин репродуктивного возраста – до 33,2 млн в 2030 г., 31,1 млн в 2036 г., 27,4 млн в 2046 г. <...>

Уровень рождаемости имеет высокую региональную дифференциацию. При суммарном коэффициенте рождаемости в Российской Федерации, равном в 2023 г. 1,41, у 41 субъекта Российской Федерации уровень рождаемости ниже этого значения, а в 2 субъектах Российской Федерации уровень рождаемости имеет значение ниже 1. <...> Ценность рождения детей напрямую связана с ценностью брака. <...> Молодежь склонна к отдалению регистрации брака и проверке чувств совместным проживанием».

2015]. Отмечается, что оно реализует себя уже в качестве полноценного института социализации молодых людей, способного влиять на их поведение и идентичность [Айснер, Наумов, 2020].

Высокая реактивность и хаотичность информационного потока, особенно негативных новостей, создает у молодого поколения ощущение непостоянства и непредсказуемости будущего, что в конечном счете приводит к росту социальной тревожности [Adolescent Media Use..., 2022] и торможению репродуктивных намерений².

Переход крупных социальных сетей и поисковиков к использованию алгоритмов персонализированных рекомендаций создал специфическую среду, в результате постоянного взаимодействия с которой подростки привыкли к автономной подстройке контента под их личные интеллектуальные потребности [Pariser, 2011], а значит, стали воспринимать ориентированность на собственное «я» и уважение их личных целей и ценностей остальными агентами коммуникации как норму. Вследствие этого произошло усиление индивидуалистской ментальности. Следует отметить, что изменение ценностно-смысловых ориентаций российской молодежи в направлении более эгоцентрических установок соотносится с общемировыми тенденциями [Горбунова, 2021].

Новый образ мышления стал постепенно превалировать в обществе постдемографического перехода, его главной «вирусной программой» стало изменение представлений целого поколения молодых людей о роли семьи в их жизни. Поиск ответа на вопрос «как изменить ситуацию?» требует небольшого погружения в первопричины, главной из которой следует назвать

развитие постструктурализма в середине XX в.

Одна из системообразующих идей постструктурализма – концепция «дифферанса» Ж. Дерриды – бросает вызов традиционному представлению о стабильном, познаваемом мире с четко закрепленными смыслами, отраженными в языке. Вместо этого она предполагает, что язык суть постоянно изменяющаяся система различий, где значение слова всегда неуловимо и «отсрочено», поскольку задается с помощью других слов, таким образом создавая рекурсию и неуловимость смыслов. Кроме того, дифферанс является одним из центральных понятий в рамках механизма деконструкции. В свою очередь, деконструкция, как один из присущих культуре постмодерна способов мышления, стремится раскрыть внутреннюю нестабильность и противоречия в текстах и системах мысли через демонстрацию того, что смысл чего-либо не является фиксированной категорией [Усовская, 2022].

Таким образом, стало проявляться разрушительное следствие социализации поколения Z в виртуальном мире – формирование деконструирующего, ироничного отношения к смыслу. Поколение, выросшее с постоянным доступом к Интернету, обладает немислимой на протяжении всей человеческой истории возможностью соприкасаться с бесконечными, формирующимися стихийно потоками информации, где читатель одновременно является автором дискурса, где процесс конструирования значений и смыслов, как и интертекстуальность, фактически возведен в абсолют. Результат длительного взаимодействия с этой хаотичной средой выражается в двух категориях мышления постструктуралистского

2 Потомство откладывают на потом // Коммерсантъ. – 2024. – 16 сентября. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/7146467?from=doc_vrez (дата обращения: 14.09.2024).

толка: постмодерне и метамодерне. С начала 2000-х годов в молодежной культуре происходит постепенный переход от первого типа ко второму [Усовская, 2018].

В своей статье «Записки о метамодернизме» культурологи Т. Вермелен и Р. ван ден Аккер охарактеризовали эту категорию как «срединную позицию» между иронией постмодерна (нигилистическое мировоззрение, сарказм, недоверие к «глобальным нарративам», предлагающим единственно верную, всеобъемлющую точку зрения на мир) и энтузиазмом модерна (утопизм, вера в человечество и торжество разума) [Vermeulen, van den Akker, 2010]. Это своего рода «прагматичный идеализм», при котором стремления и идеи модерна выглядят наивными и фанатичными, а деконструирующее мышление постмодерна – не в меру скептическим и вызывающим апатию.

Таким образом, метамодерн как тип мышления порождает парадоксальное двоемыслие, одновременную веру в идею и ее отрицание: открыто признавая, что у человечества нет конечной цели, он черпает вдохновение из навеянной модерном веры в лучшее будущее и прогресс, стремясь построить его по наилучшему из сценариев.

Постмодерновые категории мышления предполагают, что смысл, ранее обладавший самоценностью для человека, прекращает занимать центральное место в его жизни в результате постоянного неосознанного применения механизмов деконструкции. Человеку постмодерна присущ своего рода «социальный нигилизм», подразумевающий разрушение существующей системы, – будь то моральные, культурные или социальные нормы, без предло-

жения надлежащих альтернатив [Пискарев, 2019].

При таком подходе к мышлению прослеживается пренебрежение к ценности самой категории смысла: что угодно может стать объектом циничного глумления, ценность любой точки зрения сводится к нулю. Однако с учетом постулата К.Г. Юнга о том, что для человека архетип смысла является неотъемлемой частью его психики [Юнг, 2019], отрицание ценности смысла и его утрата создают своеобразный смысловой голод, приводящий к различного рода психическим заболеваниям. Французский философ Ж. Липовецки описывал такое состояние как «метания между гедонистическим экстазом и экзистенциальным ужасом» [цит. по: Vermeulen, van den Akker, 2010].

Мышление метамодерна, напротив, характеризуется возвращением обратно к самоценности смысла, что является своеобразной попыткой человеческой психики заполнить смысловой и ценностный голод, появляющийся в результате постоянного применения деконструкции в отношении явлений окружающего мира. Таким образом появился и феномен «новой искренности», который используют в своей деятельности специалисты по работе с общественностью [Стулова, 2020].

Согласно исследованиям политтехнолога Е.Н. Минченко, поколению Z наиболее всего свойственен именно метамодерн как стиль мышления³. С учетом стоящих перед демографической политикой государства задач это можно назвать позитивной тенденцией: уход от тотального пренебрежения смыслом свидетельствует о существовании более благоприятной

3 Информационные операции и нарративы сторон Украинского кризиса. Лекция Е.Н. Минченко в МГИМО. 16 июня 2022 г. // Youtube [Electronic source]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=js13eJpMggo> (дата обращения: 14.09.2024).

среды для распространения семейных ценностей, чем повсеместная, всеобъемлющая ирония и отрицание постмодерна⁴.

Однако важно иметь в виду, что грань между иронией и реальностью в метамодерновом сознании молодежи невероятно тонка, и любой смысл, обладающий самооценностью для индивида, рискует подвергнуться иронизированию. Кроме того, в условиях невозможности внедрения «большой идеологии» носители данных смыслов становятся носителями «мини-идеологий» (процесс перехода от «большой идеологии» к «мини-идеологиям» в российских реалиях рассмотрен в работах О.Ю. Малиновой, в частности в [Малинова, 2014]), порою не совпадающих или даже конкурирующих между собой. В результате общественное сознание наводняется множеством смыслов, каждый из которых может быть ценен для одного индивида, но не нести никакой ценности для другого. Данный фактор необходимо не просто учитывать, а придавать ему первостепенное значение.

Проблема трансформации ценности семьи в контексте метамодернового мышления имеет ряд аспектов.

Прежде всего, наблюдается разрыв в мировоззрении между поколением, формирующим и реализующим молодежную и демографическую политику (мышление модерна), и целевой аудиторией этой политики – молодежью (метамодерн).

Централизованные, «нисходящие» призывы со стороны государства к созданию семьи и рождению детей воспринимаются молодыми людьми как чуждые, непонятные, а потому рассматриваются сквозь призму иронии

и постиронии, свойственную представителям поколения Z. Прямые попытки «пристыдить» молодежь за индивидуалистические установки или желание реализовать собственные жизненные цели расцениваются как нападки на их идентичность и ценности, подчеркивание их неполноценности, что в конечном счете приводит к негативным последствиям, включая снижение уровня доверия к государственным институтам.

Материалы эмпирического исследования

В рамках настоящего исследования методом анкетирования был проведен опрос, основной целью которого было получение подтверждения правомочности вышеизложенных тезисов, а также поиск путей решения обозначенной проблемы. Среди прочего были собраны сведения об отношении респондентов как к аспектам материального благополучия, так и психологическим аспектам репродуктивного поведения.

Опрос проводился анонимно, анкета включала в себя 13 закрытых вопросов по обоим из обозначенных ранее аспектов. Поиск респондентов осуществлялся методом стихийного отбора через рассылку представителям учебных заведений в вошедших в выборку городах, которые отбирались по принципу доступности на момент проведения исследования. Важным критерием при этом был охват различных регионов по уровню социально-экономического развития, благосостояния населения и численности проживающих в нем граждан (по классификации Ю.Л. Пивоварова, города-миллионники, крупнейшие, крупные города). Во-

4 В последнем случае было бы фактически невозможно перейти через «ментальный барьер» индивида, который он сформировал в ходе постоянной деконструкции смыслов, постепенно ставшей его стандартным паттерном мышления.

просы предполагали возможность выбора ответа.

В опросе приняли участие 304 человека – студенты бакалавриата и магистратуры. Более половины опрошенных (52,3%) проживают в г. Москве, еще 29,6% – в столицах регионов России. На Санкт-Петербург приходится 9,5% опрошенных, на малые города – 8,6%. Распределение занимающихся только учебой и совмещающих работу и учебу выражено примерно поровну: 47,4 и 52,6%. Соотношение учащихся младших курсов, старших курсов бакалавриата и магистратуры практически находится в равных пропорциях.

Подавляющее большинство опрошенных (73,7%) оценивают государственную политику России в области демографии как местами давящую и требовательную по отношению к молодежи. Только 13,5% считают проводимую политику достаточной и 12,8% полагают, что она проводится недостаточно активно.

Аспект психологического восприятия демографической политики был подкреплен также дополнительным вопросом об эмоциях, которые у опрошенных вызывают новые инициативы. Так, у 33,2% данная политика вызывает гнев и отрицание, у 30,9% – беспокойство. 22,4% респондентов равнодушны к принимаемым инициативам и только у 13,5% проводимая ныне политика вызывает одобрение. Таким образом, 64,1% испытывают отрицательные эмоции при восприятии проводимой на данном этапе политики.

При перечислении факторов, отталкивающих от создания семьи, молодым людям предлагалось выбрать несколько наиболее значимых персонально для них. Были названы экономические трудности (76,3% опрошенных), неуверенность в будущем (63,5%) и труд-

ности с поиском партнера (55,6%). Несколько менее важной стала необходимость фокусироваться на карьере (52,3%). Среди факторов, наименее значимых для молодых людей, – стремление сохранить личную свободу (40,5%) и нежелание брать ответственность (20,1%).

Отдельно затронутые вопросы об отношении к семье и детям показали следующий результат: для абсолютного большинства опрошенных – 85,5% – семья является опорой и только для 14,5% – бременем.

Противоположная картина наблюдается при отношении к идее деторождения: 61,5% не считают, что дети являются инвестицией в будущее, против 38,5%, согласившихся с данным утверждением. При этом большинство респондентов допускают деторождение в перспективе: 46,1% – в течение 10–15 лет, еще 17,1% рассматривают такую возможность в ближайшее время, 24,7% не выразили точной уверенности и только 12,2% выразили однозначный отказ.

Проведенный опрос также ставил целью выявить основные пути решения молодыми людьми проблемы «персоны» в юнгианском понимании – как образа себя, предъявляемого окружающим, без того, что скрывается от социума – тени.

Первостепенным «критерием успешности» человека оказалась материальная обеспеченность (77,6%). Вторым по значимости – дружная семья (60,2%), третьим – духовность (48%). Чуть меньше баллов набрала ориентация на карьерный рост (43,8%), еще ряд опрошенных посчитали, что внешние критерии не играют роли (28,3%). Наименьшее признание получили критерии известности (11,2%), популярности у противоположного пола (3,6%), наличия ребенка (3,6%) или множества детей (4,6%).

Интерпретация результатов

Выбор молодых людей в пользу духовности и отношения к семье как к опоре свидетельствует о высоком значении для них ценности семьи и готовности вступать в брак. Кроме того, не наблюдается однозначного отказа от деторождения, большинство опрошенных (суммарно 63,2%) готовы завести детей, однако не обязательно в краткосрочной перспективе. Основными причинами отложенного деторождения являются потенциальные экономические трудности в случае создания семьи и неуверенность в собственном будущем. В целом данная тенденция соотносится с особенностями второго демографического перехода, при котором возраст рождения первого ребенка повышается.

Парадоксален тот факт, что само по себе наличие детей на сегодняшний день всё еще не является атрибутом личного успеха (суммарно лишь 8,2% опрошенных указали на этот критерий), а дружная семья фигурирует на 2-м месте среди его основных атрибутов.

В сознании современного студенчества наблюдается психологическое разделение «семьи прошлого», в которой молодые люди выросли сами, и «семьи будущего», которую они потенциально могут создать.

На отсутствие преимущества в концепте семьи указывает и то, что подавляющее большинство воспринимает семью как опору, а не как бремя, но при этом около 62% респондентов не считают рождение детей инвестицией в будущее (то есть оно потенциально может оказаться обременительным и «нерентабельным»), что отчасти создает логическую коллизию.

Опрос показывает неудовлетворенность большинства респондентов демографической политикой, прово-

димой государством. Молодые люди видят ее давящей и требовательной, что при соотнесении с факторами, препятствующими деторождению, формирует в их сознании картину, в которой государство принуждает заводить детей в неподходящих для этого экономических условиях при существовании высоких социальных стандартов, предполагающих наличие у молодых родителей стабильной материальной обеспеченности, достижение которой на самом деле требует колоссальных временных и трудовых вложений. Нереалистичность ожиданий государства выражается в эмоциях гнева и беспокойства, неуверенности в будущем, в конечном счете приводя к еще большему оттягиванию момента рождения первого ребенка. Данная особенность может свидетельствовать о том, что проводимая демографическая политика всё еще не учитывает психологию молодого поколения.

Взаимодействие зумера и общества с точки зрения агент-структурного подхода

В поисках понимания сложившейся ситуации предлагается рассматривать систему отношений между представителем поколения Z и обществом постдемографического перехода с точки зрения агент-структурного подхода, фундаментальной теоретической модели в рамках социального конструктивизма.

Согласно данной парадигме, социальные конструкты, представляющие собой совокупность разделяемых в обществе идей, норм и ценностей, оказывают существенное влияние на поведение индивидов как социальных агентов. В свою очередь, действия агентов способствуют трансформации самих конструктов, возникает динамичная ситуация взаимного консти-

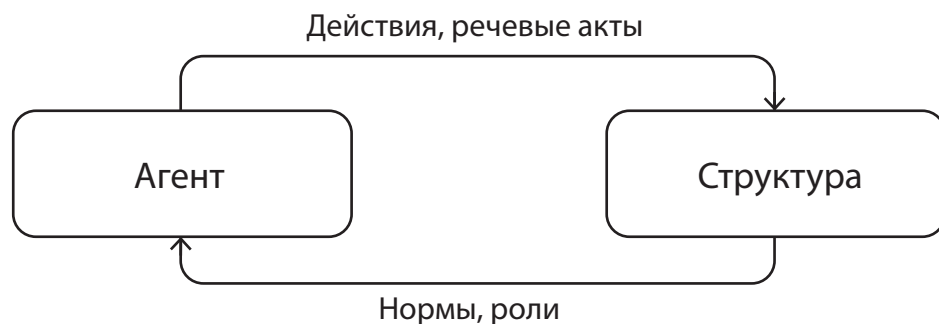

Рисунок 1. Модель агент-структурного подхода

Figure 1. Agent-structured approach model

Источник: выполнено авторами.

туирования социальной реальности [Wendt, 1987]. При этом они не только определяют поведение индивидов, но и в долгосрочной перспективе влияют на идентичность, ценностные ориентации и социальные установки агентов (в социологии подобный подход описан в теории структуризации Э. Гидденса [Giddens, 1979]).

Модель агент-структурного подхода схематично изображена на рисунке 1.

В рамках указанного подхода можно выделить два основных измерения взаимодействия, каждое из которых имеет особую специфику в условиях высокого уровня жизни и социального благополучия в государстве⁵.

1) **Фактор структуры.** С целью описания эффекта давления внешней среды на индивида обратимся к аналитической психологии, а именно к понятию *персоны*, сформулированному К.Г. Юнгом. Согласно теории бессознательно-го, персоне, представляющая из себя элемент коллективной психики, – это маска человека, образ себя, кото-

рый он являет миру. Это своеобразный компромисс между индивидом и обществом в споре о том, как должен выглядеть человек, какова его роль, какие функции он должен выполнять в обществе [Юнг, 2021]. Некоторые индивиды имеют склонность посвящать ее проработке значительную часть своей жизни, «вытачивая» социально приемлемый образ себя.

Современное общество накладывает на индивида определенные ожидания, создает социальное давление, выраженное в необходимости подходить под определенный стандарт. В терминах П. Бурдьё, «происходит символическое насилие» – навязывание категорий восприятия и мышления, легитимизирующих существующие социальные нормы и порядок [Bourdieu, Passeron, Nice, 1977].

Общественное давление выражается в необходимости обладать «достаточными атрибутами» для создания семьи, планка которых в условиях общества с высоким уровнем жизни

5 В данном случае учитывается закономерность в рамках второго демографического перехода, согласно которой в результате трансформации модели экономики видоизменяются и стимулы к деторождению, предпочтительным становится позднее деторождение и создание семьи с одним-двумя детьми.

находится достаточно высоко. Более того, общественные ожидания подразумевают необходимость обеспечить достойное будущее и ребенку: не только удовлетворить его материальные нужды, но и дать качественное образование. Таким образом, достижение приемлемого уровня дохода для соответствия этим «требованиям» становится долгосрочной задачей.

Их осознание индивидом приводит к явлению, которое мы называем «проблемой персоны». Она заключается в том, что под влиянием высоких социальных ожиданий, культа карьеры, продуктивности и самодостаточности молодые люди склонны откладывать рождение ребенка, полагая, что оно может воспрепятствовать обеспечению соответствия социальным требованиям, подпадающим под категорию успеха.

2) Фактор личности. Благоприятная социально-экономическая ситуация в стране и высокий уровень доступности ресурсов создают беспрецедентные возможности для самореализации. Выживание, являвшееся первоочередной задачей для предыдущих поколений, уступает место потребностям высшего порядка: наблюдается масштабный переход от базовых физиологических потребностей к потребностям в самоактуализации и раскрытии личностного потенциала. Для современной молодежи самореализация, достижение индивидуальных целей и удовлетворение собственных желаний становятся ключевыми ценностными ориентирами. Примечательно, что эти ценности не просто дополняют базовые потребности, а формируют новый уровень социальной нормы, приобретая абсолютный характер.

В этой системе ценностей создание семьи и рождение детей могут восприниматься как необязательный элемент или даже как препятствие на пути к са-

мореализации. Уход за детьми предполагает значительные временные, финансовые и эмоциональные затраты, которые могут вступать в конфликт с гедонистическими установками и стремлением «жить для себя».

Таким образом, в сознании молодых людей с ярко выраженными индивидуалистическими установками идея создания семьи приобретает негативную коннотацию, ассоциируется с потерей свободы и ограничением возможностей для самореализации.

В этом двустороннем взаимодействии индивид оказывается зажат между тисками своих собственных (как правило, эгоистических) намерений и мотивов и ожиданиями общества, которые оно на него налагает. Поведение человека в обществе является синтезом этих двух переменных в разных пропорциях. При этом в указанную двусоставную систему общественных отношений не вписывается создание семьи.

Психологические процессы воображения будущих сценариев и оценки их предполагаемого воздействия на эмоции индивида отражены в концепции аффективного прогнозирования, предложенной психологами Т. Вильсоном и Д. Гильбертом [Wilson, Gilbert, 2003]. В случае визуализации негативного сценария тревога из-за неизвестности, «тень будущего» оказывают психологическое давление на индивида, задают эмоциональный триггер, в результате которого он склонен предпринимать действия для самоуспокоения (как правило, с целью предотвращения неблагоприятного исхода).

При этом изменение представлений в сознании индивида о протекающих в объективной реальности процессах возможно и без действительных перемен в ней. О феномене не соответствующей реальности «картинки в голове»

писал У. Липманн [Lippmann, 2017] еще в первой половине XX в. или в конце XX в. Ж. Бодрийяр в работах, посвященных симулякрам (например, [Бодрийяр, 2017]).

Выводы и замечания

Интерпретативистский (постпозитивистский) подход позволяет взглянуть на проблему принятия решений о создании семьи с принципиально новой, нетривиальной позиции. Так, объективные результаты мер поддержки семей со стороны государства проходят через фильтр оценочных суждений индивидов, изменяя и дополняя их представления о том, действительно ли они готовы к созданию семьи. Окончательное решение принимается с опорой на умозрительные представления индивидов о собственном финансовом положении в текущий момент и в будущем. При этом оценки собственного благополучия могут склоняться в позитивном или негативном направлении даже при отсутствии любых изменений в своем финансовом положении в объективной реальности, например при чтении прогнозов об инфляции или росте ключевой ставки. Даже в ситуации, когда реализация этого конкретного негативного сценария не может быть гарантирована, индивид снижает оценку собственной финансовой устойчивости в силу инфляционных ожиданий и лишь предполагаемого роста цен на жилье.

Реализуемые на данный момент в России инициативы демографической политики в сфере финансовой поддержки семей показывают определенную эффективность прежде всего потому, что они опосредованно воздействуют на психологический компонент проблемы создания семьи, а именно смягчают страх потенциальных материальных сложностей

и неопределенности в будущем. Таким образом, посредством косвенного психологического воздействия нивелируется эффект «аффективного прогнозирования» негативных сценариев, связанных с созданием семьи. В условиях, когда именно интерпретации настоящего и сложившийся на их основе образ будущего (а не объективная реальность) детерминируют создание семьи, экономические меры поддержки являются лишь прокси-элементом в формуле изменения репродуктивных установок, на которые потенциально можно воздействовать и напрямую, с помощью нефинансовых инструментов.

Схемы мышления и стратегии действия индивидов, формируемые в ходе социализации («габитус» в терминах П. Бурдьё), могут подвергаться изменениям [Бурдьё, 1998]. Поэтому решение о целесообразности рождения ребенка может стать следствием воздействия на представления молодых людей о стабильном будущем через смещение акцентов на позитивные долгосрочные аспекты создания семьи, понятные и близкие самой молодежи. Основным продвигаемым нарративом в таком случае может и должна стать тема «создание семьи – не преграда, а надежный путь к личному успеху».

Проведенный анализ указывает на то, что инструментарий для реализации действенных мер демографической политики гораздо шире, чем используемый в данный момент государством. Значительная часть задач и методов с нереализованным потенциалом лежит в области психологии и работы с общественностью.

Меры социально-экономической поддержки сами по себе к существенному повышению рождаемости не приводят, поскольку финальное решение принимается на уровне человеческого сознания и абстрактного планирова-

ния, «отгороженного» от реальности большим количеством искажений. Если же существующие в сознании установки способствуют воображению негативных сценариев для будущей семьи, то вне зависимости от ситуации в объективной реальности положительного решения принято не будет.

Заключение

Учитывая вышесказанное, государству требуется уделить серьезное внимание фактору формирования правильного восприятия зумером себя нынешнего и будущего – таким образом можно спрогнозировать появление позитивных изменений в его репродуктивном поведении.

При этом если за основу в процессе преодоления психологических препятствий к созданию семьи взять диаду, которая восходит к ранее упомянутой двусоставной агент-структурной модели (1) страх не соответствовать внешним стандартам успеха, сформированным у индивида в процессе взаимодействия с обществом, и 2) страх подорвать реализацию собственных целей и желаний из-за почти гарантированного снижения дохода после рождения ребенка), то можно выйти на две базовые детерминанты «образа будущего» молодых людей: страх и успех. Именно они становятся целевыми категориями воздействия, ибо именно ими оперируют индивиды при прогнозировании потенциальных последствий текущей социально-экономической конъюнктуры и деторождения для своего будущего благополучия.

Соответственно, если через набор правильных PR-механизмов выйти на то, чтобы семья по определению рассматривалась молодыми людьми как опора, способствующая реализации собственных целей, и как способ избежать одиночества, то она преоб-

разовывается в позитивный фактор в вышеописанной логике рассуждения, что в конечном счете с большей вероятностью приведет к принятию положительного решения о деторождении. Если государству удастся рационализировать в сознании молодежи создание собственной семьи по любому из двух направлений (или через переопределение внешних критериев успеха, что станет мотивацией с точки зрения структуры, или же через нарратив о том, что семья помогает достигать собственных целей, а не препятствует им – мотивация с точки зрения агента), то к социально-экономическим мерам реализации демографической стратегии добавится ключевой – психологический – компонент, который будет способствовать ее максимальной эффективности.

Другими словами, если при проведении демографической политики сместить фокус на работу с этим новым компонентом восприятия и прогнозирования в вышеописанной последовательности, возможно, удастся избежать усиления негативных «проекций» своего будущего у молодых людей в случае создания семьи.

Показателем эффективности является способность государства восстанавливать и поддерживать уверенность молодых ребят, особенно состоящих в браке, в стабильном будущем. И в данной связи, помимо финансовых, значимы другие параметры, связанные с интерпретацией объективной реальности (информационный фон, позитивные или негативные экономические прогнозы, гендерное равенство на рынке труда и гибкость трудового законодательства), за счет которой можно достигать равновесного распределения времени в семье на уход за ребенком.

С учетом нынешней геополитической ситуации подобная модель пове-

дения со стороны государства может казаться маловероятной, однако если изменить объективную реальность практически невозможно, то перестроить и осмысленно, целенаправленно корректировать информационную политику, как, например, доказывает многолетний опыт Китая, возможно вполне – речь идет именно о работе с конструктами и установками.

Государство может взять ориентир на изменение социальных ожиданий и переопределение категории успеха в общественном поле, продвижение нарратива «дети – инвестиция в будущее» и установки «собственная семья – неизменный атрибут успешного человека, поддержка и опора в ситуациях сложных вызовов, непредсказуемости, множественного выбора, которыми сопряжена жизнь молодого человека».

При продвижении указанных ценностей следует учитывать невозможность существования «государственной идеологии» среди представителей поколения Z. Создание семьи и рождение детей должно коррелировать с личными целями молодых людей. Продвигаемые нарративы важно соотносить с индивидуальными ценностями, стереотипами потребительского поведения, с использованием маркетинговых ходов, разработанных в сфере товарной рекламы, а не навязывать в качестве общих в форме социального должностовования, иначе это работать не будет. Эта задача представляется нелегкой, как и непростым является вопрос о том, каким образом можно установить каналы обратной связи с разными группами студенческой молодежи (по видам досуга, уровню образования, поло-возрастным особенностям), чтобы выделяемые под очередной нацпроект по демографии средства приносили максимальную отдачу в виде решения первоочередной задачи. Однако если подобные испытания оказываются

преодолимыми для полуторамиллиардного Китая, то и для России с населением в 150 млн, из которых студентов несколько больше 4 млн, тоже посильно.

Список литературы

Айснер Л.Ю., Наумов О.Д. Цифровая среда как социальное пространство // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития. – Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2020. – С. 319–321.

Ардельянова Я.А., Саидов Б.Ш. Факторы и условия инфантилизации современной молодежи // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 4. – С. 32–36.

Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было : пер. с франц. – Москва : Рипол Классик, 2017. – 224 с.

Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. – 1993. – Вып. 2. – С. 137–150.

Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1, № 2. – С. 44–59.

Горбунова Н.В. Трансформация семейных ценностей российской молодежи в современном обществе // Социально-демографический потенциал российской молодежи : Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ялта, 22–24 апреля 2021 г.) / отв. ред. Т.К. Ростовская. – Москва : ФНИСЦ РАН, 2021. – С. 45.

Малинова О. Духовные скрепы // Россия в глобальной политике. – 2014. – Т. 12, № 5. – С. 113–122.

Пискарёв П.М. Человек метамодерна // Актуальные проблемы психологического знания. – 2019. – № 3–4 (52). – С. 48–63.

Радаев В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое

обоснование (Первая часть) // Социологический журнал. – 2020. – №3. – С. 30–63.

Стрелец И.Э., Мухортов Д.С., Захарова Е.А. О роли цифровой студенческой среды в решении демографической проблемы современной России // Сборник науч. трудов Всероссийской научно-практической конференции «Изучение Российской государственности как основа патриотического воспитания молодежи» 25–26.04.2024 – Москва : Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2024. – С. 114–119. – DOI: 10.37791/978-5-4257-0668-3-2024-1-168.

Стрелец И.Э., Мухортов Д.С., Маркова Ю.С. Роль образовательной среды вуза в формировании ценности семьи: оценка российского студенчества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 586–599. – DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-586-599.

Стулова Е. Четыре всадника информационного апокалипсиса / под ред. Е. Сучкова. – Екатеринбург : Лазурь, 2020. – 112 с.

Сумская А.С., Сумской П.Ф. Мультимедийный сторителлинг как инструмент формирования «духовных скреп» российской молодежи // Журналистский текст в новой технологической среде: достижения и проблемы. – Челябинск : Челябинский государственный университет, 2019. – С. 320–324.

Сюнтюренко О.В. Цифровая среда: тренды и риски развития // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. – 2015. – № 2. – С. 1–7.

Троцук И.В., Парамонова А.Д. «Статус» института семьи в современном обществе и семейно-брачные ценности молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология. – 2016. – № 3. – С. 542–558.

Усовская Э.А. Другой в постмодернистском концепте «дифферанс» Жака Деррида // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2022. – № 47. – С. 132–138. – DOI: 10.17223/22220836/47/11.

Усовская Э.А. Социокультурные условия зарождения постмодернизма // Вестник РГГУ. Серия : История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2018. – № 8 (41). – Ч. 2. – DOI: 10.17223/22220836/47/11.

Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное : пер. с нем. – Москва : АСТ, 2019. – 496 с.

Юнг К.Г. Отношения между эго и бессознательным : пер. с нем. – Москва : АСТ, 2021. – 320 с.

Adolescent Media Use: Attitudes, Effects, and Online Experiences / Bickham D.S., Hunt E., Bediou B., Rich M. – Boston, MA : Boston Children's Hospital Digital Wellness Lab, 2022. – 39 p. – URL: <https://digitalwellnesslab.org/pulse-surveys/adolescent-media-use-attitudes-effects-and-online-experiences/> (дата обращения: 10.10.2024).

Bourdieu P., Passeron J.C. Reproduction in Education, Society, and Culture : Transl. into English. – London, Beverly Hills, CA : SAGE Publications, 1977. – 254 p.

Dimock M. Defining generations: Where Millennials end and Generation Z begins // Pew Research Center. – 2019. – Vol. 17, N 1. – P. 1–7.

Giddens A. Agency, Structure // Central Problems in Social Theory. – London : Palgrave, 1979. – P. 49–95. – DOI: 10.1007/978-1-349-16161-4_3.

Lippmann W. Public Opinion. – [S. l.] : Routledge, 2017. – 352 p.

Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. – New York : The Penguin Press, 2011. – 294 p.

Twenge J.M. Generations: The Real Differences Between Gen Z, Millennials, Gen X, Boomers, and Silents – and What

They Mean for America's Future. – [S. l.] : Simon and Schuster, 2023. – 560 p.

Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. – 2010. – Vol. 2, Issue 1. – Article 5677. – DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677.

Wendt A.E. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory

// International Organization. – 1987. – Vol. 41, N 3. – P. 335–370. – DOI: 10.1017/S002081830002751X.

Wilson T.D., Gilbert D.T. Affective Forecasting // Advances in Experimental Psychology. – 2003. – Vol. 35. – P. 345–411. – DOI: 10.1016/S0065-2601(03)01006-2.

Social Transformations

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.11

Self-realization vs. Family: The Generation Z Dilemma in the Context of Demographic Policy (The Case of Russian Students)

Ilya E. STRELETS

PhD (Political Sciences), Associate Professor, School of Politics and Governance
MGIMO University

Vernadsky Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454;

Researcher, Department of Interdisciplinary Research

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: sagitil@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3520-2502

Denis S. MUKHORTOV

PhD (Philology), Associate Professor, School of International Relations
MGIMO University

Vernadsky Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454;

Researcher, Department of Interdisciplinary Research

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: dennismoukhortov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8174-7055

Alena S. LEPILINA

Expert at the Digital Department
MGIMO University

Vernadsky Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454
E-mail: sharimagic@gmail.com
ORCID: 0009-0004-3853-6836

Artem V. PARENKOV

PhD Student, School of Politics and Governance
MGIMO University
Vernadsky Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454;
Project Manager
The A.M. Gorchakov Public Diplomacy Fund
Yakovoapostolsky Pereulok, 10 bld.1, Moscow, Russian Federation, 105064
E-mail: wtemik@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1692-0410

CITATION: Strelets I.E., Mukhortov D.S., Lepilina A.S., Parenkov A.V. (2025). Self-realization vs. Family: The Generation Z Dilemma in the Context of Demographic Policy (The Case of Russian Students). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 2, pp. 188–205 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2025.02.11

Received: 10.12.2024.

Revised: 05.04.2025.

ACKNOWLEDGEMENT. The article was prepared within the framework of the scientific project “Tools for Improving the Efficiency of State Policy on Promoting the Value of Family in the Student Digital Environment”, state number 124101700550-4, at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), following the selection of scientific projects with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and EISR.

ABSTRACT. The article focuses on socio-psychological factors that hinder family formation and childbearing practices among young people, including students. The search for solutions to the challenges associated with the implementation of modern Russia's demographic policy in the youth and student environment is carried out using an agent-structural model from the standpoint of social constructivism. Based on a stratified sampling survey of undergraduate and graduate students ($n = 304$) from Moscow, Vladivostok, Nizhny Novgorod, St. Petersburg, Surgut, and Cheboksary, it is concluded that the generational factor is of paramount importance in planning and creating a family, which is currently overlooked by demographic policy planners. The socio-economic tools currently proposed and applied

serve only as an intermediate link in shaping young people's sense of confidence in the future, which is in fact a prerequisite for starting a family. Uncertainty about the future and concerns regarding the well-being of potential children are significant factors influencing respondents' reproductive intentions. The study puts forward proposals that could transform Generation Z's underlying anxiety and reframe their fear of an uncertain future, using it as an emotional trigger to reset decision-making mechanisms. This publication contributes to the development of the current demographic agenda.

KEYWORDS: institution of family and marriage; demographic policy; family value; student youth; generation Z; social constructivism; post-positivism.

References

- Adolescent Media Use... (2022). Bickham D.S. et al. *Adolescent Media Use: Attitudes, Effects, and Online Experiences*. Boston, MA: Boston Children's Hospital Digital Wellness Lab, 39 pp. Available at: <https://digitalwellnesslab.org/pulse-surveys/adolescent-media-use-attitudes-effects-and-online-experiences/>, accessed 10.05.2024.
- Aisner L.Yu., Naumov O.D. (2020). Digital Environment as a Social Space. In: *Science and Education: Experience, Problems, Development Prospects*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, pp. 319–321 (in Russian).
- Ardel'janova Ja.A., Saidov B.Sh. (2018). Factors and conditions of infantilization of modern youth. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. No. 4, pp. 32–36 (in Russian).
- Baudrillard J. (2017). *The Spirit of Terrorism. The Gulf War Did Not Take Place*. Moscow: Ripol Klassik, 224 pp. (transl. into Russian).
- Bourdieu P. (1993). Social Space and Symbolic Power. *Thesis*. Issue 2, pp. 137–150 (in Russian).
- Bourdieu P. (1998). Structure, Habitus, Practice. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. Vol. 1, no. 2, pp. 44–59 (in Russian).
- Bourdieu P., Passeron J.C. (1977). *Reproduction in Education, Society, and Culture*. London, Beverly Hills, CA: SAGE Publications, 254 pp. (transl. into English).
- Dimock M. (2019). Defining generations: Where Millennials end and Generation Z begins. *Pew Research Center*. Vol. 17, no. 1, pp. 1–7.
- Giddens A. (1979). Agency, Structure. In: *Central Problems in Social Theory. Contemporary Social Theory*. London: Palgrave, pp. 49–95. DOI: 10.1007/978-1-349-16161-4_3.
- Gorbulova N.V. (2021). Transformation of family values of Russian youth in modern society. In: Rostovskaya T.K. (ed.). *Socio-demographic Potential of Russian Youth: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Yalta, April 22–24, 2021)*. Moscow: FNISC RAS, p. 45.
- Lippmann W. (2017). *Public Opinion*. S. l.: Routledge, 352 pp.
- Malinova O. (2014). Spiritual Bonds. *Rossiya v global'noy politike*. Vol. 12, no. 5, p. 113–122 (in Russian).
- Pariser E. (2011). *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*. New York: The Penguin Press, 294 pp.
- Piskarev P.M. (2019). The Person of Metamodernity. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya*. No. 3–4 (52), pp. 48–63 (in Russian).
- Radaev V.V. (2020). The Millennial Generation Split: Historical and Empirical Justification (Part One). *Sotsiologicheskij Zhurnal*. No. 3, pp. 30–63 (in Russian).
- Siunturenko O.V. (2015). Digital Environment: Trends and Risks of Development. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 1: Organizatsiya i metodika informatsionnoy raboty*. No. 2, pp. 1–7 (in Russian).
- Strelets I.E., Mukhortov D.S., Markova Ju.S. (2024). The Role of the University Educational Environment in the Formation of Family Values: An Assessment of Russian Students. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. Vol. 24, no. 3, pp. 586–599 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-586-599.
- Strelets I.E., Mukhortov D.S., Zakharova E.A. (2024). On the role of the digital student environment in solving the demographic problem of modern Russia. In: *Collection of scientific papers of the All-Russian scientific and practical conference "Study of Russian statehood as a basis for patriotic education of youth"*, April 25–26, 2024. Moscow: Moscow Financial and Industrial University "Synergy", pp. 114–119 (in Russian). DOI: 10.37791/978-5-4257-0668-3-2024-1-168.

Stulova E. (2020). *Four Horsemen of the Information Apocalypse*. Yekaterinburg: Lazur', 112 pp. (in Russian).

Sumskaia A.S., Sumskoi P.F. (2019). Multimedia Storytelling as a Tool for the Formation of "Spiritual Bonds" of Russian Youth. In: *Journalistic Text in the New Technological Environment: Achievements and Problems*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, pp. 320–324 (in Russian).

Trotsuk I.V., Paramonova A.D. (2016). "Status" of the family institution in modern society and family and marriage values of youth. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Sociologija*. No. 3, pp. 542–558 (in Russian).

Twenge J.M. (2023). *Generations: The Real Differences Between Gen Z, Millennials, Gen X, Boomers, and Silents – and What They Mean for America's Future*. S. I.: Simon and Schuster, 560 pp.

Usovskaya E.A. (2018). Socio-Cultural Conditions for the Birth of Postmodernism. *Vestnik RGGU. Seriya "Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie"*. No. 8 (41), part 2 (in Russian).

Usovskaya E.A. (2022). The Other in the Postmodern Concept of "Difference" by Jacques Derrida. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*. No. 47, pp. 132–138 (in Russian). DOI: 10.17223/22220836/47/11.

Vermeulen T., van den Akker R. (2010). Notes on Metamodernism. *Journal of Aesthetics & Culture*. Vol. 2, issue 1, article 5677. DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677.

Wendt A.E. (1987). The Agent-Structure Problem in International Relations Theory. *International Organization*. Vol. 41, no. 3, pp. 335–370. DOI: 10.1017/S002081830002751X.

Wilson T.D., Gilbert D.T. (2003). Affective Forecasting. *Advances in Experimental Psychology*. Vol. 35, pp. 345–411. DOI: 10.1016/S0065-2601(03)01006-2.

Jung K.G. (2019). *Archetypes and the Collective Unconscious*. Moscow: AST, 496 pp. (transl. into Russian).

Jung K.G. (2021). *Relationships Between Ego and the Unconscious*. Moscow: AST, 320 pp. (transl into Russian).

Вокруг книг

УДК 340+614 (1*AU:1*CH:1*JP:1*KR:1*SG)
DOI: 10.31249/kgt/2025.02.12

Национальное законодательство в сфере врачебной ответственности (опыт Австралии, Китая, Японии, Южной Кореи и Сингапура)

Елена Васильевна АЛФЕРОВА

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Отделом правоведения

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: ealf@list.ru

ORCID: 0000-0003-1630-1070

Елена Вячеславовна СКУРКО

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Отдела правоведения

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: e.skurko@mail.ru

ORCID: 0009-0004-1139-951X

ЦИТИРОВАНИЕ: Алферова Е.В., Скурко Е.В. Национальное законодательство в сфере врачебной ответственности (опыт Австралии, Китая, Японии, Южной Кореи и Сингапура) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 2. С. 206–221.

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.12

Статья поступила в редакцию 12.02.2025.

Исправленный текст представлен 23.03.2025.

АННОТАЦИЯ. В обзорной статье представлены исследования ученых, включенные в книгу «Медицинская ответственность в Азии и Австралазии» [Medical Liability in Asia and Australasia], раскрывающие особенности регулирования медицинской ответственности в законодательстве 17 юрисдикций стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Авторы – известные специалисты в рассма-

триваемой области – сосредотачивают внимание на особенностях национальных систем организации здравоохранения и наиболее важных нормативных правовых актах, регулирующих вопросы гражданско-правовой, корпоративной, административной и уголовной ответственности медицинских работников за халатность и врачебные ошибки. Книга содержит многочисленные при-

меры судебной практики рассмотрения жалоб пациентов и разрешения споров по искам, связанным с возмещением вреда их здоровью. Такой подход позволяет увидеть разнообразие правовых систем стран этих двух регионов, обусловленное культурой (включая религию), экономическими факторами, политикой, социальной структурой и правовыми системами. Акцент сделан на национальном законодательстве пяти наиболее экономически мощных стран.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медицинское право, здравоохранение, здоровье человека, врачебная ответственность, медицинская халатность, возмещение вреда, деликтная ответственность, гражданско-правовая ответственность, корпоративная ответственность, уголовная ответственность, административная ответственность, судебная практика.

Введение

Медицинская ответственность – тема не новая в медицинском праве и юридической медицине. Однако ввиду чрезвычайной важности этого вида ответственности она находится в центре внимания ученых по всему миру. Рост числа судебных разбирательств, укрепление прав пациентов и актуализация проблем медицинского права сделали медицинскую ответственность в XXI в. популярной темой. Обусловлено это также тревожной статистикой количества врачебных ошибок, в результате которых причиняется значительный вред здоровью человека, увеличивается количество смертей, которые можно было бы предотвратить. Профессиональная квалификация для врачебной практики, как замечают многие исследователи,

не является больше пропуском к безнаказанности. Врач, совершающий грубую халатность в отношении пациента, доверившегося ему, должен нести ответственность за нанесенный им ущерб, как и любой другой специалист [Devereux, Beran, 2022b, р. XI–XII]. Однако национальное законодательство во многих юрисдикциях не всегда соответствует современному уровню развития здравоохранения, что приводит к чрезмерному количеству судебных исков, связанных с нанесением вреда здоровью человека в результате врачебных ошибок и халатности.

В данной обзорной статье анализируются исследования авторов коллективной монографии [Medical Liability..., 2022], кратко представлены законодательство и судебная практика в области медицинской ответственности в таких странах, как Австралия, Китай, Япония, Южная Корея и Сингапур.

Австралия

В Австралии действует финансируемая государством система всеобщего медицинского страхования *Medicare*, находящаяся в ведении Национального агентства социального обеспечения (*Servives Australia*), структурного подразделения Министерства социальных услуг. Эта система частично или полностью покрывает расходы на большинство медицинских услуг, предоставляемых правительствами штатов и территорий или частными предприятиями. Все граждане Австралии и постоянные жители, а также иностранные гости из 11 стран, с которыми заключены взаимные соглашения о лечении по медицинским показаниям, имеют право на участие в программе *Medicare*¹. Наряду с государственными

1 Medicare (Australia). – URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Medicare_\(Australia\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Medicare_(Australia)) (дата обращения: 17.03.2025).

больницами существуют частная практика врачей и частные медицинские учреждения, которые вправе предоставлять льготное лечение по программе *Medicare*.

Хотя в каждом штате Австралии действует собственное законодательство, принципы врачебной ответственности в целом схожи в каждой юрисдикции. Чтобы пациент (истец) мог подать иск о врачебной халатности против врача (ответчика), ему необходимо доказать, что врач был обязан заботиться о пациенте, он нарушил эту обязанность и эти нарушения причинили вред пациенту. Эти три основных элемента, необходимые для установления факта халатности, соответствуют принципам, разработанным законодательством штатов, например, Законом о гражданской ответственности 2003 г. (Квинсленд) или Законом о гражданской ответственности 2002 г. (Новый Южный Уэльс) и др. [Devereux, Beran, 2022a, p. 3–5].

Закон о гражданской ответственности 2003 г. (Квинсленд) в разделе 6, следуя общему праву, определяет *халатность* как: 1) ненадлежащее исполнение или неисполнение своих профессиональных обязанностей медицинским работником; 2) совершение нарушения, связанного с неправильной диагностикой и лечением; 3) причинение ущерба. Ответственность несут не только врачи, но и медсестры и вспомогательные медицинские работники, обязанные проявлять заботу о своих пациентах. Например, медицинский персонал может быть привлечен к ответственности за невыдачу пациенту рекомендаций не покидать медицинское учреждение, если пациент страдает или может страдать от серьезного заболевания, которое может ухудшиться [Devereux, Beran, 2022a, p. 4].

Австралийское законодательство четко различает две профессиональные обязанности врача: 1) *диагности-*

ка и лечение, которые в значительной степени регулируются стандартом, принимаемым большинством врачей как «компетентная профессиональная практика», и 2) *информирование пациентов о возможных рисках*.

Обязанность диагностировать и лечить. Стандартом признается обязанность врача проявлять разумную осмотрительность и компетентность при оказании медицинской помощи. В случае нарушения этой обязанности суду требуется установить: 1) должен ли был разумный человек предвидеть потенциальный вред? 2) является ли риск причинения вреда существенным? 3) является ли риск причинения вреда чем-то, против чего здравомыслящий человек возьмет на себя бремя мер предосторожности? При решении третьего вопроса суд должен принять во внимание вероятность причинения вреда, его величину, стоимость предотвращения и социальные последствия (раздел 9(2) Закона о гражданской ответственности 2003 г. (Квинсленд)) [Devereux, Beran, 2022a, p. 5].

Примером того, как суды применяют этот трехступенчатый тест нарушения в случае врачебной халатности и при этом учитывают, что обязанность диагностировать является постоянной обязанностью врача, является следующее дело.

В деле *McKay vs McPherson* пациент, госпитализированный в сельскую больницу с симптомами сердечного заболевания, добился успеха в своем иске и доказал, что больница не обеспечила наблюдение за его здоровьем и при ухудшении состояния не перевела в городскую больницу с лучшим медицинским оборудованием [Devereux, Beran, 2022a, p. 5].

Защита врача в случае диагностики и лечения. В соответствии с Законом о гражданской ответственности 2003 г.

(Квинсленд) действия (бездействие) врача не считаются халатностью, если он действует в соответствии с широко признанным профессиональным мнением значительного числа уважаемых специалистов в данной области в качестве компетентной медицинской практики. Практика, «широко признанная профессиональным мнением как приемлемая», считается таковой, за исключением случаев, когда это мнение является нерациональным или противоречит закону (*Dobler vs Halverson*) [Devereux, Beran, 2022a, p. 7].

Обязанность информировать о существенных рисках. Согласно разделу 5 Закона о гражданской ответственности 2003 г. (Квинсленд) врач обязан информировать пациента о возможных рисках и предполагаемых результатах медицинской помощи. На основе полученных сведений пациент или его законный представитель дает информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство. «Риск признается существенным, если разумный человек на месте пациента, будучи предупрежденным о риске, вероятно, придаст ему значение или если врач обоснованно осознает или должен осознавать, что конкретный пациент осмысленно идет на этот риск» (*Rogers v Whitaker*).

Фактическая причинно-следственная связь. Ответственность по законодательству Австралии может наступить только при установлении фактической причинно-следственной связи между действием (бездействием) медицинского работника и наступившими последствиями (раздел 11 (1) (а) Закона о гражданской ответственности 2003 г. (Квинсленд)). Основной тест на причинно-следственную связь, применяемый в Австралии, называется «тестом «но»» (*the but for test*).

Так, в деле *Lazarevski vs North Metropolitan Health Service*, где истец

обратилась в больницу с жалобами на боль, распространяющуюся вниз по руке, отмечается, что больница не провела анализы крови на уровень тропонина. Суд признал, что, если бы истец прошла тестирование и эти тесты показали бы повышенный уровень тропонина, она осталась бы в больнице для надлежащего лечения, которое предотвратило бы ее последующий сердечный приступ [Devereux, Beran, 2022a, p. 7–8].

Возмещение ущерба. В Австралии, как и в странах общего права, принято, что возмещение ущерба за халатность носит компенсационный характер. Оно призвано поставить истца в положение, в котором он находился бы, если бы правонарушение не было совершено (*Livingstone v Rawyards Coal Co*) [Devereux, Beran, 2022a, p. 9].

Для того чтобы получить возмещение ущерба, истец должен доказать, что ущерб находится в пределах ответственности врача или другого медицинского работника. Суд должен определить (даже в случае если халатность врача нанесла вред истцу), почему ответственность за причиненный вред следует (и следует ли) возлагать на сторону, проявившую небрежность.

В деле *Wallace vs Кат* истцу сделали операцию на спине. Было два возможных побочных эффекта: первый – двусторонняя бедренная нейропраксия (временное состояние), второй – паралич. Хирург, мистер Кат, не предупредил ни об одном из рисков. Суд признал, что, если бы истца предупредили о втором риске, пациент мог бы не согласиться на операцию. Истцу провели операцию, и развился первый побочный эффект. Суд постановил, что причиненный вред не входит в сферу юридической ответственности врача, поскольку незаконно возлагать ответственность за риск, на который пациенты, как правило, идут [Devereux, Beran, 2022a, p. 10].

Китай

В юрисдикции материкового Китая история ответственности за врачебную халатность восходит к 1990-м годам. В связи с возросшим числом случаев врачебной халатности суды стали применять деликтную ответственность, основанную на вине, предусмотренную ст. 106 Общих принципов гражданского права 1986 г. В 2009 г. в целях защиты законных прав и интересов сторон, установления ответственности за причинение вреда, предотвращения и наказания за противоправное поведение, а также содействия социальной гармонии и стабильности был принят комплексный Закон, названный «Деликтное право Китайской Народной Республики» (*The Tort Law of China*) (ст. 1) (Закон о деликтной ответственности). Глава 7 (ст. 54–64) этого Закона предусматривает ответственность за врачебную халатность. После более чем десятилетней практики его применения положения Закона были включены с небольшими изменениями в новый Гражданский кодекс КНР 2021 г. (гл. 6 кн. VII «Гражданско-правовая ответственность»). В настоящее время ГК КНР является основным источником правового регулирования медицинской ответственности. Положения ст. 1218–1228 ГК КНР предусматривают следующие виды юридической ответственности: корпоративная ответственность медицинских учреждений (больниц и других медицинских учреждений здравоохранения); деликтная ответственность при наличии вины за халатность; ответственность за нарушение права на информированное согласие и ответственность без вины за медицинские изделия и переливание крови [*Hongjie Man*, 2022, p. 13–14].

Вопросы медицинской ответственности регулируются также Положением о предотвращении и разрешении

медицинских споров 2018 г. (*Regulations on the Prevention and Handling of Medical Disputes*) (далее – Положение 2018 г.) и Разъяснениями Верховного народного суда КНР по ряду вопросов, касающихся применения законов при рассмотрении споров о медицинской ответственности 2017 г. (*Interpretation of the Supreme People's Court on Several Issues Concerning the Application of Laws in the Trial of Disputes over Medical Liability*) (Разъяснения ВНС 2017 г.).

Положение 2018 г. представляет собой административный регламент, призванный гарантировать безопасность пациентов и разрешать споры между пациентами и врачами, возникающие в связи с медицинской практикой, административным методом. Положение содержит полезные в контексте деликтной ответственности правила, такие как обязанность медицинского учреждения документировать и сохранять медицинские записи. Разъяснения ВНС 2017 г. представляют собой подробное толкование положений гл. 7 Закона о деликтной ответственности, содержащей нормы материального и процессуального характера, а также инструкции для судей. Разъяснения законов, издаваемые Верховным народным судом, являются обязательными для исполнения всеми судами [*Hongjie Man*, 2022, p. 14].

В отличие от большинства других юрисдикций китайское законодательство возлагает ответственность за вред, причиненный пациенту, на медицинское учреждение, а не на врача или других практикующих медицинских работников. Статья 1218 ГК КНР устанавливает: «Если пациенту причиняется какой-либо вред во время диагностики и лечения по вине медицинского учреждения или кого-либо из его медицинского персонала, медицинское учреждение берет на себя компенсационную ответственность».

Существуют различные мнения относительно характера ответственности медицинского учреждения. Некоторые ученые считают эту ответственность субсидиарной, поскольку медицинское учреждение как работодатель несет ответственность за действия (бездействие) своих врачей и других наемных медицинских работников. Однако ряд ученых справедливо отмечают, что субсидиарная ответственность не отвечает потребностям повышения безопасности пациентов в рамках системы здравоохранения в целом. Здравоохранение в современных условиях в большей степени функционирует как комплексная государственная отрасль управления, организующая и обеспечивающая охрану здоровья населения, а не диагностирование и лечение, проводимые непосредственно отдельным врачом [Hongjie Man, 2022, p. 15].

Медицинское учреждение несет ответственность за любой ущерб, причиненный пациенту вследствие его халатности при диагностике и лечении. ГК КНР в ст. 1221 устанавливает: «Если какой-либо медицинский персонал не выполняет обязательства по диагностике и лечению в соответствии со стандартами на момент постановки диагноза и лечения и причиняет какой-либо вред пациенту, медицинское учреждение берет на себя компенсационную ответственность». Согласно этим правилам, существуют четыре элемента для установления ответственности: недобросовестное исполнение (злоупотребление служебным положением) (*Malpractice*), халатность (*Negligence*), причинно-следственная связь (*Causation*) и ущерб (вред) (*Damage*).

Халатность. В китайском деликтном праве юридическая теория и судебная практика придерживаются объективного подхода «разумного человека» при принятии решения о том, может ли быть доказана халатность.

При установлении ответственности за врачебную халатность используется профессиональный стандарт. Исходя из ст. 1221 ГК КНР, под стандартом следует понимать «оказание медицинской помощи в соответствии с профессиональным уровнем на момент постановки диагноза и лечения» при рассмотрении дела о врачебной халатности. Этот стандарт аналогичен «стандарту разумного врача», в котором проводится сравнение медицинской помощи, предоставленной ответчиком, с той, которая могла бы быть оказана разумным, гипотетически практикующим врачом при тех же обстоятельствах. На практике принимаются во внимание следующие факторы: уровень развития системы здравоохранения и качество медицинского обслуживания на момент инцидента; географическое распределение медицинских ресурсов («правило местности») (*locality rule*). При рассмотрении дела о халатности суды должны учитывать все обстоятельства конкретного дела [Hongjie Man, 2022, p. 18–20].

Статья 1222 ГК КНР устанавливает: «Медицинское учреждение считается виновным, если в ходе диагностики и лечения пациенту был причинен вред при любом из следующих обстоятельств: 1) имеет место нарушение положений законов, административных постановлений, правил или других соответствующих рекомендаций по диагностике и лечению; 2) медицинские записи скрыты или в предоставлении их отказано; или 3) медицинские записи утеряны, подделаны, изменены или незаконно уничтожены».

Вина медицинского учреждения-ответчика предполагается, то есть действует правило презумпции халатности [Hongjie Man, 2022, p. 18].

В случае врачебной халатности причинно-следственную связь доказать всегда сложно. Трудно установить,

является ли вред здоровью пациента результатом врачебной халатности или это просто естественное следствие болезни или травмы пациента. Если имеет место деликтный иск за врачебную халатность, обязанностью медицинского учреждения является представить доказательства отсутствия причинно-следственной связи между врачебной халатностью и ущербом пациенту. Такой подход вызывает многочисленные дебаты. Медицинские специалисты утверждают, что врач не должен брать на себя все риски неопределенности в здравоохранении, в противном случае его карьера будет неоправданно рискованной. Согласно деликтному праву, пациент обязан доказать причинно-следственную связь. На практике суды постепенно отходят от тенденции перекладывать бремя доказывания причинно-следственной связи на врача. Многие суды используют пропорциональный подход, который позволяет пациенту установить частичную причинно-следственную связь и получить часть компенсации, доказав, что существует определенный процент вероятности причинно-следственной связи между врачебной ошибкой и вредом, причиненным пациенту. По мнению Хонцзю Мэна, применение «пропорциональной ответственности» не соответствует требованиям стандарта доказывания, предусмотренного Гражданским процессуальным кодексом КНР, так как возлагает слишком большое бремя на поставщиков медицинских услуг и приводит к увеличению медицинских расходов [Hongjie Man, 2022, p. 19].

Компенсация медицинского вреда. В соответствии со ст. 1179 ГК КНР причинитель вреда должен возместить пострадавшему: 1) разумные расходы и издержки на лечение и реабилитацию; 2) потерю дохода, включая потерю заработной платы, трудоспособно-

сти в случае инвалидности; 3) расходы на похороны в случае смерти пациента.

Гражданский кодекс КНР в ст. 1183 предусматривает также нематериальную компенсацию «за боль и страдания». В случае, если моральные страдания, причиненные врачебной халатностью, являются серьезными, пациент имеет право также требовать дополнительную компенсацию [Hongjie Man, 2022, p. 25].

Япония

Каждый законно проживающий в этой стране имеет право на получение медицинской помощи в рамках государственных или частных схем страхования. Расходы на здравоохранение в Японии составляют 11% ВВП. Статистические данные, касающиеся продолжительности жизни японцев, – одни из высоких в мире, а младенческая смертность – одна из самых низких. Лучшие больницы предлагают передовые и сложнейшие методы лечения [Leflar, 2022, p. 118]. Несмотря на общее высокое качество японского здравоохранения, в начале 2000-х в результате широко освещавшейся в СМИ серии врачебных ошибок со смертельным исходом или с тяжкими последствиями для здоровья сложилось мнение общественности и специалистов по поводу того, что медицинских ошибок и халатности можно было избежать. Опасения по поводу чрезмерных и нерациональных назначений лекарств, скандал вокруг поставок крови, зараженной ВИЧ, случаи, когда медицинский персонал вносил изменения в карты пациентов, вводил в заблуждение семьи погибших или сотрудников следственных органов, привели к тому, как пишет Р. Лефлар, профессор юридического факультета Национального Тайваньского университета, что доверие общественности к медицинской профессии

пошатнулось. Эти события породили растущее движение за повышение прозрачности в сфере здравоохранения в целях большей открытости в таких важных областях жизни общества, как медицинская деятельность [Leflar, 2022, p. 119–120].

Уголовно-правовая ответственность. Уголовный кодекс Японии предусматривает следующие виды «медицинских» преступлений: ст. 211 – ответственность за халатность при осуществлении медицинской деятельности, повлекшей смерть или увечья; ст. 156 и 160 – внесение ложных сведений (фальсификация) в официальные документы или медицинскую документацию; ст. 104 – сокрытие или уничтожение доказательств. Кроме того, ст. 21 Закона о практикующих врачах (*Medical Practitioners' Law*) предусматривает ответственность за несвоевременное (в течение 24 часов) уведомление компетентного полицейского участка об обнаружении каких-либо отклонений при осмотре трупа или мертворожденного на четвертом месяце беременности матери ребенка и позже. То есть важную роль в предупреждении медицинской преступности в Японии играют полиция и прокуратура, обеспечивающие соблюдение норм уголовного закона медицинским персоналом, а также новая система, независимая от уголовного процесса, для рассмотрения случаев смерти пациентов, потенциально связанных с медицинским обслуживанием, предложенная ведущими медицинскими обществами Японии. Кроме того, она нацелена на информирование заинтересованных сторон о выявленных фактах медицинских ошибок, на выработку превентивных мер [Leflar, 2022, p. 121–122].

Гражданско-правовая ответственность. Положения Гражданского и Гражданско-процессуального кодексов Японии предусматривают основа-

ния для иска о медицинской халатности: истец должен доказать нарушение обязательств поставщика медицинских услуг, что равносильно доказательству нарушения стандарта оказания медицинской помощи.

Верховный Суд Японии постановил, что при определении применимого стандарта медицинской помощи суд «должен учитывать различные обстоятельства, такие как характер учреждения (ответчика) и отличительные особенности медицинской среды региона» [Leflar, 2022, p. 129].

Положения ГК Японии, регулирующие размер компенсации и условия его предоставления за причинение вреда здоровью, основаны на вине. Бремя доказывания причинно-следственной связи облегчается в случаях информированного согласия и случайного стечения обстоятельств. Процессуальные реформы, включая создание отделений здравоохранения при окружных судах в некоторых крупных городах, помогли ускорить ход судебных разбирательств. Однако, как замечает Р. Лефлар, перспектива гражданской ответственности вызывает гораздо большее беспокойство, чем «призрак» уголовной ответственности [Leflar, 2022, p. 128, 136–137].

Возмещение ущерба. Помимо компенсаций за причинение материального ущерба и вреда здоровью, возмещение ущерба в случаях врачебной халатности в Японии стандартизировано в соответствии с уровнями тяжести травм, определенными в системе компенсации за дорожно-транспортные происшествия. После установления причинно-следственной связи истец имеет право на компенсацию в определенных средних пределах. Штрафные санкции не предусмотрены [Leflar, 2022, p. 132].

Япония, как подчеркивает Р. Лефлар, «имеет поразительную историю введения в действие административных

компенсационных систем без вины, обеспечивающих помощь пострадавшим лицам помимо тех, которые предусмотрены гражданским законодательством, особенности которого зачастую затрудняют или делают невозможным получение возмещения вреда – в обстоятельствах, вызывающих серьезную общественную озабоченность» [Leflar, 2022, p. 141]. Эти системы компенсации включают программы оказания помощи людям, пострадавшим в результате загрязнения окружающей среды, вакцинации, побочных реакций на лекарственные препараты, инфекций, вызванных биологическими продуктами, переливания крови и др.

Южная Корея

Правовая система Южной Кореи входит в континентальную правовую семью и включает медицинское право, охватывающее все области, связанные с регулированием организации здравоохранения и медицинского обслуживания, в том числе посредством Гражданского и Уголовного кодексов.

В стране действует ряд специальных законов, регулирующих здравоохранение и медицинскую деятельность. К ним относятся следующие: Рамочный закон о здравоохранении и медицинских услугах (*the Framework Act on Health and Medical Services*, 2018), Закон о медицинском обслуживании (*the Medical Service Act*, 2007), Закон о неотложной медицинской помощи (*the Emergency Medical Service Act*, 2000); Закон о национальном медицинском страховании (*the National Health Insurance Act*, 2011) и др. [Bae, 2022, p. 267–268].

Закон о здравоохранении и медицинских услугах различает понятия «медицинский персонал» («медицинский работник») (*medical personnel*) и «персонал медицинских служб» (*health and medical services personnel*).

Закон о медицинском обслуживании предусматривает пять категорий медицинского персонала (의료인), или медицинского работника (醫療人): врач, дантист, врач восточной медицины, акушерка и медсестра, деятельность которых возможна только при наличии лицензии, выданной Министерством здравоохранения и социального обеспечения Республики Корея. Каждый медицинский работник имеет свою компетенцию и специализацию, указанную в лицензии. Он не должен выполнять медицинские действия, не предусмотренные в лицензии. Проблема заключается в том, что Закон о медицинском обслуживании определяет сферу медицинской компетенции довольно широко и неопределенно. «Медицинские» законы и подзаконные акты, как замечает Хуана Бэ, не регулируют содержание лицензируемых медицинских действий и не содержат критериев классификации врачей и других медицинских работников. В связи с этим компетенция и сфера их медицинской деятельности и ответственности могут пересекаться и не иметь четких границ, что нередко создает конфликтную ситуацию по поводу разграничения компетенции и сферы их деятельности [Bae, 2022, p. 268–269]. Понятие «медицинская практика» и сферы медицинской деятельности определены в постановлениях Верховного и Конституционного судов страны. Верховный суд Кореи определяет медицинскую практику как «действия по профилактике заболеваний или лечению посредством диагностики, обследования, назначения лекарств или оперативных вмешательств, основанные на профессиональных медицинских знаниях, а также другие действия, которые, если они не выполняются уполномоченным лицом, могут представлять угрозу общественному здоровью и гигиене» (решение Вер-

ховного суда 2011Do16649) [Bae, 2022, p. 268–269].

Вопрос о том, как оценивать «медицинские действия, не предусмотренные лицензией» (что может относиться к традиционной медицине Кореи), решается для каждого конкретного случая с учетом социальных норм, положений и смысла нормативных правовых актов в сфере медицины, а также научных медицинских принципов, лежащих в основе медицинского законодательства.

К поставщикам медицинских услуг, согласно корейскому законодательству, относятся также *медицинские учреждения*. Поликлиники, больницы, клиники и другие медицинские центры, согласно Закону о национальном медицинском страховании, не могут отказать в предоставлении медицинской помощи без уважительной причины. Закон о медицинском обслуживании предусматривает правила, касающиеся создания медицинских учреждений. В Республике Корея создавать медицинские учреждения может только лицо, относящееся к медицинскому персоналу (за исключением медсестер). Согласно этому Закону, такая возможность ограничена государственными учреждениями или некоммерческими медицинскими корпорациями. В результате медицинский персонал, или лица, создающие медицинские учреждения, несут ответственность за медицинскую деятельность, которую осуществляют в соответствии с лицензией [Bae, 2022, p. 270].

Гражданско-правовая ответственность врачей. Судебные иски о врачебной халатности основаны на договорной ответственности за причинение вреда здоровью, которая предусмотрена ст. 390 ГК Республики Корея. Гражданское законодательство Республики Корея не содержит четкого определения медицинского договора. Соответствующие разъяснения дал Верховный

суд страны: «Если пациент обращается за лечением к поставщику медицинских услуг (а именно к врачу или в соответствующее медицинское учреждение) и практикующий врач начинает лечение, считается, что между практикующим врачом и пациентом заключается медицинский договор. Согласно такому договору практикующий врач несет ответственность за лечение пациентов, основываясь на своих медицинских знаниях и медицинских технологиях, и пациенты обязаны оплачивать медицинские расходы, связанные с получением соответствующего лечения» (решение Верховного суда 2009Da17417).

Медицинское обязательство из медицинского договора, согласно позиции Верховного суда Республики Корея, – это обязательство *de moyens*, и бремя доказывания в принципе лежит на истце (решение Верховного суда 2007Da76290; решение Верховного суда 2001Da52568; решение Верховного суда 92Da15031) [Bae, 2022, p. 271–272].

Статья 750 ГК Республики Корея предусматривает деликтную ответственность врача за вред, нанесенный пациенту в результате медицинского несчастного случая. Согласно этой статье любое лицо, которое причиняет убытки или увечья другому лицу своими действиями умышленно или по неосторожности, обязано возместить этому лицу возникший в результате этого ущерб.

Гражданский кодекс Республики Корея в ст. 751 и 752 устанавливает, что гражданская ответственность может наступать за физические увечья или моральные страдания, и в этих случаях ответственность по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями (*unlawful act*), может распространяться не только на имущество и распространяется на семьи жертв, если это их затрагивает.

Состав деликтной ответственности основан на следующих элементах состава гражданского правонарушения: халатность по неосторожности или неосмотрительности; противоправное действие; ущерб, возникший в результате нарушения этой обязанности; причинно-следственная связь между противоправным действием и ущербом. Чтобы привлечь практикующего врача к деликтной ответственности, истец несет бремя доказывания нанесения ущерба и причинно-следственной связи между действиями лечащего врача и ущербом пациенту [Baе, 2022, p. 272].

Халатность. Медицинская халатность (небрежность) понимается как нарушение обязанности врача вести себя разумно и осмотрительно в обстоятельствах, когда пациенту был причинен предсказуемый вред, которого можно было избежать. В рамках диагностики и лечения врач обязан проявлять должную осторожность и принимать все меры, необходимые для предотвращения любого риска, связанного с конкретными симптомами или иными обстоятельствами у пациента, в свете характера своей профессии, которая касается жизни, тела и здоровья человека (решение Верховного суда 2016Da26606,26613).

Чтобы привлечь врача или другое лицо, относящееся к медицинскому персоналу, к ответственности за нарушение обязанности по оказанию медицинской помощи, истец должен доказать факт нарушения обязанности по оказанию медицинской помощи, связанной с медицинскими действиями, причинением ущерба и наличием причинно-следственной связи между ними. Учитывая специфику медицинской практики, медицинский персонал обязан проявлять осторожность и принимать наилучшие меры, необходимые для предотвращения рисков, в зависимости от конкретных симптомов

или обстоятельств пациента (решение Верховного суда 2004Da61402) [Baе, 2022, p. 273].

Уголовная ответственность. В случае привлечения врача к уголовной ответственности и для признания факта его халатности проводится проверка на предмет состава преступления по неосторожности.

Согласно решению Верховного суда Республики Корея, для определения наличия халатности в действиях лица необходима сравнительная оценка обязанностей и действий такого же человека, который работает в той же сфере деятельности и выполняет те же функции. Суд, кроме того, должен учитывать уровень развития медицинской науки на момент несчастного случая, медицинскую обстановку и условия, особенности медицинского лечения и другие факторы (решение Верховного суда 2010Do10104) [Baе, 2022, p. 270].

В уголовном праве Республики Корея предусмотрены различные наказания за умышленные преступления, которые считаются более тяжкими по сравнению с преступлением, совершенным по неосторожности. В контексте медицинской практики уголовная ответственность может иметь место в случае совершения врачами преступлений, предусмотренных УК Республики Корея: ст. 233 (Изготовление поддельной медицинской справки) и ст. 270 (Прерывание беременности врачом или аборт без согласия). Кроме того, уголовная ответственность врача может наступить в таких случаях, как смерть или увечья, нанесенные пациенту в результате профессиональной халатности, и ряде других случаев.

Возмещение ущерба. В 2011 г. в Южной Корее был принят Закон о возмещении ущерба в результате врачебной халатности и посредничестве в медицинских спорах (в ред. 2024 г.) (*The Act on Remedies for Injuries from Medical*

Malpractice and Mediation of Medical Disputes) (далее – Закон о возмещении ущерба), целью которого является оперативное и справедливое возмещение вреда, причиненного в результате врачебной небрежности (ошибки), и создание стабильных условий для оказания медицинской помощи медицинскими работниками путем урегулирования вопросов, связанных с медицинским обслуживанием, посредничеством и арбитражем в медицинских спорах.

Согласно Закону о возмещении ущерба учреждено Корейское агентство по посредничеству и арбитражу в медицинских спорах (*Korea Medical Dispute Mediation and Arbitration Agency*) как независимый орган. В целях оперативного и справедливого разрешения медицинских споров в рамках этого Агентства создана и действует Комиссия по оценке врачебной халатности. Согласно ст. 25 этого Закона Комиссия исследует факт вреда, причиненного при оказании медицинских услуг; эта процедура важна для разрешения медицинских споров путем посредничества или арбитража и установления причинно-следственной связи. Она освобождает стороны от бремени доказывания наличия факта медицинской халатности и соответствующей причинно-следственной связи.

Сингапур

Правовая система Сингапура следует традициям общего права в силу своей исторической связи с Великобританией, в стране продолжает действовать Закон о применении английского права 1993 г. Наряду с ним принят ряд специальных законодательных актов, регулирующих сферу здравоохранения и медицинскую практику, в их числе: Закон о медицинской регистрации, Закон о частных больницах и медицинских клиниках, Закон об инфекционных за-

болеваниях, Закон о психиатрии, Закон о товарах для здоровья; применяются также нормы Уголовного кодекса в части, касающейся причинения травм или смерти по неосторожности (халатности). Действует, кроме того, ряд подзаконных актов, издаваемых профильным министерством и уполномоченными должностными лицами [Но, 2022, р. 248].

Профессиональное саморегулирование медицинской деятельности в Сингапуре осуществляется на основании Закона о медицинской регистрации, который устанавливает требования (включая академическую квалификацию) к лицу, которое может быть зарегистрировано в качестве «практикующего врача», и юридические привилегии этого лица после его соответствующей регистрации. Только зарегистрированным практикующим врачам разрешено заниматься медицинской практикой в стране. Реклама или представление себя в качестве практикующего врача без установленной законом регистрации квалифицируется как преступление. В целях содействия профессиональному саморегулированию создан Сингапурский медицинский совет (далее – Совет), который наделен широкими полномочиями по регулированию врачебной деятельности. Совет является официальным органом, подчиняющимся Министерству здравоохранения. Большинство членов Совета – представители медицинской профессии. Функции Совета: 1) поддерживать и вести реестры зарегистрированных практикующих врачей; 2) одобрять или отклонять заявки на медицинскую регистрацию; 3) выдавать свидетельства о практике зарегистрированным практикующим врачам; 4) давать рекомендации соответствующим органам власти относительно курсов обучения и экзаменов, ведущих к получению сингапурской

степени в сфере медицины; 5) давать рекомендации соответствующим органам власти по повышению квалификации и обучению зарегистрированных практикующих врачей; 6) определять и регулировать поведение и этику зарегистрированных практикующих врачей; 7) совершать другие действия, которые необходимы для выполнения функций в соответствии с Законом [Ho, 2022, p. 249].

Сингапурский медицинский совет обладает установленной законом юрисдикцией в части дисциплинарных и медицинских разбирательств в отношении зарегистрированных практикующих врачей. Разбирательство может быть инициировано против врача в случае поступления в Совет: 1) жалобы, касающейся ненадлежащих действий и поведения врача, его профессиональных качеств; 2) информации о том, что врач был признан виновным в совершении какого-либо правонарушения, связанного с недостатком квалификации или других характеристик, что делает его непригодным для врачебной практики; 3) жалобы на качество предоставленных врачом медицинских услуг; 4) информации, касающейся физической или умственной пригодности врача к практической деятельности [Ho, 2022, p. 251].

Этический кодекс и руководящие принципы Сингапурского медицинского совета играют центральную роль в выявлении профессиональных нарушений, поскольку они устанавливают важные правила в отношениях между врачом и пациентом, включая требования, касающиеся стандартов оказания медицинской помощи, конфликта интересов, рекламы, согласия, правдивости, конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни пациента.

Профессиональный проступок может быть выявлен, по крайней мере,

в двух ситуациях: 1) когда налицо намеренное отклонение от стандартов, соблюдаемых или одобряемых представителями профессии с хорошей репутацией и компетентностью, или 2) когда имела место настолько серьезная неосторожность (халатность), что это объективно свидетельствовало о злоупотреблении привилегиями практикующего врача. В случае выявления ненадлежащих действий и поведения врача, непредоставления медицинских услуг надлежащего качества у пострадавшего от врачебной ошибки лица есть основания для обращения в Дисциплинарный трибунал – независимую от Совета организацию при Министерстве здравоохранения, который вправе: 1) приказом удалить имя врача из соответствующего реестра; 2) приостановить регистрацию врача на срок не менее чем на три месяца, но не более чем на три года; 3) наложить на врача штраф в размере, не превышающем 100 тыс. долл. США; 4) вынести письменное порицание врачу; 5) приказом потребовать от врача принятия таких мер, чтобы в будущем он воздерживался от поведения, описанного в жалобе; 6) издать другое распоряжение в рамках своих полномочий [Ho, 2022, p. 252].

Самыми строгими санкциями, которые может наложить Совет, являются штрафы, приостановление или даже отзыв лицензии врача на практику. Дисциплинарные решения могут быть обжалованы в Высоком суде, решения которого окончательны.

Другие законодательные акты (за исключением Гражданского кодекса) оказывают меньшее влияние на профессиональное поведение врачей или отношения между врачом и пациентом. В современной юридической (судебной) практике Сингапура проявляется следующая тенденция: разрешение споров о возмещении вреда в гражданско-правовом порядке

может выходить за рамки отношений между врачом и пациентом, затрагивать институциональные и системные недостатки в сфере здравоохранения. Это также отражает меняющийся характер медицинской практики в Сингапуре, в которой большая часть врачей являются работниками учреждений здравоохранения, а не независимыми практиками.

Заключение

Анализ национального законодательства и медицинской практики ряда стран Азиатско-Тихоокеанского региона (Австралия, Китай, Япония, Южная Корея, Сингапур) позволяет узнать принципы организации системы здравоохранения и медицинской ответственности. На территории этого региона проживает почти половина населения стран мира, которые отличаются социальными, культурными, экономическими, политическими и правовыми реалиями и системами охраны его здоровья. Обзор законодательства этих стран и установленной им гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности заставляет задуматься о том, что необходимо сделать в XXI в. в отношении систем здравоохранения и медицинской правовой ответственности. Исследования также показывают, что происходят важные изменения в законодательном стандарте оказания медицинской помощи, трансформация от ориентированности на профессию к большему вниманию пациенту, нормам медицинской этики и практическим реалиям профессиональной медицины. Суды стали более открытыми для того, чтобы выходить

за рамки отношений между врачом и пациентом при устранении институциональных и системных недостатков. Если медицинская юриспруденция будет развиваться в этом направлении, то медицинская ответственность станет играть более заметную роль в поддержании качества медицинской помощи.

Список литературы

Bae H. Medical Liability in South Korea // *Medical Liability in Asia and Australasia* / Ed. by V. Lúcia Raposo, R.G. Beran. – Singapore : Springer Nature, 2022. – P. 267–282.

Devereux J., Beran P.G. Medical Negligence Law in Australia // *Medical Liability in Asia and Australasia* / Ed. by V. Lúcia Raposo, R.G. Beran. – Singapore : Springer Nature, 2022a. – P. 1–12.

Devereux J., Beran P.G. Preface // *Medical Liability in Asia and Australasia* / Ed. by V. Lúcia Raposo, R.G. Beran. – Singapore : Springer Nature, 2022b. – P. I–XII.

Ho C.W.-L. The Patient-Centric Turn in Medical Liability in Singapore // *Medical Liability in Asia and Australasia* / Ed. by V. Lúcia Raposo, R.G. Beran. – Singapore : Springer Nature, 2022. – P. 245–266.

Hongjie Man. Medical Malpractice Liability in China (Mainland) // *Medical Liability in Asia and Australasia* / Ed. by V. Lúcia Raposo, R.G. Beran. – Singapore : Springer Nature, 2022. – P. 13–26.

Leflar R.B. Medical Injury Litigation and Compensation Systems in Japan // *Medical Liability in Asia and Australasia* / Ed. by V. Lúcia Raposo, R.G. Beran. – 2022. – P. 117–146.

Medical Liability in Asia and Australasia / Ed. by V. Lúcia Raposo, R.G. Beran. – Singapore : Springer Nature, 2022. – 308 p.

Spotlight on New Academic Arrivals

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.12

National Legislation on Medical Liability: The Experience of Australia, China, Japan, South Korea and Singapore

Elena V. ALFEROVA

PhD (Law), Leading Researcher, Head of the Department of Law & Legal Studies
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: ealf@list.ru
ORCID: 0000-0003-1630-1070

Elena V. SKURKO

PhD (Law), Senior Researcher at the Department of Law & Legal Studies
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: e.skurko@mail.ru
ORCID: 0009-0004-1139-951X

CITATION: Alferova E.V., Skurko E.V. (2025). National Legislation on Medical Liability: The Experience of Australia, China, Japan, South Korea and Singapore. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 2, pp. 206–221 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.02.12

Received: 12.02.2025.

Revised: 23.03.2025.

ABSTRACT. *The review article presents research by scholars included in the book *Medical Liability in Asia and Australasia*, which examines the specifics of regulating medical liability in the legislation of 17 jurisdictions across the Asia-Pacific region. The authors are well-known experts in the field, focusing on the particularities of national healthcare systems and the key regulatory legal acts governing civil, corporate, administrative, and criminal liability of medical professionals for negligence and*

medical errors. The book provides numerous examples of judicial practice in reviewing patient complaints and resolving disputes over claims related to compensation for harm to health. This approach makes it possible to highlight the diversity of legal systems in the countries of these two regions, shaped by cultural (including religious), economic, political, and social factors, as well as by the structure of their legal systems. The review focuses on the 5 most economically powerful countries.

KEYWORDS: *medical law, healthcare, human health, medical liability, medical negligence, compensation for harm, tort liability, civil liability, corporate liability, criminal liability, administrative liability, judicial practice.*

References

- Bae H. (2022). Medical Liability in South Korea. In: Lúcia Raposo V., Beran R.G. (eds.). *Medical Liability in Asia and Australasia*. Singapore: Springer Nature, pp. 267–282.
- Devereux J., Beran R.G. (2022a). Medical Negligence Law in Australia. In: Lúcia Raposo V., Beran R.G. (eds.). *Medical Liability in Asia and Australasia*. Singapore: Springer Nature, pp. 1–12.
- Devereux J., Beran R.G. (2022b). Preface. In: Lúcia Raposo V., Beran R.G. (eds.). *Medical Liability in Asia and Australasia*. Singapore: Springer Nature, pp. I–XII.
- Ho C.W.-L. (2022). The Patient-Centric Turn in Medical Liability in Singapore. In: Lúcia Raposo V., Beran R.G. (eds.). *Medical Liability in Asia and Australasia*. Singapore: Springer Nature, pp. 245–266.
- Hongjie Man (2022). Medical Malpractice Liability in China (Mainland). In: Lúcia Raposo V., Beran R.G. (eds.). *Medical Liability in Asia and Australasia*. Singapore: Springer Nature, pp. 13–26.
- Leflar R.B. (2022). Medical Injury Litigation and Compensation Systems in Japan. In: Lúcia Raposo V., Beran R.G. (eds.). *Medical Liability in Asia and Australasia*. Singapore: Springer Nature, pp. 117–146.
- Medical Liability... (2022). Lúcia Raposo V., Beran R.G. (eds.). *Medical Liability in Asia and Australasia*. Singapore: Springer Nature, 308 pp.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1,3 п.л.

**Контуры глобальных трансформаций:
политика, экономика, право
Том 18 № 2 – 2025**

Номер регистрационного свидетельства
ПИ № ФС 77-80326
Дата регистрации 04.02.2021

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения
изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: izdat@inion.ru

Верстка И.С. Николаева

Корректор Л.Н. Марданова

Подписано к печати 15.07.2025
Формат 70х100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 17,9 Уч.-изд. л. 17,6
Тираж 1 000 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № ____

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6